

В О П Р О С Ы ИСТОРИИ

В НОМЕРЕ:

ВОЕННАЯ ПОДГОТОВКА ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРОГРАММЫ ГИДРОТОРФА В СССР

СТРОИТЕЛЬСТВО РУССКИХ ГОРОДОВ В XVI—XVII ВВ.

ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ
КАПИТАЛИЗМ США

ВЗГЛЯДЫ ТИТА ЛИВИЯ

СОКРОВИЩНИЦА ДОКУМЕНТОВ ПРОШЛОГО

ГАРВИЗМ

7

МОСКВА · 1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1926 года

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

Вопросы ИСТОРИИ

№ 7

ИЮЛЬ

1977

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

П. А. Голуб — Военная подготовка Великого Октября	3
Л. С. Глязер — У истоков программно-целевого планирования	26
Е. В. Иллерицкая — Советская историография о банкротстве аграрных программ и политики буржуазных и мелкобуржуазных партий в России	38
Г. В. Алферова — Организация строительства городов в Русском государстве в XVI — XVII веках	50
А. З. Нюркаева (Пермь) — Майский переворот 1903 г. в Сербии	67
Н. В. Сивачев — Государственно-монополистический капитализм США	79
А. И. Немировский (Воронеж) — Социально-политические и философско-религиозные взгляды Тита Ливия	103

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

М. И. Автокротова — Там, где ценнейшие документы...	118
Э. Л. Нитобург — Гарвизм	137

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Обзоры

М. С. Зинич — Новейшая советская литература о связи науки с производством в годы Великой Отечественной войны	152
--	-----

Рецензии

Н. А. Буцко (Киев), П. П. Панченко (Киев), В. П. Шерстобитов — «Великий советский народ»	159
И. И. Комогорцев (Новосибирск) — Н. К. Петрова. Международные производственные связи рабочего класса СССР. 1959—1970 гг.	163
А. Н. Пономарев — А. Я. Грунт. Москва 1917-й. Революция и контрреволюция	165
Л. Н. Пушкарев — Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. «Смеховой мир» Древней Руси	167
Ю. С. Ширяев, О. Д. Баковецкий — И. В. Дудинский. Социалистическое содружество: основные тенденции развития	170

Н. П. Малетин — Ю. А. Шоломов. Советский Союз — Индонезия. 1945—1954	173
В. Ф. Петровский — Г. А. Трофименко. США: политика, война, идеология	175
Новые книги	179
Статьи в советских периодических изданиях	181
Хроникальные заметки	183

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

А. Н. Кирпичников (Ленинград), Е. Н. Носов (Ленинград) — Первый советско-финляндский симпозиум по археологии	187
--	-----

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Обзор

Л. С. Анчутина (Краснодар) — Историография ФРГ о русско-германских отношениях накануне первой мировой войны	190
---	-----

Рецензии

М. Г. Седов — «Лавров — годы эмиграции». Тт. I — II	196
В. Григорьев (Симферополь) — Умберто Делгадо. Мемуары	200

По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах	202
Рецензии на советские издания	204
Коротко о книгах	205

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

А. В. Кириллов (Вологда) — Всеславянский комитет	208
Н. И. Рокитянский (США) — Форт Росс	213

Сведения об авторах	218
<u>Лев Владимирович Черепнин</u>	219
Резюме статей на английском языке	221

СТАТЬИ

К 60-летию Великого Октября

ВОЕННАЯ ПОДГОТОВКА ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

(ЛЕНИНСКАЯ ВОЕННАЯ ПРОГРАММА И ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ)

П. А. Голуб

КПСС как партия научного коммунизма всегда основывала свою деятельность на точном учете объективного соотношения классовых сил и конкретных особенностей каждого исторического периода. «Мы, большевики,— подчеркивал В. И. Ленин,— всегда старались быть верными этому требованию, безусловно обязательному с точки зрения всякого научного обоснования политики»¹. Благодаря этому деятельность КПСС, неизменно носившая строго научный характер и выражавшая самые глубокие потребности общественного развития, обладала огромной жизненной силой.

Выступив во главе трех революций в России, ленинская партия в полном объеме учитывала тот основополагающий факт, что они совершались в новых исторических условиях, при качественно иной расстановке классовых сил, чем предшествовавшие им революции на Западе. Наступившая эпоха империализма принесла с собой огромный рост милитаризма, чудовищное разбухание аппарата вооруженного насилия над трудящимися массами. Вооружение буржуазии против пролетариата, подчеркивал в связи с этим Ленин, есть один из самых крупных, основных, важнейших фактов современного капиталистического общества². Из новой исторической реальности Ленин, партия большевиков сделали кардинальный вывод, что в наступившую эпоху империализма, при огромном обострении прежде всего классовых и других противоречий, невиданном росте военно-полицейского государственного аппарата насилия в руках господствующих классов, революции могут в большинстве случаев приобрести характер самой острой вооруженной конфронтации противоборствующих классовых сил.

Большевики с самого начала своей деятельности со всей определенностью заявляли, что рабочий класс предпочел бы, конечно, мирно взять власть в свои руки. Но в то же время они считали, по словам Ленина, очень вероятным, даже наиболее вероятным, что буржуазия не сделает мирной уступки пролетариату, а прибегнет в решительный момент к защите своих привилегий насилием³. Поэтому партия готовила пролетариат к любым формам противоборства с буржуазией, как мирным, так и немирным. А в канун Октября, когда за плечами российского пролета-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 132.

² См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 135.

³ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 264.

риата уже были ожесточенные классовые бои 1905—1907 гг., февральская победа над царизмом и период двоевластия. Ленин снова подчеркивал, что мирное развитие революции является возможностью «крайне редкой в истории и *крайне* ценной»⁴. Отсюда вытекала необходимость создания военной организации пролетариата и обоснования путей и способов ее успешного применения в борьбе за свержение господства капитала. «Нашим лозунгом,— писал Ленин,— должно быть: вооружение пролетариата для того, чтобы победить, экспроприировать и обезоружить буржуазию. Это—единственно возможная тактика революционного класса, тактика, вытекающая из всего *объективного развития* капиталистического милитаризма, предписываемая этим развитием»⁵.

Ход истории подтвердил правильность и дальновидность этой ленинской политики. Наша партия первой во всем объеме оценила значение военных вопросов в классовой борьбе, разработала стройную военную программу пролетариата в буржуазно-демократических и социалистической революциях и обеспечила ее осуществление. При этом большевики всегда решительно отмежевывались как от правого оппортунизма с его отрицанием необходимости революционного насилия, так и от «левого» экстремизма, абсолютизирующего вооруженные формы классовой борьбы и выдвигающего их вне связи с социально-политическими условиями развития революционного движения. Особенно ценный опыт в военной области наша партия накопила на этапе подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. Военная работа большевиков в этот решающий период приобрела невиданные прежде масштабы и глубину. Определяя ее значение для победоносного исхода Октября, Ленин указывал: «Без этого мы не могли бы победить»⁶. В данной статье делается попытка осветить ряд основных направлений военной работы большевистской партии в борьбе за победу социалистической революции. В советской историографии имеется большое количество работ, освещающих конкретную историю военной и боевой деятельности большевиков на пути к Октябрю. Меньшее внимание уделено раскрытию военной программы партии, анализу ее составных частей, показу органической связи между ними, исследованию многих важных проблем военной подготовки Октября. Поэтому автор стремился сосредоточить внимание на некоторых из этих аспектов темы, еще недостаточно освещенных в литературе.

Новая обстановка в стране после свержения самодержавия потребовала выработки также новой стратегии и тактики партии. Эта историческая задача была решена Лениным в Апрельских тезисах и развита в других его трудах. VII Всероссийская (Апрельская) конференция РСДРП(б) целиком одобрила ленинский курс на социалистическую революцию. В ленинском плане завоевания власти пролетариатом важное место заняла военная программа партии. Она вошла в этот план в качестве составной его части и, как всегда, была подчинена решению общих политических задач. Гениальность Ленина как теоретика и практика классовой борьбы проявилась в том, что со вступлением революции в период мирного развития он, с одной стороны, не допускал ни малейшей недооценки военных вопросов в новых условиях, с другой — столь же решительно отверг попытки применения против буржуазии вооруженных форм борьбы, пока революция могла развиваться мирным путем. В посленикольский период партия под руководством своего вождя

⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 135.

⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 135—136.

⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 40, стр. 10.

сделала все возможное, чтобы не допустить преждевременных вооруженных выступлений трудящихся. Благодаря этому российский пролетариат на пути к Октябрю сумел миновать многие опасности, уготованные ему контрреволюцией. Победа социалистической революции в нашей стране, осуществившаяся путем вооруженного восстания, последующие революции в других странах как своими успехами, так и поражениями со всей силой подчеркнули значение ленинской военной программы для завоевания власти трудящимися.

В период от Февраля к Октябрю партия решала новые по масштабам и содержанию задачи в военной области. На повестку дня встал вопрос об осуществлении в самых широких масштабах ее программного требования о всеобщем вооружении народа и конкретных мерах, которые в конечном итоге должны были привести к слому старой армии как главного орудия власти эксплуататорских классов и к обезоружению их. Партия большевиков подчеркивала, что без решения этих коренных проблем успех пролетарской революции не может быть гарантирован. Она считала своим первейшим долгом подготовить пролетариат к любым формам классовой борьбы, как мирным, так и немирным. Ленин, еще находясь в эмиграции, в телеграмме большевикам, отъезжавшим в Россию, указывал: «Вооружение пролетариата — единственная гарантия»⁷. Неотложность этой меры он со все большей энергией пропагандирует в ряде своих работ и выступлений («Письма из далека», «Задачи пролетариата в нашей революции», «Речь к солдатам на митинге в Измайловском полку 10(23) апреля 1917 г.», «Политические партии в России и задачи пролетариата», «Солдаты и земля», «О пролетарской милиции», доклады и выступления на Петроградской городской и VII (Апрельской) Всероссийской конференциях РСДРП(б) и др.). Вождь партии неустанно разъяснял: «Революция не может быть гарантирована, успех ее завоеваний не может быть обеспечен, дальнейшее развитие ее *невозможно*, если эта мера не станет всеобщей, не будет доведена до конца и проведена во всей стране... Народу нужно поголовно учиться владеть оружием и поголовно входить в милицию, заменяющую полицию и постоянную армию. Рабочим нужно, чтобы не было оторванной от народа армии, чтобы рабочие и солдаты *сливались* в единую всенародную милицию. Без этого аппарат угнетения остается в силе, готовый служить сегодня Гучкову и его друзьям, контрреволюционным генералам, завтра, может быть, Радко Дмитриеву или какому-нибудь претенденту на престол и на создание плебисцитарной монархии»⁸.

После Февральской революции положение в стране характеризовалось максимумом легальности, отсутствием насилия над массами, наличием системы революционных органов масс — Советов, социальная природа которых отрицала буржуазный аппарат угнетения и требовала замены его всеобщим вооружением народа. Партия максимально воспользовалась этими чрезвычайно благоприятными условиями и развернула огромную теоретическую и практическую работу, прежде всего по привлечению на свою сторону широких пролетарских, а также непролетарских слоев трудящихся, по созданию вооруженных сил революции⁹. Будучи партией научного коммунизма, строго считаясь с объективной обстановкой, сложившейся в стране после Февраля, партия большевиков временно сняла лозунг превращения империалистической

⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 7.

⁸ Там же, стр. 286, 287.

⁹ В реализации военной программы партии деятельное участие принимали ее лучшие пропагандистские и организаторские силы. Так, в Петрограде в ней активно участвовали: Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, М. И. Калинин, Ф. Э. Дзержинский, Н. И. Подвойский, В. И. Невский, В. А. Антонов-Овсеенко, М. С. Кедров, Н. В. Крыленко; в Москве — Г. А. Усиевич, В. П. Ногин, М. С. Ольминский, А. С. Бубнов, В. Н. Подбельский, Е. М. Ярославский; на Украине — Ф. А. Сергеев (Артем), М. Л. Рухимович, Э. И. Квицинг, В. К. Аверк, С. И. Голнер, В. П. Затонский; в Белоруссии —

войны в гражданскую. «Мы,— указывал Ленин,— пока отказываемся от этого лозунга, но только пока. Оружие сейчас у солдат и рабочих, а не у капиталистов. Пока правительство не начало войны, мы проповедуем мирно»¹⁰. Продолжение прежней политики было бы теперь бланкизмом, ибо призыв к свержению Временного правительства, опиравшегося еще в то время на поддержку Советов, то есть большинства народа, грозил сознательному пролетариату изоляцией и поражением. Ленин со всей силой подчеркнул, что призыв к гражданской войне прежде, чем массы поняли ее необходимость, чреват огромной опасностью. Политика партии, указывал он, должна строиться на объективных, а не на субъективных условиях. «Можно свергать того,— указывал Ленин,— кто известен народу, как насильник. Теперь же насильников никаких нет, пушки и ружья у солдат, а не у капиталистов, капиталисты не насилем берут сейчас, а обманом, и кричать сейчас о насилии нельзя, это бессмыслица»¹¹. Партии и сознательным пролетариям предстояло вести мирную, длительную и терпеливую классовую пропаганду¹².

Снятие лозунга превращения империалистической войны в гражданскую было связано с правильным, диктуемым реальной обстановкой определением форм классовой борьбы в новых условиях. Однако это не только не отрицало, но, наоборот, предполагало необходимость интенсивного формирования вооруженных сил революционных классов. Такая мера в наибольшей степени давала пролетариату гарантию против того, чтобы быть застигнутым врасплох, если буржуазия попытается применить против него в будущем вооруженное насилие. Курс партии был направлен на подготовку трудящихся к любым формам сопротивления с буржуазией, на создание в лице вооруженных масс той силы, которая бы максимально сдерживала устремления буржуазии к применению вооруженного насилия против народа и тем содействовала бы развитию революции в мирных формах. История показала всю важность и необходимость этих шагов.

Для всенной деятельности партии после свержения самодержавия принципиальное значение имело также снятие лозунга поражения «своего» правительства в империалистической войне. «Мы,— отмечал Ленин,— были пораженцами при царе, а при Церетели и Чернове мы не были пораженцами»¹³. Выдвигая такой лозунг до Февраля, партия рассматривала его как важное средство ускорения победы революции. Свержение монархии, которому эффективно содействовал лозунг поражения царизма, радикально изменило ситуацию. После победы буржуазно-демократической революции в стране установилось двоевластие, но реальная сила была на стороне Советов — органов власти рабочих и крестьян. Россия, являвшаяся самой свободной из всех воюющих стран, имела исключительно благоприятные условия для продвижения к социалистической революции. В этой исторической ситуации военное поражение могло привести к разгрому революции и ликвидации ее завоеваний. Во имя этой цели российская буржуазия вполне могла пойти на сговор с кайзеровской Германией (как это сделал в отношении Парижской коммуны Тьер в союзе с Бисмарком).

Теперь содействие развитию революции состояло в разъяснении

М. В. Фрунзе, А. Ф. Мясников, В. Г. Клорин; в Прибалтике — И. В. Рабчинский, Я. Я. Анфельт, В. Э. Кингисеп, С. М. Нахимсон, Ю. Х. Данишевский, К. А. Гайлис, С. М. Диманштейн; в Поволжье — В. П. Антонов, М. И. Васильев, С. К. Минин, В. А. Тихомирнов; на Урале — И. М. Малышев, Н. Г. Толмачев, Ф. И. Голощекин, С. М. Цвиллинг; в Сибири и на Дальнем Востоке — А. Я. Нейбут, П. П. Почтышев, Н. Н. Яковлев, В. М. Косарев, Б. З. Шумяцкий; на Кавказе — С. Г. Шаумян, П. А. Джапаридзе, С. М. Киров, Н. А. Анисимов и другие.

¹⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 351.

¹¹ Там же.

¹² См. там же.

¹³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 114.

массе добросовестных «оборонцев», что необходимо передать всю власть Советам и тем положить конец преступной войне, страданиям народа. Большевики призывали солдат держать фронт и всемерно добиваться установления в стране единовластия Советов. «Это,— разъяснял Ленин,— тактика защиты отечества, не отечества Романовых, Керенских, Черновых, отечества с тайными договорами, отечества продажной буржуазии, а отечества трудящихся масс»¹⁴. Политика оборончества меньшевиков и эсеров имела совершенно иные цели. Она была направлена на укрепление власти буржуазии, поддержку ее политики продолжения империалистической войны. Эти партии призывали защищать отечество Коноваловых и Терещенко. Выступая за твердость фронта, агитируя солдат не отступать ни на шаг¹⁵, большевики не разлагали и не могли разлагать армию, как о том трубила буржуазная и эсерово-меньшевистская печать. Ленин подчеркивал, что этим занимались как раз Церетели и Чернов, все те, кто объявлял захватническую войну «великой» и гнал в наступление раздетых, разутых, голодных солдат во имя интересов денежного мешка¹⁶. Большевики были против бегства солдат с фронта, разрозненных стихийных выступлений, дезорганизации армии. «Там, где большевизм имеет возможность открыто выступать,— писал Ленин,— там дезорганизации нет. Где нет большевиков или им говорить не дают, там эксцессы, там разложение, там лжебольшевики... Не на беспорядки и бунты, а на сознательную революционную борьбу зовут большевики пролетариат, беднейших крестьян и всех трудящихся и эксплуатируемых»¹⁷.

В лице большевистски настроенных частей внутри старой, разлагавшейся армии рождалось ядро новой, революционной армии — наиболее боеспособная и дисциплинированная сила, готовая вместе с пролетарской Красной гвардией защищать революцию от внутренних и внешних врагов. Геройское сопротивление большевистски настроенных солдат и матросов наступлению германских войск во время прорыва под Тарнополем, при обороне Риги, в дни Моонзундского сражения со всей очевидностью подтвердило это на фоне общей дезорганизации и разложения вооруженных сил. Буржуазия злобно клеветала на большевиков, стремясь представить большевизацию армии как ее разложение, а партию пролетариата — как антинациональную силу, якобы подрывавшую обороноспособность страны. В действительности же именно буржуазия вкупе с соглашательскими партиями своей антинародной политикой разлагала армию и подрывала обороноспособность страны. Более того, в канун Октябрьского вооруженного восстания она составила заговор с англо-французским империализмом «об отлаче Питера немцам и об удушении русской революции *таким путем*»¹⁸. Сорвала эти черные замыслы только революция рабочих и солдат, сбросившая власть российских версальцев. Опыт России еще раз подтвердил, что буржуазия во имя защиты своих привилегий готова без колебаний пойти на предательство национальных интересов. Вопли о разложении армии большевиками служили лишь прикрытием этого предательства.

Большевики, развернув работу по привлечению на свою сторону солдатских масс, подготавливая использование армии против империалистического правительства своей страны, тем самым подрывали главную опору буржуазии. Одновременно они создавали в лице Красной гвардии и переходивших под знамя большевизма солдат и матросов новую силу, способную защищать дело революции, подлинные национальные интересы. «Конечно,— писал Ленин,— предатели социализма,

¹⁴ Там же, стр. 103.

¹⁵ См. там же, стр. 103, 115.

¹⁶ См. там же, стр. 115.

¹⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 32, стр. 256, 257.

¹⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 347.

Шейдеманы и Каутские всех наций, отделялись по этому поводу фразами о *разложении* армии большевистской агитацией, но мы *гордимся* тем, что исполнили свой долг, разлагая силы нашего классового врага, отвоевываая *у него* вооруженные массы рабочих и крестьян *для борьбы* против эксплуататоров»¹⁹.

Воплощая в жизнь свое программное требование о всеобщем вооружении народа, партия проявляла огромное внимание к теоретическим и практическим вопросам этой проблемы. Ленин постоянно подчеркивал, что задача всеобщего вооружения народа вытекает для пролетариата из необходимости разбить и сломать буржуазный аппарат угнетения и заменить его вооруженной организацией самих трудящихся классов. Именно этого требовал нарождавшийся в России новый тип государства в лице Советов. Ленин указывал, что народная милиция, как один из органов государственной власти, будет соединять в себе функции народной армии с функциями органа государственного порядка и государственного управления²⁰. Универсальность задач вооруженной организации трудящихся определялась тем, что она призвана была стать исполнительным органом Советов и в силу своего общенародного характера воспитывать массы для участия во всех государственных делах²¹.

При формировании политической армии революции и ее составной части—вооруженных сил важнейшее значение приобретал вопрос об их классовом составе, о практическом воплощении союза пролетариата с беднейшими слоями крестьянства и всего эксплуатируемого населения. Только при таком условии вооруженные силы могли последовательно бороться против буржуазии. Мелкобуржуазные слои, охваченные на первых порах угаром оборончества, не способны были еще поддержать пролетариат в создании военной организации, противостоящей буржуазии. Эта поддержка начала практически осуществляться лишь тогда, когда мелкая буржуазия, убедившись в лживости политики соглашения с крупным капиталом, повернула в сторону пролетариата и своей наиболее сознательной частью стала вливаться в состав руководимой им военной организации.

Если в буржуазно-демократических революциях вооруженный натиск пролетариата на самодержавие поддержало все крестьянство, прежде всего солдаты, то на этапе перехода к социалистической революции прежняя классовая группировка в вооруженных силах уже не соответствовала новым политическим целям. Поэтому Ленин, еще находясь за границей, выдвинул идею всеобщего вооружения народа в форме пролетарской милиции. В «Письмах из далека» (письмо 3-е: «О пролетарской милиции») он подчеркивал: «Пролетариат должен организовать и вооружить *все* беднейшие, эксплуатируемые части населения, чтобы они *сами* взяли непосредственно в свои руки органы государственной власти, *сами составили* учреждения этой власти»²². Для Ленина была аксиомой руководящая роль рабочего класса и его партии в строительстве пролетарской милиции. Такая милиция, отмечал он, была бы пролетарской милицией, «потому что промышленные и городские рабочие так же естественно и неизбежно получили бы в ней руководящее влияние на массу бедноты, как естественно и неизбежно заняли они руководящее место во всей революционной борьбе народа и в 1905—1907 гг. и в 1917 году»²³. Только пролетариат, возглавляемый партией большевиков, своей сознательностью, выдержкой и организованностью мог придать и действительно придал новым вооруженным силам высокую боеспособность.

¹⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 40, стр. 8—9.

²⁰ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 42.

²¹ См. там же, стр. 43.

²² Там же, стр. 40.

²³ Там же, стр. 43.

В период двоевластия фабрично-заводской пролетариат принял на свои плечи основную тяжесть в строительстве новой военной организации. Он первым проявил инициативу в деле создания отрядов пролетарской милиции и Красной гвардии, выделил для них свои лучшие, наиболее активные и преданные революции кадры. В этот период отряды вооруженных рабочих начали действовать во многих наиболее крупных промышленных центрах страны. К Октябрю они были созданы в 586 городах и уездах и объединяли в своих рядах свыше 100 тыс. бойцов²⁴. Красногвардейские отряды олицетворяли собой, по словам Ленина, зачаток новой армии, ячейку нового общественного строя²⁵. По мере упрочения союза рабочего класса с беднейшими слоями непролетарских масс в состав вооруженных сил революции стали все более широким потоком вливаться и передовые представители этих, а затем и средних слоев трудящихся. В этом огромную роль играла борьба партии за осуществление демократических задач, близких и понятных непролетарским слоям трудящихся. Их решение большевики связывали с победой пролетариата.

Партия активно содействовала вооружению трудящихся, повседневно указывая с помощью печати и устной агитации на необходимость вооружения и направляя для руководства отрядами Красной гвардии свои наиболее активные силы. Особую важность имели требования Ленина добиваться оплаты рабочей милиции капиталистами, всемерно разворачивать революционную инициативу масс, использовать для этого Советы и другие органы трудящихся, возможно шире опираться на передовую часть солдат в деле вооружения рабочих. «Товарищи рабочие,— призывал Ленин,— убеждайте крестьян и весь народ в необходимости создания всеобщей милиции взамен полиции и старого чиновничества! Вводите такую и только такую милицию»²⁶. Ленин заклеймил отступничество российских и западноевропейских оппортунистов от программного требования замены постоянной армии всеобщим вооружением народа. Он квалифицировал как измену делу трудящихся тот факт, что «большинство официальных с.-д. в Европе и большинство вождей наших меньшевиков «забыло» или отодвинуло программу партии, подменив интернационализм шовинизмом («оборончество»), революционную тактику реформизмом»²⁷. Соглашательская политика меньшевиков и эсеров, верховодивших тогда в Советах, создавала огромные препятствия на пути всеобщего вооружения трудящихся. «Вожди» Советов заявляли, в частности, что при революционной армии нет необходимости в вооружении пролетариата, и ссылались на нехватку оружия²⁸. На самом же деле они боялись вооружения пролетариата, ибо это, как показал опыт революции 1905 г., в огромной мере ускорило переход армии на сторону народа. Партия большевиков действовала через голову оборонческих «вождей» Советов или же заставляла их отступать под напором революционной инициативы масс.

Курс на социалистическую революцию определил качественно новый подход большевиков к проблеме ликвидации старой армии. Присоединение к революционному народу части армии в 1905—1907 гг., а затем и ее огромного большинства в февральские дни 1917 г. подрывало и расшатывало устой этого оплота господства помещиков и капиталистов. Но на буржуазно-демократическом этапе революции были

²⁴ В. Верховь. Красная гвардия в Октябрьской революции. М. 1976, стр. 256.

²⁵ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 295.

²⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 289.

²⁷ Там же, стр. 287.

²⁸ См. там же.

сделаны лишь некоторые шаги, направленные на демократические преобразования в войсках. Главную и наиболее трудную часть задачи слома армии предстояло решить на этапе борьбы за победу диктатуры пролетариата. Главную — потому, что только социалистическая революция могла и должна была сломать государственную буржуазную машину, в том числе и армию. Наиболее трудную — потому, что крестьянскую, мелкобуржуазную массу солдат, склонную по своей социальной природе к колебаниям между пролетариатом и буржуазией, предстояло поднять на свержение власти капитала. Именно такое колебание солдатской массы в сторону соглашения с буржуазией с особой силой проявилось после Февраля под флагом «революционного оборончества». Советы, в которых преобладало крестьянство, преобладали солдаты, преобладала мелкая буржуазия²⁹, Советы, опиравшиеся на силу вооруженных солдат и рабочих, сами уступили власть буржуазии, сами привязали себя к ее правительству³⁰. Это воздвигло огромные препятствия на пути к отвоєванию демократического большинства армии у буржуазии и ее обезоружению. Такого сложного и запутанного переплетения классовых сил не переживала еще ни одна революция.

Однако партия большевиков сумела найти правильный выход из этой ситуации. Успех ее политики в борьбе за армию был обеспечен прежде всего тем, что она строго считалась с фактом широкого распространения среди солдат идей «оборончества», доверия к власти буржуазии и не пошла на призыв к немедленному свержению власти Временного правительства, пока для этого не созрели необходимые условия. «Правительство,— указывал Ленин,— должно быть свергнуто,— но не все правильно это понимают. Если власть Временного правительства опирается на Совет рабочих депутатов, то свергнуть его «просто» нельзя. Его можно и должно свергнуть, завоевывая большинство в Советах»³¹. Партия отдавала себе ясный отчет в том, что игнорирование мелкобуржуазных, оборончески настроенных солдатских масс было бы левацким авантюризмом. Их надо было просветить, переубедить, организовать, превратить из резерва буржуазии в активный фактор революции, в многомиллионного вооруженного союзника пролетариата. Большевики как партия массовой революционной борьбы шли именно этим путем.

Ленинская тактика в отношении оборончески настроенных солдатских масс базировалась на том, что их классовые интересы направлены против преступной войны и против власти, ведущей эту войну. Именно поэтому их можно было оторвать от буржуазии и объединить вокруг пролетариата. Основой для такого объединения являлась общность коренных интересов рабочих и солдат. «Объективное классовое положение капиталистов,— говорил Ленин,— одно. Они воюют для себя. Солдаты — это пролетарии и крестьяне. Это другое. Есть у них интерес завоевать Константинополь? Нет, их классовые интересы против войны! Вот почему их можно просветить, переубедить. Гвоздь политической ситуации сию минуту — уметь разъяснить истину массам»³². От партии прежде всего требовалось раскрыть перед миллионами солдат, что война и при Временном правительстве остается захватнической, неразрывно связанной с интересами капитала, и что кончить войну нельзя лишь втыканием штыка в землю. Для этого надо свергнуть власть капитала. Подчеркивая огромную важность данной задачи в борьбе за армию, Ленин выдвинул в Апрельских тезисах требование: «Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии»³³.

²⁹ См. там же, стр. 137.

³⁰ См. там же, стр. 140.

³¹ Там же, стр. 244.

³² Там же, стр. 243.

³³ Там же, стр. 114.

Политическое искусство ленинской партии проявилось в том, что она, считаясь с крестьянским характером армии, поставила на первое место в пропаганде среди солдат и матросов наряду с вопросами войны и мира также другие общедемократические лозунги (ликвидация помещичьего землевладения, демократизация армии, уничтожение национального гнета, борьба с голодом и разрухой и т. д.). Связывая их решение с переходом власти к пролетариату, партия тем самым рассеивала угар оборончества и шаг за шагом отвоевывала на сторону пролетариата все более широкие массы солдат. Успех борьбы за армию во многом определялся тем, что большевики сумели органически соединить в одно целое задачи демократического и пролетарского переворота, подчиняя первые вторым. В войсках партия применяла общую тактику борьбы за непролетарские массы, временно поддавшиеся влиянию буржуазии. Она последовательно проводила курс на откол пролетарских, интернационалистских элементов от соглашательского болота, на сплочение вокруг этих элементов солдатских слоев из беднейших крестьян, на создание таким образом той силы, которая призвана была вырвать из-под влияния буржуазии оборончески настроенные вооруженные массы народа. Центрами консолидации этой силы являлись организации партии в войсках, большевистские фракции в солдатских Советах и комитетах.

Процесс размежевания классовых сил в войсках все в большей мере облегчался и ускорялся свойством империалистической войны раскрывать коренные расхождения интересов трудящихся и буржуазии. На третьем году войны это свойство проявилось с особой силой. Фронт голодал. По официальным данным полевого интендантства, в апреле 1917 г. войска получали от половины до одной трети продовольственного пайка³⁴. В полное расстройство пришло материальное обеспечение армии. Невиданных размеров достигли кровавые жертвы народа. К осени 1917 г. из более чем 15 млн. мобилизованных на фронт выбыла почти половина (убитые, искалеченные, больные, попавшие в плен)³⁵. Такие итоги невольно заставляли задумываться над смыслом и целями войны прежде всего тех, кто нес на себе ее главную тяжесть. Большевистская пропаганда, вскрывавшая причины народного бедствия и пути выхода из него, встречала поэтому среди солдат все большую поддержку.

После Февраля в армии возникли качественно новые условия. В ходе восстания против самодержавия солдатское большинство соединилось с революционным народом. Армия в лице этого большинства перестала быть силой, противостоящей народу. Тем самым был разрушен один из главных устоев, на котором держатся вооруженные силы любого буржуазного государства. Буржуазия, полная ненависти к революции, не могла теперь учинить над массами вооруженное насилие. Этот фактор открывал широчайшие возможности для развития революционного движения как в стране, так и в армии. Рабочим и крестьянам он позволял развернуть самые активные наступательные действия против капиталистов и помещиков. «Крестьяне, солдаты, рабочие,—писал Ленин в «Солдатской Правде»,—огромное большинство в государстве... Никто не сможет помешать большинству, *если оно хорошо организовано (сплочено, объединено), если оно сознательно, если оно вооружено*»³⁶. Солдаты, объединяясь с трудящимися, в первую очередь с рабочими, получали с их стороны огромную помощь в борьбе за ликвидацию всевластия офицерства и демократизацию армии, за мир и землю. Разрушение стены между армией и народом особенно важно было пото-

³⁴ ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 1, д. 530, л. 60.

³⁵ Там же, д. 1481, л. 77.

³⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 267.

му, что оно сближало солдатское движение с пролетарским, открывало перед рабочим классом и его партией самые широкие возможности для революционного воздействия на солдат, для руководства их борьбой.

В то время как Милюковы и Гучковы при содействии партий меньшевиков и эсеров стремились всячески оградить солдат от народа и помешать их единению, большевики самоотверженно боролись за их все большее сплочение, видя в этом верный путь к полному слому буржуазной армии. «Солдаты! — призывал Ленин. — Объединяйтесь сами крепче и теснее сливайтесь с рабочими и крестьянами! Не давайте вооруженной силы отнять из ваших рук!»³⁷. Под этим лозунгом партия, ломая саботаж соглашателей, самоотверженно укрепляла узы братства солдат с трудящимися. Благодаря усилиям большевиков, в 706 Советах солдаты объединились с рабочими, в 235 Советах — с рабочими и крестьянами. Только 33 солдатских Совета в 1917 г. существовали отдельно³⁸. Партия последовательно выступала за теснейшее объединение системы солдатских комитетов с советской организацией, за самую широкую посылку рабочих делегаций на фронт и солдатских делегаций в рабочие центры, за солидарные действия трудящихся масс фронта и тыла в борьбе против буржуазии и командной верхушки армии. Реакционным силам так и не удалось снова отделить солдат от народа, изолировать их от активного участия в бурном водовороте политических событий на этапе от Февраля к Октябрю. Это обстоятельство сыграло важнейшую роль в революционизировании армии.

На пути к слому прежней армии на первый план выдвигалась проблема ее демократизации. Необходимость этой меры была обоснована Лениным еще в 1905 г. на опыте развернувшегося тогда массового солдатского движения. Но в 1905—1907 гг. в этом направлении удалось сделать лишь самые первые шаги. Свержение самодержавия и присоединение огромного большинства армии к народу в 1917 г. поставили эту проблему во весь рост и создали для ее осуществления исключительно благоприятные условия. Единение солдат с рабочими, переход в их руки вооруженной силы, создание в войсках всеобъемлющей системы демократических организаций, тесно связанных с Советами рабочих и крестьянских депутатов, крайнее ослабление власти офицерства над солдатами и глубокий классовый антагонизм между ними — все это свидетельствовало о том, что почва для демократизации армии подготовлена революцией. Интересы усиления классовой борьбы требовали всемерного форсирования этого процесса в неразрывной связи со всеобщим вооружением народа. Партия рассматривала демократизацию армии как переходную меру на пути к ее полному слому, как важнейшее требование общей борьбы за демократизацию буржуазного государственного аппарата. Эта мера соответствовала буржуазно-демократическому этапу революции, когда еще отсутствует необходимая расстановка классовых сил для осуществления социалистических целей. В связи с этим она по необходимости носила ограниченный характер, хотя вместе с тем выступала как закономерная и необходимая ступень на пути к ликвидации вооруженного оплота буржуазной власти. «Задачу демократизации армии поэтому социал-демократия не может мыслить иначе, как временную, впредь до полного торжества революции и последующего затем уничтожения постоянной армии и замены ее всеобщим вооружением народа и всенародной милицией»³⁹.

Суть демократизации армии состояла в том, чтобы максимально ограничить власть буржуазно-помещичьего командного состава над ар-

³⁷ Там же.

³⁸ Д. А. Чугаев. История создания и упрочения Советского государства. М. 1964, стр. 10.

³⁹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 8-е. Т. 1. М. 1970, стр. 470.

мией и в той же степени расширить права угнетенных солдатских низов, чтобы не допустить использования армии в антинародных целях, добиться такой ее организации, «которая позволяла бы фактически противопоставить контрреволюционным тенденциям сверху организованную массовую революционную волю снизу»⁴⁰. Последовательное осуществление демократического переустройства старой армии вело в конечном счете к ее слому, к слиянию демократических слоев войска с вооруженными массами трудящихся. Так партия соединяла в одно целое две составные части единой задачи: вооружение эксплуатируемых и обезоруживание эксплуататорских классов.

Объективную основу демократизации буржуазной армии составляло огромное преобладание в ее рядах выходцев из трудящихся классов. Успех демократических преобразований определялся соответствием их сущности интересам демократического большинства армии, всех трудящихся. Это ярко иллюстрирует рождение приказа № 1 Петроградского Совета и его огромная популярность среди солдат⁴¹. Масштабы и глубина демократических преобразований в армии в первую очередь зависят от сознательности и организованности солдат, а эти факторы в решающей степени определяются прочностью связей солдатского движения с пролетарской борьбой. Поэтому помощь рабочего класса солдатам, политическое руководство со стороны пролетарской партии — это главное условие успеха демократизации армии.

Поскольку демократические преобразования в войсках затрагивали главный инструмент власти буржуазии, партия большевиков при их осуществлении столкнулась с особенно яростным противодействием капиталистов, помещиков и командного состава. Эксплуататорские классы хорошо понимали, что утрата ими власти над войсками или хотя бы существенное ослабление ее ставят под вопрос их господство в стране в целом. Соглашательские партии и в этом важнейшем вопросе спешили на помощь буржуазии. Их реформистская концепция базировалась на том, что, поскольку-де революция в России носит буржуазный характер, руководство армией должно полностью принадлежать капиталистам. Временно оказавшись во главе демократических солдатских органов, они сделали все, чтобы обессилить солдатское движение и превратить его в послушный придаток командных верхов. Это создало громадные трудности в переустройстве армии на демократических началах. Однако блоку буржуазии, командного состава и соглашательских партий так и не удалось вернуть армию к дореволюционным порядкам.

Единственным последовательным борцом за демократизацию армии выступила партия большевиков, ибо только она стояла за развитие и углубление революции, а демократизация являлась неотъемлемой частью такого процесса. Эта мера при ее последовательном проведении открывала огромные возможности для мобилизации солдатских масс на борьбу против реакционной командной верхушки, для свержения в конечном итоге власти буржуазии, слома ее аппарата угнетения. Поэтому проведение демократизации армии стало одним из важнейших направлений деятельности партии на этапе перехода к социалистической революции.

Большевистская программа демократизации включала следующие основные требования: устранение системы назначения командиров сверху и слепого подчинения солдат офицерам как основы всех буржуазных армий; организация войск на принципах выборности, самоуправления и предоставления инициативы снизу; ликвидация всех ограничений общегражданских прав солдат; свободный доступ военным служащим

⁴⁰ Там же, стр. 471.

⁴¹ Подробнее см.: Е. С. Михайлов. Приказ № 1. «Вопросы истории», 1967, № 2.

к участию в политической жизни страны; всемерное сближение и слияние армии с революционным народом; введение выборности командного состава, солдатский контроль над оперативной частью; построение всех организаций в войсках на основе всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права, замена назначенных военных чиновников выборными представителями, демократизация всех учреждений военного характера, создание полноправных солдатских комитетов как представителей и защитников интересов демократического большинства армии и руководителей политической жизни войск; право ареста и уголовного преследования контрреволюционных элементов и некоторые другие требования⁴². Все они отвечали чаяниям огромного солдатского большинства. В этом была их сила.

В ходе Февральской революции был сделан первый шаг по пути демократизации армии. Солдаты соединились с народом. Устои старой дисциплины были сильно подорваны. Между офицерством и солдатской массой произошел раскол. В войсках родилось непреодолимое движение за создание выборных солдатских организаций. Партия приложила максимум усилий, чтобы расширить и углубить этот процесс. Большевики бросили призыв к немедленной и повсеместной организации солдатских Советов и комитетов и их теснейшему объединению с Советами рабочих и крестьян. Ленин, еще находясь в эмиграции, в «Письмах из далека» оценил создание подобных организаций во всех слоях трудящихся как задачу «первейшей, неотложнейшей важности»⁴³. В свою очередь, Бюро ЦК РСДРП(б) в начале марта 1917 г. категорически подчеркнуло, что необходима «демократизация армии в тылу и на фронте с выборами ротных, батальонных и других комитетов и начальства, руководствуясь приказом № 1 Совета рабочих и солдатских депутатов»⁴⁴. Важно, что большевики пошли дальше приказа № 1, потребовав введения в войсках выборности командного состава. К укреплению солдатских комитетов, расширению их прав, усилению в них большевистского влияния постоянно призывали «Правда»⁴⁵ и другие партийные органы.

Эта линия особенно контрастно выделялась на фоне попятной политики меньшевиков и эсеров. Под нажимом Гучкова и К^о они пытались дать отбой приказу № 1, стремясь ограничить его распространение только Петроградским военным округом. Но этот солдатский манифест стал достоянием всей армии. И в этом — огромная заслуга партии большевиков, ее печати, местных организаций, всех сознательных рабочих. Именно их усилиями, их примером был дан мощный толчок демократическим переменам в войсках. Залог демократизации лежал во всемерном развитии революционной самостоятельности солдат и матросов. Только перед их организованным натиском могла поступиться властью командная верхушка. Поэтому большевики неустанно поднимали массы на самочинные действия, на создание собственных органов и расширение их власти. Апрельская конференция партии, подчеркнув, что правительство поддерживает контрреволюционную агитацию в войсках, организует командную верхушку против солдат и переходит к попыткам расстрела рабочих, призвала крепить союз солдат с рабочими, добиваться самочинного осуществления свобод и смещения контрреволюционных властей. Конференция потребовала от членов партии углублять работу внутри Советов и солдатских комитетов, увеличивать их

⁴² «КПСС в резолюциях...». Т. 1, стр. 469—472; см. В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 162, 164—165, 197—198 и др.

⁴³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 38.

⁴⁴ «Правда», 10 III.1917.

⁴⁵ См. «Правда», 1917, №№ 5, 6, 7, 12, 14, 15, 25 и др.

число, укреплять их силу, очищая их путем перевыборов от меньшевиков и эсеров и сплачивая в них интернационалистские элементы⁴⁶.

Благодаря революционной инициативе солдат, которой большевики оказали активную поддержку, в войсках в течение марта — апреля 1917 г. повсеместно образовалась система революционно-демократических организаций — Советов и комитетов. Только в действующей армии численность комитетов достигла почти 50 тыс., а количество избранных в них солдат составило около 300 тысяч⁴⁷. Подобного явления со времени Парижской коммуны еще не переживала ни одна буржуазная армия. Оно свидетельствовало о том, как глубоко вторглась революция внутрь старой армии, где система угнетения и подавления «нижних чинов» проявлялась с особенной жестокостью. Аппарат вооруженного насилия над трудящимися был серьезно надломлен. Этот успех могла зачислить в свой актив только партия большевиков, ибо только она расчищала для него путь и всемерно содействовала ему. «Правительственные социалисты» — меньшевики и эсеры поневоле оказались втянутыми в процесс создания солдатских Советов и комитетов. В душе они считали это явление «злом», стремясь как можно быстрее устранить его. Поднятые на гребне волны несознательностью и политической неопытностью масс, реформисты возглавили солдатские организации только для того, чтобы обезглавить их. Об этом откровенно заявлял один из оборонческих вождей Петроградского Совета: «Конечно, комитеты — ненормальное явление в жизни армии... Нет сомнения, что в самом близком будущем русская армия будет строиться на прежних началах единовластия и строгой дисциплины... Но зло для нормальных условий было единственным спасением при том положении армии, которое получила революция»⁴⁸.

Однако похоронить солдатские комитеты, как это планировали соглашатели, не удалось. Солдатская масса при мощной поддержке рабочего класса во главе с партией большевиков отстояла их. Но соглашательские партии помогли командному составу и буржуазии на определенный срок извратить сущность солдатских организаций, основательно выхолостить из них революционное содержание. Они выступили как союзники Гучковых и Деникиных в наступлении на политические права солдат. Когда по инициативе большевиков в тылу и на фронте в соответствии с приказом № 1 началось создание полноправных солдатских организаций, военное ведомство и Ставка при содействии партий меньшевиков и эсеров срочно предприняли контрмеры. Они хорошо понимали, какую опасность несет это движение для устоев старой армии. Последовали приказы по военному ведомству № 114 (4 марта), № 213 (16 апреля), № 27 (8 мая), распоряжение Ставки № 2137 (11 марта), ее приказ № 51 (30 марта)⁴⁹, цель которых состояла в том, чтобы надеть узду на солдатские комитеты. При этом вожди оборончества даже хвастались, что некоторые из этих документов написаны ими⁵⁰. Поскольку комитеты уже нельзя было просто запретить, правительство и генералитет постарались максимально их обезвредить, ввести в «законные» рамки. Ставка откровенно потребовала от командного состава «взять ход событий в свои руки, а не сталкиваться беспомощно с явлениями, получившими жизнь явочным порядком»⁵¹.

Буржуазная власть и реакционный комсостав лишали комитеты тех прав, которые им предоставлял приказ № 1, и стремились превратить их в подсобные, по существу бесправные органы при соответствующим

⁴⁶ См. «КПСС в резолюциях...». Т. 1, стр. 440—442.

⁴⁷ Подсчеты автора по материалам различных источников.

⁴⁸ «Народ и армия». Пгтр. 1918, стр. 62.

⁴⁹ В. И. Миллер. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. (Возникновение и начальный период деятельности). М. 1974, стр. 73—115.

⁵⁰ «Дело народа», 21.V.1917.

⁵¹ ЦГВИА СССР, ф. 2087, оп. 1, д. 1, л. 22.

щих начальниках. Задачей комитетов объявлялось лишь содействие командному составу в поднятии боеспособности армии и укреплении старой дисциплины, наблюдение за хозяйственной деятельностью, ведение культурно-просветительной работы и т. п. Для обеспечения этой линии в комитеты всех ступеней вводились офицеры. Только на Западном и Юго-Западном фронтах в солдатские органы было включено свыше 16 тыс. офицеров и военных чиновников (на 130 тыс. солдат)⁵². Осуществлению кадетско-генеральского курса в отношении солдатских организаций рьяно помогали соглашательские партии. Их «вклад» в попытки обуздать солдатские организации нашел выражение в «Декларации прав солдата». Ее подготовили «вожди» Советов, а военный министр Керенский в мае 1917 г. ввел в действие. Сравнение декларации с приказом № 1 показывает всю глубину предательства, которое совершили по отношению к солдатскому движению лидеры «оборончества».

Большевики ежедневно разоблачали в печати и путем устной агитации политику командования и пособничество ему соглашательских партий, выступали за превращение солдатских комитетов в подлинных выразителей интересов демократического большинства армии. «Только тогда,— писала «Правда»,— когда оружие будет находиться в руках солдат, когда эти солдаты будут организованы и будут иметь свое представительство в лице ротных, батальонных и других комитетов; когда офицеры будут выбираться; когда во главе армии будут стоять люди, преданные революции, а не слуги свергнутого режима; когда солдаты получают возможность пользоваться общегражданскими правами; когда, в частности, будет свобода агитации в армии,— только тогда революционная армия и народ могут рассчитывать на то, что разобьется вдребезги всякая попытка превратить армию в орудие в руках врагов революции, в руках сторонников старого режима»⁵³. Конференция большевистских военных организаций (июнь 1917 г.) от имени всей партии разоблачила антидемократизм «Декларации прав солдата», назвав ее декларацией бесправия. Сведение к нулю возможностей солдат пользоваться своими правами, предоставление начальникам права применять оружие против солдат, запрещение выборности командного состава— эти и другие ограничения, заявила конференция, противоречат основным принципам демократизации армии. Партия требовала отмены декларации Керенского и выработки подлинно демократической декларации⁵⁴.

Комитеты, особенно низовые, не везде и далеко не во всем следовали предписаниям Ставки и военного ведомства. Под напором солдат они нередко вынуждены были становиться на сторону нижних чинов, против офицерства. Так, съезд депутатов армий и тыла Западного фронта (апрель 1917 г.) в принятом им «Проекте устава Западного фронта» упразднил офицерские звания, предоставил комитетам право контроля за боевой подготовкой частей и ведением боя, отвода и аттестации командного состава и др. Ставка, получив этот документ, пришла в ярость. «Проект,— сообщала она военному министру,— направлен к разрушению армии»⁵⁵. Еще больший гнев генералитета вызвал устав, принятый Центробалтом, согласно которому без его санкции любой приказ по флоту считался недействительным⁵⁶. Революционная активность комитетов находилась в прямой зависимости от влияния на них большевиков. Наибольшим упорством в борьбе против реакции отличались солдатские и матросские организации Балтфлота, крупней-

⁵² Там же, ф. 366, оп. 2, д. 72, лл. 93—94; «Голос фронта», I.X.1917.

⁵³ «Правда», 22.III.1917.

⁵⁴ См. «КПСС в резолюциях...». Т. I, стр. 472.

⁵⁵ ЦГВИА СССР, ф. 336, оп. 1, д. 583, лл. 16, 131.

⁵⁶ См. «Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота» М.-Л. 1963, стр. 436.

ших тыловых гарнизонов, латышских полков и ряда других частей Северного и Западного фронтов. Попытки командной верхушки и правительства втиснуть комитеты в прокрустово ложе приказов, написанных рукой царских генералов, не привели к желанной цели. По крылатому выражению солдат, эти приказы и положения давали «более чем мало». В окопах и казармах все больший отклик встречал призыв большевиков действовать по революционному праву, а не по гучковским инструкциям. Именно так поступали судовые комитеты ряда кораблей Балтфлота, комитеты латышских полков и других революционно настроенных частей.

В 1917 г., уже на первом этапе революции, солдатские комитеты, как справедливо подчеркивал Н. В. Крыленко, вынесли на своих плечах «борьбу за широкую демократизацию духа армии, расширили, а иной раз и совсем сломали узкие рамки алексеевских и гучковских уставов и кое-где успели их заменить действительно демократической организацией»⁵⁷. Их заслуга состояла в том, что в период двоевластия они при поддержке всех революционных сил помешали Корниловым и Деникиным использовать армию против народа. Однако потребовались еще героические агитационные и организационные усилия партии, печальный опыт июньского наступления, июльской реакции и корниловского мятежа, чтобы солдатские комитеты смогли сбросить с себя груз соглашательства, разбить гучковские оковы и стать подлинно революционными органами масс. После ликвидации двоевластия, когда генеральская верхушка повела бешеную травлю комитетов, требуя их уничтожения, партия большевиков ударила в набат. Заклеймив эсеров-меньшевистские верхи за их прислужничество перед корниловским генералитетом, центральный орган большевиков газета «Рабочий и солдат» подчеркнула в статье «Поход на армию», что контрреволюция не может терпеть в войсках выборные органы солдат, ибо они мешают ей превратить армию в слепое орудие реакции. «И если снизу,— подчеркивала газета,— солдаты не скажут «руки прочь!», комитеты погибнут»⁵⁸.

Начавшаяся после разгрома корниловщины бурная большевизация комитетов вдохнула в них, как и в Советы, огромные новые силы, раскрыла их революционные возможности, благодаря чему борьба за демократизацию армии сразу поднялась на качественно новый уровень.

Важнейшим принципом демократизации армии партия считала выборность командного состава. Именно эта мера била по самому чувствительному нерву власти капиталистов и помещиков над армией. Только всемерно ограничив, а затем и уничтожив эту власть, армия могла обрести подлинно демократический характер. Поэтому Ленин на вопрос, надо ли, чтобы офицеры выбирались солдатами, отвечал: «Не только надо выбирать, но каждый шаг офицера и генерала должны проверять особые выборные от солдат»⁵⁹. А отвечая на вопрос, полезно ли смещение солдатами реакционного начальства, он категорически подчеркивал: «Полезно и необходимо во всех отношениях»⁶⁰. Ленинские установки подтвердили Апрельская конференция партии и Всероссийская конференция ее военных организаций⁶¹, они пропагандировались большевистской печатью, звучали на солдатских митингах, собраниях, съездах.

Руководствуясь призывами большевиков, а во многих случаях просто классовым чутьем, демократические низы армии еще в ходе восстания, свергнувшего самодержавие, нанесли чувствительные удары по реакционному офицерству, особенно в Петроградском гарнизоне и на

⁵⁷ Н. Крыленко. Почему побежала русская революционная армия? Пгг. 1917, стр. 24.

⁵⁸ «Рабочий и солдат», 6(19).VIII.1917.

⁵⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 198.

⁶⁰ Там же, стр. 199.

⁶¹ См. «КПСС в резолюциях...». Т. 1, стр. 441, 471.

Балтийском флоте. В первые месяцы после Февраля натиск солдатской массы на reactionеров в генеральских и офицерских мундирах продолжался. Так, в Казанском военном округе лишь за несколько первых дней Февральской революции было арестовано и смещено более 20 генералов и около 150 полковников и подполковников⁶². В запасных частях Западного фронта с марта по июль 1917 г. было отстранено от своих постов 20 командиров полков, 4 начальника бригад, 2 начальника штабов бригад; в строевых частях этого фронта — 18 генералов, 12 полковников, 5 других офицерских чинов⁶³. Временное правительство и Ставка понимали, что эти действия солдат рубят под корень их власть над армией. Поэтому они пошли на крайние меры, чтобы подавить «самоуправство» в зародыше. Ставка в распоряжении фронтам в апреле 1917 г. указала: «В армиях повторяются случаи насильственного удаления самозванными войсковыми комитетами начальствующих лиц. Многие из них прибывают в Ставку для выяснения своего положения»; было категорически предложено самыми решительными мерами «нравственного и служебного воздействия» возвращать удаленных начальников на свои места. «Иначе,— подчеркивала Ставка,— фактически установится выборное начало, гибельное для армии»⁶⁴.

И снова на помощь бывшим царским генералам пришли соглашательские партии. Именно при их решающем содействии удалось на время приостановить революционную чистку командной верхушки. Ленин заклеил прислужничество соглашательских вождей перед российскими Кавеньяками, их неверие в массы, испуг перед революционной энергией солдат. Он писал: «Возьмите историю демократизации армии в русской революции 1917 года...— и вы увидите на каждом шагу нагляднейшие подтверждения сказанному выше. Без полного доверия к выборным солдатским организациям, без абсолютного проведения принципа выборности начальства солдатами получилось то, что Корниловы, Каледины и контрреволюционные офицеры оказались во главе армии»⁶⁵. Корниловская верхушка армии сначала помогла кадетам покончить в июле с двоевластием, а затем принялась решительно действовать по установлению в стране военной диктатуры. Корниловский заговор открыл глаза солдатской массе на ту пропасть, в какую толкали reactionные генералы страну и армию, на всю лживость проповедей оборонческих партий о единении солдат с офицерами. И напор низов на корниловское офицерство развернулся с новой силой. А пролетарская революция помогла довести эту чистку до конца.

Ожесточенное противоборство на этапе от Февраля к Октябрю развернулось вокруг принципа единения армии с народом. Это было одно из отправных условий демократизации, тот «воздух», без которого она не могла развиваться. Единение армии с народом давало солдатской массе главное — поддержку со стороны пролетариата против буржуазно-помещичьих командных верхов. Именно она прежде всего определяла силу натиска солдат в борьбе за свои права и свободу. В годы первой русской революции, когда самодержавию в основном удалось сохранить стену, отделявшую солдат от народа, демократизация вооруженных сил смогла сделать лишь начальные шаги. Февраль основательно разрушил эту стену, и реакция при всех усилиях так и не смогла ее восстановить. Первым порывом буржуазии и царских генералов после краха царизма была попытка загнать восставших солдат в казармы и отго-

⁶² А. М. Андреев. Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М. 1975, стр. 44.

⁶³ ЦГВИА СССР, ф. 2290, оп. 4, д. 1, л. 255.

⁶⁴ Там же, ф. 2296, оп. 1, д. 284, л. 5; ф. 366, оп. 1, д. 3, лл. 98—100, 101—102.

⁶⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 204—205.

родить фронт от восставшего тыла страны. Но оказалось, что сие от них уже не зависит. Революция нанесла сокрушительный удар по лозунгу «Армия — вне политики». В противовес ему большевистская партия выдвинула ленинский лозунг теснейшего объединения и слияния солдат с революционным народом⁶⁶. «Самый насущный вопрос переживаемого революционного времени, — писала «Правда» в апреле 1917 г., — это единение рабочих и армии — на фронте и в тылу. Объединенные рабочие и солдаты свергли самодержавный строй. Единение между ними должно остаться непоколебленным. Только при этом условии революция будет доведена до победного конца»⁶⁷. Большевики выступили инициаторами и организаторами мощной кампании демонстраций, митингов, собраний, в которых солдаты участвовали плечом к плечу с рабочими. Эта кампания охватила всю страну и продолжалась фактически вплоть до Октября (за исключением периода июльской реакции). Особенно ярко она проявилась в ходе апрельского, июньского и июльского кризисов. Митинги и манифестации, на которых партия сумела широко раскрыть свою программу революционных преобразований, стали действенным средством укрепления союза рабочих и солдат, их политического воспитания и организационного сплочения.

Буржуазия и реакционный генералитет, видя в этом смертельную угрозу планам восстановления старых порядков в войсках, развязали злобную кампанию натравливания солдат на рабочих. Они выставляли голодных и измученных нуждой рабочих виновниками всех бед, которые приходилось переживать окопникам. Реакционеры, писала «Правда», «хотят во что бы то ни стало отколоть солдат от рабочих и с этой целью бросают в обращение разные темные непроверенные слухи»⁶⁸. Партия большевиков призвала к самому решительному отпору провокаторам и подстрекателям. По ее инициативе были организованы многочисленные поездки рабочих делегаций на фронт и солдатских делегаций в города. Так, только из Петрограда и только в связи с доставкой первомайских подарков на различные фронты выехали делегации от 60 предприятий⁶⁹. Многие делегации послали рабочие Москвы, Харькова, Екатеринослава, Костромы, Баку, других городов. Восторженно встречаемые окопной массой, они раскрывали правду о положении в стране, показывали истинных виновников бедствий народа. Несмотря на все препоны, в состав делегаций на фронт пробились многие большевики, сумевшие разъяснить солдатам ленинскую программу революционного выхода из войны, завоевания мира, земли и подлинной свободы. Командные верхи охватил приступ ярости. С фронтов полетели телеграммы: «Прибыло 8 делегатов от рабочих Путиловского и Балтийского заводов, которые своими речами к солдатам уничтожили плоды наших трудов»; «Приезд делегатов, кроме вреда, ничего принести не может»⁷⁰; «Вследствие безусловно вредной антимилитаристической агитации товарищей, командированных исполкомом Харьковского Совета рабочих депутатов... в армии Юго-Западного фронта с подарками и литературой, прошу, — извещал командующий фронтом Петроградский Совет, — о немедленном их отзывании»⁷¹.

Для усиления связей фронта с тылом по призыву военных организаций большевиков был двинут встречный поток солдатских делегаций в города. Ознакомившись с условиями жизни и борьбой рабочих за интересы всех трудящихся, они опубликовали в печати сотни гневных ре-

⁶⁶ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 267.

⁶⁷ «Правда», 11(24).IV.1917.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 4.V.1917.

⁷⁰ ЦГВИА СССР, ф. 2067, оп. 1, д. 92, л. 179.

⁷¹ «Революционное движение в России в мае—июне 1917 г. Июньская демонстрация». Документы и материалы. М. 1959, стр. 333.

золюций, в которых разоблачали провокационные вымыслы буржуазии и заявляли о солидарности с рабочим классом. Стратегия реакции обернулась для нее полным провалом. Союз солдат с рабочими еще более укрепился, разрушая надежды Милюковых использовать армию против народа. Поскольку проблема демократизации упиралась прежде всего в политическое сознание солдатских масс, нельзя было рассчитывать на ее серьезные успехи там, где солдаты доверяли партиям «оборонцев» и вручали им руководство своими организациями, там, где темная и не-сознательная масса терпела власть царских генералов и офицеров — непримиримых врагов революционных перемен. С другой стороны, опыт учил, что там, где революционное сознание солдат и матросов было выше, процесс демократизации развивался успешнее, содействуя объединению передовой части армии вокруг сознательного пролетариата.

Необходимость внесения революционного сознания в крестьянскую армию повелительно диктовалась, с одной стороны, широким распространением оборонческих идей, с другой — грозным нарастанием стихийного протеста против антинародной политики буржуазной власти. Армия, жившая с первых дней революции ожиданием демократических перемен, все более убеждалась, что буржуазия в блоке с партиями меньшевиков и эсеров готовится дать ей только одно — продолжение войны. В ответ на эту политику вспыхивали стихийные солдатские восстания, грозившие растратой накопившейся революционной энергии по частям и в конечном счете торжеством реакции. Так, в мае произошли крупные восстания в 172-й дивизии и 7-м Сибирском корпусе Юго-Западного фронта и в 163-й дивизии Румынского фронта⁷²; в начале июня — на Черноморском флоте⁷³. Стихийность движения особенно сильно прорывалась там, где слабее оказывалось большевистское влияние. «В каждом районе, в каждом квартале, на каждом заводе, в каждой роте, — подчеркивал Ленин, — должна быть крепкая, дружная организация, способная действовать, *как один человек*»⁷⁴. Строительство большевистских организаций в войсках выдвигалось как первостепенная, решающая задача в деле демократизации армии, ее отвоевания у правящих классов. В лице «военок» партия создавала тот аппарат, при помощи которого идейное и организационное влияние пролетарского авангарда проводилось в войсках систематически и наиболее эффективно. Эта форма борьбы за солдатские массы, впервые испытанная нашей партией в революцию 1905—1907 гг., в полной мере раскрыла свои огромные возможности в период борьбы за победу социалистической революции.

Воспользовавшись условиями легальной деятельности, большевики развернули после Февраля строительство своих партийных организаций в армии в невиданных прежде масштабах. К Октябрю было создано около 100 крупных гарнизонных военных организаций в тыловых войсках⁷⁵ и сотни коллективов на фронтах. Только в районе Западного фронта в канун Октябрьского вооруженного восстания действовало около 400 партийных коллективов, подавляющее большинство которых являлось военными⁷⁶. Фронтные военные организации (без Кавказского фронта) насчитывали в своих рядах к Октябрю около 50 тыс. членов и до 40 тыс. сочувствующих⁷⁷. Всю эту массу корпусных, армейских и фронтовых (областных) военных организаций партия сумела объединить в 1917 г. в стройную систему. Их деятельность направляли ЦК и Военная организация при ЦК РСДРП(б).

⁷² ЦГВИА СССР, ф. 2067, оп. 1, д. 92, лл. 49—53; ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 78, д. 27, лл. 15—17.

⁷³ «Революционное движение в России в мае — июне 1917 г. Июньская демонстрация», стр. 355—357.

⁷⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 337—338.

⁷⁵ Подсчеты автора по материалам различных источников.

⁷⁶ «Октябрьские дни и их подготовка в Западной области». Минск. 1918, стр. 48.

⁷⁷ Подсчеты автора по материалам архивов и периодической печати.

Основным принципом строительства и деятельности военных большевистских организаций являлась их теснейшая связь с общепролетарскими организациями партии и руководство «военками» со стороны общепартийных комитетов и ЦК РСДРП(б). В указаниях на места ЦК партии постоянно подчеркивал: «При построении военной организации имейте в виду то обстоятельство, что она должна быть тесно связана с рабочей организацией. Личный состав организации военной в классовом отношении представляет элемент, менее восприимчивый к идеям пролетарского социализма. Тесная связь с рабочими поэтому крайне важна»⁷⁸. Весь период подготовки Октября полон примерами того, как пролетарские партийные организации, особенно таких крупных рабочих центров, как Петроград, Москва, Харьков, Екатеринослав, Баку, Киев, Иваново-Вознесенск, Ревель и др., под общим руководством ЦК РСДРП(б) оказывали постоянную помощь солдатам в создании и укреплении военных большевистских организаций, в преодолении сильных объединенческих настроений на фронте и осуществлении раскола с «оборонцами», в предотвращении со стороны части военных организаций проявления мелкобуржуазного революционаризма, попыток поднять солдат на преждевременные выступления против буржуазии.

Построение обширной сети военных организаций, выдающиеся успехи в их деятельности — это в первую очередь результат огромной помощи солдатам со стороны пролетариата. Именно в крупных промышленных центрах и на ближайших к ним фронтах численность и боеспособность военных большевистских организаций оказались наиболее высокими. Военные организации провели в армии колоссальную по масштабам идейно-организационную работу. На тысячах митингов, собраний, демонстраций, корпусных, армейских и фронтовых съездов, со страниц партийной печати большевики неустанно призывали солдат к теснейшему единству с рабочим классом, к совместному с ним организованному отпору контрреволюции, укреплению солдатских комитетов, осуществлению выборного начала и других революционных мер.

В подготовке перехода демократического большинства армии на сторону Октября важнейшую роль сыграли также большевистские военные газеты, создать которые помогли передовые рабочие. Они организовали массовые сборы средств на издания для солдат, всячески помогали их распространению в армии. Так, рабочие Петрограда лишь с середины апреля по 8 мая 1917 г. внесли в фонд «Солдатской Правды» 12 тыс. руб., а в мае только рабочие завода «Новый Леснер» отчислили на литературу в окопы около 34 тыс. рублей. В связи с этим «Солдатская Правда» писала 18 мая: «Трудовые гроши обильно текут в редакцию и контору газеты, и если бы не это широкое участие рабочих, товарищи солдаты, нашей «Солдатской Правды» не было бы». Сборы на газету «Рабочий и солдат», которую с конца июля 1917 г. начала издавать Военная организация при ЦК РСДРП(б), за первые две недели составили более 20 тыс. рублей. Пожертвования газете внесли около 100 тыс. человек, в том числе 57 рабочих групп и 13 солдатских⁷⁹. Идею союза рабочих и солдат отразило уже само название газеты, в первом номере которой подчеркивалось: «Революция росла и крепла в той мере, в какой рос и укреплялся союз рабочих и солдат... Только такой союз может послужить залогом победы революции, залогом завоевания и расширения потерянных свобод, залогом полного поражения контрреволюции»⁸⁰. В июне 1917 г. восемь большевистских газет для солдат выходили тиражом свыше 100 тыс. экземпляров⁸¹. Им помогали вести борьбу

⁷⁸ «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями». Т. 1. М. 1957, стр. 42—43.

⁷⁹ «Правда», вып. V. Л. 1929, стр. XV.

⁸⁰ «Рабочий и солдат», 23.VII.1917.

⁸¹ Подсчеты автора.

за умы и сердца солдат десятки общепартийных газет во главе с «Правдой», которые в большом количестве поступали в окопы и казармы, осуществляя там великое дело политической агитации и организации масс.

Огромным напряжением сил, применяя самые разнообразные методы и формы воздействия на армию, рабочий класс во главе с большевиками за период с Февраля по Октябрь выполнил историческую задачу отвоевания на свою сторону миллионов солдат. В октябре — ноябре 1917 г. в гарнизонах Центрально-промышленного района за партией пролетариата шло более 74% солдат, в гарнизонах Петроградского района — более 71%, на Западном фронте — свыше 66%, на Балтийском флоте — 60%, на Северном фронте — более 56%⁸². Это был один из главных факторов триумфа пролетарской революции. Ленин поставил революционные силы армии вслед за пролетариатом на второе по значению место в ряду трех условий победы большевизма⁸³. В канун Октября большевики смогли сплотить под своим знаменем половину армии. Это означало, что к моменту решающего сражения между пролетариатом и буржуазией последняя была лишена возможности пустить в ход свое главное орудие власти. Ни о каком сопротивлении со стороны армии взятию власти пролетариатом, подчеркивал Ленин, уже не могло быть и речи⁸⁴. Борьба большевистской партии за демократизацию армии сыграла очень важную роль в подведении миллионов солдат и матросов к социалистической революции, в обеспечении решающего перевеса сил над контрреволюцией, в быстрой и на редкость бескровной победе Октябрьского вооруженного восстания.

Таким образом, к Октябрю партия сумела создать мощные вооруженные силы революции и в то же время почти обезоружить господствующие классы. В состав вооруженного оплота революции входили отряды рабочей Красной гвардии, насчитывавшей свыше 100 тыс. человек, и более 3 млн. большевистски настроенных матросов и солдат⁸⁵, тесно сплоченных с вооруженным пролетариатом. В этом единении вооруженных пролетариев и революционных солдат и матросов нашел наиболее наглядное воплощение союз рабочего класса с трудящимся крестьянством во имя свержения диктатуры капиталистов и помещиков и установления власти Советов.

После того, как в обстановке охватившего Россию к осени 1917 г. общенационального кризиса в основном было завершено формирование политической армии революции и ее боевого ядра — революционных вооруженных сил, партия большевиков снова выдвигает на одно из первых мест военный вопрос, задачу правильного применения вооруженной силы революционных классов, усиленно разрабатывает марксистское учение о вооруженном восстании и на этой основе развертывает в огромных масштабах военно-техническую подготовку к взятию власти пролетариатом. «История, — подчеркивал Ленин в конце сентября 1917 г., — сделала коренным политическим вопросом сейчас вопрос военный»⁸⁶. Тем самым ленинская партия давала образец правильного отношения к вооруженным формам классовой борьбы, ставя их в порядок дня только тогда, когда вооруженным силам революции была обеспечена поддержка широчайших масс трудящихся. В отличие от бланкизма, мелкобуржуазного левацкого авантюризма, партия большевиков, как партия научного коммунизма, последовательно исходила из того, что победа восстания обеспечивается прежде всего поддержкой его со стороны

⁸² Подсчеты автора по материалам архивов и периодической печати.

⁸³ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 40, стр. 10.

⁸⁴ См. там же.

⁸⁵ Указанная цифра вытекает из вывода о завоевании большевиками половины армии (см. В. И. Ленин. ПСС. Т. 40, стр. 9), численность которой к октябрю 1917 г. составляла примерно 7 млн. человек.

⁸⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 264.

большинства народа. И когда это условие было налицо, Ленин выдвинул лозунг: «Большевики должны взять власть». В середине сентября 1917 г. он указывал: «За нами большинство *класса*, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы. За нами *большинство* народа... За нами *верная победа*»⁸⁷. Тем самым применительно к конкретным условиям развития революционного движения в России вождь партии сформулировал одно из важнейших положений марксистского учения о восстании — вопрос об определяющей роли социально-политических факторов и их зрелости для успеха вооруженного восстания.

За партией стояла многомиллионная армия социалистической революции, идейно готовая идти на штурм. К большевикам она обращала свои взоры, от них ждала организации своих сил и плана решающего сражения. Ход событий возлагал на партию роль военного руководителя трудящихся. Центр тяжести военной деятельности большевиков переместился на проблему правильного использования вооруженных сил, на разработку и пропаганду в массах законов вооруженного восстания, хотя не ослабевало внимание и к вопросам идейно-политической подготовки боевых сил. Ленин с присущей ему страстностью разоблачал злостную ложь оппортунистических партий, будто отношение к восстанию как к искусству есть «бланкизм», защитил марксистское учение о восстании от оппортунистических извращений и поднял его на новую ступень. Огромной заслугой вождя партии явилось обоснование им социально-политических факторов, обуславливающих победу пролетариата в вооруженном восстании. Он указывал, что восстание, чтобы быть успешным, должно отвечать трем главным условиям: во-первых, опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс; во-вторых, опираться на революционный подъем народа; в-третьих, опираться на переломный пункт нарастающей революции, когда всего сильнее колебания в рядах ее врагов и половинчатых, нерешительных попутчиков⁸⁸.

Показав и доказав на кардинальных фактах действительности, что все эти условия в России налицо, Ленин призвал партию к действию. Он поставил перед ЦК вопрос о плане вооруженного восстания и дал его первоначальный примерный набросок: не теряя ни минуты, создать штаб восстания, распределить силы, двинуть на самые важные пункты борьбы ударную силу — рабочую Красную гвардию, а также самые верные полки, установить между ними и штабом надежную связь, преградить доступ в решающие пункты резервам врага, овладеть в первую голову телеграфом, телефоном и другими стратегическими объектами, арестовать Генеральный штаб и правительство⁸⁹. Все основные моменты этого плана воплотились в Октябрьском вооруженном восстании. В печатных работах и письмах Ленин с присущей ему энергией агитировал за восстание, на основе точного учета изменяющейся обстановки углублял, расширял, детализировал план восстания; воевал с теми, кто сеял конституционные иллюзии и выступал против немедленного взятия власти, за ожидание съезда Советов. В работе «Советы постороннего» Ленин разъяснял, что вооруженное восстание есть особый вид политической борьбы, подчиненный особым законам, которые необходимо строго учитывать. Он подчеркивал следующие заповеди: 1) никогда не играть с восстанием, а, начав его, идти до конца; 2) собрать большой перевес сил в решающем месте, в решающий момент, иначе противник, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев, 3) начав восстание, действовать с величайшей решительностью и, безусловно, переходить в наступление; оборона — смерть вооруженного восстания; 4) стараться захватить врага врасплох, уловив момент, пока его войска разбросаны; 5) ежедневно,

⁸⁷ Там же, стр. 244.

⁸⁸ См. там же, стр. 242—243.

⁸⁹ См. там же, стр. 247.

ежечасно (если дело идет об одном городе) добиваться успехов, поддерживая моральный перевес над врагом⁹⁰.

Стратегия ленинского плана вооруженного восстания базировалась на анализе расстановки классовых сил, на учете авангардной роли пролетариата в революции, прочности его связей в решающих районах борьбы с непролетарскими слоями трудящихся, в первую очередь с революционными солдатами и матросами. Большевики, отмечал Ленин, имели за собой в канун восстания гигантское большинство пролетариата⁹¹. Его главные силы были сконцентрированы в Петроградском и Московском промышленных районах, а наиболее закаленная, боевая, организованная часть — в обеих столицах⁹². Но Петроград и Москва являлись также центрами капиталистической государственной машины. Здесь находились буржуазное правительство и другие важнейшие государственные органы. Здесь лицом к лицу стояли авангардные силы пролетариата и буржуазии. Поэтому, естественно, именно Петроград и Москва заняли центральное место в ленинском плане вооруженного восстания, и именно там был намечен главный удар по контрреволюции.

Однако, готовя восстание, партия не могла брать Петроград и Москву в отрыве от остальных районов страны, особенно ближайших к столицам. Опыт Парижской коммуны в ее борьбе против превосходящих отрядов версальцев не был забыт. В связи с этим на одно из первых мест выдвигалась роль вооруженных сил, прежде всего ближайших к Петрограду и Москве Балтийского флота, Северного и Западного фронтов, где большевики имели подавляющий перевес. Важнейший момент ленинского плана составляла одновременность удара по центрам буржуазной власти в обеих столицах. Это позволяло сразу и в максимальной степени дезорганизовать контрреволюцию на главном направлении, разорвать ее единый фронт, разгромить врага по частям, овладеть государственной властью и пустить ее тотчас в ход против буржуазии для завоевания на сторону революции новых слоев непролетарских масс.

Завершая работу «Кризис назрел», Ленин писал: «Победа восстания *обеспечена* теперь большевикам: 1) мы можем (если не будем «ждать» Советского съезда) ударить *внезапно* и из трех пунктов, из Питера, из Москвы, из Балтийского флота; 2) мы имеем лозунги, обеспечивающие нам поддержку: долой правительство, подавляющее крестьянское восстание против помещиков! 3) мы в большинстве *в стране*; 4) развал у меньшевиков и эсеров полный; 5) мы имеем техническую возможность взять власть в Москве (которая могла бы даже начаться, чтобы поразить врага неожиданностью); 6) мы имеем *тысячи* вооруженных рабочих и солдат в Питере, кои могут *сразу* взять и Зимний Дворец, и Генеральный Штаб, и станцию телефонов, и все крупные типографии; не выбить нас оттуда, — а агитация в *армии* пойдет такая, что *нельзя* будет бороться с этим правительством мира, крестьянской земли и т. д. Если бы мы ударили сразу, внезапно, из трех пунктов, в Питере, в Москве, в Балтийском флоте, то девяносто девять сотых за то, что мы победим с меньшими жертвами, чем 3—5 июля, ибо *не пойдут войска* против правительства мира»⁹³.

В ходе подготовки восстания отправные положения ленинского плана развивались и уточнялись; определялась роль сил, которые должны были действовать вместе с рабочими и солдатами обеих столиц. В начале октября 1917 г. Ленин сделал вывод о том, что судьба восстания рабочих и солдат будет решаться в Петрограде и прилегающем районе, хотя по-прежнему отводилась важнейшая роль Центрально-

⁹⁰ См. там же, стр. 382—383.

⁹¹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 40, стр. 5.

⁹² См. «Россия в мировой войне 1914—1918 годов (в цифрах)». М. 1925, стр. 72.

⁹³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 281—282.

промышленному району во главе с Москвой. Балтфлоту и революционным войскам в Финляндии предстояло оказать прямую вооруженную поддержку восстанию в Петрограде, а революционным гарнизонам и рабочим Московской области — восстанию в Москве. Одновременно на эти части ложилась задача совместно с тыловыми гарнизонами и красногвардейскими отрядами прилегающих к столицам районов (особенно между столицами и фронтом) создать вокруг Петрограда и Москвы два оборонительных кольца против возможного подхода верных правительству войск с фронта. Революционные солдаты ближайших к столицам Северного и Западного фронтов должны были зажать в крепкий кулак корниловские войска на месте и не допускать их к главным центрам восстания, а в случае необходимости прямо поддержать восставших.

Блестящим образцом военного искусства большевистской партии явился выбор момента перехода вооруженных сил революции к решительному штурму власти буржуазии. Этот выбор был определен Лениным на основе глубокого и всестороннего анализа состояния противоборствующих классовых лагерей, а также международной обстановки. Ленинский план вооруженного восстания — выдающийся вклад в разработку военной программы партии, в дело победы социалистической революции. Этот план формулировал главные задачи и направления предстоявшей борьбы, определяя место каждого из отрядов армии революции. Он стал мощным ускорителем громадной и целенаправленной деятельности партии по военной подготовке восстания, благодаря чему вооруженные силы социалистической революции при поддержке со стороны всего революционного народа смогли одновременно и организованно нанести сокрушительный удар по власти буржуазии и одержать быструю и решающую победу в октябре 1917 года.

Ход развития мирового революционного движения после Октября как своими успехами, так и временными поражениями подтвердил в международном масштабе первостепенное значение правильного учета военных проблем в классовой борьбе, общезначимость основных положений ленинской военной программы для международного коммунистического и рабочего движения. История неоднократно доказывала, что там, где допускалась недооценка военных проблем революции, трудящиеся массы неизменно платили за это тяжелыми жертвами и поражениями. С другой стороны, правильная политика коммунистических партий в военной области, опиравшаяся на творческое использование опыта большевизма, во многом способствовала успеху народно-демократических и социалистических революций в ряде стран Европы, Азии и на Кубе.

На современном этапе, когда военная машина империализма по-прежнему пускается в ход для подавления революционного и национально-освободительного движения во многих районах земного шара, ленинская военная программа революции продолжает сохранять свою актуальность. В то же время изменение соотношения сил на мировой арене в пользу социализма открывает все большие возможности для перехода народов к социалистическому общественному строю как мирным, так и немирным путем. При всех возможных формах революций, в условиях громадного роста милитаризма перед революционными силами современности по-прежнему стоит задача отвоевания на свою сторону демократических слоев армии, создания вооруженных сил революции, подготовки трудящихся к любым формам классовой борьбы. Как учит опыт истории, это — одно из первостепенных условий обеспечения как мирного, так и немирного перехода власти к трудящимся, надежная гарантия защиты революции от попыток буржуазии разгромить ее вооруженным путем.

У ИСТОКОВ ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

(ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ ГИДРОТОРФА)

Л. С. Глязер

Великая Октябрьская социалистическая революция, в результате победы которой «за рабочим классом пошли широчайшие массы трудового народа, все передовые люди науки и культуры»¹, выдвинула на одно из важнейших мест задачу организации социалистического производства. «Если в деятельности военной,— говорил В. И. Ленин 16 марта 1920 г. на торжественно-траурном заседании, посвященном первой годовщине со дня смерти Я. М. Свердлова,— иногда еще многое можно сделать порывом, энтузиазмом, коротким натиском, то в деятельности хозяйственно-строительной, преимущественно организаторской, ничего нельзя сделать одним порывом, натиском, энтузиазмом. Самая длительная, на долгие годы рассчитанная организаторская работа, только она способна привести нас здесь к настоящей победе»².

С вершины 60-летнего опыта революционной борьбы и созидания отчетливо видно значение результатов, которые были получены первыми организаторами социалистического хозяйства. Так, в настоящее время становится ясно, что программно-целевой метод планирования, считающийся многими специалистами достижением сегодняшней практики управления экономикой, уходит своими корнями в 1920-е годы. Суть этого метода заключается в создании единой взаимоувязанной программы работ, необходимых для реализации определенной научно-технической цели. Конечно, в первые годы Советской власти задачи и масштабы подобных программ были существенно иными, чем в наши дни, да и термин «программно-целевое планирование» еще не существовал. Тем не менее многие организационные принципы, разработанные применительно к этим программам, сохраняют свою ценность и сегодня.

Определенный интерес может представить, в частности, ознакомление с самыми ранними попытками использовать методы программно-целевого планирования при организации работ по гидравлической добыче торфа в 1920—1923 годах. В научной литературе проблема гидроторфа освещалась неоднократно³, однако главное внимание авторы уделяли ее техническим и экономическим аспектам, а то новое, что внес он в организацию социалистического производства, осталось незамечен-

¹ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года. М. 1977, стр. 5.

² «Коммунист», 1977, № 6, стр. 7—8.

³ См., например, П. Н. Ефимов. 25 лет гидроторфа. «За торфяную индустрию», 1940, № 6; Ф. А. Вейтков. Всюду гений Ленина (К истории изобретения способа гидроторфа). «Торфяная промышленность», 1945, № 6; Ф. Нестерук. Развитие гидромеханизации в СССР. К 100-летию со дня рождения Р. Э. Классона (1868—1926). «Речной транспорт», 1968, № 6, и др.

ным. Между тем именно организационный аспект программы гидроторфа приобретает ныне особую значимость. Эта программа была разработана и осуществлена при активном участии и под непосредственным контролем Ленина. Поэтому ее анализ с точки зрения организации может дать конкретное представление о ленинском подходе к решению задач научно-технического прогресса.

Советской власти не исполнилось и месяца, когда Ленин оценил возможности малоизвестного и очень слабо использовавшегося в России торфа. Один из первых организаторов советской торфяной промышленности И. И. Радченко вспоминал, что в ноябре 1917 г., беседуя с ним, «Владимир Ильич отметил большое значение торфа как более доступного при данных обстоятельствах вида топлива, чем далекий донбасский уголь и бакинская нефть. С особенным увлечением говорил он о целом ряде будущих крупных электростанций на торфе»⁴. В 1919 г. Ленин писал Г. М. Кржижановскому: «Меня очень заинтересовало Ваше сообщение о торфе... Необходимо обсудить вопрос в печати. Вот-де запасы торфа — миллиарды. Его тепловая ценность. Его местонахождение... Его легкость добывания (сравнительно с углем, сланцем и проч.). Применение труда *местных* рабочих и крестьян (*хотя бы по 4 часа в сутки для начала*). Вот-де база для электрификации *во столько-то раз при теперешних* электрических станциях. Вот *быстрейшая и вернейшая-де* база восстановления промышленности; — организация труда по-социалистическому (земледелие+промышленность); выхода из топливного кризиса (освободим *столько-то* миллионов кубов леса на транспорт)»⁵. В апреле 1920 г., выступая на III Всероссийском съезде рабочих текстильной промышленности, Ленин вновь подчеркнул значение торфяного топлива: «Одно из средств спасения в настоящий момент, это — срочная добыча и разработка торфа, что даст возможность пустить полным ходом все электрические станции и освободиться от полной зависимости от отдаленных от Центральной России угольных районов»⁶.

Ориентация торфодобычи на развитие топливных ресурсов страны — один из первых структурных сдвигов в советской экономике. До революции все запасы торфа находились в ведении министерства земледелия, которое рассматривало их как продукт болот наряду с ягодами и мхом. В апреле 1918 г. в составе Отдела топлива ВСНХ был организован Главный торфяной комитет (Главторф, позднее — Цуторф) и в его распоряжение из ведения Наркомзема были выделены торфяные залежи, пригодные для промышленной эксплуатации. Создание Главторфа способствовало оживлению торфяного дела в стране: добыча торфа, объем которой с 1914 по 1918 г. непрерывно снижался, в 1919 г. увеличилась на 10%, а в 1920 г. — на 9%⁷.

Для дальнейшего развития торфяной промышленности было необходимо создать новую технологию добычи торфа. Наиболее распространенным в то время был элеваторный, или машинно-формовочный, способ добычи торфа. Он отличался крайне низкой производительностью, все технологические операции этого способа были основаны на тяжелом, изнурительном физическом труде⁸, что не позволяло использовать необъятные торфяные богатства России. «Мы не можем их использовать потому, — говорил Ленин на VIII Всероссийском съезде Советов, — что мы не можем посылать людей на эту каторжную работу... При капиталистическом государстве люди шли туда работать из-за го-

⁴ И. И. Радченко. Ленин — вождь на хозяйственном фронте. М. 1976, стр. 5.

⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 51, стр. 105.

⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 40, стр. 322.

⁷ Рассчитано по: «40 лет торфяной промышленности СССР». М. 1957, стр. 35.

⁸ «Гудок», 7.XI.1920.

лода, а при социалистическом государстве на эти каторжные работы мы посылать не можем, а добровольно никто не пойдет»⁹.

Между тем в стране, правда, в кустарном порядке, но уже в течение нескольких лет проводились опыты по созданию технологии механизированной добычи торфа.

В 1912 г. под г. Богородском (ныне Ногинск) началось строительство первой в России районной электростанции «Электропередача», работавшей на торфяном топливе. Когда станцию построили, оказалось, что расходы на добычу потребляемого ею торфа превышают выручку от вырабатываемой энергии. Чтобы предотвратить убытки, тогдашние владельцы станции решили механизировать торфодобычу, используя для этого заграничную технику. Однако зарубежные машины не удалось приспособить к условиям работы на российских болотах, и на «Электропередаче» образовалось кладбище таких машин¹⁰. В 1914 г. на этой станции начались первые опыты по созданию механизированного способа добычи торфа, который мог бы быть эффективным в России. В его основе лежала идея использования водной струи, поэтому он и получил название «гидравлический способ добычи торфа». Однако крайне незначительные средства, выделявшиеся на опыты по гидроторфу акционерными обществами «Электропередача» и «Компания электрического освещения 1886 г.», не позволили достигнуть практически значимых результатов¹¹.

После Октябрьской революции работы по созданию механизированной технологии торфодобычи стали государственным делом. В 1918 г. в составе Главторфа была организована Комиссия по добыче торфа гидравлическим способом (Гидроторф), которая усовершенствовала новый способ торфодобычи, разработала и опробовала механизмы, необходимые для его применения (при этом часть машин из-за нехватки металла была изготовлена из дерева). Механизировав основные операции добычи торфа, гидравлический способ повышал производительность труда на торфоразработках: как показывали расчеты, себестоимость гидроторфа оказывалась на 40% ниже машинно-формовочного торфа, а затраты рабочей силы сокращались в 10 раз¹².

Изобретателями гидравлического способа добычи торфа были русские инженеры Р. Э. Классон и В. Д. Кирпичников¹³. Работая в чрезвычайно трудных условиях первых послереволюционных лет, они приложили огромные усилия для того, чтобы их изобретение могло использоваться в промышленных масштабах. Наряду с усовершенствованиями и доделками, которые требовалось вносить в конструкции торфодобывающих машин, им приходилось изыскивать средства, необходимые для продолжения опытов, иногда вести борьбу с необъективными заключениями экспертов, преодолевать непонимание и косность некоторых работников управленческого аппарата. «Как отнеслись к гидроторфу наши хозяйственные центры? — писала впоследствии «Правда». — Как к опаснейшему врагу республики, собирающемуся подорвать основы Советской власти. Враждебно. Презрительно. Недоверчиво. Равнодушно»¹⁴.

⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 42, стр. 152.

¹⁰ «Гидроторф». Т. 1. М. 1923, стр. 40.

¹¹ Там же, стр. 65.

¹² ЦГАНХ СССР, ф. 647, оп. 1, д. 59, л. 269; д. 63, л. 168.

¹³ В ряде работ, посвященных гидроторфу, автором этого способа называют только Р. Э. Классона, однако сам он возражал против этого и писал в секретариат СНК РСФСР: «Изобретателем гидравлического способа добычи торфа назван я один, тогда как фактически как основное изобретение, так и все усовершенствования делались мной совместно с В. Д. Кирпичниковым и разделить нашу работу не представляется возможным» (ЦГАНХ СССР, ф. 647, оп. 1, д. 59, л. 12).

¹⁴ «Правда», 31.X.1920.

Главторф, в административных рамках которого велась работа по внедрению гидравлического способа добычи торфа, не имел опыта реализации изобретений такого масштаба. Руководство Главторфа было уверено, что, уделяя новому способу торфодобычи не меньшее внимание, чем другим задачам, оно безупречно выполняет свои функции. После появления в печати критических замечаний о бюрократическом отношении к работам по гидроторфу, Главторф не признал своей вины. Им были подготовлены «Материалы к вопросу о взаимоотношениях Главторфа с изобретателями гидроторфа и об отношении к их работе за время с апреля 1918 г. по 1 ноября 1920 г.»¹⁵. Составителям материалов удалось показать, что Главторф проделал большую работу в отношении гидроторфа, но одновременно читателю становилось ясно, что работа эта ни на шаг не продвинула вперед практическое осуществление гидравлического способа добычи торфа: решались, как правило, только мелкие, не принципиальные вопросы, а то, что имело важное значение для внедрения изобретения в производство, либо вообще не обсуждалось, либо отвергалось из-за недостатка средств.

Так обстояло дело с гидравлическим способом добычи торфа к 27 октября 1920 года. Этот день стал поворотным в судьбе изобретения Классона и Кирпичникова. Впоследствии они писали, что 1915—1920 гг.—это период существования «малого» гидроторфа, небольшого опытного дела; октябрь 1920 г.—начало истории «большого» гидроторфа, который создал этот способ в законченной форме и придал его использованию промышленный характер¹⁶. Что же произошло 27 октября 1920 г., почему эта дата стала «звездным часом» гидроторфа?

В «Правде» от 29 октября 1920 г. была напечатана следующая заметка: «Третьего дня в Свердловском зале в Кремле Кинофотоотдел Наркомпроса демонстрировал новые киноленты, иллюстрирующие наше строительство в области торфяных разработок. Была показана торфяная разработка в Шатурском районе и электропередачи (по-видимому, здесь допущена опечатка, следует читать: и на станции «Электропередача». — Л. Г.). Параллельно с электрифицированными промыслами демонстрировалась и прежняя, ручная разработка торфа при значительно большей затрате сил рабочих». На этом просмотре, который сопровождался пояснениями Классона, присутствовали В. И. Ленин, Н. К. Крупская, Ф. Э. Дзержинский, Л. Б. Красин и другие партийные и государственные деятели¹⁷. Кинофильм, показанный 27 октября 1920 г. в Кремле, содержал важную информацию о гидроторфе. Хотя Ленин уже давно был знаком с Классоном и знал о работах, проводившихся на станции «Электропередача»¹⁸, наглядное изображение гидравлического способа добычи торфа позволило ему яснее представить значение этого изобретения.

Новая технология, освобождающая человеческий труд, по своей идее была близка способу подземной газификации угля, о котором Ленин еще в 1913 г. писал, что при социализме такая технология «позволит сразу сократить для всех рабочий день с 8 часов, к примеру, до 7, а то и меньше... сделает условия труда более гигиеничными, избавит миллионы рабочих от дыма, пыли и грязи, ускорит превращение грязных отвратительных мастерских в чистые, светлые, достойные человека лаборатории»¹⁹. О впечатлении, которое произвел на него этот фильм, Ленин говорил два месяца спустя, советуя делегатам VIII съез-

¹⁵ ЦГАНХ СССР, ф. 647, оп. 1, д. 2, лл. 22—32.

¹⁶ «Гидроторф». Т. I, стр. VII.

¹⁷ В. И. Ленин. Об электрификации. М. 1958, стр. 364.

¹⁸ См., например, В. И. Ленин. ПСС. Т. 51, стр. 325; И. И. Радченко. Указ. соч., стр. 5, 12—13.

¹⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 23, стр. 94.

да Советов посмотреть кинематографическое изображение работ по добычанию торфа. Благодаря изобретению двух русских инженеров в этой области, сказал Ленин, «мы накануне великой революции, которая даст нам в хозяйственном отношении большую опору»²⁰.

По окончании сеанса состоялось совещание, в котором приняли участие Ленин, Классон, руководители Главторфа и некоторых других учреждений. Участники совещания пришли к выводу, что «во всем деле восстановления народного хозяйства РСФСР и электрификации страны механизация добычи торфа дает возможность пойти вперед неизмеримо более быстро, прочно и более широким фронтом. Необходимо поэтому принять немедленно ряд мер в государственном масштабе для развития этого дела»²¹. 28 октября ряду адресатов (главным образом руководителям центральных хозяйственных органов) было разослано составленное Лениным письмо, в котором сообщалось, что 30 октября вопрос о гидроторфе будет слушаться на заседании Совнаркома, и излагались меры, необходимые для скорейшей реализации способа гидроторфа.

Содержащиеся в этом письме предложения можно считать первым наброском научно-технической программы — они охватывали в комплексе вопросы организации, материально-технического обеспечения, материального стимулирования и пропаганды работ по гидравлической добыче торфа²². Классон и Кирпичников, Главторф, ВСНХ представили дополнения к предложениям, содержавшимся в письме Ленина²³, и все эти материалы послужили основой для постановления СНК РСФСР от 30 октября 1920 г. «О гидравлическом способе добыче торфа»²⁴. 1 ноября в связи с этим постановлением Гидроторфу было поручено «представлять ежемесячные доклады Совнаркому о ходе работ и о встречающихся препятствиях»²⁵.

Постановление от 30 октября 1920 г. являлось, по сути дела, комплексной научно-технической программой. В ходе реализации она исправлялась и уточнялась, некоторые положения ее были изменены, но результат оказался замечательным даже по сегодняшним меркам — гидроторф был внедрен в промышленное производство в предельно короткий срок. Реализация программы гидроторфа имела свою специфику, отражавшую сложную ситуацию начала 20-х годов, когда страна жила в условиях хозяйственной разрухи, хронической нехватки сырья, машин, топлива, продовольствия. Однако значение организационных мер, осуществленных при реализации программы гидроторфа, выходит далеко за рамки их применения.

Организационно-управленческая часть программы гидроторфа начиналась с того, что работы по добыче торфа гидравлическим способом были поставлены в привилегированное положение. «Признать работы по гидроторфу, где бы они ни производились, — указывалось в первом пункте постановления, — особо срочными, как имеющие чрезвычайно важное государственное значение»²⁶. Этот пункт неоднократно использовался управлением Гидроторфа для воздействия на различные хозяйственные органы. Однако вскоре выяснилось, что для обеспечения всех нужд Гидроторфа этого было недостаточно. В его отчете Совнаркому за ноябрь 1920 г. были высказаны следующие просьбы: дать Гидроторфу статус милитаризованного предприятия, что позволяло расши-

²⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 42, стр. 152.

²¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 51, стр. 319.

²² См. там же, стр. 318—320.

²³ ЦГАНХ СССР, ф. 647, оп. 1, д. 2, лл. 46—50.

²⁴ См. «Исторический архив», 1956, № 1, стр. 12—13.

²⁵ ЦГАНХ СССР, ф. 647, оп. 1, д. 34, л. 41.

²⁶ «Исторический архив», 1956, № 1, стр. 12.

рить круг привлекаемых к работе специалистов и признать работы по гидроторфу ударными, что обеспечивало выдачу продуктов для натурального премирования²⁷. Обе просьбы были удовлетворены. 2 февраля 1921 г. СНК распространил на все организации Гидроторфа общее положение о милитаризации, а Центральная производственная комиссия при Президиуме ВСНХ 21 января постановила «признать ударными работы Гидроторфа, подведомственных ему органов и всех торфяных хозяйств»²⁸.

Сравнительно быстрое и максимально возможное удовлетворение ходатайств Гидроторфа объясняется тем, что при разработке этой программы был предусмотрен действенный механизм управления, который обеспечивал ее неуклонное выполнение. Суть его была изложена Лениным в письме Класону от 2 ноября 1920 г.: «Чтобы использовать как следует постановление СНК, надо: 1) беспощадно строго обжаловать вовремя его нарушения, внимательно следя за исполнением и, разумеется, выбирая для обжалования лишь случаи, подходящие под правило «редко, да метко»; 2) от времени до времени — опять-таки следуя тому же правилу — писать мне..:

прошу послать напоминание или запрос

такой-то (проект текста на отдельном листке)

такому-то лицу или учреждению по такому-то вопросу, ввиду признания работ «Гидроторфа» государственно-важными.

...Если напоминания и запросы будут строго деловые (без ведомственной драки или полемики), то я в 2 минуты буду подписывать такие напоминания и запросы, и они иногда будут приносить практическую пользу»²⁹.

Механизм управления реализацией программы гидроторфа действовал почти без изменений в течение всего срока ее осуществления. Некоторое уточнение было внесено лишь в порядок представления отчетов Гидроторфа: чтобы ознакомить с их содержанием наиболее заинтересованные организации, эти отчеты с декабря 1920 г. перестали высылаться непосредственно в Совнарком, а направлялись туда через Главторф и Президиум ВСНХ; кроме того, с декабря 1921 г. отчеты стали двухнедельными, причем в них включался только конкретный информационный материал, который должен был составляться «очень и очень кратко»³⁰. В тех случаях, когда в ходе работы по программе возникали вопросы, требующие особого внимания, Ленин привлекал к их решению сотрудников аппарата Совнаркома. Так, 11 сентября 1921 г. он направил управляющему делами Совнаркома Н. П. Горбунову следующую записку по поводу разработки способа обезвоживания торфа: «Дело архиважное. Поручаю Вам *следить* за исполнением и докладывать мне 2 раза в месяц»³¹.

Значительный интерес представляет опыт Гидроторфа и в области непосредственного управления реализацией программы. В постановлении Совнаркома от 30 октября 1920 г. было записано: «Организовать при Главторфе Управление по делам гидроторфа, состоящее из ответственного руководителя Р. Э. Класона и его заместителя В. Д. Кирпичникова... Для установления программ, утверждения смет и обсуждения технических вопросов учредить при управлении совет в составе 5 лиц»³². Организация Гидроторфа, как писали его руководители в середине 1921 г., в отличие от других главков не была контрольной, со-

²⁷ ЦГАНХ СССР, ф. 647, оп. 1, д. 59, л. 16.

²⁸ Там же, л. 44, 58.

²⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 51, стр. 325—326.

³⁰ ЦГАНХ СССР, ф. 647, оп. 1, д. 59, л. 28, 244.

³¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 53, стр. 184.

³² «Исторический архив», 1956, № 1, стр. 12.

гласующей или направляющей, а представляла собой орган, управляющий работой на местах. Это объяснялось тем, что дело гидроторфа как новое требовало непрерывных усовершенствований и налаживания специального хозяйства и могло осуществляться более или менее плодотворно лишь под непосредственным наблюдением и путем исполнения прямых распоряжений его изобретателей³³.

Совет при Гидроторфе должен был быть организован в соответствии с идеей, которая содержалась в письме Ленина от 28 октября 1920 г.: «Поручить тем главкам (и др. учреждениям), от содействия которых больше всего зависит успех работы *«Комиссии (или комитета?) по гидравлическому добыванию торфа (при Главторфе), делегировать своих представителей (предпочтительно коммунистов или, во всяком случае, заведомо добросовестных и особо энергичных людей) для постоянного участия в этой комиссии. Особо возложить на них ответственность за скорейшее исполнение заказов и просьб этой комиссии»*³⁴. Однако идея эта в полной мере осуществлена не была. В совет при Гидроторфе было включено пять человек — один представитель ВСНХ и по два представителя от Главторфа и Гидроторфа — и, поскольку управление Гидроторфа непосредственно подчинялось Главторфу, деятельность совета носила во многом не творческий, а административный характер.

Почти с самого начала работы в новых условиях между Гидроторфом и Главторфом (Цуторфом) стали возникать разногласия. Основная причина их изложена в докладной записке Классона на имя Ленина от 9 февраля 1922 года. В ней сообщалось: «Деньги мы получаем от Цуторфа, который находится совершенно в иных условиях, чем Гидроторф, так как Цуторф работает наличными, уже существующими машинами на подготовленных болотах и ему деньги нужны только на эксплуатационные расходы. Гидроторф же только возникает, строится, устанавливает совершенно новые машины, и, следовательно, капитальные затраты значительно превышают затраты эксплуатационные. Поэтому соединение этих двух разнородных учреждений противоестественно, и сейчас, действительно, мы не можем... производить самых важных и спешных работ за отсутствием денег»³⁵. В записке предлагалось отделить Гидроторф от Цуторфа. На следующий день, 10 февраля, Ленин пишет в Совнарком Н. П. Горбунову: «От Цуторфа *не* отделять... Зачем отделять? Надо дать *автономию внутри* Цуторфа. Определить ее точно, письменно, закрепить через СТО»³⁶. 13 февраля Классону было направлено письмо управляющего делами СТО: «По поручению Владимира Ильича передаю Вам следующее... Совершенно необходимо разработать и точно очертить, закрепив постановлением СТО, организационное положение Гидроторфа и его взаимоотношения с Цуторфом. Соответствующий проект постановления прошу разработать и внести в кратчайший срок в СТО»³⁷.

При подготовке этого проекта развернулась дискуссия: Цуторф предлагал оставить за Гидроторфом только техническое руководство работами, а Гидроторф настаивал на том, чтобы предоставить ему хозяйственную и административную самостоятельность. 22 марта 1922 г. было принято постановление СТО «Об организации работ Гидроторфа». В нем подтверждалось важное государственное значение работ по гидроторфу. В интересах беспрепятственного и успешного их хода было решено: «Выделить Управление по делам Гидроторфа из Цуторфа и перевести его на началах хозяйственного расчета в качестве автоном-

³³ ЦГАНХ СССР, ф. 647, оп. 1, д. 59, л. 558.

³⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 51, стр. 319.

³⁵ «Исторический архив», 1956, № 1, стр. 34.

³⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 54, стр. 159.

³⁷ ЦГАНХ СССР, ф. 647, оп. 1, д. 59, л. 303.

ного предприятия, находящегося под наблюдением Главного управления по топливу, с одновременным снятием с государственного снабжения»³⁸.

Постановление Совнаркома от 30 октября 1920 г. предусматривало и материально-техническое обеспечение программы гидроторфа. Оно, во-первых, установило порядок, по которому снабжающие главки должны были удовлетворять заявки Гидроторфа в первую очередь; во-вторых, предложило Наркомату по морским делам безоговорочно выдавать Гидроторфу материалы, оборудование, машины и определить своего представителя, вполне знакомого с запасами ведомства, для непосредственных сношений с Гидроторфом; в-третьих, поручило Отделу металла ВСНХ выделить несколько заводов для изготовления оборудования, нужного для гидравлического способа добычи торфа³⁹. В отчете Гидроторфа за февраль 1921 г. сообщалось, что выполнение его заказов производится на 14 заводах различными по численности группами рабочих — от пяти человек (завод бывш. Дангауэр и Кайзер) до 115 человек (Московский металлический завод). Всего на этих заводах по заказам Гидроторфа работало 530 человек⁴⁰. Однако распределение заказов по разным заводам было недостаточно эффективным. Как докладывал Классон Ленину 2 августа 1921 г., Гидроторф получил «ряд частей машин, наполовину законченных на одном заводе, но другие части, изготавливавшиеся на других заводах, совершенно не были готовы, поэтому все механизмы для нас оказались бесполезными»⁴¹.

В первых числах июня 1921 г. Гидроторф возбудил перед Совнаркомом ходатайство о передаче ему завода бывш. «Русская машина». Объясняя мотивы ходатайства, Классон сообщал Ленину 10 июня: «Если окажется возможным передать нам упомянутый завод, мы устроили бы на нем техническую базу для всех ремонтных работ, испытаний машин, доделок... Завод хорошо оборудован и при благоприятных условиях на нем можно интенсивно работать»⁴². 10 августа было принято постановление СТО, в котором заводу «Русская машина» было предложено исполнять задания Гидроторфа, продолжая в то же время выполнять срочные работы Бронеотдела РККА по ремонту танков⁴³. Это решение оказалось недостаточным для обеспечения нормальной деятельности Гидроторфа, поэтому его руководители стали добиваться, чтобы завод был передан полностью в их распоряжение. После неоднократного обсуждения вопроса на разных уровнях было принято решение, которое в постановлении СТО от 22 марта 1922 г. «Об организации работ Гидроторфа» формулировалось следующим образом: «Находящийся в частичном распоряжении Управления Гидроторфа завод бывш. «Русская машина» передается ему полностью»⁴⁴.

Завод Гидроторфа стал центром создания машин для гидравлической добычи торфа. Как вспоминают старые работники этого предприятия, сосредоточение всей его производственной деятельности на выпуске новой экспериментальной техники, облегчающей условия труда

³⁸ «Исторический архив», 1956, № 1, стр. 38. Перевод Гидроторфа на хозрасчет, предусмотренный этим постановлением, был в значительной мере формальным актом. На это недвусмысленно указала сметно-бюджетная комиссия НКФ, постановившая в мае 1922 г.: «Обычный порядок отпуска средств хозрасчетным предприятиям к Гидроторфу не может быть применен, т. к. 1) он является предприятием, которое находится в стадии организации; 2) большая часть его средств предназначена не на эксплуатацию, а на оборудование предприятия; 3) в текущем году предприятие не может перейти на самоокупаемость» (ЦГАИХ СССР, ф. 647, оп. 1, д. 59, л. 425).

³⁹ «Исторический архив», 1956, № 1, стр. 13.

⁴⁰ ЦГАИХ СССР, ф. 647, оп. 1, д. 59, лл. 66, 106.

⁴¹ Там же, л. 173.

⁴² Там же, л. 161. До революции завод принадлежал Михельсону.

⁴³ Там же, л. 202.

⁴⁴ «Исторический архив», 1956, № 1, стр. 38.

на торфодобыче, было встречено коллективом с большим энтузиазмом. Все работали сверхурочно, поглощенные одной мыслью — лучше и быстрее выполнить производственное задание, которое получило название «Ленинский заказ»⁴⁵. В связи с этим коллектив завода обратился с ходатайством присвоить предприятию имя В. И. Ленина. 9 сентября 1922 г. Комиссия по переименованию московских фабрик и заводов Моссовета приняла решение: «Переименовать завод б. Михельсона в машиностроительный завод имени Владимира Ильича»⁴⁶. Это было первое предприятие в стране, которое получило имя Ленина.

Завод имени Владимира Ильича, находясь в ведении Гидроторфа, представлял собой, по нынешней терминологии, опытно-экспериментальное предприятие. Производственная программа утверждалась Гидроторфом, управляющий заводом подчинялся непосредственно Гидроторфу, отвечая перед ним за производственную, хозяйственную и финансовую деятельность предприятия⁴⁷. При такой структуре управления завод не находился на хозяйственном расчете, а был лишь составной частью хозрасчетной организации. Хозрасчет же Гидроторфа, как отмечалось выше, по существу, имел формальный характер, поэтому завод постоянно испытывал значительные экономические затруднения. В конце концов после многократных попыток улучшить хозяйственное положение завода Президиум ВСНХ 31 декабря 1923 г. принял следующее решение: «С 1 января 1924 г. выделить завод им. Владимира Ильича из состава Гидроторфа и перевести его на хозяйственный расчет... Завод пользуется преимущественным правом получения заказов Гидроторфа... Завод обязуется принимать на себя заказы Гидроторфа по производству опытных машин»⁴⁸.

Важным элементом программы гидроторфа в части ее технического обеспечения были заказы оборудования за рубежом. Их значение для скорейшей реализации программы отмечал Ленин. Он говорил в 1920 г.: «Мы изготовили машины, которые употребляются при новом способе (гидроторфе.— Л. Г.), но изготовили их плохо. Командировки за границу при налаживающемся товарообмене с заграницей, при хотя бы полулегально существующих торговых сношениях, помогут нам эти же машины, нашими изобретателями составленные, получить исполненными великолепно»⁴⁹. В постановление Совнаркома от 30 октября 1920 г. был включен пункт, согласно которому Наркомату внешней торговли предписывалось принимать срочные меры к получению из-за границы оборудования, заказанного Гидроторфом⁵⁰.

В отчете Гидроторфа за декабрь 1920 г. сообщалось, что полная заявка на оборудование, которое надо заказать за рубежом к сезону 1921 г., рассмотрена и одобрена импортной комиссией ВСНХ⁵¹. В начале 1921 г. Классон был командирован за границу. Перед ним ставилась задача ознакомиться с основными достижениями в области торфодобычи, и прежде всего с работами, направленными на ускорение сушки торфа. Предполагалось заинтересовать иностранных специалистов крупными премиями (10—50 тыс. руб. золотом) в случае достижения ценных результатов в разработке технических средств и технологических процессов для гидроторфа. Как писал Ленин, «денег на это не надо жалеть»⁵². Однако премии не понадобились, так как Классон выяснил, что германское общество «Мадрук» создало специальный пресс

⁴⁵ «Вопросы экономики», 1960, № 4, стр. 94.

⁴⁶ «Рабочая Москва», 15.IX.1922.

⁴⁷ ЦГАНХ СССР, ф. 647, оп. 1, д. 61, л. 405.

⁴⁸ Там же, оп. 3, д. 61, л. 14.

⁴⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 42, стр. 153.

⁵⁰ «Исторический архив», 1956, № 1, стр. 13.

⁵¹ ЦГАНХ СССР, ф. 647, оп. 1, д. 59, л. 29.

⁵² См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 52, стр. 255, 260—261.

для отжатия (обезвоживания) торфа, усовершенствование которого позволило бы превратить добычу торфа в нашей стране из сезонного процесса в круглогодичный.

Другой задачей командировки Классона был контроль за прохождением заграничных заказов Гидроторфа. При выполнении этой задачи он обнаружил множество серьезных недостатков в работе наших внешнеторговых организаций. В отчете о командировке, посланном Ленину 20 мая 1921 г., Классон сообщал, что до приезда представителя Гидроторфа никакого оборудования не было заказано по чисто бюрократическим причинам: никто не хотел на себя брать инициативу; кроме того, средства, отпущенные на заказы для Гидроторфа, были израсходованы на другие цели. «Вся постановка дела заграничных заказов такова,— писал Классон,— что на производительную работу и скорое исполнение наших заказов рассчитывать совершенно нельзя. Потеря времени чрезвычайная, вся система такова, что никто не заботится о том, чтобы сократить эту бессмысленную трату времени, и в погоне за несколькими марками экономии приносятся в жертву недели и месяцы драгоценного времени»⁵³.

Недостатки в работе внешнеторговых организаций и трудности в деятельности Гидроторфа привели к тому, что уже в середине 1921 г. стало очевидно: годовая программа добычи торфа гидравлическим способом не может быть выполнена. Правда, Классон по этому поводу не высказывал особенного огорчения. «Сезон 1921 г.,— писал он,— упущен лишь количественно, так как в этом году важно было не столько добыть много торфа, сколько окончательно выработать типы машин и все детали производства»⁵⁴. Соглашаясь в принципе с мнением Классона, Ленин написал ему: «Немного виноваты и Вы в том, что упущен 1921 год. Смотрите, не пропустите 1922»⁵⁵. Для выполнения этого требования в отношении зарубежных заказов была создана специальная внешнеторговая организация — Временная берлинская комиссия по выдаче заказов для Гидроторфа.

24 сентября 1921 г. Ленин подписал инструкцию, на основе которой должна была осуществляться деятельность этой организации. В инструкции указывалось, что комиссия создается «для беззамедлительного разрешения на месте всех вопросов, связанных с выдачей за границей заказов на предметы механического оборудования для Гидроторфа»⁵⁶. Ей поручалось выполнение следующих функций: детальное определение предметов, подлежащих заказу; определение технических и коммерческих условий заказов; поиск поставщиков и заключение договоров; наблюдение за исполнением заказов и их приемка; отправка заказанных предметов в Россию и наблюдение за их следованием в пути. Кроме того, комиссия должна была производить опыты, испытания и прочие действия, необходимые для выяснения возможностей заказываемого оборудования. Был определен состав комиссии — два внешнеторговых работника и один сотрудник Гидроторфа (члены комиссии указывались персонально). В ее распоряжение была выделена иностранная валюта с условием, что она будет израсходована только на то оборудование для гидроторфа, которое не может быть изготовлено в России. К инструкции была приложена записка Ленина: «Прошу выполнить с особой аккуратностью, чтобы к I. II. 1922 все было готово в Берлине и непременно к I. III. 1922 все было в Москве. Отчеты краткие, но аккуратно, ежемесячно... Не прозевать, как прозевывали уже не раз в этом деле»⁵⁷.

⁵³ ЦГАНХ СССР, ф. 647, оп. 1, д. 59, л. 139.

⁵⁴ Там же, л. 159.

⁵⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 52, стр. 255.

⁵⁶ «Ленинский сборник» XXIII, стр. 92.

⁵⁷ Там же, стр. 93.

Еще одним существенным элементом программы Гидроторфа являлось материальное обеспечение работников. В постановлении Совнаркома от 30 октября 1920 г. было записано: «Все ответственные работники Гидроторфа, от работы которых непосредственно зависит скорый и полный успех дела, снабжаются на себя и семью продовольственным пайком высшей квалификации и получают такое вознаграждение, чтобы они могли вполне и целиком отдаться своему делу. Остальные работники получают круглый год паек, установленный для работников торфяного дела во время торфяного сезона»⁵⁸. Но материальное обеспечение работников Гидроторфа сталкивалось с серьезными затруднениями. Так, руководители программы сообщали: «Нам не удалось приблизиться даже отдаленно к такой оплате персонала, которая давала бы возможность всецело отдаться своему делу» (январь 1921 г.); «Работникам Гидроторфа приходилось думать не о деле, а о способах так или иначе прокормить себя» (март); «Сотрудники нашего учреждения вынуждены искать заработка на стороне» (апрель)⁵⁹.

Для Гидроторфа не было установлено твердого штатного расписания, численность его сотрудников в каждый данный момент соотносилась с заданиями, полученными от Совнаркома, и с действительным состоянием работ⁶⁰. Так, на 1 июня 1921 г. в управлении Гидроторфа насчитывалось 197 человек, на 1 сентября — 226, на 1 января 1922 г. — 321 человек. Всего же на начало 1922 г. в составе Гидроторфа было около 1900 работников, в том числе в трех торфоразработочных хозяйствах примерно 1100 и на машиностроительном заводе — более 450 работников⁶¹. Серьезные материальные трудности не препятствовали созданию в Гидроторфе творческой, деловой обстановки. Ленин считал коллектив Гидроторфа добросовестным, работоспособным и поддерживал ходатайства о выдаче ему крупных ассигнований.

2 марта 1922 г. в связи с предоставлением этой организации 1200 тыс. руб. из резервного фонда Совнаркома Ленин обратился с письмом к товарищам, работающим в Гидроторфе. В письме говорилось: «Вы теперь получили то, что необходимо для ваших работ. При всей нашей бедности и убожестве, вам сверх ранее выданных сумм ассигнованы еще крупные суммы. Строжайше озаботиться: 1. чтобы не сделать чего-нибудь зря, 2. чтобы не размахнуться больше, чем это позволяют отпущенные средства, 3. чтобы опыты, вами произведенные, получили максимальную степень доказательности и дали бы окончательно ответы о практической и хозяйственной пригодности нового способа добывания торфа, 4. обратить сугубое внимание на то, чтобы велась отчетность в израсходовании отпущенных вам сумм. Отчетность должна быть поставлена так, чтобы можно было судить о стоимости добываемого торфа»⁶².

Письмо Ленина было размножено и вывешено в кабинетах руководящих сотрудников Гидроторфа, с тем чтобы оно всегда служило им напоминанием и никогда не упускалось из виду. «Нам очень многое дано, — говорилось в приказе, подписанном Классоном, — и поэтому с нас много взыщется»⁶³. Письмо Ленина сыграло важную стимулирующую роль в максимально эффективном использовании полученных средств на завершающих этапах осуществления научно-технической программы гидроторфа.

26 января 1923 г. комиссия Совнаркома, обследовавшая работы по гидроторфу, пришла к единому решению: «Гидравлический способ тор-

⁵⁸ «Исторический архив», 1956, № 1, стр. 13.

⁵⁹ ЦГАИХ СССР, ф. 617, оп. 1, д. 59, лл. 57, 64, 97.

⁶⁰ Там же, д. 7, л. 125.

⁶¹ Там же, лл. 80, 125, 138, 346.

⁶² В. И. Ленин. ПСС. Т. 54, стр. 196—197.

⁶³ «Исторический архив», 1956, № 1, стр. 37.

фодобычи в настоящий момент вышел из стадии опытов и принял промышленный характер, он является большим достижением в деле механизации торфодобычи и дает продукт, по своему качеству не уступающий практически машинно-формовочному торфу и по своей цене — во всяком случае не превышающий стоимости последнего»⁶⁴. На основании этого решения СТО 31 января 1923 г. принял следующее постановление: «Признать, что гидравлический способ торфодобычи в настоящий момент вышел из стадии опытов, принял промышленный характер и привел к большим достижениям в деле механизации торфодобычи»⁶⁵.

Таким образом, временные границы программы гидроторфа могут быть четко датированы: начало ее связано с постановлением СНК от 30 октября 1920 г., завершение — с постановлением СТО от 31 января 1923 года. Общий срок реализации программы — 2 года 3 месяца. Свидетельством успеха первого опыта применения программно-целевого метода является и тот факт, что экспонировавшийся Гидроторфом и заводом имени Владимира Ильича на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1923 г. комплект машин для добычи торфа гидравлическим способом был удостоен Диплома I степени⁶⁶.

После завершения программы управление Гидроторфа было снова включено в состав Цуторфа на правах отдела. В 1926 г. были созданы новые агрегаты, повысившие производительность гидроторфа, а в 1938 и 1940 гг. началась эксплуатация машин, которые, хотя и не увеличивали производительность гидравлического способа, но повышали качество добываемого торфа⁶⁷. О масштабах применения изобретения Класона и Кирпичникова⁶⁸:

	1922 г.	1927 г.	1932 г.	1940 г.	1950 г.	1955 г.
Количество торфа, добытого гидравлическим способом (тыс. т)	49,6	515,6	2 469,6	9 609,2	9 755,7	8 137,2
Доля добытого гидроспособом торфа, во всей его добыче (%)	2,3	10,5	18,3	28,9	27,0	16,2

В свое время гидроторф, облегчивший труд на торфоразработках и повысивший его производительность, вытеснил машинно-формовочный способ добычи торфа. Но прошло несколько десятилетий, и гидроторф вынужден был уступить место более продуктивному фрезерному способу добычи торфа. В конце 1950-х годов Министерство электростанций СССР приняло решение о резком сокращении добычи торфа гидравлическим способом и реконструкции предприятий гидроторфа⁶⁹.

Технически и экономически гидроторф устарел, но с точки зрения истории социалистического планирования и организации советской науки и техники опыт его представляет немалый интерес. Реализация программы гидроторфа впервые успешно решила многие проблемы управления производством, к которым на новом, значительно более высоком уровне мы возвращаемся сегодня в условиях развитого социалистического общества.

⁶⁴ «Гидроторф». Т. I, стр. 430.

⁶⁵ «Исторический архив», 1956, № 1, стр. 39.

⁶⁶ ЦГАНХ СССР, ф. 647, оп. 1, д. 61, л. 220.

⁶⁷ «40 лет торфяной промышленности СССР», стр. 87.

⁶⁸ Там же, стр. 34, 35.

⁶⁹ М. Я. Рябчиков. Реконструкция торфяных предприятий с гидроторфа на добычу фрезерного торфа. «Торфяная промышленность», 1957, № 6.

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О БАНКРОТСТВЕ АГРАРНЫХ ПРОГРАММ И ПОЛИТИКИ БУРЖУАЗНЫХ И МЕЛКОБУРЖУАЗНЫХ ПАРТИЙ В РОССИИ

Е. В. Иллерицкая

Одна из важнейших проблем в теории и практике марксизма-ленинизма — проблема союза пролетариата с непролетарскими слоями трудящихся и прежде всего с крестьянством. Повсюду, где крестьяне составляют значительную массу населения, политические партии, претендующие на власть, пытаются завоевать их на свою сторону. Этой цели служат прежде всего их аграрные программы. При изучении этих программ первостепенное значение имеет богатейший опыт России.

Аграрный вопрос в России после реформы 1861 г. и до октября 1917 г. относился к числу самых острых экономических, социальных и политических проблем, поскольку крестьянство составляло здесь большинство населения. «Аграрный вопрос,— писал В. И. Ленин,— составляет основу буржуазной революции в России и обуславливает собой национальную особенность этой революции. Сущность этого вопроса составляет борьба крестьянства за уничтожение помещичьего землевладения и остатков крепостничества в земледельческом строе России, а следовательно, и во всех социальных и политических учреждениях ее»¹. Эти слова написаны были до Февральской революции. Но, поскольку и она не разрешила аграрного вопроса (помещичье землевладение не было ликвидировано, и крестьяне не получили земли), аграрная проблема в России продолжала оставаться такой же острой, как и ранее.

Естественным и единственно надежным союзником и руководителем трудового крестьянства в буржуазно-демократической и социалистической революциях был российский пролетариат. Он и его авангард — партия большевиков настойчиво боролись за влияние на крестьянство, за его политическое просвещение и развитие его революционной энергии.

За крестьянство боролись и другие классы и партии, преследуя при этом свои цели. Поэтому период с начала XX в., когда в России возникли политические партии, и до Великой Октябрьской социалистической революции был периодом напряженной и непрерывно обострявшейся борьбы между ними за завоевание крестьянства на свою сторону. Каждая из партий разрабатывала с этой целью аграрную программу, уточняла ее и приспособлявала к изменяющимся историческим условиям, стремясь популяризировать ее принципы среди крестьянства и преодолеть в нем влияние других партий.

Без изучения всех этих вопросов нельзя представить себе ни социальных процессов, ни политической истории России первых десятилетий XX века. Понятен поэтому пристальный интерес советских историков к изучению аграрных отношений в России, крестьянского движения, аграрных программ и политики всех партий, и в особенности научной аг-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 16, стр. 403.

рарной программы большевиков, разработанной Лениным и под его руководством воплощенной в жизнь в результате Великой Октябрьской социалистической революции. Изучение этих вопросов в настоящее время не только представляет чисто научный или теоретический интерес, но и сохраняет злободневное политическое значение.

Сейчас, в период резкого обострения идеологической борьбы между силами социализма и империализма, антикоммунисты пытаются извратить историю успешного решения аграрного вопроса в России, чтобы не допустить использования ее поучительного опыта странами, освободившимися от колониальной зависимости, по преимуществу крестьянскими по составу населения, представить в искаженном виде историю борьбы большевиков с буржуазными и мелкобуржуазными партиями по аграрному вопросу. Главным источником для подобного рода извращений остаются «аргументы» и «доводы» российских буржуазных и мелкобуржуазных партий, потерпевших крах в 1917 году. Остатки разбитых Октябрьской революцией политических сил долгое время настойчиво доказывали в эмигрантской литературе состоятельность своих аграрных программ, а свою неудачу в их реализации стремились объяснить случайными причинами, поскольку и самую победу социалистической революции они также изображали как «случайность»².

Подлинно научной основой для оценки буржуазных и мелкобуржуазных программ по аграрному вопросу, а следовательно, и всей посвященной ему литературы являются труды Ленина, который на протяжении всей своей политической деятельности уделял этой проблеме огромное внимание. Ленин творчески разработал все стороны аграрного вопроса, все выдвинутые жизнью новые проблемы, отражавшие специфику эпохи империализма и пролетарских революций, внес исключительной ценности вклад в сокровищницу марксизма. Ленин особо подчеркивал, что «аграрная революция есть пустая фраза, если ее победа не предполагает завоевания власти революционным народом»³. В победе этой революции Ленин видел воплощение боевого союза пролетариата и крестьянства при руководящей роли рабочего класса. С этой точки зрения он подверг уничтожающей критике все антимарксистские извращения аграрного вопроса оппортунистами II Интернационала (Э. Давидом, Ф. Герцем, Э. Вандервельде, Д. Гатти и др.), а также лидерами меньшевиков и эсеров в России — П. Масловым, В. Черновым и другими⁴.

Придавая исключительное значение аграрному вопросу в судьбах российской революции, Ленин уделял особое внимание разоблачению «теорий» и антинародной политики буржуазных и мелкобуржуазных партий, стремясь избавить трудовое крестьянство от их влияния и обеспечить российскому пролетариату руководящую роль в революционной борьбе крестьянства. Сила и убедительность ленинской аграрной программы состояли в том, что она отвечала коренным интересам трудящегося крестьянства. Ленину принадлежит разработка всех важнейших документов большевистской партии, в которых определялось отношение пролетариата к крестьянству на всех этапах революции в России, излагалась научная программа решения аграрного вопроса⁵.

Изучение рассматриваемой здесь проблемы имеет свою историю. Оно определялось методологическим и теоретическим уровнем советской исторической науки на различных этапах ее развития, накоплением

² См. Г. В. Шарапов. Критика антикоммунизма по аграрному вопросу. М. 1966.

³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 12, стр. 366.

⁴ Эти вопросы обстоятельно изложены в работах: А. Н. Нильве. Борьба В. И. Ленина с ревизионизмом в аграрном вопросе и ее международное значение. М. 1973; С. П. Трапезников. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. I. М. 1974.

⁵ Подробнее об этом см.: «В. И. Ленин и история классов и политических партий в России». М. 1969; С. П. Трапезников. Указ. соч. Тт. I—II. М. 1974.

и разработкой источников, ростом квалификации исследовательских кадров. В данной статье предпринимается попытка проанализировать некоторые итоги и результаты работы по исследованию аграрных программ буржуазных и мелкобуржуазных партий в России. Сделать это тем более необходимо, что в научной литературе имеются, к сожалению, существенные пробелы в освещении аграрных программ и аграрной политики буржуазных и мелкобуржуазных партий.

В 20-х — начале 30-х годов, на этапе становления советской исторической науки, были изданы популярные работы, преимущественно публицистического характера, посвященные буржуазным и в особенности мелкобуржуазным партиям России, в которых авторы сосредоточивали свое внимание на разоблачении контрреволюционного характера их деятельности, их враждебном отношении к Октябрьской революции и к социалистическому строительству. В этих работах лишь косвенно и в популярной форме затрагивались вопросы, связанные с оценкой аграрных программ непролетарских партий, подчеркивался фактический отказ эсеров от реализации собственной аграрной программы в период вхождения представителей этой партии в состав Временного правительства⁶.

Особое значение имела монография Е. А. Мороховца⁷, специально посвященная анализу аграрных программ всех политических партий России. Книга открывалась обширным очерком об аграрной программе пролетарской партии, в котором впервые в советской научной литературе трактовался этот важный вопрос. Кроме основных сюжетных линий, в книге содержались обширные для того времени сведения о формировании и развитии аграрных программ политических партий России задолго до 1917 г. — со времени образования каждой партии. Более того, в ней не только оценивались аграрные программы, но и в определенной мере анализировалась политика партий в аграрном вопросе за период с февраля по октябрь 1917 года. Е. А. Мороховец дал достаточно верную группировку партий на основе классовой сущности их аграрных программ, а также сводный очерк аграрной программы партии пролетариата, мелкобуржуазных партий (меньшевиков, народнических партий), буржуазно-помещичьих партий и организаций (кадеты, союз земельных собственников).

Научный уровень монографии был достаточно высок для своего времени. Автор привлек как документальные материалы различных партий, отражавшие их взгляды на аграрный вопрос, так и публицистические работы их лидеров и теоретиков, партийную прессу, публикации документов в советских изданиях. Книга Е. А. Мороховца являлась в то время наиболее обширным и качественным сводом сведений по рассматриваемой теме. Работ, специально посвященных анализу аграрных программ политических партий России, впоследствии не издавалось.

Однако вскоре после издания труда Е. А. Мороховца стали обнаруживаться и его существенные недостатки. Так, автор не использовал с необходимой полнотой ленинского теоретического наследия по аграрному вопросу (его интенсивное изучение в тот период только еще развевывалось). Совсем не были использованы архивные материалы, которые могли бы уточнить, углубить, а в ряде случаев и опровергнуть выводы автора; увлекшись анализом публицистики и прессы, он уделил недоста-

⁶ В. Быстрянский. Меньшевики и эсеры в русской революции. М. 1921; И. Бардин. Политические партии и русская революция. М. 1922; А. В. Луначарский. Бывшие люди. Очерки истории партии эсеров. М. 1922; В. Н. Мещеряков. Партия социалистов-революционеров. М. 1922; М. Н. Покровский. Что установил процесс так называемых социалистов-революционеров. М. 1922; П. Н. Попов. Мелкобуржуазные антисоветские партии. М. 1924; В. Стальский. Кадеты. Харьков. 1930; С. П. Черномордик. Эсеры. Харьков. 1930; Е. Ярославский. Третья сила. М. 1932.

⁷ Е. А. Мороховец. Аграрные программы российских политических партий в 1917 году. М. 1929.

точно внимания программным документам самих партий, что справедливо отмечалось в рецензиях на книгу⁸. Нельзя не обратить внимания и на то, что, хотя в книге Е. А. Мороховца рассматривались аграрные программы почти всех политических партий России, делалось это изолированно, не освещалось их взаимное влияние, отражавшееся в программах, что составляло необходимую предпосылку не только их всестороннего анализа, но и выявления черт общности в аграрных программах буржуазных и мелкобуржуазных партий, раскрытия их принципиальной противоположности аграрной программе большевиков. Аграрные программы буржуазных и мелкобуржуазных партий недостаточно увязывались в книге с практической деятельностью этих политических организаций, что ослабляло вывод автора о неизбежности их краха, об узкоклассовых расчетах непролетарских партий, представлявших крестьянство лишь как объект их борьбы за власть.

В последующий период развития советской исторической науки (с середины 30-х и до конца 50-х годов) внимание советских историков сосредоточивалось на изучении аграрной программы большевистской партии, что получило отражение как в обобщающих работах⁹, так и в специальных исследованиях¹⁰. Что касается аграрных программ и политики в земельном вопросе буржуазных и мелкобуржуазных партий, то они в рассматриваемый период специально исследованию не подвергались, если не считать исторических экскурсов в некоторых обобщающих работах¹¹. Но тем самым не освещалась с необходимой полнотой и столь важная сторона деятельности большевистской партии, Ленина, как разоблачение антинаучного и антинародного характера аграрных программ буржуазных и мелкобуржуазных партий.

На современном этапе развития советской исторической науки, в 60-х — 70-х годах, появились работы об отдельных буржуазных и мелкобуржуазных партиях. Это было связано с изучением стратегии и тактики большевиков по отношению к непролетарским партиям, с освещением их истории, раскрытием закономерностей их гибели в Советской России. Исследователи старались показать лагерь врагов революции, подчеркнуть, какие трудности в борьбе с ними преодолевала большевистская партия, каких значительных результатов она добилась, ломая сопротивление опасных и изощренных противников, и в этой связи касались, как правило, в общей форме, аграрных программ буржуазных и мелкобуржуазных партий. В определенной мере усилению внимания к истории этих партий в рассматриваемый период способствовало стремление советских историков разоблачить буржуазных фальсификаторов, представляющих эти партии в идеализированном виде.

Обстоятельному анализу подверглась деятельность буржуазных партий¹², особенно кадетов. В этих работах были широко использованы новые источники, в частности архивные, раскрывались ранее неизвестные стороны деятельности буржуазных партий. Приводились в них и некоторые новые материалы, более полно характеризующие аграрные программы и политику буржуазных партий в аграрном вопросе, убедитель-

⁸ См., например, рецензию Е. Кривошеиной. «Пролетарская революция», 1929, № 6(89), стр. 221—223.

⁹ «История гражданской войны в СССР». Т. I. М. 1935.

¹⁰ А. А. Воронович. Об аграрной программе РСДРП. М. 1947; А. Н. Лопатин. Из истории разработки аграрной программы большевистской партии. М. 1952.

¹¹ См., например, А. Краев. Победа колхозного строя в СССР. М. 1954.

¹² В. Я. Лаврычев. По ту сторону баррикад. М. 1967; С. Дякин. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. М. 1967; Е. Д. Черменский. Буржуазия и царизм в революции 1905—1907 годов. Изд. 2-е. М. 1970; Н. Г. Думов. Провал политики кадетской партии в борьбе за власть буржуазии. Канд. дисс. М. 1970; е е же. Из истории кадетской партии в 1917 году. «Исторические записки», 1972, т. 90; Л. М. Спирин. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.). М. 1977.

тельно доказывалась противоположность их интересов интересам трудового крестьянства и обусловленная этим неизбежность их банкротства.

В рассматриваемый период широко изучались и мелкобуржуазные партии, в особенности партия эсеров, борьба большевиков с которой за крестьянство протекала наиболее остро. В 1963 г. вышла книга К. В. Гусева «Крах партии левых эсеров». Хотя основное внимание автором уделено послеоктябрьской контрреволюционной деятельности левых эсеров и борьбе с ними большевиков, в первой главе книги («Аграрные программы большевиков и эсеров») содержатся новые сведения о разработке аграрной программы партии социалистов-революционеров до выделения из ее состава левых эсеров, о борьбе большевиков с эсерами по аграрному вопросу.

Еще более обстоятельно эти вопросы освещены применительно не только к левым, но и к правым эсерам в работе К. В. Гусева и Х. А. Ерицяна¹³. Поскольку партия эсеров считала себя «крестьянской», авторы уделили значительное место не только критике научной несостоятельности коренных принципов эсеровской аграрной программы, но и раскрытию основных причин банкротства аграрной политики эсеров в тот период, когда их лидеры входили в состав коалиционного Временного правительства. Напомним, что эсерам принадлежали в нем такие ключевые для разрешения аграрного вопроса позиции, как пост министра-председателя (А. Ф. Керенский) и министра земледелия (В. М. Чернов, а затем С. Л. Маслов).

Своеобразным итогом изучения партии эсеров является новая книга К. В. Гусева¹⁴. В ней история эсеров характеризуется наиболее полно и разносторонне. Привлечены новые источники, в том числе архивные, учтена вся предшествующая литература по этому вопросу. Обстоятельно раскрывается автором процесс распада партии эсеров, который правомерно ставится в зависимость от таких объективных обстоятельств, как углубление революционной обстановки в стране в феврале — октябре 1917 г., в особенности же расслоение деревни, вследствие чего первоначально массы отошли от правого крыла и центра эсеровской партии, а позднее такая же участь постигла и левых эсеров. В числе вопросов, обусловивших раскол партии эсеров, был и аграрный: левые эсеры выступали за немедленную ликвидацию помещичьего землевладения, но при этом не предполагалось уничтожения капитализма как общественной системы. К. В. Гусев справедливо подчеркивает, что ленинский Декрет о земле, в котором учтены вековые стремления широких крестьянских масс, совсем не означал простой реализации эсеровской программы «социализации земли». Будучи осуществлен в условиях диктатуры пролетариата, этот декрет, по сути дела, реализовал большевистскую аграрную программу, создавая в исторической перспективе предпосылки для подлинно социалистических преобразований в деревне. Тем самым проведение в жизнь Декрета о земле означало полное и окончательное банкротство эсеровской аграрной программы.

Существенным явлением в советской исторической науке, отразившим все более расширяющуюся разработку проблем истории буржуазных и мелкобуржуазных партий, была публикация работ В. В. Комина¹⁵. В первой из них, носящей монографический характер, автор ог-

¹³ К. В. Гусев, Х. А. Ерицян. От соглашательства к контрреволюции (Очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров). М. 1968.

¹⁴ К. В. Гусев. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции (Исторический очерк). М. 1975.

¹⁵ В. В. Комин. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий в России в период подготовки к победе Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1965; его же. История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных партий в России. Чч. I—II (1900—1923 гг.). Калинин. 1970 (редапрант, пособие по спецкурсу).

раничился периодом подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции; во второй, научно-популярной, работе поставил более широкую задачу — дать историю всех крупнейших политических партий России, возникших в начале XX в. и действовавших до 1923 года. Однако лишь в монографии В. В. Комина содержится материал по аграрному вопросу, во второй работе он крайне незначителен, в большей мере общеизвестен и изложен эпизодично¹⁶.

Серьезным достижением в изучении истории классов и партий первых лет Советской власти явились монографии Л. М. Спирина¹⁷. Раскрывая предысторию буржуазных и мелкобуржуазных партий, боровшихся с Советской Россией, автор уделил внимание и анализу их аграрных программ, показав неизбежность краха этих партий, подтвержденную не только активной борьбой беднейшего крестьянства с контрреволюционными партиями еще до Октябрьской революции, но и переходом на сторону Советской власти в годы гражданской войны среднего крестьянства.

В конце 60-х — начале 70-х годов заметно повысился теоретический уровень исследований, что вытекало из всего предшествующего развития советской исторической науки и было связано с всевозрастающим вниманием Коммунистической партии к общественным наукам, а также с тщательной и разносторонней подготовкой советских историков к празднованию 50-летия Великого Октября и 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, с изданием руководящих документов к этим знаменательным датам¹⁸. Отмеченный процесс получил отражение в глубоком и систематическом освещении советскими историками ленинских положений о социальной структуре и политическом строе капиталистической России, включая период империализма, и в особенности об истории классов и политических партий в России. Так, в коллективной монографии «В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России» (М. 1970) содержится написанная С. В. Тютюкиным глава «Оппозиция его величества» (партия кадетов в 1905—1917 гг.), в которой дается убедительный анализ эволюции кадетов от умеренного либерализма в период первой русской революции к первоначально скрытой, а затем и открытой контрреволюции после февраля 1917 г., что получило полное отражение в их позициях по аграрному вопросу. В другой коллективной монографии — «В. И. Ленин и история классов и политических партий в России» — рассматриваются в той или иной степени вопросы аграрной политики различных классов и партий и их ленинская оценка. Примечательной и ценной особенностью этой работы является зачастую впервые предпринимаемая ее авторами (И. Д. Ковальченко, В. И. Бовыкиным, В. Я. Лаверычевым, Л. М. Спириным) попытка изложить рассматриваемые ими вопросы в историографическом плане. При этом должное внимание уделяется новейшей литературе, в том числе и по аграрному вопросу.

В этих коллективных монографиях, как и в ряде других юбилейных работ, получили верное отображение ленинское положение о трех лагерьх (реакционный, либерально-буржуазный и революционный; первый и второй ранее в нашей литературе обычно неправомерно объединялись), боровшихся между собой на политической арене в России, а также по-

¹⁶ Об этой работе В. В. Комина см.: «В. И. Ленин об истории классов и политических партий в России». М. 1970, стр. 254.

¹⁷ Л. М. Спирин. Классы и партии в гражданской войне. М. 1968; его же. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.).

¹⁸ Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве». «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 8-е. Т. 9; Тезисы ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Там же; Тезисы ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина». Там же. Т. 10.

нимание Лениным тактики «левого блока». И то и другое имеет непосредственное отношение к борьбе партий по аграрному вопросу.

Более высокий методологический уровень, достигнутый советской исторической наукой в 60-х — начале 70-х годов, получил отражение и в монографических работах непосредственно по аграрному вопросу, прежде всего в фундаментальных трудах П. Н. Першина и С. П. Трапезникова¹⁹ и в обобщающей монографии И. И. Минца²⁰. Но в названных работах при всех их научных достоинствах аграрные программы буржуазных и мелкобуржуазных партий в России не рассматривались во всей их полноте, в систематически осуществленном сравнении, их эволюция не была предметом специального анализа. В наибольшей мере эти вопросы отражены в труде П. Н. Першина, в особенности применительно к периоду от февраля до октября 1917 года²¹.

Важное методологическое значение имеет двухтомная монография С. П. Трапезникова. Раскрывая процесс оформления, развития и обогащения ленинской аграрной программы и борьбу большевиков за ее превращение в жизнь, автор показал всю глубину ленинской мысли, диалектическую разработку Лениным аграрного вопроса. В работе отмечены черты революционного демократизма в аграрных программах народнических партий, особенно левых эсеров, что не исключало общего утопического характера их воззрений. С. П. Трапезников обосновал неизбежность краха аграрных программ и политики буржуазных и мелкобуржуазных партий после Февральской революции, но анализ всех этих вопросов не был специальной задачей данного труда²². Не ставил такой цели и И. И. Минц в своем капитальном труде о процессах, приведших Россию к Великому Октябрю, но и здесь мы находим ценные материалы о программах и аграрной политике буржуазных и мелкобуржуазных партий²³. В отличие от большинства исследователей, И. И. Минц довел историю банкротства аграрной программы эсеров до Учредительного собрания, на котором эта партия, по сути дела, окончательно предала интересы крестьян и показала свою буржуазную сущность.

Таким образом, в обобщающих работах последних лет, далеко шагнувших вперед в исследовании аграрного вопроса, все-таки не подверглись специальной разработке проблемы, изучение которых позволяет не только более полно и основательно раскрыть классовую сущность аграрных программ буржуазных и мелкобуржуазных партий в России (это уже в основном сделано советскими историками), но и показать эти программы в сравнительном плане, проследить их эволюцию, противоречивый процесс взаимовлияния и разногласий в их теоретическом обосновании и особенно в попытках реализации в период от февраля до октября 1917 года. Детальный анализ программных установок

¹⁹ П. Н. Першин. Аграрная революция в России. Тт. I—II. М. 1966; С. П. Трапезников. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Тт. I—II.

²⁰ И. И. Минц. История Великого Октября. Тт. I—III. М. 1967—1973.

²¹ Обстоятельную оценку этого труда см.: Е. А. Луцкий. Новая советская литература по истории аграрной революции в России. «История СССР», 1969, № 1; Дополнением к труду П. Н. Першина по периоду с февраля по октябрь 1917 г. является обширная статья Н. К. Фигуровской «Банкротство «аграрной реформы» буржуазного Временного правительства». «Исторические записки», 1968, т. 81. Она основательно раскрыла классовую основу аграрной политики Временного правительства, внесла дополнения в характеристику деятельности Главного земельного комитета, остановилась в отличие от Першина на работе и другого органа, специальной задачей которого было достижение соглашения между правящими партиями по аграрному вопросу, — Лиги аграрных реформ. Однако деятельность Лиги требует более детального изучения.

²² Рецензии на этот труд см. «Коммунист» 1975, № 15; «История СССР», 1976, № 1; «Вопросы истории», 1976, № 3.

²³ Наиболее обстоятельная оценка труда И. И. Минца дана в статье акад. П. Н. Поспелова и Г. А. Трукана «Капитальное исследование Великого Октября». «Исторический опыт Великого Октября», М. 1975.

буржуазных и мелкобуржуазных партий в России по аграрному вопросу в различные периоды, их развитие в зависимости от изменяющихся исторических обстоятельств (углубление классовой борьбы в деревне, изменения в правительственной политике и т. п.) мог быть осуществлен во всей полноте только в специальных работах. Однако число таких работ и в 60-х — 70-х годах остается незначительным. Кроме того, в силу ограниченных тематических задач каждой из них в отдельности эти исследования не могли претендовать на достаточно полное и комплексное освещение всех тех вопросов, которые отмечены выше.

Среди специальных работ об аграрном вопросе в деятельности буржуазных и мелкобуржуазных партий в России следует выделить исследования В. В. Шелохаева, Д. А. Колесниченко и В. Н. Гинева.

В. В. Шелохаев детально рассматривает вопрос об аграрной программе кадетской партии в первой русской революции²⁴. Он широко привлекает не только опубликованные источники и литературу, в том числе и новейшую, но и вводит в научный оборот очень важные архивные материалы о деятельности кадетской партии, ее ЦК и местных организаций, о работе съездов партии и т. п. Автор прослеживает деятельность организаций, положивших начало кадетской партии, до первой русской революции, в период подъема ее и в годы отступления, эволюцию в постановке аграрного вопроса в самой партии и ее фракциях в I и II Государственных думах, характеризует изменение тактических установок кадетов по аграрному вопросу в целях усиления их влияния на трудовиков.

В статьях Д. А. Колесниченко²⁵ дана оценка аграрных проектов трудовиков в I Государственной думе, испытывавших в тот период влияние как со стороны кадетов, так и в особенности со стороны народных социалистов. Автор вводит в научный оборот новые архивные материалы, детально рассматривает избранные для исследования вопросы, убедительно обосновывает выводы. Она раскрывает революционно-демократическую основу «проекта 104-х» по аграрному вопросу, внесенного трудовиками на рассмотрение I Государственной думы, отмечает неустойчивость трудовой группы, ее известную неоднородность, колебания, но вместе с тем доказывает, что при всех этих условиях попытки кадетов установить свое полное влияние на трудовиков не могли не потерпеть неудачу.

Банкротство аграрных программ и политики буржуазных и мелкобуржуазных партий в России произошло в тот период (февраль — октябрь 1917 г.), когда они находились у власти. Потому особый интерес представляют те работы советских историков, которые касаются данного периода. Среди них привлекает внимание содержательная статья В. Н. Гинева²⁶. В ней подчеркивается отказ эсеров от революционно-демократических принципов в разрешении аграрного вопроса еще в годы первой русской революции и переход этой партии благодаря соглашательству с буржуазией на позиции контрреволюции в аграрном вопросе после Февраля 1917 г., в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, при формальном сохранении бывшей аграрной программы.

²⁴ В. В. Шелохаев. Аграрная программа кадетов в первой русской революции. «Исторические записки», 1970, т. 86. Статья представляет собой расширенный текст главы канд. дисс. автора «Программа кадетов в первой русской революции». М. 1970.

²⁵ Д. А. Колесниченко. Аграрные проекты трудовой группы в I Государственной Думе. «Исторические записки», 1968, т. 82; ее же. Трудовая группа в период первой русской революции в освещении советской историографии. «История и историки». 1971 г. М. 1973.

²⁶ В. Н. Гинев. Февральская буржуазно-демократическая революция и аграрный вопрос у эсеров (соотношение программы и тактики). «Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период». Л. 1972.

Среди работ монографического плана, созданных советскими аграрниками в 60-х — 70-х годах, почти нет таких, которые специально анализируют аграрные программы и аграрную политику буржуазных и мелкобуржуазных партий. Большинство исследований освещает крестьянское движение и деятельность крестьянских организаций, что не дает возможности всесторонне выяснить коренной вопрос — о причинах закономерной победы большевиков в борьбе за крестьянство.

Монографии, которые рассмотрены ниже, охватывают комплекс вопросов: общую расстановку классовых сил в стране и роль классовой борьбы крестьянства в феврале—октябре 1917 г., изменения в расстановке классовых сил в деревне, борьбу большевистской партии за крестьянство, руководящую роль Ленина и научную оценку им всех указанных процессов, обеспечившую верную ориентацию партии большевиков в борьбе за ускорение назревания социалистической революции в стране. Принципиальную суть названных вопросов раскрыли в своих обобщающих исследованиях П. Н. Першин, С. П. Трапезников и И. И. Минц. Но в 60-х — 70-х годах были опубликованы специальные исследования по некоторым из этих вопросов.

Особенно обстоятельно изучались процесс углубления классовой борьбы в деревне и те факторы, которые предопределяли победу большевиков в борьбе за крестьянство в 1917 году²⁷. Работы И. В. Игрицкого и Н. А. Кравчука посвящены одному вопросу, но последний ограничился губерниями Европейской России и в этих пределах исследовал проблему более детально и основательно.

В обстоятельном исследовании Т. В. Осиповой, справедливо получившем положительную оценку в нашей печати²⁸, наряду с обобщением опубликованных ранее материалов широко вводятся в научный оборот новые архивные документы, касающиеся 28 губерний Европейской России и позволяющие более глубоко рассмотреть ряд вопросов и уточнить статистические данные. Особый интерес представляют новые сведения о Всероссийском союзе земельных собственников²⁹, свидетельствующие о все более тесном смыкании в феврале — октябре 1917 г. сил помещичьей и кулацкой контрреволюции, о повороте кулачества к союзу с империалистической буржуазией. Материалы монографии Т. В. Осиповой дают все основания для вывода о существенном усилении в тот период второй социальной войны в деревне, что являлось одной из важных предпосылок победы социалистической революции в России. Тем самым подтверждается принципиальное положение о том, что накануне Октября самым надежным союзником пролетариата и его опорой в деревне было беднейшее крестьянство — активнейшая сила в борьбе с помещичье-кулацкой контрреволюцией. Т. В. Осипова привела убедительные доказательства давления Всероссийского союза земельных собственников на аграрную политику Временного правительства, показала, что он служил опорой кадетов и не встречал активного противодействия со стороны правых эсеров и народных социалистов. Это дает дополнительный материал для уточнения наших представлений о политике буржуазных и мелкобуржуазных партий по аграрному вопросу в феврале—октябре 1917 года. В книге Т. В. Осиповой имеются новые интересные сведения и о деятельности политических партий, особенно эсеров, в деревне. Вместе с тем автор показывает все расширявшуюся деятельность и

²⁷ И. В. Игрицкий. Аграрный вопрос и крестьянское движение в России накануне Октября. М. 1962; Н. А. Кравчук. Массовое крестьянское движение накануне Октября. М. 1972.

²⁸ Т. В. Осипова. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1974. См. рецензию К. В. Гусева. «Вопросы истории», 1976, № 5.

²⁹ См. Т. В. Осипова. Всероссийский союз земельных собственников. 1917. «История СССР», 1976, № 3.

укрепление авторитета большевиков в среде трудового крестьянства, что и обусловило банкротство мелкобуржуазных партий.

Несомненный интерес представляет исследование В. И. Кострикина³⁰. На основе большого количества материалов, извлеченных из центральных и местных архивов, он уточнил сведения о численности и характере деятельности крестьянских организаций: крестьянских съездов в 1917 г. и земельных комитетов, главным образом волостных, отличавшихся своей революционностью. Именно волостные земельные комитеты в первые месяцы после Октябрьской революции во многих случаях выполняли роль местных Советов, успешно реализуя Декрет о земле и осуществляя конфискацию помещичьих и иных частновладельческих земель, вплоть до февраля 1918 года. В книге В. И. Кострикина уделено внимание аграрной политике Временного правительства и в этой связи рассмотрены политические основы аграрных программ правящих партий Временного правительства. К сожалению, практическая деятельность политических партий в деревне показана автором слабо, хотя именно уездные и волостные организации находились в центре его внимания.

Работы В. И. Кострикина и Т. В. Осиповой свидетельствуют о том, что размах крестьянского движения в России в 1917 г., преимущественно в период общенационального революционного кризиса, был более значительным, а классовая борьба в деревне гораздо более острой и глубокой, чем это ранее предполагалось советскими исследователями.

Все те процессы в деревне, которых касаются охарактеризованные выше статьи и монографии, не протекали только стихийно. В значительной мере они были результатом направляющей и организующей деятельности партии большевиков, Ленина. О ней рассказывает обширная литература, анализ которой имеет самостоятельное значение.

Таков круг важнейших специальных исследований, посвященных аграрным программам и политике различных политических партий и группировок в России, а также трудов, в которых эти вопросы разрешаются наряду с другими проблемами. Знакомство с этими работами позволяет выяснить степень изученности аграрных программ буржуазных и мелкобуржуазных партий в России, определить полноту раскрытия закономерности банкротства этих программ и наметить перспективы дальнейшей разработки проблемы.

Прежде всего следует отметить, что ряд специальных исследований ограничивается преимущественно первым десятилетием XX века. Кроме того, в опубликованных работах рассматривается в основном деятельность кадетов, трудовиков и эсеров, в них мало материала о проектах разрешения аграрного вопроса народными социалистами и особенно меньшевиками, об эволюции их взглядов в этой области. Почти совершенно не изучены позиции октябристов по аграрному вопросу. Правда, он никогда не занимал первенствующего места в их деятельности, но со времени столыпинской аграрной реформы октябристы активно боролись за утверждение своего влияния на кулачество.

Наиболее слабо исследован период от кануна первой мировой войны до Февральской революции. С какими итогами пришли буржуазные и мелкобуржуазные партии в России в понимании неотложности решения аграрного вопроса к Февральской революции — ко времени получения ими реальной политической власти, мало известно. Что же касается периода от февраля до октября 1917 г., то он изучен в основных вопросах довольно основательно, однако тактика различных партий в борьбе за крестьянство также освещена еще в недостаточной мере. Слабо исследован вопрос и о том, когда мелкобуржуазные партии вступили на путь соглашательства с буржуазией. Представляется верным вы-

³⁰ В. И. Кострикин. Земельные комитеты в 1917 году. М. 1975.

вод С. П. Трапезникова и Т. В. Осиповой о том, что это произошло еще в годы первой мировой войны и было наиболее характерно для народных социалистов и правых эсеров, выражавших интересы зажиточных слоев крестьянства. Данный процесс предопределил соглашательскую политику народнических партий и в разрешении аграрного вопроса после Февральской революции.

Есть и другие недостаточно исследованные и спорные вопросы истории буржуазных и мелкобуржуазных партий, их аграрных программ и аграрной политики. Это прежде всего касается народнических партий (трудовиков, народных социалистов, эсеров — правого их крыла, центра, левого течения, максималистов), определения их социальной опоры на различные слои крестьянства (кулаков, середняцкие слои, маломощных крестьян) в разные периоды и особенно в краткий, но бурный период февраля — октября 1917 года. Однозначного решения этих вопросов в литературе пока еще нет, они требуют дальнейшего углубленного исследования.

Наконец, неравномерно проанализированы все затронутые нами вопросы в региональном отношении. Подавляющее большинство работ о буржуазных и мелкобуржуазных партиях и их позициях по аграрному вопросу касается их центральных и губернских организаций в пределах Европейской России. Деятельность же этих партий на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, которая, конечно, имела свою специфику, раскрыта слабо и еще ждет изучения.

Таким образом, можно констатировать определенную неравномерность и дробность исследования рассматриваемой проблемы как в отношении отдельных периодов, регионов, так и еще более в отношении различных партий.

Состояние изучения аграрного вопроса в трактовке его буржуазными и мелкобуржуазными партиями и борьбы с ними большевиков позволяет наметить основные направления научной работы по данной проблеме в дальнейшем.

Необходимо продолжить работу по выявлению вопросов, не привлекавших до сих пор серьезного внимания ученых, прежде всего по изучению взаимоотношений и взаимовлияния буржуазных и мелкобуржуазных партий при разработке ими аграрных программ и практическом осуществлении аграрной политики. Следует также осветить недостаточно исследованные периоды в деятельности буржуазных и мелкобуржуазных партий по разработке аграрного вопроса.

Важно уделить еще большее внимание периоду февраля — октября 1917 г. — тому времени, когда буржуазные и мелкобуржуазные партии входили в состав Временного правительства, имели реальную власть, когда с полной определенностью у них, особенно у мелкобуржуазных партий, обнаружился разрыв между словом и делом, между демагогическими обещаниями крестьянским массам и реальной антинародной аграрной политикой. При этом следует полнее выявить тактические приемы правящих партий, при помощи которых они оправдывали отступление от собственных аграрных программ.

Должно быть продолжено углубленное изучение ленинского идейного наследия по аграрному вопросу. Имеются основательные и методологически ценные исследования по данному вопросу, и тем не менее не все проблемы получают в ряде работ правильное истолкование. Так, мало изучено и большей частью неправильно трактуется ленинское отношение к проблеме уравнительности в аграрных программах народнических партий. В некоторых работах обосновывается вывод, будто в уравнительности есть элемент социалистических мер, чем, по существу, оправдывается в какой-то степени эсеровская аграрная программа и затрудняется доказательство того, что в этой программе нет ни грама социализма. Вспомним хотя бы, как Ленин оценивал урав-

нительность в понимании эсеров после Февральской революции. «Взгляд у них буржуазный: уравнительное землепользование они понимают как отнятие земли у помещиков, но не как уравнивание отдельных хозяев»³¹, — говорил Ленин на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б). Возвращаясь к этому вопросу, он приводил следующие аргументы: «Статистический итог распределения помещичьего и крестьянского землевладения в России сводится к следующим цифрам: 300 крестьянских семей владеют 2000 десятин, на *одного* помещика приходится *столько же*. Ясно, что требование «уравнивания» для них содержит в себе мысль об уравнивании в правах 300 и одного»³². Правильное раскрытие ленинских идей объясняет большевистское неприятие уравнительности и разоблачает эсеровский «социализм». К таким же недостаточно освещенным ленинским идеям можно отнести и мысль о том, что не сознательное понимание крестьянством национализации земли, а конкретные условия, крайняя запутанность всего дела землепользования привели широкие массы крестьянства к поддержке этого большевистского требования.

Не менее важное значение имеет правильное понимание большевистского лозунга о немедленном захвате помещичьей земли крестьянами после Февральской революции. В литературе слабо подчеркивается, что Ленин и большевики многократно разъясняли, что этот лозунг совсем не означал, будто каждый крестьянин мог брать столько земли, сколько он захватит. Эти анархистские действия противоречили большевистским призывам брать землю организованно, через крестьянские и земельные комитеты, в низовых органах которых все более преобладала беднота. К этому следует добавить, что исследователи, увлекшись подсчетами числа Советов, считая правильной большевистскую линию на слияние Советов рабочих депутатов и Советов солдатских и крестьянских депутатов, ибо раздельное существование и тех и других вело к разобщению рабочих и крестьян, мало выделяют то решающее обстоятельство, что объединение названных Советов облегчало борьбу за гегемонию пролетариата, за руководство рабочего класса беднейшим крестьянством. Достаточно вспомнить, как Ленин на Апрельской партийной конференции в 1917 г. оценил раздельное существование Советов рабочих и Советов солдатских депутатов: «...Крестьяне создали Советы солдатских депутатов и таким образом уже появилось разделение пролетариата и крестьянства»³³.

Наконец, историки-аграрники мало уделяли внимания необходимости разоблачения буржуазной, особенно антикоммунистической, литературы.

Когда отмеченные вопросы получают исследовательскую разработку и верное освещение, обогатив охарактеризованную нами литературу, будут созданы условия для подготовки обобщающей монографии, содержащей всестороннюю критическую оценку аграрных программ и политики буржуазных и мелкобуржуазных партий, и тем самым будет еще основательнее подтвержден вывод о неизбежности их банкротства. Необходимость такой работы бесспорна. Главным условием решения этой важной задачи является методологическая четкость, глубокое понимание советскими историками большевистской аграрной программы, разработанной Лениным, как единственно научной программы, отвечающей коренным интересам трудящегося крестьянства.

³¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 418.

³² Там же, стр. 422.

³³ Там же, стр. 419.

ОРГАНИЗАЦИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ГОРОДОВ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ В XVI—XVII ВЕКАХ

Г. В. Алферова

Русское государство издревле характеризуется обилием городов. В Киевской Руси и в период феодальной раздробленности их насчитывалось около 160¹. В Московском государстве в XVI—XVII вв. большое количество городов было построено вновь (в XVI в. — около 70² и примерно столько же в XVII веке³). Таким образом, почти половина всех русских городов была возведена в XVI—XVII веках.

Русский город состоял из крепости, посада, слобод. Он владел большими пахотными и выгонными земельными наделами, окружавшими его, а также «ухожеями», то есть рыбными ловлями, местами охоты, бортничества. В крепости помещались административные здания: воеводский двор, государева казна, зелейный погреб, съезжая изба, кладовые, амбары и житницы; здесь размещались привилегированное население и часть войска, охранявшего город. Посад, как правило, был заселен ремесленным людом, и в нем располагались гостинные дворы. В городе имелись как слободы, в которых жили служилые люди и ремесленники, так и слободы, принадлежавшие обычно отдельным лицам или монастырям.

Города строились по градостроительным нормам, пришедшим на Русь в IX в. из Византии. Есть три документа, свидетельствующих о том, что в Киевской Руси города строились по определенным правилам. Это «Закон градский», который находится в составе наиболее ранних юридических документов Киевской Руси — «Мерила праведного» IX в. и «Кормчих книг»⁴ XII—XIII веков. В Московском государстве «Закон градский» вновь был переведен с греческого на славянский язык и имел широкое хождение. Два других законоположения — «Чин и воследование основания града» и «Чин и благословение новосооруженного каменного или деревянного града» были найдены автором данной статьи в требнике Петра Могилы, изданном им в Киеве в 1646 году⁵.

Особый интерес представляет «Чин и воследование основания града», так как этот документ позволяет утверждать, что при закладке нового города он по чертежу весь расчерчивался на земле. В XVI—

¹ К. А. Неволин. Полное собрание сочинений. Т. VI. СПб. 1859, стр. 35–95; Н. Д. Чечулин. Города Московского государства в XVI в. СПб. 1889, стр. 15.

² А. А. Зимин. Состав русских городов в XVI веке. «Исторические записки». Т. 52. 1955, стр. 344 (автор приводит список вновь возведенных городов).

³ Г. Ф. Миллер. История Сибири. Тт. I–II. М.-Л. 1937–1941; В. П. Загорский. Белгородская черта. Воронеж. 1969.

⁴ Г. В. Алферова. Кормчая книга как ценнейший источник древнерусского градостроительного законодательства. Ее влияние на художественный облик и планировку русских городов. «Византийский временник». Т. 35. М. 1973.

⁵ «Чин» — установленный, принятый порядок при совершении чего-либо («Толковый словарь русского языка». Т. IV. М. 1961, стр. 925).

XVII вв. русские города строились по чертежам. Последние делали на бумаге, которая иногда наклеивалась на холст, реже чертили на бересте. Ряд чертежей XVII в. сохранился в Поместном, Разрядном, Сибирском, Тайных дел и других приказах⁶. В связи с этим большое значение приобретают работы акад. Б. А. Рыбакова по изучению мер длины, бытовавших в Древней Руси. Важным открытием является найденная им в Новгороде мерная сажень XIII века⁷. Подобное «мерило новгородского зодчества» использовалось при закладке города. Существовали различные меры длины — «государева» и «косая» сажени, которые хорошо прослеживаются по документам строительства Старой Руссы в 1629—1631 годах⁸. Вопросами пропорционирования и методами применения сажени в русском градостроительстве и строительстве вообще занимается сейчас А. А. Пилецкий⁹. Его работы подтверждают справедливость вышеуказанных положений.

В Русском государстве города имели изогнутые по трассировке улицы, переулки и тупики, сложные по конфигурации площади. Город легко ложился на рельеф местности, плавно входил в природу. Его доминанты — крепости, башни, храмы, колокольни — расставлялись свободно и царили над низкой жилой и общественной застройкой. Группу городов, возводившихся на Руси вплоть до XVIII в., следует называть «живописными» в отличие от городов, созданных по строго геометрической системе, «городов регуляторства», характерных для градостроительства XVIII и XIX веков. (Далее в статье будут употребляться эти два термина, впервые вводимые в научный оборот.)

Живописный город в разных аспектах изучали и градостроители — теоретики и практики, и юристы, и художники, но больше всего в этой области сделали историки и архитекторы. Первые основное внимание обращали на историю города, количество населения, характер его занятий и классовый состав, развитие ремесел и т. д. Историки могли пользоваться данными археологии и письменными источниками. Организованные со времен Петра I архивы в дальнейшем пополнялись, систематизировались, материалы их частично публиковались. В конце XIX в. Д. Я. Самоквасов дал анализ всем исследованиям по истории древнерусских городов за два столетия, определив исторические школы и направления¹⁰.

В XVIII в. Г. Ф. Миллер собрал и частично опубликовал материалы по живописным городам Сибири¹¹. В XIX в. Д. И. Багалеем были изданы документы по украинским живописным городам, а учеными комиссиями — по Тамбову и Воронежу¹². В том же столетии увидели свет собрание законов Российской империи¹³, писцовые и переписные книги¹⁴, содержащие богатую информацию по живописным городам.

⁶ ЦГАДА, фф. 1209, 210, 214, 192, 27 и др.

⁷ Б. А. Рыбаков. Мерило новгородского зодчего XIII века. «Ежегодник АН СССР за 1974 г.». М. 1975.

⁸ ЦГАДА, ф. 141, д. 32, лл. 59—60, 129, 134.

⁹ А. А. Пилецкий. Модуль в старинных русских мерах. «Архитектура СССР», 1976, № 8.

¹⁰ Д. Я. Самоквасов. Древние города России. Историко-юридическое исследование. СПб. 1873; его же. История русского права. Т. I. Варшава. 1878.

¹¹ Г. Ф. Миллер. Сибирская история. Описание Сибирского царства. Кн. I. СПб. 1750; его же. Описание Сибирского царства. СПб. 1787; его же. История Сибири (см. Приложения к тт. I—II); ЦГАДА. Портфели Миллера, ф. 199; Архив Академии наук (ААН) СССР (Ленинград), ф. 21.

¹² Д. И. Багалеи. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства, Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний в XVI—XVII столетиях. Тт. 1, 2. Харьков. 1885—1890; «Очерки по истории колонизации Тамбовского края». Тамбов. 1910—1911.

¹³ «Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗ). Собрание I. СПб. 1830—1839.

¹⁴ «Писцовые книги Московского государства». Тт. 1, 2. СПб. 1872, 1877.

Историки XIX в.¹⁵ исследовали живописный город со стороны его государственных основ, юридических прав горожан, структуры населения и пр. К. А. Неволным и Н. Д. Чечулиным были составлены первые списки русских живописных городов. Существенный вклад в изучение государственного строительства внесли историки межевого дела в России¹⁶. Этой темы касался А. И. Яковлев в своей работе о строительстве Тульской засечной черты¹⁷.

В советское время П. П. Смирнов раскрыл процесс перерастания своеземческих живописных городов киевского периода в живописные города-посады московского периода¹⁸. Он также показал, что характерное для Русского государства XVI—XVII вв. мощное движение колонизации на юг и восток сопровождалось непрерывным градостроительством¹⁹. Вопрос о том, что создание приказной системы теснейшим образом было связано со строительством живописных городов (поднятый в XIX в. К. А. Неволным), в советское время был изучен Н. В. Устюговым и А. А. Зиминим²⁰. Большим вкладом в исследование живописных городов являются работы М. Н. Тихомирова, С. А. Клепикова, Л. В. Черепнина²¹. Н. Н. Воронин²² показал наличие в Русском государстве условий, необходимых для создания и расцвета этих городов. Труды В. И. Кошелева, занимавшегося Воронежем и Воронежским краем, а также В. П. Загоровского²³ содержат ценные сведения о методах государственного строительства в XVI—XVII веках.

В последние годы наряду с другими вопросами, связанными с изучением города, делались попытки объяснить процесс возникновения живописных городов. Сложность раскрытия методов, которыми возводились живописные города, кроется в многогранности и разносторонности самого городского организма. Города несли самые различные функции: административные, военные, торговые, портовые, ремесленные и т. д. Но все они (как будет показано ниже) строились по единой системе.

Из-за недостаточной изученности проблемы в литературе сложилось представление, что сначала строили кремль, а затем постепенно на протяжении длительного времени он «обрастал» посадом и слобода-

¹⁵ М. А. Соловьев. Города. «Энциклопедический лексикон». Т. XV. М. 1838, стр. 15; Д. Я. Самоквасов. Древние города России, стр. 6; К. А. Неволн. Указ. соч.; Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 15—21.

¹⁶ П. И. Исаков. Опыты исторического исследования о межевании земель в России М. 1846; Н. Е. Герман. Законодательство по русскому межеванию от Соборного уложения до Генерального межевания. СПб. 1889; его же. История русского межевания. М. 1910.

¹⁷ А. И. Яковлев. Засечная черта в Московском государстве в XVII в. М. 1910.

¹⁸ П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Тт. I, II. М. 1948.

¹⁹ П. П. Смирнов. Города Московского государства первой половины XVII в. Т. I. Киев. 1917, стр. 15—17.

²⁰ А. А. Зимин. О сложении приказной системы. «Доклады и сообщения» Института истории АН СССР. Вып. 3. М. 1951, стр. 164; Н. В. Устюгов. Центральное управление. Приказы «Очерки истории СССР. XVII в.» М. 1955, стр. 336.

²¹ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М. 1946; его же. Средневековая Москва. М. 1948; его же. Древняя Москва. М. 1956; С. А. Клепиков. Библиография печатных планов города Москвы XVI—XIX веков. М. 1956, стр. 1—5; Л. В. Черепнин. К вопросу о роли городов в процессе образования Русского централизованного государства. «Города феодальной России». М. 1966.

²² Н. Н. Воронин. Древнерусские города. М.-Л. 1945.

²³ В. И. Кошелев. Городок Орлов и его военная зона в XVII веке. «Известия» Воронежского пединститута, 1950, т. 12, вып. 1; его же. Чертеж Белгорода Меньшова 1693 года. Там же; его же. Схема расположения сторон и укреплений в Воронежском крае в XVII веке. «Из истории Воронежской области». Воронеж. 1954; его же. По Белгородской черте. Козловский вал. «Известия» Воронежского пединститута, 1958, т. 26; В. П. Загоровский. Указ. соч.

ми²⁴. Этот процесс казался предельно простым и ясным: город складывался и рос стихийно. Документы и материалы, раскрывающие подлинную историю сложения города (многие из которых опубликованы), не привлекали внимания ученых или истолковывались неверно. Теория стихийного сложения русских городов бытует до сегодняшнего дня. Хотя авторы ряда работ и близко подошли к выяснению истории создания живописных городов, три важнейших аспекта остались почти не разработанными: методы, которыми возводились эти города; законодательные основы градостроительного искусства; характер эстетических закономерностей живописного города. Первые два вопроса лежат в кругу исторических дисциплин, третий является темой архитектуры и градостроительного искусства.

Градостроительная наука в изучении русских живописных городов прошла три этапа. На ранних стадиях (так же, как и в исторической науке) утверждалось, что живописные города складывались стихийно и своей градостроительной мысли на Руси не было²⁵. Затем была сделана попытка доказать, что градостроительное искусство существовало, но по замыслу возводились не живописные, а города регуляторства, которые якобы начали основываться уже в XVI веке²⁶. В 1970 годах сложилась новая концепция, утверждающая, что живописные города создавались по замыслу. Данная мысль была еще в 50-х годах впервые высказана крупным советским градостроителем Л. М. Тверским²⁷.

Как известно, в конце XVIII в. на основании указа Екатерины II живописные города начали перепланироваться по системе регуляторства, специально созданной для этого «Комиссией каменного строительства Петербурга, Москвы и других городов»²⁸. В результате этого художественному облику живописных городов был нанесен значительный урон. В дальнейшем теория якобы стихийного сложения русских городов стала для них подлинной трагедией. Она привела к тому, что при начавшейся в наше время массовой реконструкции проектировщики не считались с художественными закономерностями городов, с живописной, индивидуальной для каждого из них пространственной системой, которую они ломали. Многие уникальные города исказились унылой, однообразной застройкой, уничтожившей их художественный облик.

В настоящей статье автор ставит своей задачей рассмотреть методы возведения живописных городов в Русском государстве и раскрыть активное творчество человека в этой области культуры, а также показать, что возведение новых городов было делом государственным и планируемым.

Для раскрытия методов, которыми возводились города в Русском государстве, кроме опубликованных работ, в статье использованы архивные материалы, многие из которых привлекаются впервые. Это фонды бывшего Московского архива министерства юстиции²⁹, Поместно-вотчинного архива (охватывающего время с 1540 по 1720 г.); боярские и городовые книги; Приказные дела старых лет; статьи о Разрядном

²⁴ «Очерки истории СССР». Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. М. 1955, стр. 82.

²⁵ В. А. Шквариков. Русская архитектура. М. 1939; его же. Планировка городов в России в XVIII и начале XIX века. М. 1939; его же. Очерки истории планировки и застройки русских городов. М. 1954.

²⁶ В. В. Кирilloв. Проекты образцовых домов, разработанные Семеном Ремезовым для Тобольска. «Архитектурное наследство», 1960, № 12, стр. 162.

²⁷ Л. М. Тверской. Русское градостроительство до конца XVII в. Планировка и застройка русских городов. М.-Л. 1953.

²⁸ ЦГИА СССР, ф. 1310.

²⁹ «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Документы Разрядного приказа». Кн. 9—20. М. 1891—1921.

приказе³⁰; дела Сибирского приказа³¹, Уфимской приказной избы и др. Для ряда городов удалось найти документы, раскрывающие процесс их возведения от начала закладки до заселения. Так, имеются данные о вновь строившихся в XVI—XVII вв. городах: Свияжске, Ельце, Воронеже, Орле-городке, Цареве-Борисове, Козлове, Тамбове, Нарыме, Тобольске. Полностью сохранились материалы по городам Старой Руссе и Дорогобужу, в которых возводились крепости, а сами города перестраивались. По многим городам имеются отрывочные документы, которые позволяют считать, что и эти города закладывались, межевались, строились и заселялись теми же методами. К этой группе городов следует отнести западный пограничный город Себеж (Ивангород); восточный город Предуралья Уфу; уральский город Верхотурье; сибирские города Тюмень, Тура, Пелым, Березов, Сургут, Якуцк (Якутск), Томск, Мангазея, Енисейск, Красноярск, Иркутск, Илимск, Нерчинск, Селенгинск, Удинск, Омск; южные города, построенные в XVI в. в районе Тульской засечной черты, а в XVII в. — в районе Белгородской засечной черты: Орел, Болхов, Новосиль, Ефремов, Данков, Ливны, Старый Оскол, Новый Оскол (Царев-Алексеев), Усмань, Урыв, Коротояк, Яблонев и др.

Крупные торговые города, возникшие в домонгольский период (Москва, Новгород, Псков, Киев, Смоленск, Курск, Рыльск и др.), имевшие многоярусные крепостные укрепления, каменные и деревянные кремли, плотно заселенные, огражденные посады, реконструировались в период Русского государства, но при этом их живописная градостроительная структура была полностью сохранена. Иногда новый кремль строился в давно обжитых районах города, которые видоизменялись; в этих случаях реконструкция велась по живому телу города. В основном же живописные города реконструировались по тем же живописным принципам, по которым возводились, благодаря чему диссонанс в художественном образе города и его планировочной структуре не возникал. Нередко бывало, что старые города оставлялись (забрасывались) и новые закладывались на другом месте. Это хорошо прослеживается в Туле, Ельце, Устюжне, Устюге Великом.

Выводы, к которым мы пришли, анализируя планы городов и другие документы, оказались близки тем, которые сделал Л. М. Тверской, изучавший в натуре живописные города и их графические материалы. Таким образом, излагаемая в настоящей статье концепция является дальнейшим развитием тех положений, которые в свое время выдвинул, но не мог доказать Л. М. Тверской, не располагая письменными источниками.

Рассмотрим теперь, как возводились отдельные города в Русском государстве.

Свияжск. О строительстве Свияжска Никоновская летопись сообщает под 1551 годом³². Он возводился под непосредственным руководством Ивана IV, который после первых неудачных походов на Казань создает в 20 км от нее форпост. Этот форпост, основанный на новых землях, одновременно должен был стать и административным центром³³. Место под город выбирается царем совместно с воеводами:

³⁰ «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции». Т. VI. М. 1889.

³¹ Н. Н. Оглобин. Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа. 1592—1768. Кн. 1—4. 1895—1901.

³² То, что Свияжск выстроен по задуманному плану, исследователи отмечали (см. В. Подключников. Планировка и застройка древнего Свияжска. «Архитектура СССР», 1943, № 3, стр. 34; В. П. Остроумов, В. В. Чумаков. Свияжск. Планировка и застройка. Казань. 1972). Они ошибались только в том, что считали Свияжск единственным городом, построенным по такому принципу.

³³ ПСРЛ. Т. XIII. М. 1965, стр. 162.

«Благоверный царь на место приехал и ...место полюбил, где быти граду и церквам святым стояти, Круглую гору». Круглая гора над рекой Свиягой и Щучьим озером, по оценке Ивана IV, «место стройно и пригоже быти городу»³⁴.

Благодаря хорошей организации работ, достаточному числу специалистов — зодчих, фортификаторов, инженеров (именовавшихся по должности дьяками) и войску город, срубленный в верховьях Волги, затем был разобран и перевезен на Круглую гору³⁵. Среди строителей особенно выделялся дьяк И. Г. Выродков. Все строительство велось на средства Ивана IV. «Да запасы свои царские посылати великие» для прокорма огромного войска, «да и впред к его приходам готов тот запас»³⁶. Закладка города на Круглой горе и р. Свияге началась после того, как подошли войска, приехал царь и воеводы. Летописец отмечает: «Месяца мая 24, в неделю Всех Святых, царь, Шигалей и воеводы пришли на Свиягу, и вылесчи воеводы великого князя из судов, начаша лес сещи, где быти городу, и, очистя гору, пев молебна и воду свята, и с кресты по стенному месту обошли и обложили город и церковь в городе заложили во имя Рождества Пречистыя и чудотворца Сергия... Город же который сверху привезен, на половину тое горы стал, а другую половину воеводы и дети боярские своими людьми тотчас заделали». Летописец комментирует, что это произошло потому, что под город отвели очень большую площадь: «Велико бо бяше место, и свершили город в четыре недели»³⁷.

Писцовая книга Свияжска, составленная в 1565 г. (видимо, вторая, так как писцовые книги составлялись сейчас же после завершения строительства города) издана³⁸. Со страниц ее предстает большой «государев город» с мощными укреплениями около центра и посада, с двумя монастырями — мужским и женским, строившимися на несколько лет позднее, сетью улиц, переулков, тупиков и с резервными дворовыми местами. Это большой ремесленно-торговый город со сложным социальным и этническим составом населения. Он спланирован и организован с перспективой на дальнейшее развитие: пустые места, сознательно оставленные при межевании во всех частях города, в дальнейшем будут заселяться по мере его роста. Писцовая книга свидетельствует, что все части города — кремль, посад, слободы — были заложены, размежеваны, спланированы и заселены одновременно. До нас дошли планы города, имевшего живописную, стелющуюся по рельефу местности планировку. Его пространственный облик запечатлен гравюрами начала XVIII века. Историк XVIII в. П. И. Рычков пишет, что с 14 мая по 10 июня «преизрядный и великий город, и в нем соборная церковь во имя Рождества Богородицы, шесть приходских церквей, да один монастырь внутри города были поставлены. Воеводы московские и купцы, да и простые люди построили себе изрядные дома»³⁹.

Елец. Этот город был заложен еще в Киевский период и разгромлен монголо-татарами и черкесами в 1590 году. Новый Елец начали возводить в 1591 г. по указу царя Федора Ивановича на новом месте

³⁴ Там же, стр. 160, 162.

³⁵ Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М. 1925, стр. 113.

³⁶ ПСРЛ. Т. XIII, стр. 162.

³⁷ Там же, стр. 164.

³⁸ «Список с писцовой Межевой книги города Свияжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина 1565—1567 гг.». Казань. 1909. Оригинал см.: ЦГАДА, ф. 1209, д. 432.

³⁹ П. И. Рычков. Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб. 1767, стр. 129.

как ремесленный город⁴⁰. До нас дошла переписка строителей с Федором Ивановичем, ведшаяся в процессе возведения города⁴¹. В Елец Разрядным приказом были посланы два воеводы — А. Д. Звенигородский и И. Н. Мясной, а также городских дел мастер И. Катеринин. Город закладывался по смете на заранее выбранном месте. Об этом свидетельствует челобитная Катеринина, поданная в Разрядный приказ. В дьячьей помете на ней говорится: «Бьет челом государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руси Илья Катеринин. Посылан он с воеводою со князем Ондреем Звенигородским в 100 году (1591—1592 г.— Г. А.) на Елец для городовые и острожные сметы и он де город и острог сметил и под город и под острог место занял»⁴². Сам Катеринин подчеркивает: «Послал ты холопа своего меня к Ивану Микитичу Мясному город делати и острогу. И я, государь, с воеводою твоим государевым Ондреем Дмитриевичем Звенигородским и Иваном Микитичем Мясным острог сделали». На чистовом листе челобитной, переписанной дьяком и поданной государю, имеется помета: «Дати ему четыре рубли, что город и острог делал, а володимерскому мастеру, что город сделал, дать три рубли» (лл. 181, 182).

Что же следует понимать под заявлением: «И он де город и острог сметил и под город и под острог место занял»? Описание города в процессе его строительства позволяет ответить на этот вопрос. При выезде на место были определены границы города, то есть той части нового Ельца, которая должна была быть огорожена «торасами» — деревянными срубами, засыпанными землей (л. 24), между которыми стояли башни (л. 163). Упоминаются Ливненские (л. 6) и Данковские ворота⁴³. Вокруг города должен был быть выкопан ров (л. 24). За ровом начиналась территория острога, то есть посада (также определенная при выезде на место), огороженного деревянными стенами с башнями. За острожными стенами был сделан второй ров и поставлены надолбы (л. 116). Судя по записи, острог занимал почти всю территорию, на которой город располагался и в XIX в., стены его, как это помечено на плане 1769 г.⁴⁴, переходили на левый берег р. Ельца. В документе записано: «И от городской стены вниз по Сосне до острожной башни, которая на Аргамачьей горе, острог не поставлен» (л. 116). Позднее он был доделан. Острог и город были расположены концентрично. Выйти из города, не пройдя через острог, было нельзя. Об этом свидетельствует челобитная А. Д. Звенигородского 1593 г., которого И. Н. Мясной, конфликтуя с ним, запер в городе: «Иван, государь, живет в остроге, а я, государь, холоп твой, сижу в городе, будто в осаде» (л. 248).

Из документов следует, что слободы были построены и заселены одновременно, более того, в них были поставлены маленькие осадные городки, «острожки». Они видны на топографическом плане, составленном после пожара в 1769 году. В указной грамоте царя И. Н. Мясному

⁴⁰ Сюда по царскому указу при закладке и заселении Ельца были переведены на постоянное жительство из Тулы 100 человек, среди которых были и кузнецы. К середине XVII столетия Елец стал центром металлообработки, в котором в 1653 г. работали 43 кузницы и 14 горнов (см. В. М. В а ж и н с к и й. Развитие рыночных связей в южных русских уездах во 2-й половине XVII века. «Ученые записки» Кемеровского пединститута, 1963, № 5, стр. 105).

⁴¹ ЦГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 1, св. 4. Приказные дела старых лет. «О Елецких казаках и стрельцах указы, рапорты, челобитные, росписи жалованию». Далее №№ листов данного дела указаны в тексте. Частично опубликовано: Г. Н. Анпилов. Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. М.-Л. 1967, стр. 322—374. Дьячья помета помогла нам прочесть **Н. А. Швецова**.

⁴² Г. Н. Анпилов датировал этот документ 1592 г. (Г. Н. Анпилов. Указ. соч., стр. 367). Мы считаем, что он был написан годом позднее, после завершения строительства.

⁴³ ЦГАДА, ф. 1209, д. 137, л. 30.

⁴⁴ Там же, ф. 1293, оп. 168, д. 8.

1593 г. ему приказывается для сдачи работ приехать в Москву, а вместо себя оставить в Ельце казачьего голову А. Хотяинцова: «А в городе жити приказали бы еси Олександру Хотяинцову и беречь так, чтобы от огня в городе и остроге было бережливо. И сотники казачьи в слободах и сотники стрелецкие в слободах берегли накрепко» (л. 103). Организуется слобода за рекою за «Сосною под Лутовым болотом» (л. 146). И дается государев указ: «И нам бы их пожаловать, велети около их слободы острог поставити» (л. 144).

На вопрос о первоначальном облике города, его размерах и топографии дополнительно проливают свет елецкие писцовые и переписные книги XVII века. Их сохранилось три: «Книга переписная за приписью дьяка Федора Головина, князя Федора Петровича Барятинского до подьячего Дмитрея Петровича Болотова 154 году (1648 г.)... на Ельце городе и за городом посацких и тяглых людей»⁴⁵; «Список с переписной книги посацких людей в городе и в загородных слободах и поместьях и вотчинных сел, деревень и дворов в станах: Елецком, Воргальском, Засосенском, Бруслановском переписи и досмотра Василия Ивановича Сухотина и подьячего Алексея Острикова 7186 году» (1678 г.)⁴⁶; «Книга писцовая письма и межевания Тихона Камынина 7199, 200 и 201 годов, часть 1 и 2»⁴⁷ (1691—1693 гг.). Эти документы дают представление о том, как шло межевание пригородных территорий. Особенно ценна писцовая книга 1691—1693 гг. со ссылкой на писцовую книгу 1628 г., до нас не дошедшую, согласно которой все слободы, помеченные на плане Ельца 1825 г., поименованы теми же названиями. По каждой слободе дана перепись населения, обозначены отмежеванные по разным ориентирам земли и указаны храмы. Церковные земли отмежеваны особо от мирских наделов. Писцовая книга 1628 г. составлялась по просьбе челобитников, горожан Ельца всех сословий. Поводом для подачи челобитной послужили действия Романа (родной брат Филарета, дядя царя Михаила), который чинил насилия над ельчанами и отличался стяжательством⁴⁸.

Во всех четырех документах (челобитных строителей Ельца и трех писцовых и переписных книгах XVII в.) полностью выявлен «Чин церковных наделов». Елец далеко не единственный город, писцовая книга которого начинается с чина церковного надела. Так же было и в Вязьме, по сегодняшней день сохранившей свою живописную структуру⁴⁹. Одновременно с крепостными стенами закладывались два храма: Вознесенский собор в крепости и Успенская церковь на посаде. В указной государевой грамоте И. Н. Мясному дается распоряжение о выдаче хлебного жалованья вознесенскому и успенскому попам, дьякону, пономарю, проскурнице (л. 148). Задолго до окончания строительства крепостных укреплений города были сооружены храмы, которые действовали. Одновременно с ними был заложен Троицкий мужской монастырь. Игумену и братии также выдавалось государево хлебное жалованье (лл. 148, 149). Кроме хлебного, духовенство получало и денежное жалованье (лл. 104, 105). По государеву указу задолго до окончания строительства города из Тулы в Елец были доставлены колокола, привезены книги, в церквях сооружены иконостасы (лл. 183, 226). Из тринадцати храмов — четырех в городе, пяти в остроге на посаде, одного в слободе за Сосной и трех за р. Ельцом — только Казанская церковь (которая в XIX в. была переименована в Сретенскую) получила

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 1209, д. 135.

⁴⁶ Там же, д. 8830.

⁴⁷ Там же, д. 137.

⁴⁸ А. Воскресенский. Город Елец. Елец. 1911, стр. 55—59 (челобитная хранится в ЦГАДА).

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 137, д. 1, лл. 1—37. Эта писцовая книга составлялась по книге 1595 г. (7103) Василия Волынского, на что указывает текст книги 1627 года.

земли по межеванию Тихона Камынина в 1691—1693 годах⁵⁰. Остальные земли отводились по первой писцовой книге, корректировавшейся в 1628 году. На государевы деньги строились два храма — собор в городе и Успенская церковь на посаде. Все другие церкви возводились самими прихожанами.

Новый Елец, заложенный в 1591—1593 гг., развивался очень быстро. Отмежеванных ему писцовой книгой 1628 г. земель уже не стало хватать в 1653 году. Посадские люди написали царю челобитную об отведении им новых дополнительных земель; эта просьба была удовлетворена. Правительство предусматривало развитие города и его рост. Когда строитель Ельца И. Н. Мясной подал челобитную с просьбой уменьшить размеры города, он получил категорический отказ: «Немочно Ивану города и острога убавити, с которого места пригож, чтобы в осадное время в городе и в остроге сидети было безстрашно» (л. 246).

О том, что в XVI в. возведение новых городов было делом государственным и планируемым, свидетельствует документ о строительстве Ельца. И. Н. Мясной решил ускорить строительство крепости путем насильственной задержки в Ельце приехавших к своим родственникам за хлебом епифанских казаков (Епифань в то время так же, как и Елец, создавалась вновь). Елецкие казаки Ф. Терехов с товарищами написали челобитную царю. В ответ последовал указ И. Н. Мясному: «Казаки приезжали (из Епифани.— Г. А.) к племянникам и для хлеба, а ты их даешь на поруки и велишь город делать... и ты то делаешь не гораздо: мы города новые устраиваем, а ты пустошишь» (л. 77).

Елец строили плотники, присланные по государеву указу из разных городов, и местное население «посохой», нанимаемое за деньги, полученные воеводой из Разрядного приказа. «Посоха» нанималась по «развытке», идущей из приказа, но брали и «охочих людей». На период строительства в городе создавалась сторожевая охрана, организуемая на государевы деньги. Строителям и охранникам хлебное и денежное жалованье выдавалось из государственной казны. В центре города сооружалась житница, куда из центральных областей страны привозился хлеб. Житницами и деньгами на строительные работы ведал И. Н. Мясной. «Всего на Елец послали есмя ржи и овса оброчникам, детям боярским, стрельцам и казакам 2059 чети ржи и овса тож... и тыб тот хлеб велел всыпать в житницы» (лл. 147, 148, 149, 150).

19 февраля 1593 г., когда город в основном был закончен, поступил государев указ о денежном награждении всех участников строительства. И. Н. Мясной пишет: «Да послали есмя з Григорием з Мясным елецким жилецким детям боярским 160 человек по полтину человеку, да казакам и стрельцом, и пушкарем и затинщикам и плотником и кузнецу всего 844 человеком по 10 алтын человеку» (лл. 105, 106).

Для заселения Ельца из всех городов «по верстанию» набирается (с записью в особые книги) привилегированная верхушка. Она обеспечивается землей и деньгами, то есть «поместным верстанием и государевым жалованием». Воеводам Ельца Звенигородскому и Мясному был дан государев указ: «на житье» поверстать 200 человек детей боярских из других городов. Однако пункты, из которых избирались жители для нового города, при этом не оголялись, так как следовало брать молодых людей из больших семей: «Дети боярские из-за отцов неслужилые: от отцов — дети, от братии — братья, от дядь — племянники» (л. 63). Елецким воеводам удалось «написать на Ельце на житие» из разных городов только 164 детей боярских. Государю они посылают «отписку» о ходе «верстанья»: «И мы, государь, выбрали окладчиков из городов детей боярских, да велели им поверстать по твоей государственной грамоте: 1-ю статью по 200 чети, а денежного жалования по 6 рублей, 2-ю статью

⁵⁰ Там же, ф. 1209, д. 137, лл. 26, 27, 28 об., 29.

по 150 чети, а денежного жалования по 5 рублей, 3-ю статью по 100 чети, а денежного жалования по 4 рубли» (л. 63). Одновременно идет заселение города низшим сословием: казаками, стрельцами (среди которых находятся и мастеровые люди), крестьянами. Набираются они из других городов, сел, деревень по тому же принципу: «от отцов — дети, от братии — братья, от дядь — племянники» (о чем свидетельствует «память» боярину И. В. Годунову, присланная 5 сентября 1592 г. (л. 55)).

Для привлечения в город населения государство выдавало селитебные деньги. Донской атаман Михаил Антонов, сын Кошлыка, да Русинка Дробишев, сын Клушина, заявили в своей челобитной: чтобы «казак-ков прибрать» (то есть поселить их в Ельце), необходимо «дать свою государеву приборную грамоту» и пожаловать «государевым жалованием денежным и хлебным... селитовными деньгами и хлебом. А без селитовных, государь, денег, нам холопом твоим, прибрать казаков и без хлеба невозможно» (л. 146). Из этой челобитной видно, что одновременно с «верстанием» и записью в новые города казаков государство должно было выплачивать им «подъемные суммы» в виде денежного и хлебного жалования.

Размещение жителей в городе, а следовательно, и межевание городской территории велись воеводами. 31 августа 1592 г. руководителям строительства Ельца дается государева указная грамота о том, как расселить детей боярских: «Писали есте к нам и книги детей боярских верстанья к нам прислали, и нам то ведомо. И как к вам сия наша грамот придет, и вы б детям боярским елецким жильцом по своему верстанью земли им отмерити велели по их окладам по Сосне реке (то есть в городе.— Г. А.) и за Сосною рекою» (то есть за городом.— Г. А.) (л. 61).

Документы о строительстве Ельца дошли до нас далеко не полностью. Так, в них нет упоминания о чертеже и росписи, по которым, как правило, возводился город в Русском государстве. Но о том, что чертежи Ельца существовали, свидетельствует опись, составленная в 1666 г. дьяком Разрядного приказа Д. И. Башмаковым, которая хранилась в Разрядном приказе⁵¹.

Одной из особенностей создания городов являлось то, что жители сами на выделенных им участках строили себе дома. Кроме того, они должны были устраивать свою жизнь так, чтобы в дальнейшем не нуждаться в государственном, денежном и хлебном жалованье. Так, всем жителям Ельца, приехавшим из других городов, предписывалось, построив себе дом, заниматься пашнями и огородами. Какое внимание уделялось этому вопросу, видно из государевой грамоты, присланной в Елец, о расселении детей боярских. В ней говорилось: «И велети им себе пашни распахивати и устраиваться. А на посылки их ныне и в приезжие станицы и на сторожею не посылать. А городовое дело им делати не велети покамести они дворы себе не построятца» (л. 61). О том, что каждый жилец во вновь строящемся городе должен был поставить себе избу, говорят и другие документы. Так, Ю. Малявин писал в своей челобитной: «А как де почали устраивати новый город Елец, и он де Юшко, написался на Елец на житие в дети боярские и город и острог делал и двор себе на Ельце поставил» (л. 129).

Царев-Борисов. Этот город был заложен в 1600 г. на самой южной окраине России, на р. Осколе, в месте впадения в него р. Бахтина ко-

⁵¹ О двух елецких чертежах Башмаков сделал следующую запись: «Чертеж Елецкой невелик, на складе, а которого году, и кто прислал, того на нем не написано. Чертеж Елецкой же, подклеен бумагою, ветох гораздо, со все стороны ободран, а которого году и кто прислал, того на нем не подписано» («Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции». Т. VI, стр. 18).

лодезя. В указе, данном воеводам, выявляются взаимоотношения между участниками строительства. Город сооружается по указу царя, как его «государево дело», воеводами, на основании чертежа и росписи, изготовленных в Разрядном приказе: «Лета 7108 июля 5 день Государь... Борис Федорович всеа Руси велел окольникову и воеводам Богдану Яковлевичу Бельскому да Семену Романовичу Олферову ехать для своего государева дела и земского на поле на Донец на устье Оскольское к речке Бахтину колодезю, велел им государь и вел. кн. Борис Федорович всеа Руси поставить город, а чертеж и роспись по тому месту им даны, а которые головы Федор Чюлков да Истома Михнев того места смотрели и чертили и те головы Федор и Истома с ними посланы»⁵².

Далее в указе говорится, что воеводы, придя на место, должны еще раз по чертежу и росписи Чулкова и Михнева измерить, просмотреть все ручьи и овраги и установить, какие будут закопаны, а какие сохранены. Они обязаны увязать пересеченный рельеф местности с крепостными укреплениями, стенами и башнями, проезжими дорогами. Документ гласит: «А как на Донец и на устье Оскольское к Бахтину колодезю придут и окольникову и воеводам Бог. Як. да Сем. Олферову и то место... которое... присмотрели головы Федор Чюлков да Истома Михнев по чертежу и по росписи измерити и ручьев и бугров рассмотреть и измерити скольдалече которой ручай или бугор будет от города и как ими промыслять раскапывать ли который бугор или ручай мочно в город принять, каким обычаем их в городе принять из башни ль наниз или иная какая крепость делать и сколько сажен городовые стены или рву к тому ручью или к бугру и около того ручья или бугра делать да и врагов (оврагов.— Г. А.) им на том месте рассмотреть и измерити и которые враги вместо не сошлись и им то измерити сколько сажен меж теми враги проезжево места и надобет ли иво перекопать или не надобает, и какие враги пригодятся около города во рвов место»⁵³. Выбирая место под город, воеводы должны были не только оценить его достоинства и недостатки с учетом нужд его обороны, но и улучшить в военном отношении рельеф местности. Из документа видно, какое большое значение придавалось чертежу, сделанному служащими Разрядного приказа, и росписи. Одновременно составлялась смета: «А на город на башни и на всякое городовое дело сметить им лес каков город делати по тому чертежу и по росписи»⁵⁴.

Ритуал закладки города, о котором говорилось выше (при описании закладки Свияжска в 1551 г.), полностью сохранился в 1600 г.: «Да тотчас петь молебн и осветя воду велети город обложить по чертежу и по росписи, каковы им чертежи и роспись даны и велети плотником город рубити и делати наснех, а делать им город образцом как пригоже то государь царь и вел. кн. Борис Федорович всеа Руси положил на окольнике и воеводе на Богдане Яковлевиче»⁵⁵.

Тот же указ дает воеводе Б. Я. Бельскому право выбирать для решения пространственного образа города такой образец, который он считает наиболее пригодным. Судя по этой записи, образцы составлялись не только на отдельные здания⁵⁶, но и на весь город, последний рассматривался как единое художественное целое. Можно полагать, что образцы для города делались в виде чертежей.

Строительство церквей в Цареве-Борисове так же, как в Свияжске и Ельце, велось одновременно с закладкой города. «Духовной» охране

⁵² Д. И. Багалей. Указ. соч. Т. 1, стр. 5.

⁵³ Там же, стр. 7, 8.

⁵⁴ Там же, стр. 7.

⁵⁵ Там же, стр. 8.

⁵⁶ За образец, как правило, брались уже существующие постройки, отличавшиеся высокими художественными качествами, иногда их фрагменты или детали, на что указывалось в подрядной записи.

последнего (создание патроната) придавалось такое же значение, как его охране от врагов (сооружение крепостных укреплений). Патронат города и его наименование определялись государевым указом: «Укрепить совсем как в городе в приход крымского царя и царевичей и больших людей сидети бесстрашно и надежно; да дать тому городу имя Царев-Борисов город, да поставить им в городе где пригоже церкви Пресв. и Живоначальные Троицы а другой храм святых великих страстотерпцев Бориса и Глеба а церковное строенье образа и книги послано»⁵⁷.

Царев-Борисов строится как город аграрного типа. В указе об этом сказано определенно: «А как город зделают совсем и им отписать к государю... Борису Федоровичу (титул) да и роспись прислать да то имянно написать в роспись каковы около города крепости реки и сколь глубоки... какова земля добра ль или средняя или худа и какие леса и сколь далече лес большой и можно ль около города пашню и попасы устроить и сколь далече около города будут покосы и на сколько верст по смете пашенные земли и покосов и иных каких угодий рек и лесов»⁵⁸. Здесь привлекает внимание указание на то, что, кроме чертежа, росписи и сметы, которые составлялись перед закладкой города, после завершения его строительства в приказы посылались новый чертеж и роспись.

Документы других городов позволяют уточнить характер росписи, чертежей, смет целиком на город и на отдельные его части, крепостные укрепления, ружные (строившиеся и содержавшиеся государством) храмы, государственные здания.

Новый Нарым. Подробная роспись 1644 г., сохранившаяся полностью, касается города Нового Нарыма.

На выбранной под город площади дьяк или будущий воевода города, посланный государевым указом из Разрядного или Сибирского приказов, определял место постройки крепости, посада, слобод, намечал дороги, пахотные и выгонные земли, которые прирезаются к городу. Новый Нарым планировался как город торговый. Проектировщик советовал поставить его на обжитом уже месте. Крестьян с семьями, живущих на горе, выбранной под город, он предлагает перевести к их пашням: «Государевых крестьян на горе над рекой стоит усад, а той речке имя Судми, и на том месте быть новому острогу, а тех пашенных крестьян усад с того места снести по их крестьянским пашням, где у ково пашня занята, для того что окрамя тово места, где государевых крестьян усад поставить острогу негде. А в прибавку к тому усаду под то острожное место и за острогом под слободы, где быть дворам служилых и всяких людей и под острог и на выпуск животине надобе будет земли в прибавку из государевой пашни десятин с пять, а в тое место пашни, что отойдут под острог и под дворы вычистить лесу за теми государевыми полми... А слободам быть у того острогу служилых и всяких людей по обе стороны острогу по горе. Для того что в остроге дворы всех служилых и всяких людей неуставятца. А у острогу будет с одной стороны гора, крутое место, а с трех сторон места ровны»⁵⁹.

Автор росписи всесторонне характеризует топографию местности, рассказывает о водных и сухопутных путях около горы, где предполагается построить Нарым. Он проектирует поставить город так, чтобы его можно было связать с Обью. Для этого он предлагает соединить Парабельскую протоку, около горы, с речкой Сюдмью, обтекающей

⁵⁷ Д. И. Бага лей. Указ. соч., стр. 9.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ ЦГАДА, ф. 214, Сибирский приказ, стб. 136, лл. 83, 84, 85, 86. Этот документ публикуется впервые; указание на него имеется у Н. Н. Оглоблина в путеводителе по Сибирскому приказу (см. Н. Н. Оглоблин. Указ. соч., кн. I).

гору с другой стороны, провести земляные работы, чтобы сделать протоку судоходной, а город торговым. Мост он планирует построить на р. Сюдми, у озера, а новую пристань — на Парабельской протоке, после того как она станет судоходной. Для защиты от нападения пристань следует соорудить в глубине протоки (тогда она не будет видна с Оби). А чтобы торговые, и промышленные, и всякие люди не проезжали мимо нового острога, на р. Кете, притоке Оби, поставить караул (л. 86).

Согласно этой росписи, были проведены все предлагаемые дьяком Разрядного приказа работы. До настоящего времени город Нарым сохранился в том виде, как он был запланирован.

Роспись всегда подавалась в Разрядный или Сибирский приказ вместе с чертежом. Сведения о том, какие данные наносились на чертеж, дают материалы о переносе на новое место Старого Нарыма, заложенного в 1596 году. Так, в документе от 1611 г. говорится, что должен быть сделан чертеж «Новому городу, и городовым всяким крепостям и пашенным землям и всяким угодиям»⁶⁰. Более точная расшифровка чертежа содержится в документе 1630 г.: «Да в котором месте вверх или вниз по Оби место, где острог поставить и посад устроить отыщешь и тебе тому месту велети чертеж начертить, как будет и посад и какие крепости и по какую сторону Оби реки»⁶¹. Дошедшие до нас чертежи городов свидетельствуют о том, что они были различны как по содержанию, так и по технике выполнения: чертежи, сделанные до закладки города, отличались от чертежей, фиксирующих существующий город или составленных на его перестройку.

О том, что чертежи в Русском государстве XVI—XVII вв. были очень распространены, свидетельствует ряд списков, дошедших до нас от этого времени. В первую очередь это описи царского архива 1575—1584 годов. В нем в ящиках хранились дела от периода княжения Ивана III. В ящике 22-м находились дела Ивана III и Василия III, среди которых был «чертеж Себежский и Гумянский». В 25-м ящике хранился «список города Смоленска с путями и волостями, что к нему тянет». В архиве поименованы чертежи Лукам Великим, Псковским пригородам с литовским городом Полотском и др. Сохранились городские росписи Василя, разъездные списки Дмитрова, Рузы, Звенигорода⁶². В царский архив попадали лишь некоторые чертежи, однако и они свидетельствуют о наличии хорошо развитой картографии уже в конце XV — начале XVI века.

Основная масса чертежей хранилась в Разряде, о чем говорит запись в предисловии к книге Большого чертежа, составленного в 135 г. (1627 г.): «Дьяки думные Федор Лихачев и Михайло Данилов велели сделать новый чертеж всему Московскому государству, на все окрестные государства, применяясь к старому чертежу в ту же меру»⁶³. В связи с этим и был разыскан в Разряде старый чертеж, «что уцелел от пожару». Старая роспись, «что сделана в Разряде при прежних государях», также хранилась здесь. Об этом же свидетельствует и список 231 чертежа, составленный до 1666 г. в Разрядном приказе думным дьяком Д. И. Башмаковым⁶⁴. В нем поименованы 63 города и дан дополнительный список на 17 городов. Привлекают внимание город Белгород и его уезд, по которому в Разряде хранилось 27 чертежей.

⁶⁰ Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I. Приложения, стр. 337, § 78.

⁶¹ Там же. Т. II. Приложения, стр. 370, § 280.

⁶² «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук». Т. I. СПб. 1836, стр. 333—335, № 289. Подлинник хранится в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

⁶³ «Книга Большого чертежа». М. 1864, стр. 2, 3, 211.

⁶⁴ «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции». Т. VI, стр. 15—29.

Описание чертежей показывает, что делались они часто, почти ежегодно, и отражали те работы, которые проводились воеводами в городе или уезде. Эти чертежи в основном выполнялись на местах и присылались в Разряд. Самый ранний чертеж Белгорода относится к 1640 году. Так же обстояло дело и в г. Карпове, по которому с 1640 по 1652 г. было составлено 8 чертежей. По Яблону с 1639 по 1666 г. было изготовлено 14 чертежей. Чертежи Воронежа (всего 15) начали присылаться в Разряд с 1636 года. То, что чертежи были неотъемлемой частью градостроительного делопроизводства, подтверждает указ Сибирского приказа от 18 сентября 1697 г. об изготовлении на местах чертежей городов. В приказе разъясняется, что «чертежи делались в городах для того, что в Сибирском приказе сибирским городам чертежей нет и ведати непочем»⁶⁵.

Сведения о методах изготовления чертежей, карт и планов городов пока еще весьма скудны, но тем не менее и они проливают некоторый свет на этот вопрос. Воевода Ахтырского полка в 194 г. (1696 г.) просил Разряд выслать ему для составления плана города чертежника или иконника: «А для того дела дать из Севска чертежника или иконника, а буде в Севске нет ино дать из Рыльска». Поскольку в Севске на этот раз нужного человека не оказалось, то дан был «для чертежного дела из Рыльских иконников Федор Якимов».⁶⁶ Чертежи землям, селам и городам, хранящиеся в Поместном приказе, выполненные в акварели, свидетельствуют о том, что в их составлении принимали участие иконных дел мастера⁶⁷. Из других документов видно, что чертежи изготовлялись в Разряде различными людьми, специально посылавшимися предварительно для обследования тех местностей, на которых должен был ставиться город (например, Царев-Борисов, Козлов и другие)⁶⁸.

Сметы так же, как и чертежи, были неотъемлемой частью градостроительной документации, составлявшейся в Разряде. Огромный размах градостроительных работ на необъятных просторах южных и восточных земель мог вестись только при условии хорошей организации планирования и сметного дела. В делах Разрядного приказа удалось обнаружить полностью сохранившуюся смету на три новых города, которая была составлена служащими Разрядного приказа Ф. Сухотиным и Я. Юрьевым. Она находится в составе «выписи (1637 г.) из боярского приговора о строительстве городов, острогов и укреплений по засечной черте и связанных с этим расходов»⁶⁹. Сухотин и Юрьев были посланы на место предполагаемого строительства жилых городов на «Поле». Их охраняли 200 служилых людей. Кроме того, Разрядный приказ снабдил экспедицию географическими картами и примерным вариантом строительства укреплений и городов, составленным на основании опроса местных людей и жителей близлежащих городов — Белгорода, Оскола, Курска (л. 8, 17). Экспедиция работала два месяца и вернулась в Москву 26 декабря 1636 г. с чертежами, подробным описанием местности, планом строительства новых укреплений и общей сметой (л. 17).

Кроме общей сметы, были составлены сметы на три жилых города, по которым точно указывалось их местоположение (названий пока у них не было): первый город — «на реке Сосне у отрогу Терновского лесу», на Кальмиюской сакме (то есть большой дороге), второй — «на Кальмиюской сакме вверх по реке Сосне в устье реки Усерд, на нижнем городище», третий — «на Муравском шляху на реке Ворсклу

⁶⁵ ПСЗ. Т. III, № 1532.

⁶⁶ «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции». Т. IV. М. 1884, стр. 230—231.

⁶⁷ ЦГАДА, ф. 1209, Поместного приказа чертежи.

⁶⁸ Планы городов и другие чертежи XVII века (ЦГАДА, фф. 1209, 210, 214).

⁶⁹ Там же, ф. 210, Разрядный приказ Белгородского стола, столбцы, стб. 73, л. 58. Далее №№ листов указываются в тексте.

на Карповском стороженье». Города рассчитываются на 1 тыс. служилых людей, которых нужно «устроить на жилье землями и всякими угодыями». Все три города предполагалось окружить дополнительно несколькими «стоялыми городками», от городов отходят земляные валы. По всем городам расселяются конные и пешие служилые люди, которые должны охранять строителей, «покаместь город устроитца». В смете указывается, из каких мест «на городовое дело и на селитьбу брать лес». Дополнительно составляется отдельная смета на крепостные укрепления. Предполагалось, что на первые два города нужно будет по 8 тыс. бревен, на третий — 6 тысяч. Смета составлялась в денежном и хлебном выражении в трех различных вариантах в зависимости от сложности работ по возведению города: определялась сумма жалования ратным людям на охрану строителей, стоимость работы самих строителей и материалов на все три города. Давалась также подробная смета на строительство валов, стоялых городков, надолб и других укреплений вокруг города. В конце указывалась общая сумма: «Обоего три города да восемь острожков ратным людям, и от земляного и от надолбного дела дать денег по большой статье 111574 рубли 15 алтын, да хлеба ржи и овса 24000 чети» (л. 58—69).

В Русском государстве новые города были небольшие, поэтому не случайно в смете расчетной единицей является 1 тыс. человек мужского пола. Все население такого города с женами и детьми примерно составляло 5—6 тыс. человек. О том, что размер города регламентировался правительством и существовал его определенный оптимальный вариант, свидетельствует другой документ. В 1680 г. выходцы из Правобережной Украины хотели построить город на берегу р. Битюга. Боярская дума разрешила им поселиться в России, но предложила другое место. Она вынесла следующий приговор: «А буде их придет многолюдство большое и в одном городе им уселитца немочно и им строится городами ж промеж Полатова и Валуйки и Нового Оскола по обе стороны реки Оскола и по Северскому Донцу выше Царева-Борисова города и промеж Усерда и Полатова по вершинам реки Сосны по угодным местам»⁷⁰. Следовательно, согласно боярскому приговору, пришлые люди должны были основать несколько городов, так как в один город им «не уселиться».

Две сметы на строительство крепостных деревянных укреплений сохранились в документах Старой Руссы. Старая Русса, как известно, была основана еще в домонгольский период. В XVII в. она реконструировалась. В 1629 г. был поднят вопрос о реставрации старого города. Правительство направило старорусскому воеводе К. Супоневу и подьячему А. Лялину грамоту за подписью государева дьяка Б. Болина, в которой приказывало «осметить старорусское острожное дело». В ответ было послано два предположения⁷¹. Первый проект и смета предусматривали оставить город на старом месте, несмотря на то, что оно полон водой при разливе рек Полисты, Порусьи и Перерытицы вымывается. По второй смете предлагалось перенести город на новое, более высокое место. По этому поводу воевода пишет: «И мы, государь... по твоему государеву (титул) указу и по грамоте с старосты и целовальники и с посацкими людьми и с около русскими крестьяны и с плотники старорусского острог и башни и тарасы и надолбы смечали. И старого, государь, острогу лес ни в какове острожное дело не пригодитца весь загнил и развалился, потому что острог и башни и тарасы и столбы и надолбы деланы из старого хормново лесу в прошлом во 125 году»

⁷⁰ Там же, стб. 1530, л. 32.

⁷¹ Там же, ф. 141, л. 32. Воеводские отписки, росписки, челобитные в острожном деле города Старой Руссы. Цитируемый ниже источник не опубликован. Листы его далее указаны в тексте.

(1616 г.) (л. 2). Далее Супонев пишет о том, сколько понадобится нового леса для работ на старом остроге (л. 3). Воевода предлагает к старому острогу прирубить еще один острог; по его мнению, это необходимо сделать в связи с тем, что население в Старой Руссе и вокруг нее увеличилось. Он сообщает, что если старый город не будет расширен, то «старорусским посацким и околорусских погостов крестьянам в старом остроге вместица будет негде» (л. 3). Супонев и Лялин утверждают, что обе эти крепости — «старорусский острог по старой подошве и с новою прибавкою в отделке станет 1974 рублей 12 алтын» (л. 3).

Второе предложение старорусского воеводы и подьячего состояло в том, чтобы построить острог на более сухом месте, «около каменных храмов прежнее соборные церкви Бориса и Глеба и около великие мученицы Пятницы подле Порусья реки Соляного озера. И то, государь, место стало высоко и усторожливо и пещано и в копанию земля легка». Они советуют поставить новый город вокруг старого посада с каменными церквями размером в округе 476 сажен. «От Петра и Павла до Отгоротцской улицы и до Порусья реке прокопати рва 325 сажен, шириной в две косых сажени, а глубиной копати в сажень косая с четвертью сажени». Супонев и Лялин утверждают, что «старорушане посацкие люди и околорусских погостов крестьяне многие сказывают из стари, что были на этом месте колодези многие с пресною свежою водою. А ныне де колодези осыпались от разорения и от пожаров». Новый острог на другом месте, по их подсчетам, будет стоить на 20 рублей 27 алтын и 5 денег дешевле старого (лл. 4, 5). Смета, составленная на основании описания всех деталей крепости, с указанием материала, его сортамента, количества и стоимости свидетельствует о том, что строители великолепно представляли себе конечный результат — общий вид крепости, а также размер затрат на ее сооружение.

Одним из малоизученных вопросов строительства живописных городов является вопрос межевания городской территории. Поскольку площади, улицы и тупики города свободно и плавно изгибались на рельефе местности, то у исследователей сложилось впечатление, что возникали они стихийно. Однако даже те немногие сведения, которыми мы располагаем, говорят об обратном. В III Новгородской писцовой книге XV в. имеются материалы о планировании Старой Ладogi. В них даются указания вести на пустых местах застройку рядами, ставить второй ряд позади первого, ориентируясь при разбивке дворов на храмы⁷². Размечались улицы и в Новгороде. В Никоновской летописи под 1531 г. говорится о присылке в Новгород московских дьяков для размежевания улиц⁷³. Сохранились сведения середины XVII в. о том, как отмеривалась земля для поселения служилых людей в городе Челны: «Под дворы и под огороды вдоль по тридцати сажен, а поперег по десяти сажен человеку»⁷⁴. В документах Уфимской приказной избы середины XVII в. говорится о размере отводимой земли каждому жителю города. При уфимском воеводе был специальный дьяк, который ведал межеванием городских земель и выдачей участков жителям города⁷⁵. О том, что в городе никто самовольно и без «государеву указу» не мог увеличить свой земельный участок или производить перепланировку, свидетельствует дело Якуньки Арзамасцева. Последний, чтобы прирезать себе пустой участок, должен был обратиться к государю⁷⁶.

⁷² П. П. Смирнов. Города Московского государства первой половины XVII века. Т. I, стр. 14.

⁷³ ПСРЛ. Т. XIII, стр. 60.

⁷⁴ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 156, лл. 156—157.

⁷⁵ Там же, ф. 1173, оп. 1, дд. 502, 511, 537—544, 610.

⁷⁶ Там же, ед. хр. 599, лл. 1, 1 об., 2.

Деятельность Разрядного приказа по возведению новых городов, согласованность его действий с указаниями царя и Боярской думы, а также с мнениями воевод можно проследить на документах строительства Козлова и Козловского уезда (1635—1637 гг.). Сначала был сделан опрос «служилых людей», знакомых с топографией местности, которые предложили поставить новый город на Урляпове городище, на котором еще в XVI в., как они помнят, хотел основать город Борис Годунов⁷⁷. Собрав сведения об Урляпове городище, Разрядный приказ передал их на рассмотрение государю. 22 августа 1635 г. из дворца пришли «выпись в доклад по делу в Разрядном приказе о строительстве города на месте Урляпова городища». «Для городского строения указал государь ехать Ивану Биркину да Михаилу Спешневу» (лл. 12—13). Отсюда явствует, что строители города назначались правительством. Своеобразие строительства Козлова заключалось в том, что Биркин и Спешнев, ознакомившись с Урляповым городищем, отказались возводить там город, так как присмотрели для него лучшее место, которое принадлежало С. Козлову (лл. 77, 189, 191). Их выбор был одобрен Разрядом. Город был построен «на Козлове урочище» (л. 189).

Документы о возведении Ельца, Царева-Борисова, Козлова говорят о том, что руководителями строительства этих городов являлись их будущие воеводы. Как правило, во главе работ стояли два воеводы. Они имели большие права, но на них возлагалась и большая ответственность. Они могли корректировать предварительные проекты, несли полную ответственность за выбор места для будущего города, за осуществление строительства в соответствии с указаниями, полученными в приказах, и за качество работ. Это подтверждается материалами Сибирского приказа по городам Тюмень, Тобольск, Тура, Пелым, Березов, Сургут, Нарым, Якутск, Томск, Верхотурье, Мангазея, Кузнецк, Енисейск, Красноярск, Иркутск⁷⁸.

Подведем итоги. Определением места под закладку нового города и строительством его, а также реконструкцией старых городов в Русском государстве XVI—XVII вв. занимались Разрядный и Сибирский приказы по решению государя и Боярской думы. Для закладки города в Приказе составлялись чертеж, роспись и сметы. Выбор места под город и руководство строительными работами осуществлялись, как правило, двумя воеводами будущего города (получившими специальные знания и навыки в строительстве). В Разрядном или Сибирском приказе в помощь им давали нужных специалистов — градостроителей, фортификаторов, художников, рассыльных и т. д. Городские укрепления, ружные храмы, правительственные и общественные здания возводились на государственные средства мастерами. Жилые здания и приходские храмы строились самими жителями на участках, выделенных им по государеву указу воеводами городов. Но в отношении частного строительства существовали жесткие нормы; оно производилось под контролем государства. Заселение нового города велось организовано, путем перевода правительственными указами из старых городов молодых семей всех сословий. Каждому жителю нового города по специальным распоряжениям государя выдавались селитебные деньги и хлебное жалованье. Строительство новых и реконструкция старых городов осуществлялись очень быстро. Маленькие города возводились в 2—3 недели, большие — в 1,5—2 года. Внешний облик русских городов также определялся государственными приказами. Города, как и отдельные здания, строились по образцам. Выбор того или иного образца, как правило, также доверялся воеводе — строителю города.

⁷⁷ Там же, ф. 210, Разрядный приказ Белгородского стола, столбцы, стб. 201, лл. 3—9. Далее листы документа указываются в тексте. Документ публикуется впервые.

⁷⁸ ААН СССР, ф. 21, оп. 5, ед. хр. 14, лл. 15—23.

МАЙСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 1903 г. В СЕРБИИ

(ЕГО ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ)

А. З. Нюркаева

Утром 29 мая 1903 г. Европу потрясли известия о «кровавых событиях в Сербии», в результате которых была свергнута и физически уничтожена династия Обреновичей. Во время переворота были убиты король Александр и королева Драга. В ту же ночь в своих домах были убиты премьер-министр Д. Цинцар-Маркович, военный министр М. Павлович, а братья королевы — Никола и Никодим Луневицы — расстреляны в штабе Дунайской дивизии. Переворот совершили офицеры белградского гарнизона, антидинастические настроения которых были известны давно. Офицерский заговор сложился еще в сентябре 1901 г.¹, и к маю 1903 г. число его участников насчитывало более 100 человек². Непосредственно в перевороте участвовало 68 офицеров³, возглавляемых полковником запаса А. Машиным, братом первого мужа королевы Драги, и подполковником П. Мишичем, командиром 6-го пехотного полка.

Весть о государственном перевороте не была неожиданностью для многих политических деятелей, стоявших за спиной заговорщиков. Уже в 4-м час. утра 29 мая 1903 г. было сформировано новое временное правительство, в котором из девяти министров пять были связаны с заговором. По сведениям посла России в Сербии Н. В. Чарыкова, глава нового кабинета Д. Авакумович, лидер либеральной партии, министр юстиции адвокат Л. Живкович, лидер независимой радикальной партии, и министр торговли Г. Генчич знали о намерениях заговорщиков, более того, последний являлся связующим звеном между офицерами-заговорщиками и будущим королем Петром Карагеоргиевичем⁴. Военный министр генерал И. Атанацкович и министр общественных работ полковник А. Машиня были участниками заговора и переворота⁵. Главная задача временного правительства заключалась в сохранении порядка в стране и подготовке выборов в Народную Скупщину, назначенных на 8 сентября 1903 года.

В результате выборов Народная Скупщина, состоявшая из 160 депутатов, выглядела следующим образом⁶: радикальная партия, отражавшая интересы промышленной и финансовой буржуазии, получила 74 мандата; независимая радикальная партия, за которой стояла мелкая

¹ Т. Кацлеровић. Мартовске демонстрације и мајски преврат 1903. Београд. 1950, стр. 65.

² Архив внешней политики России (АВПР), ф. Политархив, оп. 482, д. 498, 1903 г., л. 337.

³ Там же, л. 449, 1903 г., л. 153.

⁴ Там же, л. 498, 1903 г., л. 343.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 499, 1903 г., л. 193.

буржуазия города и деревни, а также интеллигенция,—61; либеральная партия, связанная с крупной торговой буржуазией,—19; напредняцкая партия⁷, выражавшая интересы верхушки торгово-ростовщической и аграрной буржуазии, а также высшей чиновничьей бюрократии,—1 мандат; Сербская социал-демократическая партия имела тоже 1 мандат; беспартийным принадлежало 4 места. Правительственное большинство насчитывало 135 голосов, что свидетельствовало об упрочении власти национальной буржуазии после переворота. Ее победа косвенно указывает на поддержку народом государственного переворота 29 мая и ослабление позиций монархии и абсолютизма в стране.

Новое правительство сформировал один из лидеров радикальной партии, генерал Д. Груич. Другой лидер этой партии, Н. Пашич, не был допущен в состав правительства независимыми радикалами за его связь и потворство режиму Александра Обреновича. Только в январе 1904 г. Н. Пашич стал членом обновленного кабинета Д. Груича, заняв в нем пост министра иностранных дел, а в ноябре 1904 г. Пашич сам сформировал правительство. Так, Пашич вплоть до первой мировой войны являлся главным деятелем и вершителем внутренней и внешней политики буржуазной Сербии. Большому политическому опыту, крайней осторожности, дипломатической гибкости Пашича Сербия была обязана стабилизацией внутривластного положения и возросшим влиянием в балканских делах.

Наряду с установившейся парламентарной системой в стране после переворота сохранилась и монархия. 2 июня 1903 г. на заседании Народной Скупщины был избран на сербский престол князь Петр Карагеоргиевич, внук руководителя Первого сербского восстания Карагеоргия. Королем Петру Карагеоргиевичу в то время было уже 60 лет. Как государственный деятель, он был неинициативен, полностью лишен какой бы то ни было реальной власти. Еще за несколько месяцев до переворота офицеры-заговорщики заручились его письменным обязательством «управлять Сербией конституционно и демократически»⁸. Но главное, что определяло статут нового короля в политической системе страны, была позиция буржуазии, пришедшей к власти после переворота и не желавшей делиться ею с монархией, против которой она так долго и упорно боролась. Так, в результате государственного переворота в Сербии установился режим конституционной монархии.

События 29 мая 1903 г. в Сербии оценивались большинством современников как типичный дворцовый переворот, совершенный военной. Н. В. Чарыков, русский посланник в Сербии, тогда писал: «Переворот произведен военным заговором на почве антидинастической агитации... и вследствие опасения назначения наследником поручика Луневица»⁹. Это или близкое к нему объяснение причин переворота получило наибольшее распространение в трудах историков. Один из первых представителей современной югославской историографии, Т. Кацлерович, очевидец событий, видный социалист той поры, в своей работе, специально посвященной перевороту, мотивировал его только субъективными факторами, а именно: деспотическим режимом короля Александра, авантюристическими наклонностями королевы Драги, попыткой провозгласить Никодима Луневица наследником¹⁰. В советской историографии специальные исследования по поставленным проблемам отсутствуют, фрагментарные же замечания В. М. Поваляева и В. Л. Глебова сводятся к оценке событий 29 мая 1903 г. как типичного верхушечного

⁷ От сербского «напредак» — прогресс, успех.

⁸ Там же, д. 498, 1903 г., л. 343.

⁹ Там же, д. 500, ч. 1, 1903 г., л. 369.

¹⁰ Т. Кацлерович. Указ. соч., стр. 62.

переворота¹¹. В трактовке его исследователи исходят главным образом из методов борьбы и некоторых причин, лежащих на поверхности событий. Сущность же переворота до сего времени не выявлена. Чтобы ответить на этот вопрос, попытаемся вскрыть объективные причины и последствия рассматриваемого явления.

К началу XX в. в Сербии произошли крупные сдвиги в общественном развитии. В 80—90-е годы XIX в. после полного политического освобождения страны от турецкого гнета в результате войны 1876—1878 гг. в Сербии ускорился процесс развития капитализма. По единодушному мнению советских и югославских историков, на рубеже двух веков завершился процесс утверждения капиталистического способа производства в Сербии. Последствием этого была новая расстановка классовых сил как внутри буржуазии, так и между нею и пролетариатом.

Если до конца 80-х годов XIX в. внутри класса буржуазии почти безраздельно господствовала крупная торгово-ростовщическая и аграрная буржуазия, сложившаяся в эпоху так называемого первоначального накопления и в силу объективных условий развития капитализма в тот период (тяжелое наследие турецкого гнета, отсутствие полной национальной независимости, территориальная разобщенность складывавшейся нации и т. д.) не сумевшая полностью освободиться от феодальных пережитков в экономической и политической областях, то с конца 90-х годов XIX в., когда в Сербии утвердился капитализм, объективно создавались условия для перевеса сил промышленной буржуазии. Ее политический представитель—радикальная партия, насчитывавшая в конце XIX в. 60 тыс. членов, в противовес партиям консервативной буржуазии (напредняцкой и либеральной), в силу объективных потребностей развития капитализма в стране, экономических и политических интересов промышленной буржуазии с большим упорством боролась за буржуазный парламентаризм и национальную самостоятельность¹².

На пути к утверждению буржуазной демократии стояли монархия и диктаторский режим династии Обреновичей. При последних Обреновичах, королях Милане и Александре, политическая реакция в стране достигла апогея. В 1898 г., после попытки покушения на Милана, были запрещены все прогрессивные и демократические газеты и организации. В период разгула реакции и диктатуры Александра буржуазия утратила влияние на государственные дела, о чем красноречиво свидетельствует министерская чехарда. За 13 лет царствования (1889—1903 гг.) Александр совершил пять реакционных переворотов и сменил полностью или частично 24 кабинета¹³. Авторитарный режим абсолютистско-монархической власти наряду с другими пережитками феодализма в стране был тормозом для развития капитализма. Ему было тесно в тисках абсолютизма и его антинациональной политики, поэтому было закономерным, что крепнувшая сербская буржуазия стремилась активно, хотя порой не всегда последовательно, вести борьбу с монархией.

Решение задач демократизации и национального объединения Сербии происходило в то время, когда мировая система капитализма вступила в последнюю, высшую стадию своего развития. В этой ситуации слабо развитая Сербия, подобно другим малым странам Балканского полуострова, становилась объектом империалистической экспансии ве-

¹¹ В. М. П о в а л я е в. Революционная деятельность Р. Драговича в период создания Сербской социал-демократической партии. «Вопросы истории славян». Вып. 1. Воронеж. 1963, стр. 148—149; В. Л. Г л е б о в. Капиталистический путь развития слабо развитых стран. Новосибирск. 1970, стр. 67.

¹² Д. Ј а н к о в и ћ. О политическим странкама у Србији XIX века. Београд. 1951, стр. 268.

¹³ В. Т е п л о в. Белградское царевубийство. СПб. 1903, § 3 (отдельный оттиск из газеты «Русский вестник»).

ликих держав, что выдвигало перед сербским народом задачу борьбы не только с внутренней, но и с внешней реакцией. Социальной опорой иностранного вмешательства, особенно австро-венгерского, в сербские дела была монархия и консервативная буржуазия, тесно связанная с австро-венгерским рынком. В 1894 г. в Австро-Венгрию экспортировалось 97% сербского скота, 87,5% — продукции земледелия, 78% — кож¹⁴. Экономическая зависимость Сербии от Австро-Венгрии усугублялась антинациональной австрофильской политикой династии Обреновичей. Кабальный торговый договор и тайная политическая конвенция 1881 г. с Австро-Венгрией, формулировавшая отказ Сербии от объединения сербских земель и самостоятельной внешней политики во имя признания за династией Обреновичей королевского титула, были вершиной национального предательства со стороны правящей династии. В условиях, когда внутренняя реакция активно поддерживалась внешней, когда значительная часть сербской буржуазии в силу собственной слабости, экономической и политической зависимости от иностранного капитала становилась орудием этой реакции, решающее слово в борьбе за демократию принадлежало не буржуазной, а пролетарской и мелкобуржуазной демократии.

Потенциальные силы пролетарской и мелкобуржуазной демократии к началу XX в. были в Сербии довольно внушительными. В 1900 г. население страны насчитывало 2493 тыс. человек, из них 2142 тыс., или 86%, составляли сельские жители и 351 тыс., или 14%, — городские¹⁵. В деревне 22 тыс. человек, или 7,86%¹⁶, владели землей от 15 до 300 и более га и составляли слой сельской буржуазии, а удельный вес безземельных, малоземельных и средних крестьян был равен 92,14%. На рубеже двух веков завершился в основном процесс формирования сербского рабочего класса, численность которого равнялась 60—70 тыс. человек, или 2,5% общей численности населения страны и 17% городской его части¹⁷. В совокупности демократические слои города и деревни составляли приблизительно 87% населения Сербии.

На рубеже двух веков произошли существенные качественные сдвиги в рабочем движении Сербии. Завершился процесс превращения сербского пролетариата в «класс для себя», утверждались классовые принципы в его борьбе и организации. Многочисленные исследования советских и югославских историков дают возможность сделать вывод, что социалистическая идеология, распространявшаяся в Сербии с 60—70-х годов XIX в. главным образом среди интеллигенции и ремесленных масс, с 90-х годов XIX в. была прочно связана с рабочим классом. С утверждением капитализма в стране пролетариат четко осознал свои классовые интересы, и именно этот процесс стал материальной основой приобщения рабочих к идеям научного социализма. Кроме того, на переломе в социалистическом движении оказывали воздействие международное пролетарское движение и деятельность новой плеяды профессиональных сербских революционеров, таких, как А. Банкович, Р. Драгович, Д. Тузович. Качественные сдвиги в пролетарской идеологии привели в 90-е годы XIX в. к ее окончательному отделению от радикально-демократической. Начавшийся в то время процесс слияния научного социализма с рабочим движением завершился в начале XX в. (1903—1908 гг.) и определил доминирующую роль марксистского направления в социалистическом и массовом рабочем движении Сербии.

¹⁴ В. Л. Глебов. Завершающий этап становления капитализма в Сербии. Автореф. канд. дисс. М. 1972, стр. 6.

¹⁵ М. Вукомановић. Радничка класа Србије у другој половини XIX века. Београд. 1972, стр. 105.

¹⁶ Б. П. Евреин. Статистические очерки Сербского королевства. СПб. 1903, стр. 43.

¹⁷ М. Вукомановић. Указ. соч., стр. 331.

Приобщение сербского пролетариата к идеям научного социализма, а также дифференциация его интересов от интересов предпринимателей обусловили с 90-х годов XIX в. и изменение форм его организации. В эпоху так называемого первоначального накопления в силу мелкокапиталистического характера производства, стойкости патриархальных отношений, низкого уровня классового сознания рабочих возникали совместные с предпринимателями организации. Это были различные общества взаимопомощи на случай болезни, смерти, нетрудоспособности, появившиеся в Сербии с 50-х годов, кооперативные товарищества (задруги), создаваемые с 70-х годов, смешанные объединения ремесленников и ремесленно-рабочие союзы, впервые образованные в 80-е годы XIX века¹⁸. С 90-х годов XIX в., когда утвердился капитализм в стране и научный социализм в мировоззрении рабочего класса, в Сербии стали возникать подлинно классовые рабочие организации: профсоюзы и социалистические общества. Общество опанчарских рабочих¹⁹, созданное 20 января 1896 г. в Белграде, было первой профессиональной рабочей организацией²⁰. В 1903 г. в стране насчитывалось 17 профсоюзов и 32 рабочих общества²¹. Новый этап организованного развития рабочего движения завершился созданием Сербской социал-демократической партии (ССДП) 20 июня 1903 года²². Под руководством ССДП в начале XX в. рабочее движение в Сербии перешло на новую ступень, когда определяющим фактором становилась организованная борьба против всей системы капитализма, а не отдельных его сторон.

Абсолютистско-монархический, полицейско-бюрократический режим был тормозом для развития не только сербской буржуазии, но и для социалистической борьбы пролетариата. «Пролетариат,— писал В. И. Ленин,— не может относиться безразлично и равнодушно к политическим, социальным и культурным условиям своей борьбы»²³. С 1889 по 1902 г. рабочие провели в условиях реакции 47 стачек²⁴. Политическая борьба рабочих в форме первомайских выступлений, митингов, демонстраций, петиций была направлена главным образом против монархии, за демократизацию общественной жизни. Первые такого рода политические митинги и демонстрации рабочие провели в 1894 году. Именно в этом году король Александр совершил второй переворот, заменив 9 мая 1894 г. конституцию 1888 г. сводом законов 1869 года. Конституция 1888 г. была буржуазно-демократической по характеру. Она предоставляла Скупшине законодательную инициативу, право контроля за государственным бюджетом, устанавливала отчетность министров перед парламентом, вводила буржуазные права и свободы. В условиях действия этой конституции рабочие имели возможность создавать свои организации. Конституция же 1869 г. концентрировала законодательную власть в руках короля. Ему принадлежало право законодательной инициативы и окончательного утверждения законов. Опираясь на эту реакционную конституцию, Александр установил абсолютистский режим, а в период «черной владановщины» (правление Владана Джорджевича с 11 октября 1897 г. по 12 июля 1900 г.) установил режим авторитарной власти.

В знак протеста против усиления реакции и абсолютизма 12 января 1894 г. провели митинг студенты Великой школы (университета) в Белграде, а 16 января — белградские рабочие во главе с А. Банкови-

¹⁸ Там же, стр. 55, 166, 193—212.

¹⁹ От слова «опанки» — национальная кожаная обувь.

²⁰ М. Вукомановић. Указ соч., стр. 235.

²¹ «Синдикални покрет у Србији (1903—1919 гг.)». Београд. 1958, стр. 5, 205.

²² Подробно см. А. З. Нюркаева. Образование Сербской социал-демократической партии. «Вопросы истории международного рабочего движения». Вып. XI. Пермь. 1973.

²³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 190.

²⁴ М. Вукомановић. Указ. соч., стр. 284.

чем. На митинге присутствовало более 1 тыс. рабочих, которые требовали восстановления прав Скупщины и демократических свобод. 16 мая 1894 г. белградские рабочие провели еще один митинг протеста против отмены конституции 1888 года ²⁵.

Последствия господства «черной владановщины» рабочий класс смог преодолеть лишь в 1901 г., когда возникло «Белградское рабочее общество» и возродились профсоюзы, под руководством которых ежегодные выступления за повышение заработной платы приводили в движение пролетариат всей страны. Борьба рабочих за демократические права и свободы также усилилась. 25 ноября 1901 г. в Белграде прошел 3-тысячный митинг, участники которого заявили о своей решимости добиваться свободы печати, собраний и организации. 4 августа 1902 г. белградские рабочие потребовали введения рабочего законодательства в стране ²⁶. По неполным данным, в первомайских выступлениях и в борьбе за рабочее законодательство в 1901—1902 гг. и в мартовской демонстрации 1903 г. участвовало свыше 15,5 тыс. рабочих ²⁷.

Кульминационным моментом общедемократической борьбы рабочих стали события 1903 года. Социалистическая газета «Радничке новине» 11 января 1903 г. в статье «Рабочие и конституционность», проанализировав особенности общедемократической борьбы в Сербии, правильно определила место рабочих в этой борьбе: «Политическое прошлое людей, которые сейчас борются за конституционность, отталкивает нас от них, но если они в борьбе за политические свободы потребуют от нас помощи, мы готовы им помочь». Апогеем противоборства рабочих с монархией была демонстрация 23 марта 1903 г., организованная социалистами. Она имела два исходных очага: митинг студентов Великой школы и собрание белградских подмастерьев. Студенческий митинг под руководством Д. Туцовича и Т. Кацлеровича, а также лидера националистически настроенной молодежи Л. Йовановича-Чупы ²⁸ единодушно осудил намерения короля Александра совершить новый переворот и изменить конституцию. Собрание подмастерьев протестовало против распоряжения о новой форме их регистрации. После митингов в 2 часа дня началась демонстрация, в которой участвовало более 5 тыс. человек. Она носила ярко выраженный антимонархический характер и проходила под лозунгами: «Да здравствует свобода!», «Долой деспотизм!», «Долой реакцию!» Вечером против демонстрантов были брошены войска, которые открыли огонь. Восемь человек было убито, 10 — тяжело ранено. Симптоматично, что часть белградского гарнизона (6-й полк под командованием М. Андреевича) отказалась стрелять в рабочих ²⁹. Демонстрация против абсолютизма произошла 23 марта 1903 г. и в Алексинаце. Репрессии против демонстрантов привели к аресту 123 человек. Среди 27 главных осужденных демонстрантов было 17 рабочих, 9 учащихся и студентов, 1 чиновник ³⁰.

Несмотря на поражение, мартовская демонстрация предопределила судьбу династии Обреновичей и место монархии в общественном развитии Сербии. Именно под влиянием роста общедемократического движения, в авангард которого выдвигался пролетариат, сербская буржуазия вынуждена была прибегнуть к верхушечному перевороту. ССДП в дек-

²⁵ Там же, стр. 313, 314.

²⁶ Там же, стр. 315.

²⁷ «Први конгрес Српске социјалдемократске партије и Главног радничког савеза (1903 г.)». Београд. 1953, стр. 60—62; «Први Мај у Србији (1893—1919 гг.)». Београд. 1954, стр. 90; Т. Кацлеровић. Указ. соч., стр. 47.

²⁸ Л. Йованович-Чупа — позднее один из основателей и идеологов возникшей в 1911 г. организации «Объединение или смерть», больше известной под названием «Черная рука». Эта организация ставила задачу национального объединения сербов любыми средствами, вплоть до террора.

²⁹ АВПР, ф. Политархив, оп. 482, л. 500, ч. 1, 1903 г., лл. 255, 265.

³⁰ М. Вукмановић. Указ. соч., стр. 318.

ларации «Социальная демократия по отношению к режиму Александра» от 13 июня 1903 г. указывала, что переворот 29 мая является следствием демонстрации 23 марта 1903 года. Декларация свидетельствует о том, что сербский рабочий класс во главе с социалистами сознательно шел на штурм монархии. «Социальная демократия не могла быть равнодушной к намерениям режима тирании», — подчеркивалось в декларации, — «собирала недовольные элементы, революционизировала и возбуждала их с тем, чтобы в нужный момент это недовольство направить против преступного режима Александра». Мартовскую демонстрацию ССДП определила как начало революции³¹. Это событие действительно было первым крупным политическим выступлением сербского пролетариата против абсолютизма. Рабочий класс проявил зрелость, понимание задач демократической борьбы и заявил о себе как решающей силе в борьбе с реакцией. Его политическая активность, таким образом, не соизмерялась с его численностью. Политический вес сербского пролетариата определялся в начале XX в. прежде всего объективными внутренними и внешними условиями его развития и борьбы. Тяжелое положение рабочего класса, удушающая политическая реакция в стране, зависимый характер капиталистического развития Сербии, политическая напряженность на Балканах, обусловленная вмешательством великих держав, наконец, благотворное влияние международного рабочего движения выдвинули сербский пролетариат при всей его малочисленности на передовые позиции в общественной жизни страны.

Майский переворот был вызван объективными последствиями капиталистического развития Сербии. Мартовская демонстрация и майский переворот — два звена в одной цепи событий. Хотя на поверхности переворота и лежат действия заговорщиков, его скрытые пружины ведут к условиям развития капитализма в Сербии, к соотношению сил пролетариата и буржуазии. Несмотря на малочисленность пролетариата, на то, что это был ранний этап его сознательной классовой борьбы, именно его позиция в условиях специфической внутренней и внешнеполитической ситуации развития Сербии определила исход общедемократической борьбы. События 1903 г. начали разворачиваться революционным путем, но два русла общедемократической борьбы (буржуазное и пролетарское) не слились в единый поток по вине буржуазии. Поэтому борьба за демократизацию оказалась незавершенной, был ликвидирован абсолютизм, ненавистная династия Обреновичей и ослаблены позиции монархии. Несмотря на незавершенность, ограниченность целей и методов борьбы буржуазии с монархией и абсолютизмом, майский переворот отражал объективные потребности общественной жизни Сербии и был прогрессивным явлением, расчищавшим дорогу для более свободного развития капитализма в стране.

Характер и сущность переворота определяются не только его причинами, но и последствиями. После него в Сербии утвердился парламентский режим, и к власти надолго пришла радикальная партия. Но была ли единственной альтернатива развития страны по пути конституционной монархии? Нет. Архивные материалы показывают рост республиканских настроений в период переворота. В секретной телеграмме Н. В. Чарыкова от 2 июня 1903 г. и в его донесении от 4 июня 1903 г. говорится о быстром распространении республиканских идей в народе и выступлении социалистов с проектом установления в Сербии республики. Эти же документы дают возможность установить, что носителями республиканских идей были социалисты, отражающие настроения рабочих, университетская и радикально настроенная офицерская молодежь, независимая радикальная партия, за которой

³¹ «Српска социјалдемократска партија. Грађа (1901—1905 гг.)». Београд. 1966, стр. 58.

шла мелкая буржуазия города и деревни. Социалисты и студенты, намеревавшиеся провести митинг и демонстрацию с требованием республики, отступили перед угрозой применения оружия со стороны заговорщиков³². Сербская буржуазия, стоявшая за участниками заговора, не допустила установления республики. Она поспешно провозгласила 2 июня 1903 г. Петра Карагеоргиевича сербским королем, что явилось ее ответом на республиканские настроения масс и в то же время свидетельствовало о том, что она опасается демократического движения. О причинах маневра сербской буржуазии Чарыков писал: «Единогласие их и быстрота избрания вызваны проявившимся возрастанием республиканских стремлений и опасениями, в случае внутренних беспорядков, иностранного вмешательства»³³.

Возможность иностранного, особенно австро-венгерского, вмешательства в сербские дела в связи с переворотом была вполне реальной. Уже в день переворота австрийский посланник в Сербии Думба заявил Чарыкову, что, если в Сербии «произойдут беспорядки, австрийские пограничные войска будут мобилизованы»³⁴. Не случайно в этой ситуации временное правительство Авакумовича поспешило заверить правительство России в своей преданности, желая обеспечить себе защиту с ее стороны на случай австро-венгерского вмешательства. Угроза его была предотвращена благодаря покровительственной позиции России и быстрому подавлению революционных выступлений в Сербии. Но, главное, Австро-Венгрия проявила нерешительность и колебания в первые дни после переворота, рассчитывая, что беспорядки и замешательство, обычные при государственных переворотах, ослабят Сербию, задержат ее политическое и экономическое развитие и тем самым будут способствовать укреплению влияния Австро-Венгрии в этом районе Балкан³⁵. Однако эти планы не оправдались, и Сербия вступила на путь относительно самостоятельного развития.

Буржуазная историография называет общественное развитие Сербии в эпоху империализма «золотой порой сербского гражданства», «классической эпохой гражданской демократии в Сербии». Действительно, это «золотая пора», но лишь для сербской буржуазии, которая отныне получила не только экономические, но и политические рычаги для упрочения своего господства. Вся внутренняя политика радикальной партии была направлена на подъем промышленности и усиление национальной буржуазии. С этой целью была восстановлена 5 июня 1903 г. с незначительными поправками конституция 1888 года. В тот же день была введена новая избирательная система, в основу которой был положен имущественный ценз. Статья 10 конституции предоставляла право голоса гражданам, достигшим 21 года и платившим не менее 15 динаров прямого налога в год³⁶. В 1903 г. население Сербии насчитывало около 2 622 тыс. человек³⁷, из них только 20% обладали правом голоса. Как писала газета «Радничке новине» 20 апреля 1912 г., имущественный ценз был направлен прежде всего против рабочего класса, 95% рабочих не имели права голоса. В декабре 1903 г. Народной Скупщиной был утвержден новый закон о печати, специальная статья которого о расширении правительственного «вето» своим острием также была направлена против рабочего движения. В феврале 1904 г. Пашич, бывший тогда министром иностранных дел Сербии, говорил по этому поводу: «Мы не допустим митингов с революционной программой, и для

³² АВПР, ф. Политархив, оп. 482, д. 498, 1903 г., л. 360.

³³ Там же, д. 500, ч. II, 1903 г., л. 16.

³⁴ Там же, ч. I, 1903 г., л. 369.

³⁵ Там же, д. 498, 1903 г., л. 383.

³⁶ С. Њагуљ. Сиротински цензус. Борба Српске социјалдемократске партије за опште право гласа. Београд. 1905, стр. 15.

³⁷ «Статистички годишњак краљевине Србије». Књ XI. Београд. 1908, стр. 229.

этого мы ввели в новый закон о печати статью, расширяющую в этом смысле правительственное «вето», благодаря коему студенты, рабочие, социалисты и т. п. элементы не только не могут в подобных случаях переходить от слов к делу, но и не имеют права расклеивать прокламации, печатать объявления и проч.»³⁸. Таким образом, конституция и вытекавшие из нее законы были поставлены на службу исключительно буржуазии и обрекали, как и прежде, рабочий класс на политическое бесправие.

Из других административных и экономических мероприятий правительства радикалов наибольшее значение придавалось закону о постройке двух железных дорог: 1) Белград—Валево (100 км) и 2) Парачин—Заечар (80 км)³⁹, причем первая имела экономическое значение, вторая—стратегическое. Одним из основных направлений протекционистской политики радикалов были шаги на пути к экономической независимости от Австро-Венгрии, для чего первоначально, в 1904 г., был введен таможенный тариф, а впоследствии, с 1906 по 1911 г., успешно велась с нею таможенная война⁴⁰. Следовательно, главным итогом переворота 1903 г. во внутренней жизни была расчистка путей для полной политической и экономической независимости от Австро-Венгрии и стабилизация буржуазной государственности.

Политическая обстановка, сложившаяся в стране после переворота, была использована рабочим классом. Легальные условия помогли завершить процесс образования пролетарской партии летом 1903 г., встать на путь совершенствования профессиональных организаций с марта 1904 г., активизировать все направления и формы борьбы рабочего класса.

Майский переворот оказал позитивное воздействие не только на внутреннюю жизнь страны, но и на ее международное положение. Прямым следствием переворота была изменившаяся позиция Сербии в балканских и общеевропейских делах. Государственный переворот в Сербии вызвал отклики в Болгарии, где с 1903 г. проявились стремления покончить с династией Саксен-Кобургов и монархией. В секретном письме от 2 июля 1903 г. советник русского посольства в Сербии Муравьев-Апостол-Коробьин сообщал, что в Белград приезжали три болгарских офицера для изучения событий 29 мая. Истинной же их целью было «разветвление существующего в болгарской армии заговора последовать примеру сербской и убить князя Фердинанда, с тем чтобы немедленно засим провозгласить короля Петра I королем сербским и болгарским, соединить обе армии, составлявшие около 450 000 человек хорошо вооруженного войска, и покончить, мирным путем или путем войны», с владениями Турции на Балканах⁴¹. О существовании заговора против Фердинанда писала в то время румынская газета «Universul», а 15 июля 1903 г. Муравьев-Апостол-Коробьин вновь подтвердил эту весть⁴².

Заговор в Болгарии действительно был подготовлен, более того, его участники приурочили свое выступление к 15 августа 1903 г., но князь Фердинанд 11 июля 1903 г. спешно выехал с семьей из Болгарии в Венгрию⁴³. Заговор не был реализован, но само его существование свидетельствует о стремлении по крайней мере части болгарской буржуазии демократизировать общественные порядки в стране и избавиться от австро-германского влияния. Но главной целью сербских и болгарских заговорщиков были попытки создать реальную силу для ликвидации ту-

³⁸ АВПР, ф. Политархив, оп. 482, д. 504, 1904 г., л. 56.

³⁹ Там же, л. 170.

⁴⁰ Подробнее см. Д. Борбевић. Царински рат Аустро-Угарске и Србије 1906—1911. Београд. 1962.

⁴¹ АВПР, ф. Политархив, оп. 482, д. 499, 1903 г., л. 23.

⁴² Там же, лл. 58, 63.

⁴³ Там же, л. 23; д. 500, ч. II, 1903 г., л. 189.

рецких владений на Балканах. Участники майского переворота в Сербии были патриотами своей страны и сторонниками национального объединения сербов самыми решительными мерами. Один из главных руководителей, полковник П. Мишич, в сентябре 1904 г. заявил: «Восточный вопрос, с которым связаны самые жизненные интересы Сербии, вступил в последний свой фазис, когда дипломатические ноты заменены будут железом и свинцом»⁴⁴. Об искренней приверженности участников майского переворота идее национального единства говорит и их последующая активная роль в создании и деятельности организации «Объединение или смерть»⁴⁵.

Переворот 29 мая оздоровил политическую обстановку в Сербии, и на этой основе складывалась благоприятная ситуация для реального сближения между Сербией и Болгарией, равно как и для возрождения старой идеи — создания Балканского союза. Еще при жизни короля Александра при содействии Чарыкова был поднят вопрос о желательности расширения экономических связей между Сербией и Болгарией, но тогда в силу крайней зависимости династии Обреновичей и сербской буржуазии от Австро-Венгрии реальных шагов в этом направлении не было сделано. «Но вот наступил государственный переворот 29 мая, — отмечал Муравьев-Апостол-Коробьин в донесении от 15 июля 1903 г., — а с ним вместе и внезапная метаморфоза вышеизложенного вопроса»⁴⁶.

Политическая ситуация на Балканах в 1903 г. была чрезвычайно накаленной. В результате событий в Сербии, кульминационного развития освободительного движения в Македонии, которое вылилось 2 августа того же года в Илindenское восстание, подписания между Россией и Австро-Венгрией в сентябре 1903 г. Мюрцштегского соглашения о проведении реформ в Македонии в пользу славянского населения, наконец, наличия захватнических устремлений сербской и болгарской буржуазии в отношении Македонии развивался процесс сближения Сербии с Болгарией. Более того, политические деятели обеих стран считали его необходимым; например, А. Николич, министр иностранных дел Сербии, в августе 1903 г. говорил о фатальной неизбежности сербско-болгарского союза⁴⁷. О реальной возможности сближения Сербии и Болгарии и роста на этой основе роли славянства во главе с Россией в балканских делах ясно отдавали себе отчет руководители западных держав; например, об этом говорил германский император Вильгельм II⁴⁸.

Сближение Сербии и Болгарии имело двоякую цель: остановить экспансию Австро-Венгрии и стоявшей за ней Германии на Балканах и радикально решить проблему европейских владений Турции. Это была двудеятельная задача — оборонительная и наступательная. В первом случае были больше заинтересованы и выигрывали Сербия с Черногорией, а во втором — все балканские страны. В апреле 1904 г. Сербия и Болгария подписали тайный договор, по которому соглашались поддержать Мюрцштегскую программу реформ в Македонии и обеспечить взаимную военную помощь на случай нападения одной из сторон. Договаривающиеся стороны считали возможным привлечь к этому союзу Черногорию, с которой Сербия активно искала сближения начиная с осени 1903 г. и летом 1904 г. вступила в переговоры о заключении соглашения, руководствуясь принципом «Балканы для балканских народов»⁴⁹. В заключительном протоколе к сербско-болгарскому договору Болгарией были признаны притязания Сербии на Ново-Пазарский санджак, что рассмат-

⁴⁴ Там же, д. 504, 1904 г., л. 211.

⁴⁵ Подробнее см. Ю. А. Писарев. Сербия и Черногория в первой мировой войне. М. 1968, стр. 26—32, 238—243.

⁴⁶ АВПР, ф. Политархив, оп. 482, д. 499, 1903 г., л. 56.

⁴⁷ Там же, д. 500, ч. II, 1903 г., л. 226.

⁴⁸ Там же, д. 499, 1903 г., л. 56.

⁴⁹ Там же, д. 504, 1904 г., л. 183.

ривалось как противовес австро-венгерской экспансии в данном районе⁵⁰. Сербско-болгарский договор 1904 г. явился важным шагом на пути создания Балканского союза. На основе этого договора была выработана в 1904 г. совместная конвенция о выдаче преступников по уголовным делам, почтово-телеграфная конвенция, монетная конвенция и, наконец, в июле 1905 г. таможенное соглашение, вступавшее в силу с марта 1906 года. Но военно-политический договор 1904 г. и таможенное соглашение 1905 г. не приобрели силы благодаря контрмерам Австро-Венгрии. 12 января 1906 г. она закрыла свою границу для ввоза скота из Сербии. Та со своей стороны запретила импорт австрийских промышленных товаров в страну. Так началась известная «свиная», или таможенная, война.

В раскрытии карт политики балканских стран перед Австро-Венгрией был повинен болгарский князь Фердинанд, решивший без консультации с Сербией поставить на обсуждение Народного собрания тарифное соглашение. Этот опрометчивый шаг охладил взаимоотношения двух стран. Но гораздо серьезнее была другая причина, которая сделала несостоятельной политику создания Балканского союза в 1903—1905 годах: столкновение интересов сербской и болгарской буржуазии при решении вопроса о разделе европейских владений Турции. Ухудшением отношений между двумя славянскими странами воспользовалась Австро-Венгрия. Россия, занятая в это время русско-японской войной, уделяла меньшее внимание балканским делам, более того, ей было тогда невыгодно обострять отношения с Австро-Венгрией. В совокупности все эти факторы косвенно влияли на темпы сближения балканских стран. Несмотря на то, что в 1903—1905 гг. балканский союз не сложился, совершенно очевидно, что для его создания в начале XX в. вполне созрели объективные и субъективные факторы, главными из которых были потребности капиталистического развития обеих стран и новая внешнеполитическая ориентация Сербии после майского переворота.

Государственный переворот 1903 г. в Сербии привел к изменению соотношения сил на Балканах. Борьба сербской национальной буржуазии за конституционный режим в стране была неразрывно связана с русофильской внешней политикой, неизменно поддерживаемой широкими народными массами не только в силу этнической общности, помощи России сербскому народу в его борьбе за независимость, но и в силу того, что в противовес австро-германской политике экспансии, захвата сербских земель, подавления национально-освободительного движения, раскола и разжигания вражды между балканскими странами Россия прилагала усилия к их объединению и примирению их разногласий. Объективно политика России была направлена на то, чтобы не допустить закабаления южнославянских народов австро-венгерским империализмом, ослабить его позиции на Балканах, а это отвечало национальным интересам балканских народов.

После государственного переворота, с приходом к власти национальной буржуазии Сербия взяла курс на сближение с Россией. Спустя три дня после переворота Чарыков сообщал, что правительство Авакумовича заверило его в своей преданности России. 15 июня 1903 г. новый сербский король Петр Карагеоргиевич выразил в беседе с российским послом надежду, «что между Россией и Сербией установятся самые сердечные и дружественные отношения»⁵¹. И действительно, вплоть до первой мировой войны русско-сербские отношения развивались по восходящей линии. Сербия была тогда единственной страной на Балканском полуострове, которая последовательно поддерживала политику России по отношению к Австро-Венгрии. Такая позиция определялась

⁵⁰ Там же, л. 146; В. А. Жебокрицкий. Болгария накануне Балканских войн 1912—1913 гг. Киев. 1960, стр. 116—117.

⁵¹ АВПР, ф. Политархив, оп. 482, д. 498, 1903 г., лл. 345, 382.

не только политическими и национальными интересами Сербии, но и прочными дружественными чувствами сербского народа к России. 2 июня 1904 г. Муравьев-Апостол-Коробьин писал в донесении: «С удовольствием можно отметить для нас, русских, что каковы бы ни были политические обстоятельства и кто бы ни стоял во главе правительства, сербский народ остается верным своей любви к России»⁵². Подобно тому, как ненависть балканских народов к Австро-Венгрии и стоявшей за ней Германии являлась существенным фактором межгосударственных отношений на Балканах⁵³, дружба и привязанность этих народов к России корректировала политическую ситуацию в данном регионе. Устойчивость дружественных русско-сербских отношений, близость целей обоих государств в балканской политике после майского переворота в Сербии предопределили перевес влияния России на Балканах в начале XX века. Тенденция к сближению Сербии с Болгарией и Черногорией, с одной стороны, укрепление позиций России на Балканах, с другой,— благоприятствовали развитию сербской нации и создавали реальную возможность для решения проблемы национального освобождения и объединения славянских народов, что частично и было достигнуто в результате балканских войн.

Таким образом, совершенный 29 мая 1903 г. представителями сербской национальной буржуазии под давлением широких народных масс, роста общедемократического движения и республиканских настроений верхушечный переворот нельзя расценивать только как типично дворцовый переворот. Объективные предпосылки, внутривполитические и внешнеполитические последствия его, равно как и его социальная база, дают основание характеризовать этот переворот в целом как прогрессивное по своей сущности буржуазное явление. Ввиду того, что майский переворот был прямым следствием мартовской демонстрации, его следует рассматривать как проявление влияния рабочего движения на буржуазную политику. Уничтожение династии Обреновичей и установление конституционного режима, ослабившие позиции монархии и реакции, были одним из результатов первого в истории Сербии значительно-го воздействия пролетарской борьбы на развитие этого государства.

⁵² Там же, д. 504, 1904 г., л. 179.

⁵³ К. Б. Виноградов. Боснийский кризис 1908—1909 гг.— пролог первой мировой войны. Л. 1964, стр. 39.

ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ США

(ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И ИДЕИНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДОКТРИН НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ)

Н. В. Сивачев

Объективный производственно-экономический процесс капиталистической концентрации, а также осознанное приспособление к этому процессу буржуазной надстройки, подталкиваемое насущной необходимостью выработки альтернативы социалистической перспективе, ставшей особенно острой с появлением реального социализма, привели к возникновению государственно-монополистических тенденций, которые превратились в определяющую черту капитализма новейшего времени. Государственно-монополистический капитализм — это капитализм на том этапе его истории, когда объективно и субъективно развивающиеся тенденции и элементы обобществления в экономической и социальной сферах принимают размах огосударствления, понимаемого в самом широком смысле слова, когда социальные силы, заинтересованные в сохранении буржуазного общественного строя, пытаются приспособиться к объективному процессу этого обобществления, стараясь подчинить его своим интересам. Огосударствление, будучи в основе экономической категорией, следствием и итогом развития капитала от индивидуальной к коллективной капиталистической собственности¹, представляет собой высшую ступень и форму концентрации производства. В. И. Ленин обращал внимание на «шаги к большей монополизации и большему огосударствлению производства»². Вместе с тем процесс огосударствления охватывает все иные сферы общественных отношений, ибо в условиях крупного производства радикально возрастает масштабность социальных проблем, что резко сокращает сферу применимости частнокапиталистического индивидуального метода их разрешения.

Глубочайшая внутренняя противоречивость государственно-монополистических тенденций и государственно-монополистического капитализма как системы и сущности современного буржуазного строя коренится в том, что объективно экономическое и социальное огосударствление ускоряет процесс ликвидации общества, основанного на частнособственнических принципах, хотя сам капитализм объективно и субъективно направляется в своем развитии на государственно-монополистические рельсы именно с тем, чтобы избежать социалистической революции. Поэтому принципы огосударствления, с одной стороны, сознательно внедряются буржуазией, а с другой — ею же рассматриваются как опасные «шаги к социализму». Эти две стороны антагонистического процесса могут быть представлены как соперничающими политическими группировками буржуазии, так и одними и теми же ее кругами, в разное время и в

¹ «Политическая экономия современного монополистического капитализма». Т. I. М. 1970, стр. 229.

² В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 449.

разных обстоятельствах, далеко не одинаково смотрящими на содержание и формы государственно-монополистической политики. Но в целом государственно-монополистический курс побеждает традиционные либерализм и консерватизм с их волюнтаристскими, индивидуалистическими концепциями.

В США генезис социально-экономических и идейно-политических доктрин государственно-монополистического содержания имеет длительную историю, начало которой было положено еще в 80-е — 90-е годы прошлого века. Именно в тот период зарождаются истоки современной буржуазной идеологии США³. С конца XIX в. и до первой мировой войны классический либерализм уже значительно трансформировался в новый либерализм эпохи перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический. Переориентация происходила в основном вокруг одного вопроса — оценки роли государства в социально-экономической и идейно-политической жизни общества. Либерализм эпохи «laissez faire» постепенно уступает дорогу новому либерализму, нацеленному на буржуазное реформаторство и расширение роли государства.

Еще в конце XIX в. принимались отдельные меры, носившие характер государственно-монополистического регулирования, что, в частности, нашло свое отражение в антитрестовском законодательстве⁴. Дальнейшее развитие они получили в период, начавшийся с активной деятельности буржуазных реформаторов во главе с Т. Рузвельтом и завершившийся стремительным усилением тенденций к перерастанию монополистического капитализма в государственно-монополистический в годы «новой свободы» В. Вильсона и первой мировой войны. То было время первого в истории американского монополистического капитализма расцвета буржуазного реформизма⁵. В тот период появляется ряд теоретико-публицистических работ, обосновывавших этатистские взгляды, среди которых видное место занял труд крупнейшего буржуазного социолога и политолога начала XX в. Г. Кроули «Перспективы американской жизни»⁶.

Американская буржуазная литература, не воспринимая или отвергая ленинскую теорию государственно-монополистического капитализма, тем не менее по-своему, в превратном виде, отразила новые, этатистские явления в эволюции капитализма США в конце XIX — начале XX в.⁷, причем некоторые авторы испытали явное воздействие марксизма-ленинизма⁸. Буржуазные авторы тоже зафиксировали появление нового либерализма на рубеже веков⁹. Неолиберализм еще не стал в новое время цельной и завершенной системой идеологии, политики и повседневной практики, ибо адекватно осознать необходимость всемерного распространения принципов этатизма (то есть огосударствен-

³ В. В. Согрин. Истоки современной буржуазной идеологии в США. М. 1975.

⁴ О. А. Жидков. США: антитрестовское законодательство на службе монополий. М. 1976.

⁵ И. А. Белявская. Буржуазный реформизм в США (1900—1914 гг.). М. 1968; А. А. Кислова. Социальное христианство в США. Из истории общественной мысли. 90-е годы XIX в. — 30-е годы XX в. М. 1974; А. В. Валуженнич. Американский либерализм. Иллюзии и реальности. М. 1976.

⁶ H. C ro l y. The Promise of American Life. N. Y. 1909.

⁷ R. W i e b e. The Search for Order. 1877—1920. N. Y. 1967; S. F i n e. Laissez-Faire and General-Welfare State. A Study of Conflict in American Thought. 1865—1901. Ann Arbor. 1969; H. G i r v e t z. The Evolution of Liberalism. L. 1969.

⁸ Американский историк М. Ротбард употребляет даже такие термины, как «государственно-корпоративный капитализм» и «строй государственно-монополистического капитализма» (M. R o t h b a r d. War Collectivism in World War I. «A New History of Leviathan». Ed. by R. Radosh and M. Rothbard. N. Y. 1972, pp. 66—67; см. также: J. W e i n s t e i n. The Corporate Ideal in the Liberal State: 1900—1918. Boston, 1968).

⁹ A. H a m b y. Beyond the New Deal: Harry S. Truman and American Liberalism. N. Y. 1973, p. XIV.

ного, буржуазно-коллективистского подхода к решению социально-экономических проблем) буржуазии было дано лишь с наступлением общего кризиса капитализма.

Рассматривая основные этапы социально-экономического и политического развития США в эпоху новейшей истории, остановимся прежде всего на периоде 1918—1929 гг., который представляет, вероятно, наибольшие затруднения в плане анализа государственно-монополистического капитализма. В современной американской буржуазной историографии остро дебатруется вопрос об «исторической привязке» 20-х годов: было ли это время отрицанием идеологии и практики «прогрессивной эры» и антиподом последующего «нового курса», или, наоборот, указанное десятилетие надо в духе континуитета рассматривать как естественное продолжение вильсонизма и стартовую площадку для рузвельтовских реформ 30-х годов? Первая точка зрения проведена в трудах Д. Хикса, Р. Хофстедтера, А. Шлезингера (мл.)¹⁰, вторая — отстаивается А. Линком¹¹ и особенно активно группой «новых левых» историков 60-х—70-х годов¹².

В самом деле, как вписать 20-е годы в общую концепцию исторического развития США в эпоху государственно-монополистического капитализма? Был ли американский капитализм 20-х годов государственно-монополистическим? Не произошел ли демонтаж государственно-монополистического капитализма в условиях наступившей в начале этого десятилетия «нормальности»? Решать экономические и социально-политические проблемы с акцентом на их огосударствление или на частную сущность — вот основная дилемма исторического развития США того времени, на которую не было дано четкого, определенного ответа в 20-е годы, не в пример всему последующему развитию США, когда этатистский, огосударствленный подход к их решению стал преобладающей линией, несмотря на сопротивление с нею.

С самого начала 20-х годов либеральному этатизму Вудро Вильсона была противопоставлена республиканская доктрина ограниченного участия государства в социально-экономическом процессе, получившая преобладание в условиях временной, частичной стабилизации капитализма, которая, как известно, была чрезмерно преувеличена идеологами индивидуализма. Г. Гувер, ставший в 1921 г. министром торговли, считал, что «самым важным из всех вопросов было определить, должны ли правительства и после войны продолжать держать в своей собственности и в своем управлении средства производства и обмена»¹³.

Модель социально-экономического и идейно-политического развития США 20-х годов с точки зрения анализа генезиса и эволюции государственно-монополистических доктрин и принципов оказывается очень своеобразной и сложной. «Демонтажа» государственно-монополистического капитализма не произошло, ибо демонтированы были лишь военно-регулирующие механизмы, отказ от которых, вполне естественный в мирное время, не является абсолютным показателем ослабления процесса государственно-монополистического развития, хотя война в свое время, бесспорно, его форсировала, а обстановка 20-х годов эти слишком очевидные факторы форсирования решительно ослабила.

О необратимости огосударствления производственно-экономического процесса в США в 20-е годы говорят многие факты. Продолжалось

¹⁰ R. Hofstadter. The Age of Reform. From Bryan to FDR. N. Y. 1956; A. Schlesinger, Jr. Age of Roosevelt. The Crisis of the Old Order. 1919—1933. Cambridge. 1957; J. Hicks. Republican Ascendancy 1921—1933. N. Y. 1960.

¹¹ A. Link. What Happened to the Progressive Movement in the 1920's? «Twentieth-Century America: Recent Interpretations». Ed. by B. Bernstein and A. Matusow. N. Y. 1969.

¹² M. Rothbard. Herbert Hoover and the Myth of Laissez-Faire. «A New History of Leviathan».

¹³ J. Hicks. Op. cit., p. IX.

усиление концентрации и монополизации, что составляет основу государственно-монополистического развития. Возросла экономическая организованность бизнеса. Создание ассоциаций бизнеса всячески поддерживалось самим правительством. Их культивированием активнее всех занимался Г. Гувер. Эти ассоциации централизованным путем собирали и распространяли информацию о ценах, кредитах, рынках, стандартизации, методах производства, страховании, трудовых отношениях и т. д. Они выполняли также важные функции связи соответствующих отраслей бизнеса с федеральным правительством и властями штатов. Их деятельность нередко противоречила антитрестовскому законодательству, но в 1925 г. Верховный суд США, состоявший в основном из традиционных индивидуалистов, при поддержке такого же индивидуалиста Г. Гувера признал ее вполне законной.

Объективные потребности производства по-прежнему двигали вперед процессы огосударствления. Принятые перед первой мировой войной и в ходе ее фундаментальные меры государственно-монополистического характера, такие, как XVI поправка к конституции, вступившая в силу в 1913 г. и разрешавшая вводить Федеральный подоходный налог, закон 1913 г. о создании федеральной резервной системы, являющейся до сих пор основным институтом огосударствления банковской деятельности¹⁴, учреждение в 1914 г. Федеральной торговой комиссии, регулирующей функционирование корпораций, занятых в междуштатной торговле,— все это оказалось этаким статистским инструментарием длительного действия, органической частью структуры современного американского капитализма¹⁵. Более того, призывавшие страну «назад — к нормальности» республиканские лидеры внесли собственные добавления в формировавшуюся структуру государственно-монополистического регулирования экономики, учредив в 1921 г. должности генерального контролера и директора бюджета¹⁶, что свидетельствовало об усложнении финансового хозяйства страны и необходимости вмешательства федеральных властей в эту сферу.

Законы развития капиталистической экономики таковы, что даже в условиях подъема производства, характерных для большей части 20-х годов, ряд отраслей хозяйства влачил жалкое существование и требовал государственной поддержки. К их числу относились железнодорожный транспорт, угольная промышленность, сельское хозяйство и др. История рассматриваемого десятилетия заполнена действиями государства по «излечению» этих хронически больных отраслей хозяйства. Особенно много конгресс и исполнительная власть занимались фермерской проблемой. В аграрной сфере государственно-монополистические принципы регулирования не только не были ослаблены по сравнению с довоенным периодом, но даже усилены¹⁷.

Наряду с «больными» отраслями государство уделяло внимание и некоторым процветающим, в том числе новым и весьма перспективным, сферам бизнеса. Достаточно указать на государственное участие в строительстве шоссежных дорог, без чего всемогущая автомобильная индустрия была бы просто невозможна, а также на меры по государственному регулированию радиовещания¹⁸. В 20-е годы все более широкими кругами государственно-политических деятелей и бизнесменов признавалась необходимость огосударственного решения проблемы гидроэнергетики. Хотя президенты К. Кулидж и Г. Гувер накладывали вето

¹⁴ Ю. И. Бобраков. США: Федеральная резервная система и экономическое регулирование. М. 1971.

¹⁵ «США: государство и экономика. Механизм государственно-монополистического регулирования экономики». М. 1976.

¹⁶ J. Hicks. Op. cit., p. 51.

¹⁷ Е. Ф. Язков. Фермерское движение в США (1918—1929 гг.). М. 1974.

¹⁸ «A New History of Leviathan», p. 124.

на законопроект о государственном гидроэнергостроительстве в долине р. Теннесси, дважды принимавшийся конгрессом, монополиям, прежде всего компании Форда, не удалось заполучить это дело в свои руки. Борьба завершилась на том этапе ничейным исходом.

«Наконец,— пишет Д. Хикс,— бизнес добивался от правительства помощи в части дисциплинирования профсоюзов, растущей силы которых он боялся и которую он хотел урезать»¹⁹. В десятилетие расцвета частномонополистического индивидуализма государство занималось и проблемой безработицы (об этом говорит созыв У. Гардингом специальной президентской конференции в 1925 г.) и регулированием трудовых отношений на железнодорожном транспорте, в угольной и сталелитейной промышленности²⁰, не говоря уже о традиционной репрессивной деятельности судебного корпуса²¹.

Но все же 20-е годы знаменательны не только тем, что государственно-монополистические процессы объективно продолжали развиваться и даже в какой-то мере субъективно подталкиваться, сколько явным преобладанием не государственно-, а частномонополистических принципов во всех сферах общественной жизни. В этом специфика данного десятилетия. В 20-е годы капитализм США последний раз в своей истории демонстрировал силу частнособственнического начала. Именно в этом состоял смысл возврата к «нормальности», провозглашенного в 1920 г. республиканскими лидерами и в значительной степени достигнутого.

Марксизм-ленинизм давно развенчал претенциозные утверждения буржуазных идеологов США об «исключительности» американского пути, убедительно доказав, что США в принципе такая же капиталистическая страна, как и буржуазные государства Старого Света. Но американский капитализм, конечно, обладает важными специфическими чертами, что ярко бросается в глаза до 1929 года. Не вдаваясь в детали, укажем, что его важнейшей особенностью является то, что в США главная клетка капитализма — частная собственность — гораздо дольше и безотказнее функционировала в более чистом виде, с минимумом государственного вмешательства, которое, несмотря на буржуазный характер государства, несет в себе коллективистское начало, рассматривавшееся частными собственниками как нечто если не чужеродное, то, во всяком случае, не весьма желательное, как аномалия.

Сложилась такая обстановка, когда объективные процессы огосударствления не находили субъективного форсирования, развивались преимущественно стихийно, подспудно. Преобладающая часть буржуазии США, пока ее дела шли хорошо, пока она всерьез еще не воспринимала и не признавала в полной мере социально-экономического вызова со стороны социалистического государства, пока не вставала проблема развала миропорядка, созданного империалистической версальско-вашингтонской системой, не разделяла этатизма, усиленно пропагандируя частнособственнические добродетели «твердого индивидуализма». В 20-е годы это был реальный метод деятельности и мышления буржуазии и преобладающей части общества. Не случайно идейно-политическим знаменем того времени были доктрины, изложенные в весьма банальной брошюре Г. Гувера «Американский индивидуализм»²².

В период «процветания» ни республиканцы, ни демократы не вырабатывали государственно-монополистические методы решения социально-экономических проблем. Необходимость этого в силу указанных при-

¹⁹ J. Hicks. Op. cit., p. 50.

²⁰ R. Zieger. Republicans and Labor. 1919—1929. Lexington. 1969.

²¹ Н. В. Сивачев. Правовое регулирование трудовых отношений в США. М. 1972, стр. 22—25.

²² H. Hoover. American Individualism. Garden City. 1923.

чин еще не была осознана. Республиканская платформа 1924 г. гласила: «Процветание американской нации держится на силе частной инициативы, которая воспитала дух независимости и уверенности в своих силах. Республиканская партия выступает, как всегда, против всех попыток втягивания правительства в дело бизнеса»²³. Среди лидеров делового мира были, конечно, и противники индивидуалистических крайностей — Д. Своуп, А. Слоун, Э. Филене, О. Янг и др.²⁴. Но их было немного, и их «просвещенный индивидуализм» тоже не выходил за рамки установления этических норм «честной конкуренции» и более социально ориентированного менеджмента (управления корпорациями). «Даже более смелые сторонники либерализма, — заключает А. Шлезингер, — к концу десятилетия начали испытывать разочарование»²⁵.

Буржуазии США потребовалось пережить крах 1929 г., чтобы понять, что наступило время, когда частномонополистические принципы теряют почву. «Несоответствие между интенсивным углублением внутренних противоречий капиталистического воспроизводства, развивающегося на частномонополистической базе, и ослаблением государственно-монополистических регулирующих элементов мстит за себя особой силой взрыва этих противоречий в кризисе 1929—1933 гг.»²⁶.

Наступил период 1929—1945 годов. В. И. Ленин указывал, что войны и потрясения ускоряют процесс государственно-монополистического развития. Кризис 1929—1933 гг. и был для США именно таким решающим ускорителем в перерастании монополистического капитализма в государственно-монополистический. Он обнажил массу экономических, социальных, политических и идеологических проблем, требующих или буржуазно-огосударственного решения, или, чего больше всего боялась буржуазия, социалистической альтернативы. В годы кризиса проявилось глубокое противоречие между настоящей необходимостью огосударствления и цепкостью традиционной частномонополистической, индивидуалистической идеологии. Активная роль идеологической и политической надстройки сказалась весьма отчетливо — в негативном для капитализма плане. Это опять-таки объясняется не мифическими особенностями «американской души», а сугубо материальными факторами — слишком много буржуазия США добилась под знаменем модернизированного «laissez faire», под лозунгами «твердого индивидуализма». Одни сознательно цеплялись за идеологию и психологические образы вчерашнего дня, другие не знали, что делать, охваченные паникой. Официальные круги, возглавлявшиеся президентом Г. Гувером, оставаясь, в сущности, на почве принципов традиционного индивидуализма, все еще надеялись на магическую силу деловой предприимчивости американского бизнесмена. Они рассчитывали, что «процветание» вот-вот вновь покажется «из-за угла», и тогда поспешные «социалистические», то есть государственно-монополистические, нововведения окажутся лишь чрезмерно большой и ненужной платой за страх.

Американские буржуазные историки до сих пор ведут оживленную дискуссию о степени гуверовской этатизации в годы кризиса²⁷. Среди них наиболее четкую и критическую позицию относительно этатизма

²³ «National Party Platforms, 1840—1972». Compiled by D. Johnson and K. Porter. Urbana. 1973, p. 263.

²⁴ «The 1920's. Problems and Paradoxes». Ed. by M. Plesur. Boston. 1969, pp. 117—119.

²⁵ A. Schlesinger, Jr. Op. cit., p. 142.

²⁶ «Государственно-монополистический капитализм. Общие черты и особенности». М. 1975, стр. 21—22.

²⁷ C. Degler. Ordeal of Herbert Hoover. «Twentieth-Century America: Recent Interpretations»; e jusd. The Third American Revolution. Ibid.; A. Romano. Poverty of Abundance. Hoover. The Nation. The Depression. N. Y. 1965; H. Warren. Herbert Hoover and the Great Depression. N. Y. 1967.

Г. Гувера занимают в упоминавшихся выше трудах Р. Хофстедтер, А. Шлезингер, а также А. Ромаско. Последний настойчиво подчеркивает, что мировоззрение гуверистов не соответствовало потребности времени. «Большинство из них,— язвительно замечает он,— получив назначение или в кабинет, или на пост главы какого-то государственного органа, выглядели так, как будто их только что оторвали от чтения «Американского индивидуализма»²⁸.

Решающими факторами, повлиявшими на ход американской истории в 30-е годы, были сильнейший экономический кризис и длительная депрессия; социально-экономические и идейно-политические успехи строительства социализма в СССР, показавшие впервые с такой высокой степенью убедительности преимущества социализма перед капитализмом по всему фронту; революционно-демократический подъем во всем мире, включая сюда и взлет демократических, радикально-прогрессивных движений в США; угроза фашизма, старавшегося направить социальное недовольство масс и целых наций по ультрареакционному пути; крах пацифистских иллюзий предыдущего десятилетия и обострившаяся империалистическая борьба за передел мира.

Все эти обстоятельства ставили перед американской буржуазией новые задачи. Г. Гувер и его окружение явно не годились для смелого экспериментирования, опиравшегося на расширение функций государства. Вот как определил свое кредо Гувер в своем последнем послании «О положении Союза», с которым он обратился к конгрессу в разгар кризиса, 6 декабря 1932 г., то есть уже после своего поражения, когда предвыборное политиканство не оказывало существенного влияния на ход мыслей и в наименьшей степени деформировало истинные взгляды гуверизма: «Наше государство имеет уникальную историю, оно сознательно посвящает себя специфическим идеалам свободы и вере в нерушимую святость индивидуального человеческого духа. Более того, существование и должное функционирование нашего государства, направленное на сохранение упорядоченной свободы и стимулирование прогресса, зависит от сохранения чувства ответственности штатами, муниципалитетами, институтами и индивидуумами. Мы создали нашу особую систему индивидуализма, которая не должна раствориться ни в каких государственных действиях, ибо она принесла больше свершений, чем свершения любой другой страны. В социальном и экономическом плане принципы нашей американской системы и пружины прогресса таковы, что мы должны позволить свободную игру социальных и экономических сил в пределах равенства возможностей и для того, чтобы в то же самое время стимулировать инициативу и предприимчивость наших людей. Поддерживая такой баланс, федеральное правительство не дает привилегий ни одному лицу и ни одной группе. Оно должно действовать как регулятор, а не как участник социальной и экономической жизни»²⁹.

С такими традиционалистскими взглядами на роль государства удержаться в тех условиях у власти было невозможно, что и доказали выборы 1932 года. Со сменой групп буржуазных деятелей у руля государства, происшедшей в 1932—1933 гг., объективные процессы огосударствления, со всей настоятельностью поставленные на повестку дня кризисом 1929—1933 гг., получили широкий простор для развития в деятельности новой плеяды идеологов и политиков американской буржуазии, приступивших к институционализации государственно-монополистического капитализма. Советская американистика достаточно полно осветила социально-экономическое и политическое развитие США в

²⁸ A. R o m a s c o. Op. cit., p. 146.

²⁹ «State of the Union Messages of the President. 1790—1966». Ed. by F. Israel. Vol. 3. N. Y. 1967, p. 2803.

период «нового курса» Ф. Рузвельта³⁰. Это позволяет нам остановиться лишь на общих проблемах развития государственно-монополистических доктрин и практики в указанное время.

«Новый курс» за исторически короткий срок существенно изменил социально-политическую структуру США в государственно-монополистическом направлении. Практически во всех мерах «нового курса» чувствовалась чрезвычайность, присутствовал форсаж. Страх за сохранность своих классовых позиций оказался великим учителем для индивидуалистически настроенных капиталистов, которые под ударами суровой действительности обращались в буржуазно-коллективистскую веру. «Новому курсу» Ф. Рузвельта оказались наиболее свойственными две взаимосвязанные черты. Первая заключалась в форсированном вторжении государства в процесс экономического развития. Она нашла свое выражение в создании разветвленного механизма государственно-го регулирования банковской, финансовой и биржевой деятельности, промышленности и сельского хозяйства, в гигантском гидроэнергостроительстве. Правительство Ф. Рузвельта не прибегло к национализации, чего боялись многие банкиры и промышленники, и это подействовало успокаивающе на деловой мир.

Введение широкого государственного регулирования экономики было лишь одной стороной «нового курса». Усиление этатизма как прямое следствие экономического кризиса 1929—1933 гг. оказалось присущим всему капиталистическому миру явлением. Наиболее активно и уродливо этот процесс развивался в фашистских государствах. Фашизм, как и «новый курс», базировался на государственно-монополистической платформе, еще более решительно подталкивая ход государственно-монополистического развития с помощью тотальной регламентации и милитаризации экономики и наступления на жизненные интересы трудящихся. Поэтому характеризовать государственно-монополистическое развитие одними производственно-экономическими показателями нельзя. Хотя, руководствуясь именно этим односторонним критерием, некоторые современники поначалу ставили знак равенства между фашизмом в Германии и Италии и «новым курсом» в США, неправильно понимая и то и другое явление³¹. Распространению этого ошибочного представления содействовало то, что фашизм в 1933—1934 гг. еще не успел в должной мере продемонстрировать свою реакционно-шовинистическую, милитаристскую сущность в государственной практике, а «новый курс» на своем первом этапе делал акцент на экономические, а не на социальные аспекты, ибо его творцы вначале полагали, что скорое восстановление экономики автоматически разрешит и наболевшие социальные проблемы.

Между тем в США развивался совершенно отличный от фашизма вариант государственно-монополистической модели, несмотря на то, что и в этой стране появились ростки действительного фашизма, не получившие в силу многих обстоятельств большого развития. «Новый курс» не был только экономической регламентацией, хотя и последняя может носить не обязательно фашистский облик. Другой неотъемлемой чертой «нового курса» было глубокое и широкое социальное маневрирование, выразившееся в принятии ряда важных реформ, учитывавших

³⁰ См. В. П. Золотухин. Фермеры и Вашингтон. М. 1968; В. Л. Мальков. «Новый курс» в США. М. 1973; В. Л. Мальков, Д. Г. Наджафов. Америка на перепутье. Очерки социально-политической истории «нового курса» в США. М. 1967; С. Б. Маринин. США: политика и управление. М. 1967; Н. В. Сивачев. Политическая борьба в США в середине 30-х годов XX века. М. 1966; Н. И. Яковлев. Франклин Рузвельт — человек и политик. М. 1965.

³¹ Например, редактор журнала «Current History» Э. Браун в статье «Американский путь к фашизму», опубликованной в начале «нового курса», характеризовал программу Ф. Рузвельта как «экономический фашизм» (E. Francis Brown. The American Road to Fascism. «Current History», July 1933, pp. 397—398).

некоторые требования трудящихся масс. Формирование этой стороны «нового курса» шло под непосредственным воздействием классовой борьбы пролетариата и требований широких прогрессивных демократических сил. В борьбе за социальный прогресс в 30-е годы важную роль сыграла Коммунистическая партия США, завоевавшая благодаря этому довольно влиятельные позиции в обществе.

Социальная доктрина «нового курса» нашла воплощение в мерах помощи безработным, на что государство израсходовало в 1932—1941 гг. свыше 16 млрд. долл.³², в создании системы социального обеспечения, действующей в расширенном и модифицированном виде и в настоящее время; в признании права профсоюзов на законное существование и коллективно-договорную деятельность; в установлении минимума почасовой оплаты труда и максимальной продолжительности рабочей недели³³.

«Новый курс» следует рассматривать именно в единстве двух отмеченных сторон. Это помогает увидеть и временные и постоянно действующие импульсы государственно-монополистического развития, заданные критическим десятилетием 30-х годов. Социальные реформы к началу второй мировой войны были приостановлены. Но принципы этатизации, наоборот, усилили свое действие и в дальнейшем развивались, в сущности, по восходящей линии. Это делает постановку вопроса о конце «нового курса» неоднозначной.

Если взять межвоенный период в целом, то нетрудно увидеть, что органическое единство монополий и государства как двух основных начал в процессе государственно-монополистической эволюции американского капитализма на каждом этапе имело свои акценты. В 1919—1929 гг. огосударствление шло преимущественно посредством монополизации и концентрации при периферийном участии в этом процессе государства и поэтому сравнительно медленно и скрытно. В 1933—1939 гг. государство выступило более активно и открыто, выйдя на первый план, и, так как оно было неизмеримо сильнее и концентрированное в своих действиях, чем отдельные корпорации, государственно-монополистическое развитие резко усилилось, приблизившись в короткий срок к завершению институционализации основ государственно-монополистического капитализма.

Все это происходило в острой идейно-политической борьбе между носителями традиционного индивидуализма и творцами буржуазно-коллективистских, государственно-монополистических нововведений. Переориентация государственных институтов, особенно всемогущего судебного корпуса, политических партий, в первую очередь республиканцев, ученого мира и публицистики на государственно-монополистические рельсы происходила болезненно, сопровождалась глубокими коллизиями, отягчавшимися тем, что этатистские рецепты внедрялись весьма динамично.

Творцы и идеологи «нового курса» создали структуру идейно-политических воззрений и принципов конкретной, практической деятельности, опираясь на те ростки неолиберализма, которые появились еще в «прогрессивную эру», превратив их в довольно завершенную систему. Как отмечает буржуазно-радикальный историк Г. Колко, именно после и в результате кризиса 1929—1933 гг. были возведены политические основы современного американского капитализма³⁴. Оформившемуся в те годы неолиберализму³⁵ были свойственны активное использование ин-

³² «Labor and the New Deal». Ed. by M. Derber and E. Young. Madison. 1957, p. 246.

³³ См. подробнее: В. Л. Мальков. Рабочая политика Ф. Рузвельта (1933—1940 гг.). «Вопросы истории», 1965, № 9; Н. В. Сивачев. Трудовое законодательство в США в 30-е годы XX века. «Вестник» Московского университета. История, 1969, № 1.

³⁴ G. Kolko. Main Currents in Modern American History. N. Y. 1976, p. 8.

³⁵ О неолиберализме см.: В. Л. Мальков. «Новый курс» в США, стр. 166, 167, 176, 187; «США: политическая мысль и история». М. 1976, стр. 362, 374, 387.

ституты государства в решении экономических проблем и социальное маневрирование путем уступок трудящимся, благодаря чему планировалось возвести надежный и постоянно действующий барьер против социализма, подчинить рабочее и демократическое движение идейно-политическому влиянию буржуазии. «Новый курс» был олицетворением неолиберализма, на платформу которого переключились основные круги демократической партии. Политэкономия неолиберализма — это кейнсианство, нашедшее в США уже в 1933—1939 гг. широкое распространение и экспериментальную социальную лабораторию³⁶. Э. Хансен, получивший титул «американского Кейнса», сыграл наиболее видную роль в приобщении американских экономистов к кейнсианским государственно-монополистическим доктринам. И экономические и социальные догматы неолиберализма отличались подчеркнутым эклектизмом, который буржуазные идеологи выдавали за якобы всеильный плюрализм.

Неолиберализм направлен всей своей сущностью против социализма, что в полной мере сказалось уже после второй мировой войны. Но он имеет реальных противников и справа, причем в 1933—1945 гг. именно здесь находились главные противостоящие ему силы. Речь идет о всевозможных доморощенных реакционно-индивидуалистических и консервативных силах и о фашизме как международном буржуазном явлении. Противники «нового курса» сначала воевали с неолиберальными государственно-монополистическими реформами, вооружившись лишь индивидуалистическими лозунгами 20-х годов, что можно проследить по брошюре Г. Гувера «Вызов свободе», появившейся в 1934 году³⁷. «Тем временем, — пишет экономист неолиберального направления Б. Селигмэн, — «новый курс» втаскивал громко протестующий и сопротивляющийся бизнес в XX век»³⁸.

Бесперспективность реакционно-индивидуалистической альтернативы «новому курсу» сказала не сразу, но уже к концу 30-х годов в республиканской партии и в конгрессе складывается новое течение³⁹. Часть республиканцев и консервативных демократов стряхивает с себя пыль «твердого индивидуализма» и пытается противопоставить неолиберализму более консервативный вариант государственно-монополистических воззрений и методов. Мост от традиционного, антиэтатистского консерватизма к новому, приспособлявшемуся к государственно-монополистическим реалиям, начал перебрасываться в 1937—1940 гг., о чем свидетельствуют свежие веяния в судебных решениях, санкционировавших социальную доктрину «нового курса»; успехи республиканцев на промежуточных выборах 1938 г.; поиск позитивного взгляда на расширение роли государства в социально-экономической сфере, зафиксированный в платформе республиканцев на выборах 1940 г.⁴⁰ и еще больше — в речи их кандидата У. Уилки, произнесенной в связи с его выдвижением в президенты⁴¹.

Становлению неоконсерватизма как государственно-монополистической доктрины большое содействие оказала вторая мировая война. Ее главное экономическое воздействие состояло в том, что благодаря военной конъюнктуре бизнес после десяти лет пребывания в состоянии кризиса и депрессии вновь и довольно прочно встал на ноги. За

³⁶ 10 июня 1934 г. «New York Times» опубликовала статью Д. Кейнса о «новом курсе» (J. Keynes. Notes on the New Deal. «Annals of America». Vol. 15. Chicago. 1968, pp. 268—271).

³⁷ H. Hoover. Challenge to Liberty. «New Deal. Revolution or Evolution». Ed. by E. Rozwenc. Boston. 1959, pp. 62—71.

³⁸ Б. Селигмэн. Сильные мира сего: бизнес и бизнесмены в американской истории. М. 1976, стр. 355.

³⁹ J. Patterson. Congressional Conservatism and the New Deal. Lexington. 1967.

⁴⁰ «National Party Platforms. 1840—1972», pp. 389—394.

⁴¹ W. Willkie. Acceptance Speech. «Annals of America». Vol. 16. Chicago. 1968, pp. 27—31.

1940—1945 гг. корпорации, по официальным данным, получили 62 млрд. долл. чистой прибыли, а без учета налогов — 125 млрд. долларов⁴². Если кризис 1929—1933 гг., как публично жаловались лидеры делового мира, посадил бизнес в «собачью конуру»⁴³, то война привела монополии США к экономической, социальной и морально-политической реабилитации, особенно в глазах средних слоев общества.

Война двинула вперед государственно-монополистическое развитие США, которое, однако, шло с двумя важными отличиями от аналогичного процесса в период «нового курса»: во-первых, роль монополий возросла в относительно большей степени, чем роль государства, и произошло фронтальное подчинение громоздкого военно-регулирующего аппарата, созданного в условиях чрезвычайного времени, интересам монополий⁴⁴; во-вторых, деятельность государства в социальной сфере резко затормозилась, ибо правящие круги полагали, что главная задача заключалась в создании военной экономики, а все социальные проблемы будут разрешаться вновь преуспевающим бизнесом с учетом принятого в период «нового курса» либерального законодательства.

В этих условиях оживились традиционно-индивидуалистические взгляды, питательной средой для которых стал окрепший на почве военной конъюнктуры бизнес. О широком распространении реакционно-индивидуалистической риторики «свободного предпринимательства» говорит популярность книги австрийского экономиста Ф. Хайека «Путь к рабству», увидевшей свет в Англии, но нашедшей свою истинную аудиторию в США, куда в самом конце войны переселился ее автор⁴⁵. Однако крайний индивидуализм уходил в область социального фольклора. Бизнес прочно усваивал основы государственно-монополистической идеологии. Его лидеры поняли, что государство может оказать деловому миру колоссальные услуги, и это было продемонстрировано в годы войны. Многие из них уяснили и то, что они в свое время в страхе преувеличили степень приверженности Ф. Рузвельта к «социализму». Этатистскому просвещению монополий США и превращению лозунга «свободного предпринимательства» в дежурную защитную риторику способствовал еще один в высшей степени важный фактор. Еще не вступив во вторую мировую войну, идеологи американского империализма сделали громогласную заявку на установление мирового господства, что никак не вязалось с негативным взглядом на роль государства.

Поэтому не гуверовский индивидуализм, а неоконсерватизм становится реальным противовесом неолиберализму «нового курса» и всей рузвельтовской и послерузвельтовской политики демократов. В отличие от крайнего индивидуализма неоконсерватизм адаптировался к государственно-монополистическим условиям и стал одним из важнейших путей развития социально-экономической политики государственно-монополистического капитализма. В отличие от неолибералов «нового курса», неоконсерваторы, имевшие прочную опору в организованном бизнесе (Национальная ассоциация промышленников, торговые палаты, ассоциации банкиров, отраслевые объединения бизнеса и т. д.) были несколько меньшими этатистами, не перестававшими подчеркивать святость «свободного предпринимательства» в экономической политике, и сторонниками использования государства не столько для либерального социального маневрирования, сколько во имя «общественных» или «национальных» интересов, для пресечения роста и усиления профсоюзов и наведения «закона и порядка».

⁴² «Historical Statistics of the United States». Washington. 1962, p. 580.

⁴³ E. Johnston. America Unlimited. Garden City. 1944, p. 179.

⁴⁴ См. подробнее: Н. В. Сивачев. Рабочая политика правительства США в годы второй мировой войны. М. 1974.

⁴⁵ F. Hayek. The Road to Serfdom. Chicago. 1944.

Таким образом, 1929—1945 гг. можно считать периодом становления государственно-монополистического капитализма в США. Если кризис 1929—1933 гг. показал необходимость ускорения ранее наметившихся объективных процессов огосударствления, а «новый курс» создал скелет и механизм государственно-монополистического регулирования, то вторая мировая война дала плоть и кровь этому организму, сделав его более жизнестойким и невосприимчивым ко всевозможным либеральным веяниям, с которыми так усиленно боролись американские монополии под лозунгом защиты от «социализма». Процесс перерастания американского монополистического капитализма в государственно-монополистический в своей основе был завершен.

Период 1929—1945 гг. в США воспринимали как чрезвычайное время кризисов и войны. Поэтому вторжение государства в сферу экономических и социальных отношений широкими кругами общества рассматривалось как нечто экстраординарное, временное, терпимое лишь до «лучших времен». Однако в 1945—1960 гг. это государственное вмешательство превратилось в постоянный элемент структуры американского капитализма. Диалектика соотношения временного и постоянного убедительно проявила себя в ходе государственно-монополистического развития США 30—50-х годов. Та основа, которая была возведена в 1933—1945 гг., сохранилась и получила дальнейшее развитие. Сначала это было санкционировано демократами, а в 50-е годы — республиканцами, партией, в которой индивидуалистические, антиэтатистские воззрения и взгляды всегда находили надежное прибежище. Это говорит о том, что «нормальных», «лучших времен» американский капитализм после 1929 г. уже не знал.

Здание послевоенного государственно-монополистического капитализма⁴⁶ совершенствовалось в гораздо большей степени совместно неолибералами-демократами и неоконсерваторами-республиканцами, чем это было при возведении его фундамента и каркаса, когда на строительной площадке преобладали демократы — сторонники «нового курса», с трудом находившие себе соратников в среде растерянных, насто-роженных и озлобленных индивидуалистов из оппозиционной и даже собственной партии. Экономическая политика демократов во главе с Г. Трумэном ни в коем случае не была отступлением от государственно-монополистических принципов «нового курса» и периода войны. Социальные замыслы лидеров демократической партии шли тогда, в общем, в том же направлении, что и в годы «нового курса», в одних случаях уходя вперед, в других — отступая под натиском неоконсерваторов и реакционных индивидуалистов.

Важнейшим сдвигом послевоенного неолиберализма, углубившим его внутреннюю противоречивость и ослабившим его в политическом отношении, было перенесение антикоммунизма на острие практически-политической деятельности. Антикоммунизм — в международном и внутривнутриполитическом плане — стирал различия между неолибералами и более правыми течениями — неоконсерваторами и крайними индивидуалистами. Антикоммунизм всех этих трех течений практически не знал разницы, за исключением отдельных крикливых и сумасбродных фраз, наиболее характерных для последнего из них. Это подрывало потенциал неолиберализма в части социального реформаторства: одно дело — выступать за прогресс, имея в качестве главного врага реакцию, расизм, фашизм и милитаризм, как это было в 1933—1945 гг., другое — претендовать на роль прогрессивной силы, направляя главный удар против самого последовательного носителя прогресса — коммуни-

⁴⁶ С. А. Далин. США: послевоенный государственно-монополистический капитализм. М. 1972; см. также В. Перло. Неустойчивая экономика (Бумы и спады в экономике США после 1945 г.). М. 1975.

стического движения — и реального воплощения этого прогресса в лице социалистической системы. Вместе с неоконсерваторами и ультрареакционерами неолибералы породили возведенную в ранг официальной политики антикоммунистическую истерию и «холодную войну». Причем, и в этом сказался один из кажущихся парадоксов послевоенной политической истории, неолибералы — сила, стоящая в центре и несколько левее центра в идейно-политическом спектре государственно-монополистического капитализма, — стали наиболее активными творцами «холодной войны» и некоторых антикоммунистических мер, поскольку именно они оказались у руководства главной страны капитализма непосредственно после второй мировой войны.

В то же время неолиберализм обрел после войны и ряд новых черт, усиливающих его. Во-первых, заметно усовершенствовалась его экономическая программа, в чем важную роль сыграло принятие закона о занятости в 1946 г., на основе которого строится значительная часть современного государственного регулирования экономического развития через институт Совета экономических консультантов при президенте и соответствующие подразделения конгресса. Построенные на кейнсианстве анализ и прогнозирование стали неотъемлемыми элементами экономической политики государства⁴⁷. Во-вторых, по восходящей линии пошло развитие заложенных «новым курсом» принципов государственного социального обеспечения и регулирования условий труда, что диктовалось и ростом инфляции и усиливавшейся борьбой рабочего класса за социальное законодательство. В-третьих, неолиберализм предпринимает в послевоенные годы робкие попытки включить в свою программу отсутствовавший в период «нового курса» элемент — государственные мероприятия по преодолению крайностей расовой дискриминации.

Послевоенный социально-экономический курс американского государства, безотносительно к партийной и политической принадлежности того или иного правительства, невозможно представить без фактора милитаризации⁴⁸. Этот вопрос наряду со многими другими аспектами государственно-монополистического капитализма превратился в то, что в США называют объектом «двухпартийной политики», о котором, по существу, не спорят, признавая его чем-то абсолютным, священным.

В период «нового курса» его противники не смогли сформулировать убедительную позитивную альтернативу неолиберальным нововведениям, не сумев пойти дальше панических криков о «вторжении социализма». После 1945 г. дело обстояло иначе. Обосновавшись на государственно-монополистической платформе, заняв ее центр и правый край, неоконсерваторы уже не ограничивались негативистской критикой. Они участвовали в позитивном конструировании социально-экономических моделей и внедрении их в жизнь с помощью институтов государственной власти. Правый лагерь торпедировал большую часть списка реформ, составленного Г. Трумэном и его советниками в 1945—1948 гг. и получившего название «справедливый курс», хотя и не смог нанести поражения неолибералам на выборах 1948 года. Правые силы, ядром и основой которых теперь стал неоконсерватизм, сами в значительной мере «делали политику», особенно в 1947—1948 гг., после того, как республиканцы, впервые после 1928 г., завоевали на выборах 1946 г. большинство в обеих палатах конгресса⁴⁹.

⁴⁷ И. В. Лихачева. США: экономическая наука и экономическая политика. М. 1975.

⁴⁸ Р. А. Фармазян. США: милитаризм и экономика. М. 1970.

⁴⁹ Республиканцы потеряли большинство в палате представителей на выборах 1930 г., а в сенате — в 1932 г. и с тех пор находятся в меньшинстве в обеих палатах за исключением выборов 1946 и 1952 гг., когда они побеждали демократов и завоевывали (в обоих случаях на один срок) большинство в обеих палатах.

Важнейшим творением послевоенного неоконсерватизма стал анти-рабочий закон Тафта — Хартли, принятый в 1947 г. вопреки президентскому вето и остающийся до сих пор фундаментальной основой рабочей политики государственно-монополистического капитализма США⁵⁰. Показательна республиканская платформа 1948 г., отразившая поворот партии к неоконсерватизму. Подчеркивая, что американская система построена на конкуренции, программа добавила нечто очень важное и новое для партии Маккинли — Гувера: «Государство как слуга такой системы должно предпринимать все необходимые шаги для развития и усиления общественного здравоохранения, научных исследований, пенсионного обеспечения престарелых и для создания стабильной экономики, чтобы люди не испытывали страха потери работы или угрозы встретиться с экономическими невзгодами, наступающими не по их вине»⁵¹. В этой платформе нет истерических заявлений по поводу государственно-монополистических нововведений демократов, что объясняется и чрезмерной уверенностью в победе Т. Дьюи в 1948 г. и тем, что республиканцы, имея временно большинство в конгрессе, сами творили известную часть этих новшеств, придавая им более консервативную окраску.

Сложнее выглядит платформа республиканцев в 1952 г., принятая в разгар «холодной войны» и маккартизма, в идейном арсенале которого реакционный индивидуализм занимал центральное место. Если отбросить антикоммунистическую фразеологию, использовавшуюся составителями этого документа против демократов, то суть республиканских жалоб на социально-экономическую политику Ф. Рузвельта — Г. Трумэна сводилась к следующему: «В течение 20 лет правительство превозносило свободное предпринимательство, но на деле разрушало его. Немножко здесь, немножко там, год за годом оно стремилось обузывать, регулировать, мешать, сдерживать и наказывать. Сегодня вряд ли можно найти какой-либо аспект экономической и социальной жизни, в который бы правительство не пыталось вмешаться»⁵².

Суть сформировавшегося в 50-х годах эйзенхауэровского неоконсерватизма состояла в принципиальном признании необходимости огосударствленного решения социально-экономических проблем, но при более умеренном использовании институтов публичной власти, большем уважении частнособственнических прерогатив и повороте государства против рабочего класса и всевозможных помех бизнесу. Получилось так, что вопреки ламентациям по поводу «социалистического» перерождения американской системы правящая партия усилила государственно-монополистическое развитие США. Огосударствление возобладало над истерией крайних индивидуалистов и потеряло либеральную, социал-демократическую риторику «нового» и «справедливого» курсов. Ревизия реформаторских концепций 30-х годов в «неоконсервативном духе»⁵³, то есть с сохранением и совершенствованием государственно-монополистического стержня, завершилась. Создавалась своеобразная классика неоконсерватизма. Государственно-монополистические принципы, и это особенно важно, были, так сказать, вторично и окончательно санкционированы — теперь уже партией, в большей степени склонной к сохранению традиционного индивидуализма. Это стало бесспорным фактом и привело к тому, что крайне правые течения, не адаптировавшиеся к этатизму, разочаровались в эйзенхауэровском консерватизме.

Правительство Д. Эйзенхауэра очень скоро уяснило, что выше святого республиканского принципа сбалансированного бюджета стоят об-

⁵⁰ См. подробнее: А. А. Попов. США: государство и профсоюзы. М., 1974, стр. 67—112; Н. В. Сивачев. Правовое регулирование трудовых отношений в США, стр. 40—54.

⁵¹ «National Party Platforms. 1840—1972», p. 450.

⁵² Ibid., p. 500.

⁵³ «США: политическая мысль и история», стр. 387.

шие интересы монополий и буржуазии как класса и что в силу этого государственные расходы, третиовавшиеся раньше как «социализм» и как выбрасывание денег на ветер, нужны для поддержания расширенного воспроизводства и «социального мира». Это и было главным побудительным мотивом крупнейших мероприятий правительства США в сфере экономики в период президентства Д. Эйзенхауэра — развернутого шоссевого и жилищного строительства, реконструкции водного пути по р. Св. Лаврентия. Расширение государственных расходов как одно из проявлений и направлений государственно-монополистического развития выглядело при республиканском президенте, вокруг которого создавался ореол рачительного и экономного хозяина, весьма внушительно: с 68 млрд. долл. в 1955 г. до 92 млрд. долл. в 1960 г. (в неизменных ценах)⁵⁴. Подверглась всесторонней этатизации и социальная доктрина республиканцев, о чем свидетельствуют расширение системы социального обеспечения, совершенствование законодательства о минимуме заработной платы, создание специального министерства здравоохранения, образования и благосостояния, расширение государственных расходов на образование, толчок которому был дан под воздействием успехов СССР в освоении космоса.

Степень эволюции социально-экономических доктрин от гуверизма к эйзенхауэровскому неоконсерватизму обнаруживается как при взгляде на конкретную деятельность республиканцев 50-х годов, так и при анализе их официальных доктрин. «Создавая новую экономическую жизнестойкость без инфляции,— говорил Д. Эйзенхауэр в своем последнем ежегодном послании конгрессу 12 января 1961 г.,— мы прибегли к увеличению государственных расходов, чтобы содействовать нуждам растущего населения и решению связанных с этим проблем, так же как и нашим расширившимся международным обязательствам»⁵⁵. Конечно, надо помнить, что это было сказано в то время, когда экономика США находилась в низшей точке кризиса 1960—1961 гг., а кризисы после 1929 г. оказались той силой, которая наряду с борьбой двух систем во всемирном масштабе, классовой борьбой внутри страны и войнами продвигала вперед государственно-монополистическое мышление американских буржуазных индивидуалистов. «Ясно,— подчеркивал Д. Эйзенхауэр,— что продолжение здорового и широкого экономического роста остается главной национальной целью, к достижению которой мы должны стремиться, объединяя частные и государственные усилия»⁵⁶. Иными словами, как выразился известный американский политолог, «республиканский консерватизм... пошел на сделку с новым курсом»⁵⁷. Другой политолог, неоконсерватор К. Росситер, подчеркнул, что «современный консерватизм отошел от крайнего антистейтизма Самнера и Сазерленда», и среди факторов, определивших трансформацию консерватизма от антистейтизма к этатизму, назвал «угрозу коммунизма»⁵⁸. В неоконсервативно-неолиберальном консенсусе тон задавали неоконсерваторы. Это сказалось на всех общественных науках, в том числе историографии⁵⁹.

Книга заместителя министра труда США А. Ларсона «Республиканец смотрит на свою партию» явилась наиболее адекватным выражением эйзенхауэровского неоконсерватизма. Автор уделил основное внимание кодификации социально-политических доктрин «нового республиканизма», противопоставив ему «оппозицию», состоящую из «двух идеоло-

⁵⁴ «New York Times», 13.X.1975.

⁵⁵ «State of the Union Messages of the Presidents. 1790—1966» Vol. 3, p. 3108.

⁵⁶ Ibid., p. 3113.

⁵⁷ N. Graebner. Eisenhower's Popular Leadership. «Twentieth Century America: Recent Interpretations», p. 451.

⁵⁸ C. Rossiter. Conservatism in America. N. Y. 1955, pp. 194, 200.

⁵⁹ См. И. П. Деметьев. Основные направления и школы в американской историографии послевоенного времени. «Вопросы истории», 1976, № 11.

гий: одна, можно сказать, носит марку 1896 г., а другая — марку 1936 г.». Имеется в виду, что неоконсерватизм противостоит традиционному республиканскому индивидуализму «laissez faire», процветавшему в момент прихода к власти У. Маккинли в 1896 г. и господствовавшему до 1932 г., и неолиберализму «нового курса», одержавшему триумфальную победу на выборах 1936 года. А. Ларсон считал «идеологию 1936 г.» более «опасной», ибо «идеологию 1896 г.» он квалифицировал как нечто уже мертвое, а об идеях 1936 г. говорил, что они «постоянно маршируют перед нами как на параде в качестве продукта либерализма и передовой мысли»⁶⁰.

Критерии принадлежности к той или иной идеологии кодификатор «нового республиканизма» выискивал в отношении к роли государства, в соотношении частного и этатистского. «Идеология 1896 г., — пишет он, — характеризовалась недоверием к федеральному правительству; идеология 1936 г. — недоверием к правительствам штатов; нынешняя администрация не страдает недоверием ни к тому, ни к другим, она позволяет каждому играть свою роль в полной мере». При эйзенхауэровском правительстве в этом вопросе достигнута, по мнению автора, гармония: «Теперь мы имеем активность государства в той мере, в какой необходимо, избегая ущемления нормальной инициативы частного предпринимательства»⁶¹.

В 60-е — 70-е годы (1960—1976 гг.) американский государственно-монополистический капитализм переживает наиболее острые социально-экономические и политические потрясения. В избирательной кампании 1960 г. обе партии выдвинули платформы, предусматривавшие активизацию всех элементов социально-экономической структуры. Республиканцы даже заявили, что страна «переживает эпоху глубочайшей революции». Они ставили своей целью активно содействовать «экономическому росту». На первое место они выдвигали роль частного бизнеса, но не забывали и государство, обещая использовать «всю государственную власть для предотвращения бедствий депрессии и инфляции»⁶². Еще больше внимания проблеме экономического роста уделили в своей программе демократы. Они шире республиканцев смотрели на роль государства, обещая использовать все рычаги стимулирования роста. «Мы, демократы, — гласила платформа, — полагаем, что наша экономика может и должна обеспечить средний ежегодный прирост на 5% — почти вдвое больше среднегодового роста в период, начавшийся в 1953 году. Мы будем проводить политику, которая приведет к достижению этой цели без инфляции. Экономический рост — это средство, с помощью которого мы поднимем американский уровень жизни и создадим дополнительные налоговые ресурсы, обеспечивающие национальную безопасность и основные услуги, оказываемые государственной властью»⁶³.

Проблема экономического роста как государственно-монополистический рецепт управления экономикой возводилась, таким образом, обеими партиями в своеобразный культ. Более заметно это было выражено у демократов, надеявшихся, что рост экономики решит и многие социальные проблемы. Демократы по традиции выглядели активнее в использовании государства, и в обеспечении экономического роста, и в регулировании трудовых отношений. «Основой достижения стабильных трудовых отношений, — указывали они, — является руководство со стороны Белого дома. Республиканская партия не смогла обеспечить такого руководства»⁶⁴. Лидеры обеих партий, и опять-таки прежде всего демократы, большие надежды возлагали на использование государственно-

⁶⁰ A. Larson. A Republican Looks at His Party. N. Y. 1956, pp. 1—2.

⁶¹ Ibid., p. 10.

⁶² «National Party Platforms. 1840—1972», pp. 604, 609.

⁶³ Ibid., p. 582.

⁶⁴ Ibid., p. 581.

монополистическим путем результатов развернувшейся научно-технической революции, рассчитывая победить социализм на этом поприще и разрешить социальные антагонизмы внутри страны.

Еще при Дж. Кеннеди правительство демократов, намечая «новые рубежи», выдвинуло четыре важных направления социально-экономических реформ — в области гражданских прав, образования, медицинского страхования и налогов. Под влиянием своих кейнсианских экономических советников во главе с Г. Геллером Кеннеди во второй половине 1962 г. сформулировал программу «новой экономической политики», изложив ее в послании конгрессу 14 января 1963 года. Он предложил сократить налоги на бизнес и потребителей на 13,5 млрд. долл.⁶⁵, что и было узаконено в феврале 1964 года. Это явилось действительно важным новшеством в эволюции экономической доктрины американского государственно-монополистического капитализма. Впервые президент США заявил о себе как о сознательном кейнсианце, пойдя на дефицит в бюджете в условиях экономического подъема и используя этот дефицит как позитивное экономическое средство.

Середина 60-х годов была временем активизации неолиберализма. Один из его апологетов в 1963 г. писал, что «сторонники нового либерализма не строят свою философию на демонизации частного предпринимательства или государства. Они верят в созидательные возможности современного капитализма при условии, что ему оказывает поддержку коллективная мысль, действующая через эффективные государственные органы»⁶⁶. Это было время огосударствления буржуазной экономической науки⁶⁷, неустанно поставлявшей рецепты, которые, как казалось, должны были повести к магическому росту. Ежегодное послание, направленное Л. Джонсоном конгрессу 8 января 1964 г., впервые в послевоенной истории отдавало приоритет проблемам внутренней политики. Указав, что 20% американских семей живет в нищете, президент торжественно объявил «безоговорочную войну бедности в Америке»⁶⁸. Несколько позже, 22 мая 1964 г., в речи перед выпускниками Мичиганского университета он начертал программу создания в США «великого общества»⁶⁹.

В 1964—1966 гг. конгресс узаконил ряд реформ. Вместе с сокращением налогов было оказано большое содействие за счет федеральных средств развитию всех ступеней образования, жилищному строительству для низкодоходных семей, приняты важные законы в сфере гражданских прав и наиболее существенное добавление к закону 1935 г. о социальном обеспечении — о введении медицинского страхования для престарелых граждан, а также о федеральных субсидиях штатам для оказания медицинского вспомоществования бедноте и нуждающимся⁷⁰. Говоря о совершенствовании социально-экономической доктрины неолиберализма в 60-е годы, надо отметить два момента: во-первых, большой рост государственных расходов на всевозможные социальные программы; во-вторых, формирование нового компонента в самой доктрине, а именно — государственно-монополистической структуры решения социального вопроса, от которого федеральное правительство отмахивалось со времен Реконструкции. Последний реконструктивный закон о гражданских правах был принят в 1875 г., и до 1957 г. конгресс не одобрил ни одной меры в этой области. Лишь в 60-е годы, главным образом после вступления в силу закона 1964 г., была разработана «политическая стратегия государственно-монополистического капитализма в данном вопро-

⁶⁵ «State of the Union Messages of the Presidents. 1790—1966». Vol. 3, p. 3145.

⁶⁶ H. Girvetz. The Evolution of Liberalism. Toronto, 1963, p. 386.

⁶⁷ И. В. Лихачева. Указ. соч., стр. 10.

⁶⁸ «State of the Union Messages of the Presidents. 1790—1966». Vol. 3, p. 3157.

⁶⁹ E. Goldman. The Tragedy of Lyndon Johnson. N. Y. 1969, pp. 165—166.

⁷⁰ E. Ginzberg and R. Solow. The Great Society. N. Y. 1974.

се» и сформировался «государственно-монополистический механизм по регулированию межрасовых отношений»⁷¹.

Среди экономических факторов, определявших государственно-монополистическое развитие 60-х годов, важнейшую роль играли экономический подъем и постепенно усиливавшаяся и превратившаяся в конце 60-х годов и в 70-е годы в одно из главных бедствий США инфляция. Оба указанных фактора подгоняли рост государственных расходов, один создавая возможность, а другой — необходимость, а вместе с тем и барьер для этого подъема, что и стало одним из основных противоречий всей концепции экономического роста⁷².

Социальную атмосферу США 60-х годов формировали взрыв демократических движений (молодежное, антивоенное, антирасистское), новые прогрессивные явления в рабочем движении, включая выход Коммунистической партии США из состояния изоляции, а также активизация ультраправых течений. Все это сказалось на эволюции государственно-монополистической идеологии и политики. Республиканская партия сделала в 1964 г. большой шаг назад в своем социальном просвещении. Опираясь на усилившиеся ультраиндивидуалистические движения⁷³, к официальному руководству партией на некоторое время пришла группировка во главе с Б. Голдуотером, выдвинувшая на выборах 1964 г. программу оголтелого антикоммунизма и милитаризма, а также предложившая такую платформу решения внутренних социально-экономических проблем, которая была выдержана в духе крайнего индивидуализма и уходила далеко вправо от республиканского неоконсерватизма.

В 60—70-е годы советские исследователи уделяют большое внимание анализу идейно-политических течений в американском обществе — от ультраправых движений до направления «новых левых». Полностью разделяя трактовку термина «неолиберализм», данную Н. С. Юлиной, хотелось бы возразить против ее толкования «неоконсерватизма», ибо этим понятием она охватывает реакционный индивидуализм⁷⁴. Если сводить спектр буржуазной общественной мысли и политики в США к «неолиберализму» и «неоконсерватизму», то есть крайнему индивидуализму, представленному Б. Голдуотером, братьями Бакли, Р. Рейганом, берчистами и другими движениями ультра, то из него выпадает один из важнейших компонентов — государственно-монополистический неоконсерватизм, то есть идеология и политика основных кругов республиканской партии во главе с У. Уилки, Т. Дьюи, Д. Эйзенхауэром, Р. Никсоном, Д. Фордом и идущих вместе с ними по многим вопросам демократов Юга (разумеется, не типа Д. Уоллеса, который вполне вписывается в ультраправое направление). С другой стороны, представляется нелогичным понимание неолиберализма, предлагаемое А. П. Голевой. Автор совершенно справедливо характеризует неолиберализм как явление государственно-монополистического капитализма, но одновременно противопоставляет неолиберализм кейнсианству. Такое противопоставление двух органически связанных категорий государственно-монополистического капитализма неправомерно. Книга А. П. Голевой написана в основном на западногерманском материале. Касаясь США, автор заносит в разряд неолибералов чикагскую школу⁷⁵, которая как раз весьма далека от восприятия принципов

⁷¹ И. А. Геевский. США: негритянская проблема. Политика Вашингтона в негритянском вопросе (1945—1972 гг.). М. 1973, стр. 222, 230.

⁷² В. М. Шамберг. США: проблемы и противоречия государственно-монополистического регулирования экономического роста. М. 1974.

⁷³ См. подробнее: «США: проблемы внутренней политики». М. 1971, стр. 318—352; Н. В. Сивачев, Е. Ф. Язьков. Новейшая история США. 1917—1972. М. 1972, стр. 271—277.

⁷⁴ Н. С. Юлина. Буржуазные идеологические течения в США. М. 1971, стр. 53—78.

⁷⁵ А. П. Голева. Критика современного неолиберализма. М. 1976, стр. 34—38.

буржуазного коллективизма, этатизма и других атрибутов государственно-монополистического капитализма. Оставаясь на позициях крайнего индивидуализма, чикагская школа поставляет политико-экономическую рецептуру реакционным государственным деятелям типа Б. Голдуотера и Р. Рейгана, которые осуждают не только неолиберальный курс демократов, но и неоконсервативную политику, проводимую в жизнь основными кругами республиканской партии. В отличие от А. П. Голевой, Н. С. Юлина убедительно показывает, что неолиберализм — это «одна из самых влиятельных систем взглядов в США», основанная именно на кейнсианстве. Она подходит к проблеме не только с экономической, но и с социальной и идейно-политической точек зрения. «Следует отметить,— пишет Н. С. Юлина,— что неолибералы не ограничиваются простым повторением кейнсианских идей. В идеологическом плане фокус их этатистской (государственной) концепции сосредоточен не столько даже на экономическом, сколько на социальном регулировании. Согласно неолибералам, с ростом экономического могущества государство получает реальные возможности для вторжения в социальную область (образование, социальное обеспечение, борьба с бедностью, благоустройство городов, регулирование отношений между рабочими и предпринимателями и т. д.). Все это, говорят они, предполагает сосредоточение власти в руках федерального правительства, расширение масштабов его деятельности, расширение круга обязанностей администрации»⁷⁶.

Демократические движения 60-х годов оказали двоякое воздействие на эволюцию государственно-монополистического курса правящих кругов. Во-первых, впервые после «нового курса» левее неолиберализма создалось влиятельное политическое и идеологическое течение радикально-прогрессивного характера, которое нередко выходило далеко за допустимые пределы либерального государственно-монополистического реформаторства. «Новое левое» течение⁷⁷ заставило заметно демократизировать социальную политику правительства, особенно в вопросах расового равноправия, образования и благосостояния. Во-вторых, радикализм этих движений нес в себе большой заряд демократического антиэтатизма, разрушавший веру во всемогущее буржуазное государство, демонстрировавший, что поступательный прогресс не только не под силу государственно-монополистическому механизму, но даже в корне расходится с интересами этого комплекса. Последствия демократического антиэтатизма в полную меру сказались лишь в 70-е годы, когда президентская власть находилась в руках республиканцев.

В 70-е годы вылились наружу внутренние противоречия в сложившейся после 1929—1933 гг. структуре государственно-монополистического капитализма США. Одно из них проявилось в том, что углубление общего кризиса капитализма требует дальнейшего огосударствления, хотя, как показывает опыт, оно не дает возможности справиться с проблемами экономического роста, инфляции, обострившейся хронической безработицы, соотношения гражданского и военного производства. Другое выражается в катастрофическом падении авторитета государственных институтов, без расширения функций которых государственно-монополистическое развитие заходит в тупик. Под влиянием экономических и политических кризисов и массового антиэтатизма вера в огосударствленное решение проблем была подорвана даже среди тех, кто обычно мыслил решение общественных проблем на путях усиления этатизации.

Экономика США за короткий срок претерпела два кризиса — 1969—1971 гг. и 1973—1975 годов. Уже первый из них выявил важную

⁷⁶ Н. С. Юлина. Указ. соч., стр. 37.

⁷⁷ С. С. Салычев. «Новые левые»: с кем и против кого. М. 1972; А. А. Фурсенко. Критическое десятилетие Америки. 60-е годы. Л. 1974.

своеобразную черту, заключающуюся в том, что падение производства привело не к снижению, а к повышению цен и усилению инфляции. Это же оказалось свойственным и кризису 1973—1975 гг., ставшему наиболее сильным экономическим и социальным потрясением капитализма после второй мировой войны. По официальным данным, в 1973 г. потребительские цены возросли на 9%, в 1974 г. — на 12%, в 1975 г. — на 7%. Это произошло при падении совокупного общественного продукта (в неизменных ценах) в 1974 г. на 1,8%, а в 1975 г. — на 2%. Безработица, по официальным исчислениям, измерялась в 1974 г. средним уровнем 5,6% всей рабочей силы, а в 1975 г. — 8,5%, достигнув в апреле 1975 г. 8,9%, то есть наивысшей точки после 1941 года⁷⁸. Это означало, что свыше 8 млн. рабочих не имели работы. На XI съезде АФТ—КПП в октябре 1975 г. отмечалось, что 13% рабочей силы, то есть 12,4 млн. рабочих — безработные⁷⁹. Экономические потрясения 1973—1975 гг., последствия которых не преодолены до сих пор, в известной мере были углублены энергетическим кризисом, который, однако, следует понимать не как «техническое», а как социально-экономическое явление, прямое и закономерное следствие господства монополий в этой жизненно важной отрасли современного хозяйства.

В отличие от выборов 1964 г. республиканцы в 1968 г. выдвинули программу государственно-монополистического руководства страной и, воспользовавшись провалами демократов во внутренней и внешней политике, завоевали Белый дом. Неоконсерватизм Р. Никсона был большим шагом вперед от «нового республиканизма» 50-х годов. В январе 1971 г. Р. Никсон с полным основанием заявил журналистам: «Я теперь — кейнсианец!»⁸⁰. В августе 1971 г. он приступил к осуществлению своей собственной «новой экономической политики», выдвинув в качестве ее главной задачи достижение трех целей — сокращения безработицы, улучшения конкурентных позиций США на мировых рынках и пресечения инфляции. Она осуществлялась с 15 августа 1971 г. до 1 мая 1974 г., когда прекратилось действие закона об экономической стабилизации, и была нацелена преимущественно на торможение роста заработной платы. Инфляцию пресечь не удалось. Совет экономических консультантов в 1974 г. признал это в выражениях, несвойственных лексикону официальных органов: «Было предпринято много попыток остановить ее — и все без существенных успехов. Инфляция превратилась в чудовище с головой гидры: на месте одной отсеченной головы каждый раз вырастают две новые»⁸¹.

Правительство Р. Никсона пыталось реформировать в консервативном плане сложившуюся с 30-х годов систему оказания вспомоществования нуждающимся⁸². Реформа также не удалась. Наоборот, Р. Никсону, как в свое время и Д. Эйзенхауэру, пришлось санкционировать расширение всевозможных социальных выплат. По сравнению с 1965 г. в 1972 г. федеральные расходы на образование, жилищное и коммунальное строительство, здравоохранение и различные формы вспомоществования выросли в номинальном измерении в шесть раз. С учетом инфляции этот рост будет выглядеть умереннее в четыре-пять раз⁸³, но и этот показатель убедительно свидетельствует о деформации неоконсервативной доктрины под воздействием социально-экономической необходимости, растущей борьбы трудящихся и в результате преобладания неолибералов в конгрессе.

⁷⁸ «Economic Report of the President». Washington. 1976, pp. 3, 49, 79.

⁷⁹ «Eleventh Constitutional Convention of the American Federation of Labor and Congress of Industrial Organizations. Proceedings», October 2, 1975, p. 21.

⁸⁰ «New York Times», 18.I.1971.

⁸¹ «Economic Report of the President». Washington. 1974, p. 21.

⁸² J. Grossman. The Department of Labor. N. Y. 1973, p. 147.

⁸³ E. Ginzberg and R. Solow. Op. cit., pp. 9—11.

Д. Форд, будучи лидером республиканского меньшинства в палате представителей, зарекомендовал себя более консервативным, чем Р. Никсон, деятелем и в социально-экономических и, особенно, в финансовых вопросах, однако в целом он всегда находился в пределах государственно-монополистического неоконсервативного образа действий. С его приходом в Белый дом главный идеолог реакционного индивидуализма У. Бакли выступил со статьей, в которой утверждал, что Р. Никсон обманул надежды «консерваторов» (так предпочитают называть себя ультраправые индивидуалисты), и призывал свою паству «оказывать давление на Форда, чтобы он понял важность консервативных взглядов»⁸⁴. Однако правительство Д. Форда не последовало советам крайних индивидуалистов. После оглашения первого послания «О положении Союза», с которым в январе 1975 г. выступил 38-й президент, «New York Times», одобряя его отказ от обещания сбалансировать бюджет, зачислила Д. Форда в число «смелых» кейнсианцев. «Для тех, кто давно был близок к Форду,— продолжала газета,— его разрыв со своими прежними идеологическими доктринами не является внезапностью. Кейнсианская экономическая политика — уже давно не новая идея даже среди республиканских консерваторов»⁸⁵.

Действительно, две главные идеи кейнсианства — широкие государственные расходы без патологической боязни дефицитного бюджета и активное государственное регулирование всего социально-экономического процесса — в 30—70-е годы прочно укоренились в США в форме неолиберализма и неоконсерватизма. С этим не могут свыкнуться крайние индивидуалисты, составляющие основу разношерстных ультраправых движений, на силу которых время от времени пытаются опереться те, кто стремится пробраться к президентской власти,— Д. Маккарти, Б. Голдуотер, Д. Уоллес, Р. Рейган. Государственные расходы на социальные нужды при республиканских президентах вопреки их желанию выросли, что говорит о невозможности решения современных социальных проблем методами частного предпринимательства. В бюджетном году, начавшемся 1 октября 1976 г., федеральные ассигнования на образование равняются 7,6 млрд., на здравоохранение — 34,4 млрд., на всевозможные виды поддержания доходов граждан (включая 82,7 млрд. на пенсионное страхование) — 137,1 млрд. долларов. В итоге сумма только федеральных социальных расходов равняется почти 170 млрд. долларов⁸⁶. И тем не менее социальные расходы далеко отстают от насущных потребностей, возрастающих из-за продолжающейся инфляции и высокой безработицы. Осенью 1976 г. продовольственные талоны, например, пришлось выдавать свыше 17 млн. человек⁸⁷. Безработица в конце 1976 г. вновь возросла, охватив, по официальным данным, 7,8 млн. человек, то есть 8,1% рабочей силы⁸⁸.

Государство вынуждено брать на себя все большую часть расходов, необходимых для создания социальной инфраструктуры, без которой современное буржуазное общество уже не может функционировать⁸⁹. Правящие верхи стремятся переложить всю тяжесть налогов, за счет которых формируется громоздкая, бюрократическая, антидемократическая структура социальных выплат, на рабочий класс и средние слои населения. Причем более консервативные круги господствующего класса ведут линию на сокращение социальных расходов не во имя ослаб-

⁸⁴ W. Buckley. Ford and Fight for Conservatism. «International Herald Tribune», 2.IX.1974.

⁸⁵ «New York Times», 19.I.1975.

⁸⁶ «The United States Budget in Brief. Fiscal Year 1977», pp. 36, 38, 39.

⁸⁷ «New York Times», 22.XI.1976.

⁸⁸ «New York Times», 4.XII.1976.

⁸⁹ В. Любимова, Л. Черкасова. «Государство благосостояния»: мифы и реальность. «Мировая экономика и международные отношения», 1975, № 12, стр. 49.

ления налогового бремени на трудящихся, а для повышения военных расходов и предоставления дальнейших фискальных льгот крупному частному капиталу.

Д. Форд в силу своей принадлежности к неоконсерватизму и благодаря осязаемому присутствию в рядах республиканской партии, на ее правом крыле, реакционных индивидуалистов выступил в 1976 г. за сокращение социальных расходов и создание «здорового частного сектора». «Моя цель,— провозгласил он,— достичь лучшей комбинации рыночной конкуренции и ответственного государственного регулирования»⁹⁰. Слишком большая дань индивидуалистическому правому крылу партии была отдана и в избирательной платформе республиканцев, принятой в августе 1976 г., содержание которой отразило влияние Р. Рейгана. Наряду с уступками милитаристам и другим противникам улучшения советско-американских отношений это сыграло главную роль в поражении Д. Форда 2 ноября 1976 года.

В США в 70-е годы произошло общее ослабление этатизма, что является прежде всего следствием кризиса нагроможденной со времен «нового курса» системы государственно-монополистического регулирования экономики⁹¹. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии указано на усиление нестабильности современного капитализма и подчеркнуто, что кризис «поразил высокоразвитую государственно-монополистическую экономику, сложившуюся в послевоенный период». Другой причиной падения веры в государственно-монополистические рецепты был идейно-политический кризис буржуазного общества: «Он поражает институты власти, буржуазные политические партии, расшатывает нравственные нормы. Коррупция становится все более явной, даже в высших звеньях государственной машины»⁹². В США это вылилось в острейший морально-политический кризис, развернувшийся в 1973 г. с началом «уотергейтского дела» и глубоко потрясший всю государственно-правовую систему⁹³. Впервые в истории страны в отставку был вынужден уйти президент, а перед этим под угрозой неминуемого судебного процесса лишился своего поста второй человек в государстве — вице-президент С. Агню.

В попытках достижения социально-экономической и морально-политической стабилизации американского государственно-монополистического капитализма большую роль играет руководство демократической партии. Особое место в анналах политической истории США послевоенного времени занимает поведение этой партии на выборах 1972 года. Поражение Д. Макговерна в том году было нетрудно предсказать, как и провал Б. Голдуотера в 1964 году. Но если в 1964 г. знаменосцы одной из двух партий отклонялись от государственно-монополистической платформы неоконсерватизма вправо, то теперь официальная платформа демократов и особенно заявления самого кандидата в президенты существенно уходили влево от сложившихся канонов неолиберализма. В третий раз после Гражданской войны и Реконструкции демократическая партия доказала свою способность гасить радикальные, антимонаполистические движения протеста включением части их лозунгов в свои программно-политические установки и растворением их в буржуазно-респектабельном, допустимом в пределах системы монополистического и государственно-монополистического капитализма, наборе идей и ре-

⁹⁰ «Economic Report of the President». Washington. 1976, pp. 4, 6.

⁹¹ См. подробнее: А. Аникин, В. Кузнецов. Государственно-монополистический капитализм 70-х годов. «Мировая экономика и международные отношения», 1975, № 11; Ю. И. Бобраков. Кризис государственно-монополистического регулирования экономики. «США: экономика, политика, идеология», 1975, № 12.

⁹² Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 5. М. 1976, стр. 479, 480.

⁹³ «Государственный строй США». М. 1976; А. А. Мишин. Государственное право США. М. 1976.

цептов. Так было в периоды популизма и «нового курса». Это же произошло и в 1972 году.

После поражения и в связи со спадом массового движения лидеры демократов вновь перегруппировали свои ряды, проведя в декабре 1974 г. первый в истории двух партий съезд не в год президентских выборов, и подогнали свои программно-организационные установки под традиционные неолиберальные стандарты. Лидеры партии — сенаторы Э. Кеннеди, Э. Маски, У. Мондейл, Г. Хэмфри, ветеран демократов А. Гарриман и другие вели активную кампанию в защиту политических институтов, подчеркивая, что в создании кризисной ситуации повинны лишь отдельные деятели — республиканцы. Теоретики неолиберализма Д. Гэлбрейт, А. Шлезингер и другие представители интеллектуальной элиты выступили с научными трудами, призванными укрепить веру народа в неолиберальные государственно-монополистические принципы⁹⁴. Апологетике американской буржуазной демократии, устоявшей под ударами «уотергейта» и якобы способной к постоянному совершенствованию, служили все официальные празднества по случаю 200-летия провозглашения Декларации независимости. В избирательной кампании 1976 г. демократы выдвинули кандидатом в президенты малоизвестного политического деятеля — бывшего губернатора Джорджин Дж. Э. Картера, который пришел к власти под лозунгом восстановления доверия народа к правительству. Их платформа так и называлась — «Договор с народом»⁹⁵. Она составлена в высокопарных выражениях, призванных направить демократический антиэтатизм в традиционное государственно-монополистическое русло.

Анализ генезиса и эволюции государственно-монополистического капитализма США показывает, что процессами огосударствления в XX в. были охвачены и экономика, и политика, и идеология, и наука. Государственно-монополистическое развитие проявило себя и как тенденция или процесс, имеющие место в монополистическом капитализме, и, с определенного исторического рубежа, как основа буржуазного строя⁹⁶. Рассматривая тенденции и основу, процесс и систему в органическом единстве, мы приходим к выводу, что для периода до 1929—1933 гг. наиболее характерными были тенденции государственно-монополистического развития. В результате «нового курса» и второй мировой войны они превратились в сущность американского капитализма. При этом степень этатизации современного государственно-монополистического капитализма США все время растет⁹⁷.

Монополии и буржуазное государство являются субъектами государственно-монополистического капитализма и современной империали-

⁹⁴ J. Galbraith. Economics and the Public Purpose. Boston. 1973; e j u s d. Money. Whence It Came. Where It Went. Boston. 1975; A. Schlesinger, Jr. The Imperial Presidency. N. Y. 1974.

⁹⁵ «The National Democratic Platform 1976», p. 1.

⁹⁶ Эта проблема обстоятельно проанализирована в трудах ряда советских экономистов (см.: Ю. Борко. О методологии анализа государственно-монополистического капитализма. «Мировая экономика и международные отношения», 1973, № 5, стр. 108; С. Тюльпанов. Историческое место государственно-монополистического капитализма. «Мировая экономика и международные отношения», 1973, № 10, стр. 107; Л. Леонтьев. Роль государства в экономике современного капитализма. «Мировая экономика и международные отношения», 1974, № 1, стр. 106).

⁹⁷ «Государственное вмешательство, — обоснованно пишет С. А. Далин, — представляет собой закономерность современного капитализма, особенно в эпоху его общего кризиса, и поэтому крушение иллюзий о всемогуществе капиталистического государства не означает прекращения государственного регулирования экономики. Можно предвидеть, что новый циклический кризис или продолжительный застой вызовут возрождение старых теорий государственного вмешательства, хотя для этого придется облечь их в новые одежды» (С. Далин. Крушение теорий и иллюзий. «Мировая экономика и международные отношения», 1976, № 12, стр. 82).

стической интеграции⁹⁸. Это значит, что наличие или отсутствие национализированного сектора в экономике нельзя считать определяющим показателем государственно-монополистического развития. В США, например, в отличие от Англии, Франции, Италии, Австрии не осуществлялось национализации, хотя именно здесь находится центр современного государственно-монополистического капитализма. Это лишь говорит об относительной прочности частнособственнических устоев в США и об активности монополий в процессах огосударствления. Вместе с тем в США огромных размеров достигло государственное хозяйствование, что находит отражение в постоянном росте бюджетов федерального правительства, штатов и муниципалитетов. Это можно с известными оговорками рассматривать аналогом национализации.

Огосударствление глубоко охватило сферу идеологии и политики. Классический либерализм трансформировался в неолиберализм, а традиционный консерватизм — в неоконсерватизм. Новое и в том и в другом случае заключается в позитивном взгляде на государство, но с неодинаковыми степенью и целью его активизации. Между этими течениями нет слишком твердых и тем более абсолютных граней. Различия между ними не более чем разница между демократами и республиканцами, но они, эти различия, тем не менее реальны. Не приспособившиеся к государственно-монополистическому курсу буржуазные силы составляют лагерь реакционного индивидуализма, который находит свое прибежище в самостоятельных организациях и движениях, в республиканской партии и среди демократов-южан. Живучесть крайнего индивидуализма объясняется как непосредственными интересами индивидуальных собственников, так и тем, что государственно-монополистическая система не исключает, а, наоборот, в пропагандистских целях подчеркивает добродетели «свободного предпринимательства». В этом же направлении действуют милитаризм, шовинизм и расизм.

Коммунистическая партия США, прогрессивные профсоюзы, радикальная интеллигенция выдвигают задачу создания антимонаполистической коалиции с тем, чтобы направить объективные процессы огосударствления по революционно-демократическому пути. Левые силы на отдельных этапах новейшей истории США оказывали известное влияние на государственную политику, однако пока еще не смогли объединить вокруг антимонаполистических лозунгов широкие массы трудящихся. Неолиберализм и неоконсерватизм, направляя в государственно-монополистическое русло объективные процессы огосударствления, рассматривают их как альтернативу социализму. Ограниченность достигнутого ими экономического и социального прогресса особенно очевидна в условиях обострения общего кризиса капитализма в 70-х годах.

Государственно-монополистический капитализм, как убедительно доказал весь ход новейшей истории, оказался исторически несостоятельной альтернативой социализму. «Социалистическая организация экономической, политической и духовной жизни показала, что только социализм открывает путь решения самых важных и неотложных общечеловеческих проблем современности»⁹⁹. Как указывается в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», достижения родины Октября за шесть десятилетий являются наглядным свидетельством того, что социализм обеспечил невиданные в истории темпы прогресса во всех направлениях жизни общества.

⁹⁸ М. М. Максимова. Основные проблемы империалистической интеграции. М. 1971.

⁹⁹ «Правда», 1. II. 1977.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ ТИТА ЛИВИЯ

А. И. Немировский

Известность того или иного представителя античной историографии далеко не всегда соответствует реальному вкладу, внесенному им в развитие исторической мысли. В полной мере это наблюдение справедливо в отношении Тита Ливия, затмившего уже в древности всех своих предшественников, а в новое время ставшего объектом как чрезмерного восхищения, так и столь же неумеренной критики.

Для итальянских гуманистов Ливий был свидетелем героического прошлого их раздробленной и угнетенной родины, непререкаемым авторитетом во всем, что имело отношение к славной римской истории. И хотя Н. Макиавелли делает некоторые замечания в адрес Ливия, они касаются политических взглядов историка, а не достоверности приводимых им фактов¹. Позднее на критике сообщений Ливия о ранних временах Рима сложилось скептическое направление, представленное в трудах нидерландских и французских историков Я. Перицония, С. Бошара и Л. де Бофора². В их время (XVII—первая половина XVIII в.) стало признаком хорошего тона отвергать существование древнейших римских царей и первых консулов — всего того, что в эпоху Возрождения считалось непреложной истиной. Историко-критический метод классика буржуазной историографии Б. Нибура также сформировался в процессе изучения Тита Ливия и попыток выявления источников его информации о римской старине. При этом Нибур упрекал Ливия не столько в излишней доверчивости и малокритичности при изложении древнейшей истории Рима, сколько в том, что последний был уверен в уничтожении галльским пожаром 390 г. до н. э. всех римских памятников ранних времен³. Эти памятники — народные песни и родовые предания — Нибур, как ему казалось, отыскал в произведении Ливия и поставил его тем самым в положение человека, не ведающего, какими сокровищами он обладает. Известный французский философ и историк XIX в. И. Тэн в своем эссе, отталкиваясь от образа великого историка-оратора, каким он считал Ливия, начертал программу позитивистской историографии⁴. В конце XIX и начале XX в. возобновились нападки на Ливия с гиперкритических позиций. Фактический материал, содержащийся в первых десяти книгах его труда, был объявлен не заслуживающим доверия. В частности, были признаны фикцией все римские цари⁵. Но вскоре археологические от-

¹ Н. Макиавелли. Государь и Разсуждения на первые три книги Тита Ливия. СПб. 1869.

² A. Momigliano. Perizonius, Niebuhr and the Character of Early Roman Tradition. «Journal of Roman Studies», 1957, № 47, p. 101f.

³ B. G. Niebuhr. Historische und philologische Vorträge, 1 Abt. Bd. 1. B. 1846, S. 2 folg.

⁴ H. Taine. Essai sur Tite-Live. P. 1856 (русс. пер. Е. И. Герье. М. 1890).

⁵ А. Ф. Эмман. Легенда о римских царях. Ее происхождение и развитие. СПб. 1896; E. Pais. Storia di Roma. Torino. 1898.

крытия реабилитировали, во всяком случае, частично, знаменитого римского историка. В антиковедении возобладала «умеренная критика». Крупный итальянский историк Г. Де Санктис показал недопустимость тех критических приемов, которыми пользовались его соотечественник Этторе Пайс и его последователи⁶. Историчность римских царей Нумы Помпилия, Тулла Гостилия, Анка Марция была подтверждена тем, что их родовые имена встречаются в списке консулов ранней республики. Надписи на этрусских гробницах подтвердили ливиеву версию этрусского господства в Риме и существования царей Тарквиниев и царицы Танакивиль. По-новому стало оцениваться содержание книг Ливия, посвященных первым столетиям Римской республики. В противовес мнению немецкого историка Т. Моммзена, считавшего, что Диодор Сицилийский сохранил наиболее точные и надежные сведения об этой эпохе, предпочтение стало отдаваться Ливию, и в частности его списку консулов⁷.

В отличие от исследователей XIX и начала XX в., почти исключительно занимавшихся грамматико-стилистическими вопросами и источниками Ливия⁸, в последующие годы возник интерес к религиозным, социальным и политическим взглядам историка. И если прежде Ливий рассматривался как компилятор, обобравший младших анналистов и литературно обработавший заимствованный у них материал, то в дальнейшем в нем стали видеть пропагандиста принципата, смело манипулирующего фактами для утверждения выгодных новому политическому режиму идей. В этой связи отрицалась зависимость Ливия от эллинистической историографии, подчеркивалась обусловленность содержания его труда исключительно задачами «национального и этического обновления римского народа»⁹. Иной точки зрения придерживаются французские и английские ученые, не склонные видеть в Ливии слепого выразителя идей Августа, отмечающие его приверженность республиканским идеалам и зависимость от эллинистической традиции¹⁰. К сожалению, применительно ко всему этому кругу вопросов почти полностью отсутствуют исследования, написанные с марксистских позиций.

В общих работах советских историков, посвященных древнему Риму и древнеримской литературе, имеются более или менее содержательные разделы и главы, в которых Ливий характеризуется как историк и писатель. Особое место среди них занимает работа С. Л. Утченко, в которой выделены два направления в античной историографии — научное и художественно-дидактическое. Типичным представителем первого признается Полибий, второго — Ливий. Ливий характеризуется как «историк-художник», «историк-драматург», ставящий перед собой задачу — учить и воспитывать на примерах истории¹¹.

Жизнь историка, известная в деталях, могла бы пролить свет на многие вопросы его творчества. Однако сведения о Ливии отличаются крайней скудостью. Судя по его писательской манере, немало данных биографичес-

⁶ G. De Sanctis. *Storia di Romani*. Vol. I. Torino. 1907. Де Санктис и его ученики оживили также «вещную теорию» Б. Нибура, приведя новые доводы в пользу того, что в распоряжении анналистов был фольклорный материал.

⁷ T. R. Broughton. *The Magistrates of the Roman Republic*. Oxford. 1960.

⁸ Классическими образцами этого «Quellenforschung» служат работы: Н. И. Паллиа и Г. Начало римской летописи. М. 1903; Н. Ниссен. Kritische Untersuchungen über die Quellen der vierten und fünften Decade des Livius. B. 1863; W. Soltau. Livius Geschichtswerk, seine Komposition und seine Quellen. Leipzig. 1897; U. Kahrstedt. Die Annalistik von Livius. B. 1913; A. Klotz. Livius. «Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft», XIII, S. 816—852.

⁹ E. Burck. Livius als augusteischer Historiker. «Die Welt als Geschichte». Bd. I. B. 1935, S. 446; W. Weber. Princeps. Studien zur Geschichte des Augustus. B. 1936.

¹⁰ B. Jumeau. Tit Live et l'historiographie hellénistique. «Revue des études anciennes». 1936. Vol. 38, № 1, pp. 63—68; P. G. Walsh. Livy. His Historical Views and Methods. Cambridge. 1970, p. 46.

¹¹ С. Л. Утченко. Римская историография и римские историки. «Историки Рима». М. 1970.

рафического порядка должно было содержаться в книгах, описывающих современные Ливию события. Но последняя из сохранившихся книг относится к 167 г. до н. э., то есть отстоит от рождения историка более чем на 100 лет. Утрата последующих книг лишила нас сведений о социальном положении Ливия, его родителях, учителях, времени переезда в Рим и многом другом. Не сохранились его письма, еще читавшиеся Квинтилианом¹². Лишь со слов Сенеки известно, что у Ливия имелись работы историко-философского содержания (в форме диалога) и чисто философские сочинения¹³.

Как и многие другие выдающиеся римские писатели, Ливий не мог назвать себя коренным римлянином. Он родился в муниципии Патавии (ныне Падуа) в 59 г. до нашей эры¹⁴. Патавийцы были потомками венецов, ко времени жизни историка потерявшими свой язык и культуру. Патавий был не только значительным городом Цизальпийской Галлии, но и одним из наиболее древних городских центров Апеннинского полуострова. Его основание приписывалось троянцу Антенору, будто бы переселившемуся в Италию одновременно с другим троянцем, Энеем, но обосновавшимся на ее Адриатическом побережье¹⁵. Параллелизм мифических судеб Патавия и Рима был предметом особой гордости патавийцев и причиной их интереса к тому, что римляне называли *origines*, то есть к началам государственности¹⁶. И хотя, разумеется, эта проблема могла оказаться в поле зрения каждого, современники Августа должны были с большим вниманием отнестись к труду, написанному выходцем из города — «мифического побратима» Рима.

Не меньшую роль в решении Ливия заняться историей сыграло его общественное положение. Нам известно, что Патавий был самым значительным муниципием Северной Италии, и там во времена Августа насчитывалось 500 римских всадников, больше, чем в любом другом городе Италии, за исключением Рима¹⁷. Богатые патавийцы должны были в высшей степени отрицательно относиться к гражданским войнам, не только угрожавшим их благосостоянию, но и разрушавшим его социальную основу. Патавийцы были людьми, сумевшими с честью выйти из потрясений гражданских войн и сохранить без помощи извне власть над своими рабами. Социальная позиция Ливия позволяет нам видеть в нем выходца из семьи, достаточно богатой, чтобы в годы, полные опасностей, дать ему прекрасное образование и внушить на всю жизнь ненависть ко всякого рода переменам в общественной жизни.

Не лучше, чем биография историка, нам известна творческая история его труда. На основании упоминаний в первой книге (I.19.3)¹⁸ о датах закрытия Августом храма Януса сделан вывод, что окончательная редакция первой книги относится к 27—25 гг. до нашей эры¹⁹. Наличие наряду с общим введением ко всему труду краткого предисловия ко второй книге дает возможность полагать, что эта книга, охватывающая события царского периода (753—510 гг. до н. э.), была обнародована отдель-

¹² Quint., X, 1, 39; XI, 5, 20.

¹³ Sen. Ep., 100, 9.

¹⁴ Эту дату дает поздний историк Иероним (Hieronym. Chron. anno 1958—Messala Corvinus orator nascitur et T. Livius). О месте рождения: Quint., I, 5, 56; Asconius in Corp. 68 и косвенные сведения из труда самого Ливия: I, 1, 1—3; X, 2, 4—15; XII, 27, 1 сл.

¹⁵ Verg. Aen., I, 247; Plin. N. H., III, 130; Strabo., V, 1, 4; XIII, 1, 53.

¹⁶ Примечательно, что Тит Ливий начинает свою историю рассказом об Энее и Антеноре, приобщив, таким образом, судьбы родного Патавия к истории Рима (I, 1, 1); ср. R. M. Ogilvie. A Commentary on Livy. Books 1—5. Oxford. 1965, p. 36.

¹⁷ Strabo., I, 5, 3.

¹⁸ Здесь и ниже все сноски на труд Ливия даны в тексте.

¹⁹ Немецкий исследователь К. Цикорнус выдвинул предположение, что до опубликования Ливием первых книг состоялось их публичное чтение (K. Cichorius. Ein neuer Historiker und die Anfänge von Livius schriftstellerscher Tätigkeit. «Römische Studien». Leipzig. 1922, S. 261—269).

по от других, и только после этого историк продолжил свои занятия. Вслед за книгой I появились книги II—V, освещающие историю Римской республики до взятия галлами Рима (509—390 гг. до н. э.). Это явствует из предисловия к книге VI, где упомянуты пять предшествующих книг (VI, I). Последующий материал Ливий, по всей видимости, располагал блоками—пятикнижиями. VI—X книги охватывали целое столетие, на которое падали самнитские войны, а также войны с этрусками, галлами и умбрами (390—293 гг. до н. э.). Не дошедшая до нас вторая декада, судя по эпитамам (извлечениям поздних авторов), делилась на два пятикнижия: борьба с Тарентом и Пирром; I Пуническая война. В описании войны с Ганнибалом, которой посвящены книги XXI—XXX, Ливий следует тому же принципу пятикнижия. Первое — включает успехи Ганнибала, второе — его поражения. Книги XXXI—XLV были соответственно разделены на три пятикнижия. Первое охватывало войну с Филиппом и события в Греции до вступления в войну Антиоха, второе — войну с Антиохом в Греции и Азии, третье — III македонскую войну и триумф Эмилия Павла над Персеем. В изложении эпохи гражданских войн Ливий отказывается от формы пятикнижия и выделяет в качестве особого корпуса 8 книг²⁰. Вся римская история до 9 г. до н. э. была изложена Ливием в 142 книгах, из которых дошло лишь 35.

Труд такого объема был по плечу лишь человеку, для которого занятие историей было делом всей жизни, а не временным увлечением. И действительно, Ливий был первым римским профессиональным историком. В отличие от своих предшественников Г. Саллюстия Криспа и Азиния Поллиона, не говоря уже о младших анналистах, Ливий никогда не выступал на политическом поприще. Он не командовал войском, не был наместником провинции, не выполнял дипломатических поручений. История и только история была его призванием, сферой деятельности, в которой могло проявиться его понимание политики, знание военного дела и дипломатии. Это в полной мере отвечало духу режима, созданного Августом.

Из указаний древних авторов мы знаем, что Август покровительствовал Ливию. Тацит обозначает их отношения словом «дружба»²¹. О близости Ливия к императорскому дому косвенным образом свидетельствует то, что он рекомендовал родственнику Августа Клавдию заниматься историей²². Возможно, Август находился в курсе работы Ливия, следил за ее ходом, был знаком с ее результатами. Об этом можно заключить из свидетельства самого Ливия о сообщении ему Августом содержания неизвестной надписи на льняном панцире из храма Юпитера Феретрия (IV, 20)²³. В то же самое время известно, что Август называл Ливия «помпеянцем»²⁴. Это не следует рассматривать как политическое обвинение, поскольку Помпей считался борцом за республику, а Август приписывал себе возрождение республики. Но после смерти Августа и установления террористического режима Тиберия и Калигулы республиканские симпатии, нашедшие выражение в сочинении Ливия, могли казаться опасными. Очевидно, поэтому Калигула приказал изъять книги Ливия из библиотек, обвинив уже давно умершего историка в многословии и небрежности.

Труд Ливия завершает развитие римской историографии республиканской эпохи и воплощает ее наиболее характерные особенности. Подобно своим предшественникам, он пишет римскую историю. Другие народы и место Рима во всемирной истории его не интересуют. Это главная черта римской историографии (начиная с анналов древних понтифи-

²⁰ P. J a l. La Guerre civile a Rome. P. 1963, p. 24.

²¹ T a c. Ann., IV, 34, 3.

²² S u e t. Claud., 41, 1.

²³ H. D e s s a u. Livius und Augustus. «Hermes», 1906, Bd. 41, № 1, S. 142.

²⁴ T a c. Ann., IV, 34, 3.

ков, представлявших собой записи примечательных событий в городе Риме)²⁵. Соседи Рима могли быть упомянуты лишь постольку, поскольку они отваживались совершить нападение на Рим или были вынуждены заключить с ним союз, а Италия присутствует как фон, на котором разворачивается история возвышения Рима. Сообщая в связи с прибытием Энея об этрусках (I, 2, 5), Ливий не имеет правильного представления ни о времени этрусского господства, ни о границах этруских владений. Обычай тех же этрусков, самнитов и других народов Италии привлекают внимание Ливия лишь в связи с тем, что они были восприняты римлянами. В этом сказывается отличие продолжателя римской анналистики от греческого историка, например, Геродота, проявившего интерес к быту и религии египтян, финикийцев, персов и многих других народов и уверенного в культурном приоритете «варваров».

Римская история у Ливия—это по преимуществу политическая история. Смена царей и консулов, войны с соседями—вот ее основное содержание. Новое, что вносит Ливий по сравнению со своими предшественниками,—это многочисленные подробности религиозного и культурно-исторического характера, но они в первую очередь касаются римского народа.

Исходным пунктом изложения римской истории для Ливия является «основание Рима». Такова традиция римской историографии, которой не мог пренебречь даже Тацит, поставивший своей целью рассказать о правлении преемников Августа. В начальной главе своего труда он кратко повествует о римских судьбах со времени царей. Но для Ливия древнейшая история Рима—это не просто исходный пункт изложения, но одновременно и эпоха, где он отдыхает душой от «зрелища бедствий, свидетелем которых столько лет было наше поколение» (*Praefatio*, 5). Ливий имеет в виду гражданские войны. Подобная их оценка не может показаться неожиданной. Гражданские войны получили официальное осуждение, несмотря на то, что благодаря им Август устранил своих соперников и пришел к власти. Порицая гражданские войны, Август не только провозглашал себя миротворцем, но и объявлял амнистию тем участникам гражданских войн, которые сражались против него.

Интерес Ливия к начальным временам Рима объяснялся не столько желанием забыть бедствия недавнего прошлого, сколько определенными политическими мотивами, о которых историк предпочел не распространяться²⁶. Эти мотивы могут быть выявлены при анализе законодательства Августа и памятников литературы его времени. Обращение к отдаленному прошлому отвечало реставраторской политике принцепса и его стремлению облечь совершенный им политический переворот в традиционные исконно римские формы. Новый режим, уничтожив республику и поставив на ее место единоличную власть принцепса, широко пользовался республиканской терминологией для маскировки своей монархической сущности. И в документе, подводящем итоги многолетнего правления, Август называет себя восстановителем свободы Римской республики. Отсюда обращение Ливия к начальным эпохам римской государственности, временам зарождения «свободы».

Труд Ливия важен не только как наиболее полное собрание фактов политической и культурной истории Рима. Он представляет интерес как идеологический документ эпохи. Подобно «Энеиде» Вергилия, это памятник времени Августа, что наиболее отчетливо прослеживается при анализе религиозных, философских и моральных воззрений историка. Ливий не был оригинальным мыслителем, и невозможно говорить о его

²⁵ U. Knoche. Das Historische Geschehen in der Auffassung der älteren römischen Geschichtsschreiber. B. 1957, S. 242.

²⁶ Намеки на них содержатся в предисловии, где говорится о стремлении к физическому и моральному совершенствованию римского народа, и в IV, 20, 7, где историк называет Августа «основателем и восстановителем всех храмов».

вкладе в ту или иную философскую систему. Речь может идти лишь о степени воздействия на него какого-либо философского течения. Прежде всего обнаруживается определенная зависимость его от стоицизма в той форме, которая сложилась во II—I вв. до н. э. в трудах Панеция и Посидония. Отказавшись от ригоризма и бескомпромиссности древней Стои, эти философы приблизили стоицизм к потребностям римского государства и сделали упор на проблемы этики и морали. Влиянием стоицизма можно объяснить содержащееся в предисловии к истории Ливия восхваление высоких моральных качеств древнейших римлян и критику пороков, ведущих государства к упадку. Это как раз те пороки, которые осуждали стоики: жадность, изнеженность, страсть к роскоши, честолюбие. Но наиболее показательным для связи Ливия со стоицизмом является понимание им традиционной римской религии и культа.

В оценке религиозных взглядов историка в научной литературе нет единства. Одни исследователи подчеркивают скептический рационализм Ливия и трактуют его интерес к религиозному церемониалу как чисто академический²⁷. Другие, напротив, считали его убежденным сторонником старинной религии²⁸. Наличие столь противоречивых суждений само по себе свидетельствует о сложности проблемы религиозности Ливия.

Уже в предисловии, где излагаются установки автора и цель труда, историк счел нужным охарактеризовать свое отношение к религии. Он подчеркивает, что легенды и строгая история в идеале должны быть отделены друг от друга, а их смешение приличествует скорее поэтам, чем историкам (*Praefatio*, 7). Но в то же время он полагает, что применение этого рационалистического принципа к древнейшей истории нецелесообразно, и обещает ни утверждать, ни опровергать сказаний. Наряду с этим Ливий приводит своеобразный довод в пользу терпимого отношения к стремлению римлян возвести свое происхождение к богам: «Военная слава римского народа такова, что назови он самого Марса своим предком и отцом своего родоначальника, племена людские и это снесут с тем же равнодушием, с каким сносят власть Рима» (*Praefatio*, 7). Это довод человека, знающего, что легенда о божественном происхождении римлян выгодна им самим, поскольку она требует от подданных покорности. Раз они подчинились силе римского оружия, им ничего не остается, как принять за действительность любую невероятную легенду. Все эти рассуждения показывают, что Ливий был далек от старинной наивной веры в богов.

О том же говорит способ передачи им многих древних преданий. Так, сообщая о смерти Энея, который, согласно легендам, был после своей кончины причислен к богам и назван Юпитером-родоначальником, Ливий высказывает сомнение, «человеком ли надлежит именовать его или богом» (I, 2, 6). Повествуя о божественном происхождении близнецов (I, 4, 1—3), Ливий опускает известные Эннию и Фабию Пиктору детали легенды, касающиеся появления Марса в виде облака и сочетания его с весталкой. Он игнорирует и рационалистическое объяснение, что с ней сблизился неизвестный прохожий или переодетый Амулий, а представляет слово самой весталке, объявившей Марса отцом двойни. При этом историк не исключает возможности того, что весталка могла назвать виновником своей беременности бога и потому, что для нее это было более почетно (I, 4, 1).

Рассказ Ливия об обожествлении Ромула также отличается большим, чем у других авторов, рационализмом. У Энния, насколько мы в состоянии судить по изложению его версии Цицероном, Марс во время солнечного затмения и наступившего вследствие этого мрака спустился

²⁷ J. Bayet. *Budé edition, Livius I. P.* 1940, p. XXXIX.

²⁸ G. Stübler. *Die Religiosität des Livius.* Stuttgart — B. 1941.

на землю и увел своего сына на небо²⁹. Ливий не упоминает о затмении и описывает лишь непогоду, исчезновение Ромула и принятие его в число небожителей. При этом, как и в случае с рождением близнецов, историк ссылается на свидетельство очевидца, некоего Прокула, встретившего Ромула в новом его качестве и передавшего его слова, что он стал богом и взял на себя заботу о будущем Рима (I, 40, 3). Ливий намекает, что у Прокула, так же как и у весталки, могли быть особые причины объяснять исчезновение Ромула сверхъестественным путем, и в этом случае на него ложится вся ответственность в такой передаче легенды.

Прокул известен и предшественникам Ливия. Согласно Цицерону и Дионисию Галикарнасскому, он сообщает, что Ромул стал богом Квирином и потребовал основания храма³⁰. Ливий опускает эти детали для того, чтобы подчеркнуть главное — Ромул был богом и сыном бога. Не высказывая ни малейших сомнений в божественности Ромула, Ливий воспринимает рассказ Прокула о его встрече с Ромулом как выдумку, имеющую целью успокоить народ, смущенный слухами об убийстве Ромула враждебно настроенными к нему сенаторами. В отличие от Дионисия Ливий далек от того, чтобы описывать внешность Ромула или связывать его с Квирином. Все эти детали не имеют для него никакого значения.

В ливиевой версии древней легенды о Ромуле мы без труда обнаруживаем черты, навеянные раздумьями о современных Ливию событиях и политической обстановке. Убийство Ромулом Рема истолковывается в духе отрицательного отношения современников к братоубийственным гражданским войнам. Подобно Ромулу, Август был, согласно официальной пропаганде, богом и сыном бога, то есть обожествлен после смерти Цезаря. Как и Ромула, его считали основателем Рима, обеспечившим своему народу величие и власть над другими народами. Если можно говорить о религиозности Ливия, то это скорее приверженность к вводимому в это время культу императоров, сознание, с точки зрения господствующего класса, необходимости обожествления носителей высшей власти, нежели вера в их божественную сущность. При этом присутствует и такая важная, с точки зрения современника, черта, как достижение с помощью религии успокоения народа, склонного объяснять свои несчастья действиями сенаторов, в случае с Цезарем действительно повинных в убийстве «бога».

Понимание Ливием современной обстановки не менее ярко проявилось в оценке второго римского царя, Нумы Помпилия. В личности Нумы воплощены такие черты политики Августа, как стремление последнего к миру, к законности и моральному возрождению римского общества, устои которого были подорваны гражданскими войнами. Современники должны были узнать Августа уже в первых словах рассказа о Нуме как правителе, вторично основавшем с помощью права и законов город, который был создан военной силой (I, 19, 1). И тем более показательным является упоминание в главе о Нуме имени Августа в связи с закрытием храма Януса (I, 19, 3). Здесь представляет особый интерес оценка Ливием легенды о близости Нумы с нимфой Эгерией: «Но так как, не выдумав чуда, нельзя было вложить этот страх в сердца людей, он делал вид, что у него по ночам бывают свидания с нимфой Эгерией; по ее-де совету он учреждает наиболее приятные богам священнодействия и ставит для каждого бога особых жрецов» (I, 19, 5).

Здесь мы снова встречаемся со скептическим отношением образованного человека к народным верованиям и в то же время с пониманием задач религии как средства для обуздания «невежественной толпы». Этому выводу не противоречит явный интерес историка к древним религиозным обычаям и культовым пережиткам. Подобно Теренцию Варрону и другим римским авторам антикварного направления, Ливий счи-

²⁹ Cic. De rep., I, 64. Ср. Plut. Rom., 27, 6; 28, 3.

³⁰ Cic. De rep., II, 20; Dionys. II, 83, 4.

тал их наиболее ценными и достоверными свидетельствами старины, прибегая к ним при реконструкции древнейшей истории римского народа. Он сохранил некоторые отрывки жреческих текстов, например, формулу посвящения богам (VIII, 9, 4), отрывок из жреческого заклинания (I, 18, 9). Сообщая о тех или иных праздниках и церемониях, Ливий нередко указывает на их происхождение. Так, наличие у соседнего племени эквикулов коллегии фециалов (жрецов, ведавших объявлением войны и заключением мира) наталкивает Ливия на мысль, что римляне заимствовали этот религиозный институт (I, 32, 5).

До II Пунической войны эпизодически, а после нее регулярно Ливий перечисляет явления, считавшиеся выражением воли богов и требовавшие принесения жертв или совершения других религиозных церемоний³¹. Можно ли признать интерес к продигиям (чудесным явлениям) свидетельством религиозности Ливия? На этот вопрос сам историк отвечает следующим образом: «Я очень хорошо знаю, что вследствие того же пренебрежения, которое побуждает в настоящее время не верить в предзнаменования богов, ауспиции (знамения) не возвещаются публике и не заносятся в летопись. Напротив, когда я пишу о древних событиях, то не знаю, как у меня возникает древний образ мыслей, и я считаю как бы грехом признавать недостойным вносить в мою собственную летопись то, что разумные люди предпринимали публично» (XLIII, 13, 1—2).

Противопоставление своего собственного отношения к религии, пренебрежению ею позволяют думать, что Ливий допускал возможность, что в ауспициях выражается воля богов. Но введение их в свое повествование он обосновывает желанием передать дух времени. Интерес к продигиям обусловлен важностью места, занимаемого ими в жизни римского народа. С помощью продигий дается характеристика морального состояния римского общества, показана бытовая обстановка. При этом очень часто Ливий объясняет продигии как естественные явления, которым толпа вследствие тревожного состояния или склонности к суевериям приписала религиозное значение. Так, чума, истолкованная как следствие гнева богов, на самом деле была вызвана резким изменением климата (V, 13, 2). Эта же болезнь «за отсутствием других видимых причин бедствия была признана большинством как наказание за казнь Манлия» (VI, 20, 11). Перечисляя ряд продигий, Ливий восклицает: «В Кумах — вот до какой степени пустое суеверие припутывает богов даже к самым ничтожным случаям — в храме Юпитера мыши изгрызли золото» (XXVIII, 23, 2. Ср. подобные оговорки: XXI, 62, 1; XXIV, 6, 2; XXVIII, 11, 1; XXIX, 14, 2).

В другом случае продигии толкуются как результат легковерия толпы: «Известия, получавшиеся из разных мест относительно знамений, возбуждали в умах людей новые религиозные сомнения. Поверили, что вороны не только содрали, но даже съели золото на Капитолийском храме, что в Антии мыши изгрызли золотой венок, все поля вокруг Капуи покрыла масса саранчи, и оставалось неясным, откуда она явилась» (XXX, 3, 6). Взгляд толпы на мнимые религиозные явления и отношение к ним историка не совпадают. Историк выступает в качестве критика этих явлений, хотя и не всегда в состоянии правильно объяснить естественный смысл явления, казавшегося толпе чудесным.

Ливий видит в религии действенное средство для обуздания невежественной толпы. Но в то же время он не отвергает существование «вышей силы» (*fatum, fors, fortuna, necessitas*). Именно в этом ярче всего проявляется зависимость историка от стоицизма с его провиденциализмом и фатализмом. Рассказ о наивной попытке обещанной весталки приписать свой позор связи с Марсом предваряется следующим замеча-

³¹ В. Ф. Штифтар. О продигиях у Тита Ливия. «Гермес», 1913, т. XIII.

нием автора: «Но, как мне кажется, судьба предопределила и зарождение столь великого города, и основание власти, уступающей лишь могуществу богов» (I, 4, 1). Комментируя женитьбу Сервия Туллия на дочери Тарквиния, Ливий считает, что это было предопределено судьбой (I, 42, 2). В другом эпизоде, связанном с убийством Манлием Торкватом своего сына, он также видит неодолимую силу судьбы (VIII, 7, 8). О судьбе, неизменным законам которой подвластен человеческий род, говорится и в связи с битвой при Каннах (XXV, 6, 6).

Во всех указанных случаях речь может идти не о риторическом употреблении слов *fatum* или *fata*, а о понимании Ливием судьбы как определяющего фактора человеческой жизни. О том же частично свидетельствует употребление им термина *fortuna*. *Fortuna* Ливия мало чем напоминает древнеримское божество *Fors-Fortuna*. И в то же время она нередко отличается от понимания рока как слепого, не контролируемого человеком жребия, какое мы встречаем в произведениях Саллюстия, Цезаря, Цицерона. Фортуна у Ливия часто является синонимом божественной силы. В этом значении она сближается с *fatum* и обнаруживает ту же принадлежность к стоическому детерминизму. Но встречается и другое толкование фортуны — случай, счастье, с которым сопоставляется доблесть (*virtus*) человека. В этом значении *virtus* и *fortuna* — конфликт между возможностями человека, его духовной и физической мощью и противостоящими ему обстоятельствами — не рассматриваются как нечто непреодолимое. Смелый человек может заставить фортуна служить себе, как об этом свидетельствуют поговорка «*fortis fortuna adjuvat*» (смелым судьба помогает), дважды приводимая Ливием (VIII, 29, 5; XXXIV, 37, 4), и другие подобного рода высказывания в его труде (IV, 37, 7 — ср. V, 40, 1; VI, 30, 6; XXI, 41, 7 и др.).

Философские, моральные и политические тенденции труда ярче всего сказываются в созданных Ливием портретах исторических деятелей. В них персонифицируется весь набор моральных добродетелей из современной политической пропаганды и критика пороков общества в поэзии и философской литературе эпохи гражданских войн. В отличие от Полибия³² он не выясняет причин, которые ведут к возвышению и падению тех или иных исторических деятелей. Личность интересует Ливия не как продукт обстоятельств и эпохи, а как воплощение неких качеств, имеющих значение образцов для всех эпох. В этом ярче всего проявляется неисторический подход Ливия к своим задачам.

Как правило, Ливий не дает выдающимся личностям развернутых авторских оценок. Он прибегает к методу косвенной характеристики, восходящему к Фукидиду, Ксенофону и в конечном счете к греческой трагедии³³. Читатель знакомится с историческим персонажем по вкладываемым в его уста речам, по оценкам, даваемым ему современниками, и, наконец, по линии его поведения в соответствующей ситуации. Но в то же время, сообщая о смерти того или иного выдающегося человека, Ливий дает краткое резюме: указывает продолжительность его жизни, перечисляет занимаемые должности и главный результат его деятельности. Так, Камилл и Фабий Максим характеризуются как спасители государства, а Сципион Африканский — как человек, выигравший войну с Ганнибалом. Согласно замечанию Сенеки, этот прием заключительной характеристики был выработан Фукидидом и применялся Саллюстием по отношению к немногим лицам, а Ливием — ко всем великим людям³⁴.

³² А. И. Немировский. Полибий как историк. «Вопросы истории», 1974, № 6.

³³ Немецкий ученый Иво Брунс отметил наличие двух подходов к оценке личности в античной историографии: первый — субъективистский, когда историк открыто дает собственную характеристику персонажу, и косвенный, когда эта характеристика выявляется на историческом материале (J. B r u n s. Die Persönlichkeit in der Geschichtsschreibung der Alten. B. 1898).

³⁴ S e n. Suas., VI, 21.

Ливий нередко прибегает к выработанному эллинистической историографией приему сравнительной характеристики выдающихся лиц. Но в использовании этого приема он далек от присущей Полибию тонкости в мотивировке поведения своих героев. И здесь сказывается цель — создание произведения, возвеличивающего римский народ. Критерием сравнительной оценки всех выдающихся чужеземцев является их отношение к Риму. Так, два сицилийца — Гиерон и Гиероним — характеризуются в соответствии со своей политической позицией: первый как добрый и мудрый правитель, а второй из-за своего перехода на сторону Ганнибала после Кани как тиран и чудовище (XXI, 50, 8; XXII, 37; XXIV, 4). Ливий забывает даже сказать, что «кровавому чудовищу» было 15 лет и что он правил всего 13 месяцев. И, конечно же, он не дает объяснения причин, вызвавших враждебность Гиеронима к Риму. Также и в отношении двух нумидийцев — Сифакса и Масиниссы — сказывается прежде всего оценка их политической позиции. Высшим достоинством Масиниссы является его «постоянная верность» Риму, а главным недостатком Сифакса — отсутствие той же верности (XXVIII, 17, 6). Для возвеличения Масиниссы у Ливия не хватает хвалебных слов. Он прославляет его религиозность, благоразумие, отвагу, редкую доблесть (XXVIII, 35, 8; XXIX, 39, 9; 32, 12; 29, 5).

От этой прямолинейности и односторонности Ливий отходит, лишь рисуя портрет великого противника Рима Ганнибала. В его изображении Ганнибал — это сложная, трагическая фигура. Он был вознесен на вершину фортуны и познал на собственном примере непостоянство человеческого счастья. Встретившись со Сципионом перед битвой при Заме, Ганнибал сравнивает свое положение с положением Рима после Кани и заключает в духе стоической философии: «Менее всего (следует) доверять большому счастью» (XXX, 30). Рассматривая судьбу Ганнибала как пример изменчивости фортуны, Ливий одновременно рисует Ганнибала человеком, заслужившим свои беды собственным поведением: у него нет страха перед богами, верности слову, он лжив, жесток, готов для достижения своей цели на любое преступление (XXI, 4, 9; 45, 8; 21, 9; XXI, 57, 14; XXIV, 45, 13; XXVI, 38, 3). В этой отрицательной оценке Ганнибала ощущается влияние римской традиции, которая существовала во время II Пунической войны и заключалась в том, чтобы не задумываться над морально-философской стороной деятельности своих противников. Рисуя последние дни Ганнибала, Ливий забывает, однако, обо всех его подлиных или мнимых преступлениях и изображает его жертвой предательства (XXIII, 19, 16; XXXIX, 51, 12). В ливиевой характеристике Ганнибала нет понимания его величия как полководца. Здесь сказалось отсутствие у историка военного опыта, а отсюда и интереса к военной истории как таковой.

В значительной мере теми же недостатками обладают его характеристики великих римлян — противников и победителей Ганнибала. На первом месте среди них стоит у Ливия Сципион Африканский. Так же, как и Ганнибал, он является любимцем фортуны, но это не его личное счастье, а fortuna римского народа. Главная черта Сципиона — его патриотизм, проявившийся в наиболее трагичный для его родины момент. Первое упоминание о Сципионе относится ко времени битвы при Типине, где он юношей сражался под командованием своего отца-консула. Сообщая о спасении юным Сципионом отца, Ливий говорит о наличии другой версии, согласно которой спасителем консула был раб-лигуриец. Отвергая эту версию, Ливий отмечает, что он должен предпочесть ей первую не только потому, что она принята большинством авторов, но и потому, что она говорит о верности сына (XXI, 46, 10). В этом замечании весь Ливий с его подходом к истории с позиции ее моральной ценности, с его пренебрежением к истине. Верность сына в воспитательном отношении важнее, чем верность какого-то раба-варвара, и этого достаточно, чтобы историк

остановился на ней, не дав себе труда исследовать, где истина. Патриотизм Сципиона подчеркивается введением драматического эпизода — разоблачение им намерения отчаявшейся после Канн римской знати покинуть Италию (XXII, 53, 13) — и в особенности описанием его поведения во время переговоров с Антиохом (XXXVII, 36). В последнем случае Ливий, заимствовав факты у Полибия³⁵, придает им патриотическую окраску. Морализаторский подход сказывается и в оценке Ливием деятельности Сципиона как полководца. Прежде всего это проявилось в описании одной из самых блестящих побед Сципиона — сожжения нумидийского лагеря, расположение которого было предварительно выяснено разведчиками, игравшими роль дипломатов. Желая избавить своего героя от обвинения в вероломстве, Ливий выдумывает, что нумидийцы во время переговоров выдвигали несправедливые требования (XXX, 7)³⁶.

Сципион, каким его рисует Ливий, теряет черты реального человека и становится воплощением всех мыслимых добродетелей. Главное из них — это милосердие (*clementia*). Оно проявилось в его отношении к врагам — освобождение племянника Масиниссы (XXVI, 19, 2), сострадание к испанцам Индибилигу и Мандоннию (XXVIII, 34, 3), сердечный прием послов греческих и азиатских городов (XXXVII, 34). Характерно, что Ливий опускает отмеченную Полибием слабость Сципиона к женщинам и подчеркивает благородство по отношению к пленнице, подаренной ему солдатами в Испании. Для того, чтобы возвысить своего любимца, Ливий сопоставляет благородство его души и милосердие с бескомпромиссностью Луция, брата полководца (XXXVII, 6 сл.).

Милосердие было менее всего свойственно народу-завоевателю, историю которого написал Ливий. Он сам привел немало примеров жестокого обращения римлян не только с покоренными народами, но даже с ближайшими родственниками. Милосердие — это не реальное качество, а скорее идеал, возникший в умах людей, переживших жесточайшие междоусобные войны. Взятые на вооружение политической пропагандой времени Августа милосердие стало оправданием политических амнистий, забвения взаимных преступлений враждовавших политических группировок и отдельных лиц, одной из наиболее важных основ «римского мира». Одновременно оно было элементом новой политики по отношению к римским провинциям, прежде считавшимся «добычей римского народа», а теперь рассматриваемым как необходимая часть политического организма наподобие рук, кормящих желудок, из старой притчи о плебеях и патрициях. Описывая прошлое, современники Августа наделяли этим качеством мифических и реальных героев, и идеальный гражданин политической пропаганды — Август отражался словно в зеркалах в образах Энея, Ромула, Камилла, Сципиона Африканского и многих им подобных ходячих героев римского республиканского прошлого.

Результатом этой, как мы бы ее назвали, модернизации являлось искаженное изображение действительной римской политики и исторических персонажей. Ливий отбрасывает всё компрометирующее в поведении завоевателя Греции Квинкция Фламиния и рисует его искренним поборником греческой свободы. Даже для одного из самых жестоких римских полководцев, Марцелла, находятся оправдания. Он будто бы отдал приказ при осаде Сиракуз не причинять вреда свободнорожденным и заботиться о сохранении жизни Архимеда (XXV, 31, 7; XXV, 25, 7). Об обвинении Марцелла сципилийцами в жестокости говорится вскользь, но в его защиту произносится большая речь (XXVI, 32, 8).

Главным героем исторического повествования у Ливия является римский народ. Высшие его качества воплотились в государстве, которому он произносит настоящий панегирик: «Впрочем, либо пристрастность к

³⁵ Pol., XXI, 15.

³⁶ Ср. Pol., XIV, 1 сл.

самому делу вводит меня в заблуждение, либо и впрямь никогда не было государства более великого, более благочестивого, более богатого добрыми примерами, куда алчность и роскошь проникли бы так поздно, где так долго и высоко чтили бы бедность и бережливость» (Praefatio, 11). Рассказывая о страшном поражении при Каннах, Ливий замечает: «Ни один народ не мог бы избежать гибели при столь горестных обстоятельствах» (XXII, 54, 10). Если чужеземец ведет себя благородно, то он, согласно Ливию, более похож на римлян, чем на свой собственный народ (V, 28, 3). Когда же чужеземец проявляет обман и хитрость, то он действует не по-римски (I, 53, 4). Описав жестокую расправу римлян с предводителем альбанцев Меттом Фуфетием, разорванным конями, Ливий заключает: «Первый раз и в последний воспользовались римляне этим способом казни, мало согласным законам человечности; в остальном же, можно смело сказать, что ни один народ не назначал более мягких наказаний» (I, 28, 11). Величие римского народа выявляется, помимо этих далеко не объективных оценок, в сравнении с другими народами, не обладающими его качествами. Ливий изображает карфагенян дикими и жестокими, приводит массу примеров «пунийской лжи» и «пунийской неверности» (XXVI, 17, 16; XXI, 4, 9; XXVI, 6, 12 и др.); галлы у него — народ легкомысленный и дикий, напоминающий более животных, чем людей (V, 44, 6; VII, 24, 5; V, 4, 1—3; VIII, 14, 9; X, 10, 12; X, 28, 3; XXII, 2, 4; XXVII, 48, 16; XXVIII, 17); греки — болтуны (VIII, 22, 8; XXXI, 14, 12; XXXVII, 49, 2—3); кампанцы — народ, выродившийся вследствие роскоши (VII, 29, 5; VII, 31, 6; IX, 6, 5; XXIII, 8, 6). Только германцам историк дает сравнительно высокую оценку (Perioch, CIV).

Когда в предисловии Ливий обещает описать деяния «ведущего народа земли», вполне следует понимать его буквально. *Populus Romanus*, если вкладывать в эти слова значение «народная масса», занимает в труде историка третьестепенное место. В трактовке Ливия, как и других римских авторов, история делалась представителями нобилитета, и только они были ее подлинными героями. Их стойкости, мужеству, предусмотрительности и другим качествам римский народ обязан тем, чем он стал, — победителем, властелином. История римского народа — это летопись деяний его предводителей. Народная масса удостоивается упоминания только в связи с необходимостью обрисовать трудности, которые приходится преодолевать выдающимся людям в осуществлении планов возвеличения римского государства. Сопротивление народа замыслам его руководителей обычно изображается Ливием как фактор, препятствующий решению стоящих перед государством задач. Но в ряде случаев историк показывает причины разлада между народом и его предводителями. Здесь в историографию проникает линия, восходящая к Гракхам и другим представителям популяров, подчеркивавшим несправедливость того, что плодами одержанных народной массой побед пользуются полководцы-нобилы.

Восхваление Ливием «свободы» (так же, как и похвалы Полибия по адресу «демократии») не дает основания считать его приверженцем демократических идеалов. Под «свободой» он понимал повиновение законам республики и обычаям предков, и в этом отношении его понимание ничем не отличается от трактовки Полибием демократии как такого государства, «в котором исконным обычаем установлено почитать богов, лелеять родителей, чтить старших, повиноваться законам, если при этом решающая сила принадлежит постановлениям народного большинства»³⁷. Когда речь идет о народных массах, аристократические симпатии и предубеждения историка проявляются полностью. Отмечая изменение отношения народа к Валерию Попликоле, Ливий пишет: «Такова природа толпы, она или рабски служит, или надменно властвует, а свободу,

³⁷ Pol., VI, 4, 5.

занимающую середину между рабством и тиранией, она не умеет ни умеренно получать, ни умеренно пользоваться сию» (XXIV, 25, 8). Антидемократизм Ливия сказывается в отрицательном отношении к плебеям и народным трибунам, в негативных оценках политических деятелей и полководцев, выдвинутых народным собранием вопреки сенату. Гай Фламиний и Теренций Варрон изображаются как виновники поражения при Тразименском озере и Каннах, а представители сенатской группировки — как спасители Рима и подлинные герои.

Перед Ливием не стояла задача исследовать, какой была подлинная история ранних времен Рима. Поэтому он не обращался к первоисточникам, к тем надписям и древним актам, которые в его время еще можно было отыскать в государственных архивах и храмах. Он удовлетворился трудами своих предшественников-анналистов. На них он строил все свое изложение, стремясь к тому, чтобы оно было живым, красочным и лишенным противоречий. При таком подходе к задачам сочинения трудно ожидать, чтобы Ливий мог в какой-либо мере выяснить закономерности исторического процесса. Не говоря уже об экономическом развитии, полностью им игнорируемом, мы не найдем у него даже оценки роли римского государства как исторического фактора.

В своем труде Полибий сформулировал требования, которым должен удовлетворять ученый-историк: он обязан тщательно изучать документы и воспоминания, лично знакомиться с театром военных действий, с городами, селениями, гаванями и, наконец, иметь военный, политический и дипломатический опыт³⁸. Ошибочно подходить с этими критериями к Ливию, поскольку его сочинение было не научным, а историко-литературным произведением, а сам он — не историком-исследователем, а историческим писателем. Ливий исходил из задачи создания труда, способного оказать на читателей эмоциональное воздействие, дать пищу скорее чувству, чем разуму. Контраст между научной и повествовательной историей ярче всего обнаруживается при сравнении описания одних и тех же эпизодов у Полибия и Ливия.

Рассказывая о провозглашении Фламинином освобождения греков, Полибий описывает охватившее слушателей недоумение и недоверие, тем более понятные, что слова глашатая были многими не расслышаны³⁹. Ливий опускает последнюю существенную деталь и дает картину всеобщего воодушевления греков при известии об осуществлении их вековой мечты (XXXIII, 32, 6 сл.). Описывая спуск Ганнибала с Альп в Италию, Полибий ограничивается лаконичным рассказом о трудностях, которые пришлось преодолеть карфагенянам⁴⁰. Ливий же превращает это событие в эпизод, полный драматизма. Ганнибал с утеса видит Италию, страну, в которую он давно стремился и о победе над которой давно мечтал, и обращается к воинам с вдохновенной речью (XXI, 30). Повествуя о выдающихся победах римского войска и его страшных поражениях, Ливий никогда не забывает воспроизвести эмоциональную реакцию обитателей Рима, их энтузиазм и нечеловеческий ужас, руководствуясь чисто художественными целями. Таковы его описания реакции римлян на переход карфагенян через Альпы (XXI, 32, 7), на известия о поражении при Тразименском озере (XXII, 6, 9), о победе при Метавле (XXVII, 50, 7). Той же цели служат частые описания триумфов как массовых сцен, венчающих победоносную войну, или религиозных церемоний, в которых участвует народная масса.

Выбор военных эпизодов также связан со стремлением произвести наибольшее впечатление на читателя. Рассказ об осаде Сагунта и Абидоса изобилует деталями и подробностями, которые ничего не прибавля-

³⁸ Ibid., XII, 28, 4.

³⁹ Ibid., XVIII, 40, 6.

⁴⁰ Ibid., III, 54.

ют к пониманию военного или политического значения этих событий, но в образной форме раскрывают душевное состояние осажденных, их отчаяние, решимость выстоять и т. д. (XXI, 14, 1; XXVIII, 23). Нередко вместо того, чтобы показать столкновение двух армий, Ливий изображает схватку двух полководцев, определяющую военное превосходство того или иного народа⁴¹. Здесь сказывается не только свойственная времени Августа любовь к гладиаторским боям, но и понимание того, что сцена дуэли может произвести подчас больший драматический эффект, чем описание сражений.

В истории Ливий вслед за Цицероном⁴² видит особый вид ораторского искусства, отличающийся от других его жанров лишь тем, что он основывается не на фактах современной политической жизни или быта, а на историческом материале. Политические деятели и полководцы превращаются в ораторов, состязающихся в красноречии, а сама история — в своего рода судебный процесс, в котором слушателю или читателю предоставлена роль арбитра⁴³. При этом от историка зависит, насколько логично и умело тот или иной полководец «ведет свое дело», ибо никаких подлинных речей их не сохранилось.

Разумеется, эта условная форма не является изобретением римской историографии. Она представляет собой перенесение на римскую почву теории и практики греческих историков. В трудах Фукидида и Полибия мы находим не меньше политических речей, чем у Ливия, причем в большинстве случаев эти речи также вымышлены. Но это обстоятельство не мешало Фукидиду и Полибию серьезно относиться к источнику и достаточно глубоко анализировать причины событий. Ливий, как и его римские предшественники, воспринял лишь внешнюю форму греческой историографии и не смог сохранить ее серьезность и глубину.

Ливий умер через три года после кончины Августа⁴⁴. Его произведение пережило тысячелетия и осталось одним из памятников этого времени наряду с «Энеидой» Вергилия⁴⁵. Это был труд, вполне отвечавший притязаниям на пышность и величие, свойственные данной эпохе. Но с точки зрения последующих поколений, он был продуктом времени обманутых надежд. Подобно тому, как Август не дал Риму ни прочного внешнего мира, ни внутреннего спокойствия, Ливий не создал произведения, которое могло бы оказать моральное воздействие на современников и заслужить высокую оценку последующих поколений. Мы слышим возгласы удивления по поводу огромности проделанного Ливием труда, его блестящего стиля и даже превосходных личных качеств⁴⁶. Но никто не восторгается глубиной и тонкостью понимания Ливием истории. И это вполне естественно. Ливий был официозным историком, и идеи его труда, созданного на потребу политическому режиму Августа, в целом ничем не отличались от идей и оценок главы государства. Умело описав преимущества римской воинской дисциплины по сравнению с хаотичностью и нестройностью варварских полчищ (например, V, 44; XXXVIII, 17), историк оказался бессильным внести в свой труд какое-то подобие римского порядка. В нем нет дисциплины мысли, которая так восхищает нас при чтении произведений Фукидида или Полибия. В изложении Ливия история

⁴¹ Схватка Манлия Торквата и галла (VII, 10), дуэль кампанца Бадия и римлянина Криспина (XXV, 18).

⁴² Cic. De leg., I, 5. О преклонении Ливия перед Цицероном и совете своему сыну его изучать см. Quint., II, 5, 20; X, I, 39.

⁴³ R. Ullmann. La technique des discours dans Salluste, T. Liv., Tacite. Oslo. 1927. В исследовании Р. Ульмана выяснено, что речи у Ливия занимают меньшее место в повествовании, чем у Фукидида, — 12% против 24%, но это средний процент. Более всего речей в XXVII и XXXIII книгах (Ibid., p. XVIII).

⁴⁴ Hieronim. Chron., 2033.

⁴⁵ Всестороннее сравнение трудов Ливия и Вергилия см.: A. Santoro. I problemi della composizione dell' *Enchiridion* di Virgilio. Napoli — R. 1947.

⁴⁶ Quint., X, I, 101; II, 5, 1 (Sen. Suas., 6, 21; Sen. dial., V, 20, 6).

Рима предстает перед нами как сумятица фактов, важное соседствует с ничтожным, декламация заменяет исследование.

Недостатки Ливия — это недостатки римской историографии, даже в своих лучших образцах не поднявшейся до высот, достигнутых Фукидидом и Полибием. Римская младшая анналистика, к которой непосредственно примыкал Ливий, утратила наивность и бесхитрость, какими отличались анналы Кв. Фабия Пиктора, приобрела многословие и развязность, свойственные Феопомпу, Тимею и другим корифеям греческой риторической историографии. Гордясь Полибием и широко пользуясь фактическим материалом его труда, Цицерон и римские историки I в. до н. э. оказались на редкость невосприимчивыми учениками. Уроки написания истории, преподанные Полибием, были плохо ими усвоены. Причина этого — принципиальные установки, из которых они исходили при создании своих трудов.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ТАМ, ГДЕ ЦЕННЕЙШИЕ ДОКУМЕНТЫ...

М. И. Автокротова

Почти каждый историк обращается к архивным источникам. Успех его поисков во многом зависит от того, насколько он ориентирован в фондах архива, знает их состав и содержание. Этому же в значительной степени способствует знакомство исследователей с историей архива, принципами фондирования и систематизации его документов, особенностями научно-справочного аппарата. В Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) постоянно занимаются историки, этнографы, филологи, искусствоведы, специалисты других областей науки и практики, студенты, краеведы. Знание основных этапов формирования архива, его фондов и коллекций, научно-справочного аппарата — вот те путеводные нити, которые могут помочь исследователям при поисках необходимых сведений в огромной массе архивных документов.

В июле 1977 г. ЦГАДА исполнилось 125 лет¹. Он образовался из пяти самостоятельных дореволюционных архивов, которые после Великой Октябрьской социалистической революции были объединены в единое хранилище документов эпохи феодализма. Основу ЦГАДА составляет Московский архив Министерства юстиции (МAMЮ), созданный в 1852 г. для хранения материалов трех архивов, состоявших при московских департаментах Сената: Государственного разрядного архива, Государственного архива прежних вотчинных дел и Государственного Московского архива старых дел². В МAMЮ хранились документы старейших приказов — Разрядного, Печатного, Сибирского, Поместного, Малороссийского, Преображенского, документы Вотчинной, Юстиц-, Камер-, Ревизион-коллегий, ряда контор, канцелярий, а также других центральных учреждений XVIII в., ликвидированных в связи с губернской реформой 1775 года. В течение XIX в. архив пополнился материалами петербургских и московских департаментов Сената, Литовской метрики, а также местных учреждений XVII—XVIII вв. (в связи с судебной реформой 1864 г.). К началу XX в. МAMЮ был самым крупным историческим архивом со сложившимся составом документов, которые хронологически охватывали период с XIV по XIX в. и содержали богатую информацию по экономической, политической и культурной истории России того времени³.

¹ Об истории ЦГАДА см.: А. В. Чернов. Центральный государственный архив древних актов как источник по военной истории Русского государства до XVIII в. «Труды» Историко-архивного института, т. 4, 1948; его же. К истории Поместного приказа (Внутреннее устройство приказа в XVII в.). «Труды» МГИАИ, т. 9, 1957; Ю. Ф. Кононов. Из истории организации и комплектования б. Государственного архива Российской империи. «Труды» МГИАИ, т. 8, 1957; С. О. Шмидт. Царский архив середины XVI в. и архивы правительственных учреждений (опыт изучения описи царского архива). Там же; его же. К истории царского архива середины XVI в. «Труды» МГИАИ, т. 11, 1958; Г. А. Дремина. Центральный государственный архив древних актов СССР (к истории образования архива). Там же; Г. А. Дремина, А. В. Чернов. Из истории Центрального государственного архива древних актов СССР (Государственное древлехранилище хартий и рукописей и Московский архив Коллегии иностранных дел). М. 1959; Г. А. Богуславский. Из истории архива Оружейной палаты. «Исторический архив», 1959, № 2; М. Н. Тихомиров. Значение документальных богатств ЦГАДА для советской исторической науки. «Археографический ежегодник за 1965 год». М. 1966.

² ПСЗ. Т. XXVII, № 26423; ЦГАДА, ф. 237, оп. 1, д. 1, лл. 1—6.

³ См. «Памятная книжка» МAMЮ. М. 1890.

В 1886 г. для МАМЮ было построено первое в России специальное здание⁴, что имело немаловажное значение для улучшения условий хранения сконцентрированных в нем материалов. Возглавленный историком Н. В. Калачовым, а затем Д. Я. Самоквасовым, МАМЮ был не только хранилищем ценных документальных источников, но и центром передовой научной архивоведческой мысли, что заметно выделяло его в условиях существовавшего тогда в России, по выражению Самоквасова, общего «архивного нестроения». Так, в отличие от многих других дореволюционных российских архивов, где использовались формально-логические коллекционные принципы хранения, затрудняющие поиск документов, МАМЮ стремился к сохранению пофондовой системы классификации документов (по исторически отложившимся в деятельности учреждений комплексам). В архиве велись работы по составлению описей и других справочников к документам, а также их издание. С 1869 г. стали выпускаться сборники трудов «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции», где помещались публикации, описи и обзоры документов. Всего вышел 21 том «Описаний». Они до настоящего времени не потеряли справочного значения. Наибольшую информационную ценность имеет помещенное в последних 12 томах описание столбцов Разрядного приказа. В 1890 г. архивом был издан первый путеводитель — «Памятная книжка» Московского архива Министерства юстиции, содержащая краткие сведения о составе документов.

После Великого Октября Коммунистическая партия и Советское правительство приняли меры по сохранению исторических архивов. МАМЮ был передан в ведение Народного комиссариата юстиции⁵. В июле 1918 г. Московский Совет рабочих и солдатских депутатов выдал архиву Охранную грамоту, в которой указывалось, что ввиду особо важного значения архива «как места хранения ценнейшего научно-исторического достояния Российской народной Федеративной республики» все его помещения находятся под охраной и реквизиции и уплотнению не подлежат. Декрет СНК РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела», подписанный 1 июня 1918 г. В. И. Лениным, обосновал новые политические и организационные основы архивного дела в стране⁶. Объединенные в Единый государственный архивный фонд (ЕГАФ), архивы стали общенародным достоянием. Московский архив Народного комиссариата юстиции составил Московское отделение юридической секции ЕГАФ. С этого времени происходит концентрация в архиве разобщенных по разным хранилищам комплексов исторических документов и национализированных частных собраний и превращение его в крупнейшее хранилище письменных источников эпохи феодализма.

В 1920—1925 гг. архив пополнился материалами еще трех крупных архивохранилищ, существовавших до 1918 г. самостоятельно: Московского главного архива Министерства иностранных дел (МГАМИД), Государственного архива Российской империи (Госархив) и Московского дворцового архива. В них находились документы, составляющие ныне наиболее древнюю и особо ценную часть фондов ЦГАДА. История образования этих трех архивов тоже представляет немалый интерес. Основу МГАМИД составили дела старейшего из русских приказов — Посольского, хранившего остатки феодальных архивов XIII—XIV вв., московского великокняжеского, а затем царского архива периода образования Российского централизованного государства⁷. В архиве Посольского приказа, помимо дел по внешнеполитическим связям, находились государственные акты — древнейшие грамоты, акты утверждения царской власти, юриди-

⁴ Инициатором и организатором строительства был управляющий архивом Н. В. Калачов. Московская городская дума предоставила участок земли под двухэтажное здание на Девичьем поле с условием, что в новом хранилище будут находиться документы дореформенных городских учреждений Москвы. Для конца XIX в. здание МАМЮ, построенное по проекту академика архитектуры А. И. Тихообразова, являлось «последним словом строительной архивной техники» (И. Л. Маяковский. Н. В. Калачов как архивист (Из истории русского архивоведения, 1860-е — 1880-е гг.). «Труды» Историко-архивного института, т. 4. В нем на Б. Пироговской улице в Москве ныне размещается ЦГАДА.

⁵ ЦГАДА, ф. архива, 1918 г., д. 2, лл. 21—24.

⁶ «Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917—июнь 1941)». М. 1961, стр. 12—13.

⁷ См. Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. 1. М. 1948; его же. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв. М.-Л. 1950.

ческие памятники и другие. Он считался придворным и неоднократно описывался. Наиболее ранней из дошедших до нас является опись Царского архива XVI в., сохранившаяся в рукописи второй половины XVI в. в собрании Рукописного отдела Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. В ЦГАДА имеются описи дел Посольского приказа 1614 г.⁸ и 1626 года⁹. Есть сведения, что описание архива Посольского приказа проводилось также во второй половине XVII в. и в начале XVIII века¹⁰.

В 1720 г. дела Посольского приказа и возникшей в 1709 г. Посольской канцелярии поступили в ведение созданной в связи с образованием коллегий Московской конторы Коллегии иностранных дел. По указу 1724 г. для хранения материалов упраздненного Посольского приказа, Посольской канцелярии и дел Московской конторы Коллегии иностранных дел при ней был создан «Генеральный архив старых государственных дел». С. К. Богоявленский считал, что с этого времени ведет свое официальное начало Московский архив Коллегии иностранных дел (МАКИД)¹¹. В нем хранились документы дипломатического характера, образовавшиеся в процессе деятельности Посольского приказа, о взаимоотношениях России с европейскими и восточными странами с конца XV в., а также с нерусскими народами, вошедшими в состав России. Здесь же находились дела приказов — Смоленского, Литовского, Малороссийского и четвертей (финансовых приказов) — Новгородской, Владимирской, Галичской, Устюжской, связанных с Посольским приказом общим делопроизводством и содержащих сведения по социально-экономической истории России XVI—XVII веков.

В 1832 г. в связи с преобразованием Коллегии иностранных дел в министерство Московский архив Коллегии иностранных дел получил новое название — Московский главный архив Министерства иностранных дел (МГАМИД), под которым он просуществовал до 1918 года. Архив осуществлял публикацию источников по истории России. Еще в конце XVIII — начале XIX в. был составлен ряд обзоров и подготовлены публикации дипломатических и других документов. Издание многих из них было осуществлено уже в XIX столетии¹². Большая заслуга принадлежит здесь управляющим этим архивом историкам-архивистам Г. Ф. Миллеру и Н. Н. Бантыш-Каменскому, а затем А. Ф. Малиновскому, М. А. Оболенскому, С. В. Белокурову. Известный просветитель Н. И. Новиков, пользуясь разрешением правительства «списывать копии со старинных посольств» и «разных обрядов» из материалов архива, поместил несколько документов в «Древней Российской Вивлиофике»¹³. С 1811 г. при архиве начала работать «Комиссия печатания государственных грамот и договоров», которая уже в 1813—1822 гг. издала три тома «Собрания государственных грамот и договоров», включавших древнейшие грамоты и другие материалы, относящиеся как к внутренней, так и внешнеполитической истории России. Комиссия существовала при архиве на протяжении XIX — начала XX в. и подготовила ряд публикаций¹⁴, которые сыграли положительную роль в развитии исторической науки.

В основу классификации и хранения материалов в МГАМИД был положен формально-логический коллекционный принцип без учета исторически сложившейся принадлежности документов к определенным учреждениям-фондообразователям. Так, материалы Коллегии иностранных дел по внутреннему управлению, в том числе и документы соединенных с Посольским приказом четвертей и других приказов, были объединены (без какого-либо деления на фонды учреждений или их структурные части) в одну большую коллекцию «Приказные дела старых лет»; таким же образом

⁸ «Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г.». М. 1960.

⁹ ЦГАДА, ф. 138 (Дела о Посольском приказе и о служивших в нем), оп. 3, дд. 1, 2.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 15 (Дипломатический отдел), д. 203а.

¹¹ С. К. Богоявленский. 200-летие бывшего Московского главного архива Министерства иностранных дел. «Архивное дело», вып. II, 1925, стр. 72—73.

¹² См. Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Чч. I—IV. М. 1894—1902.

¹³ Сведения об этих публикациях см.: «Государственное древлехранилище хартий и рукописей». Опись документальных материалов фонда № 135. М. 1971, стр. 9—167.

¹⁴ «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел». Чч. I—5. М. 1813—1894.

создана коллекция «Приказные дела новой разборки»; был образован ряд тематических коллекций, таких, как «Дела, относящиеся до образования различных государственных учреждений», «Духовные дела иностранных исповеданий», «Розыскные дела» и другие, сохранившиеся до настоящего времени. Поскольку с созданием коллекций нарушались исторические связи документов, поиск в них необходимых сведений сопряжен с большими трудностями¹⁵.

На протяжении XIX в. состав документов МГАМИД изменялся мало. В связи с образованием в 1853 г. особого отделения Оружейной палаты — «Государственного древлехранилища хартий, рукописей и печатей» туда было включено более 800 древнейших документов МГАМИД, которые стали основой «Древлехранилища»¹⁶. В 1882 г. по ходатайству директора МГАМИД Ф. А. Бюлера «Древлехранилище» передали в МГАМИД. В него поступил и хранившийся до того в архиве Оружейной палаты подлинный столбец «Соборного уложения» 1649 г. в специально изготовленном в 1762 г. серебряном позолоченном ковчеге. При перестройке архивного дела после Октябрьской революции документы МГАМИД были включены в состав Секции законодательства, верховного управления и внешней политики ЕГАФ, а затем в Государственный архив РСФСР.

Крупным комплексом исторических документов, вошедших в состав ЦГАДА, является Государственный архив Российской империи, учрежденный в 1834 г. для хранения особо важных политических и государственных дел¹⁷. Еще в 1784 г. А. А. Безбородко, И. А. Остерманом был выдвинут проект основания при Петербургском архиве Коллегии иностранных дел недиبلوماسيةкого отдела, где должны были концентрироваться дела по истории дома Романовых, а также документы ликвидированных высших правительственных учреждений и учреждений политического розыска¹⁸. В то время этот проект не был осуществлен. Однако уже в 1801 г. в Петербургский архив КИД начали поступать документы такого рода. Сюда были переданы бумаги личного Кабинета Екатерины II, архива канцлера А. А. Безбородко, из личных кабинетов Павла I и Александра I и других представителей дома Романовых, Кабинета Петра I, документы Э.-И. Бирона, Б.-К. Миниха, А. И. Остермана, Г. А. Потемкина, И. И. и Н. И. Паниных, содержащие сведения о важнейших событиях общественной и государственной жизни XVIII века. Среди этих поступлений следует особо отметить документы о Крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева, в том числе следственное дело Пугачева из Тайной экспедиции Сената, дела Московской, Казанской, Оренбургской и Яицкой следственных комиссий над участниками движения. Все эти дела ввиду их особой важности хранились в запечатанных пакетах. Здесь же были документы о действиях карательных войск по подавлению восстания (из архива П. И. Панина) и другие материалы, являющиеся самым крупным и наиболее ценным в нашей стране собранием источников, относящихся к истории этой Крестьянской войны.

В Государственном архиве были сконцентрированы дела высших правительственных учреждений России XVIII в. — Верховного тайного совета, Кабинета министров, Конференции при высочайшем дворе, а также учреждений политического розыска XVII — XVIII вв.: Приказа тайных дел, Тайной канцелярии, Преображенской канцелярии, Тайной экспедиции Сената¹⁹ и других, содержащие большой фактический материал о деятельности этих учреждений по укреплению самодержавно-крепостнической власти и подавлению различных антиправительственных выступлений. В частности, здесь находились дела о политических процессах XVIII в., в том числе над А. Н. Радищевым, Н. И. Новиковым, Ф. В. Кречетовым. В 1834 г. сформированное таким образом по личному распоряжению царя хранилище стало именоваться Петербургским государственным архивом МИД²⁰, за которым в более поздней литературе закреп-

¹⁵ Разделение материалов на коллекции в основном было проведено в конце XVIII — начале XIX в., то есть в период существования МАКИД. Уже в середине XIX в. чиновники МГАМИД критически оценивали принятую их предшественниками систему хранения материалов.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 180 (Канцелярия МГАМИД), оп. 10, дд. 1, 2, 13 и др.

¹⁷ Подробнее см.: Ю. Ф. К о н о н о в. Указ. соч.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 31, д. 38.

¹⁹ Там же, д. 1031, ч. 1.

²⁰ Там же, д. 38, лл. 10—11.

лось название Государственного архива Российской империи (что в принципе соответствует составу и содержанию его материалов).

В процессе комплектования Государственного архива из разных хранилищ в него поступило около 60 тыс. дел, отражающих различные стороны общественной и государственной жизни России: классовую борьбу, социально-экономические вопросы, историю науки, культуры и др.²¹ Среди 300 учтенных поступлений Государственного архива наряду с фондами учреждений (например, бумаги Кабинета Петра I) было значительное количество отдельных частей фондов, отложившихся в процессе работы учреждений, государственных и общественных деятелей. Поэтому с самого начала большую важность имел вопрос их систематизации. Чиновниками архива, как и ранее их московскими коллегами, был избран ошибочный с точки зрения современного архивоведения путь создания коллекций, в результате чего, как и в МГАМИД, исторически сложившиеся фонды за небольшим исключением были перемешаны и разбиты на 31 разряд (отдел). Это крайне затрудняет, а иногда и мешает установить происхождение многих документов, их принадлежность к тому или иному фондообразователю — учреждению или лицу. В 1864—1871 гг. было проведено описание дел по разрядам²², получившим названия по основной тематике содержащихся в них документов: «Уголовные дела по государственным преступлениям», «Внутреннее управление», «Финансы», «Дела военные», «Наука, литература, искусство» и т. д. Некоторые фонды не были разбиты и уцелели полностью: Кабинет Петра I (разряд IX), Приказ Тайных дел (разряд XXVII) и немногие другие.

В 1917 г. по указанию Временного правительства большую часть Государственного архива вывезли в Кирилло-Белозерский монастырь. Советское правительство приняло меры к сохранению этого важного исторического архива. В 1919—1922 гг. его материалы были перевезены в Москву и включены в состав МГАМИД. В 1925 г. МГАМИД и Государственный архив были объединены с Московским отделением юридической секции ЕГАФ и образовали «Древлехранилище Московского отделения Центрального исторического архива». Еще в 1921 г. в состав Московского отделения юридической секции ЕГАФ вошел комплекс документов бывшего Московского дворцового архива, основанного в 1869 г. под названием «Московское отделение Общего архива Министерства императорского двора» для хранения фондов дворцовых учреждений до 1800 г., находившихся в Москве, — архива Оружейной палаты²³ и Московской дворцовой конторы. В составе архива Оружейной палаты находились документы старинных московских приказов — Казенного, ведавшего царской казной с XVI в. до начала XVIII в., Приказа золотого и серебряного дела, Приказа Большого дворца, в подчинении которого находились дворцовые волости, непосредственно самой Оружейной палаты и пр. В начале XX в. Московский дворцовый архив представлял собой крупное хранилище документов — столбцов, книг, дел по истории дворцового хозяйства и быта, социально-экономическому положению дворцовых крестьян, организации ремесла с XVI в., истории науки, культуры, живописи, архитектуры, театра. Размещался он в Троицкой башне Московского Кремля.

Систематизация материалов в Московском дворцовом архиве и организация их хранения также строились по коллекционному принципу. В 1867 г. Г. В. Есиповым²⁴ было закончено составление описи собрания столбцов архива Оружейной палаты. Другим чиновником архива, А. Е. Викторовым, было подготовлено и в течение 1877—1883 гг. издано «Описание записных книг старинных дворцовых приказов», которое было продолжено А. И. Успенским. Все эти описи сохранили свое справочное значение до настоящего времени. После Октябрьской революции Московский дворцовый архив был передан в состав I секции ЕГАФ и в 1921 г. перемещен в здание МАМЮ. Сюда же в течение 1919—1925 гг. поступили национализированные вотчинные, родовые и личные архивы Шереметевых, Воронцовых, Строгановых, Демидовых, Юсуповых и др., а в 1926—1930 гг. — фонды крупнейших монастырей за XV — начало XX века. В 1931 г. «Древлехранилище Московского отделения Центрального ис-

²¹ Ю. Ф. Кононов. Указ. соч., стр. 346.

²² Из отчета о работе Государственного архива за 1871 г.: ЦГАДА, ф. 31, д. 1202.

²³ Подробнее об архиве Оружейной палаты см.: Г. А. Богуславский. Указ. соч.

²⁴ С 1869 г. — директор Московского дворцового архива.

торического архива» было преобразовано в самостоятельный Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ).

Последнее крупное пополнение архива произошло в 1938—1940 гг., когда в его состав был включен пятый комплекс документов — Центральный Межевой архив, который существовал самостоятельно с 1768 года²⁵. Он содержал делопроизводственные и картографические документы по истории межевания земель России за XVIII—XIX вв., снабженные хорошим научно-справочным аппаратом. Именно в материалах этого архива находятся «Экономические примечания к Генеральному межеванию» по уездам с 1778 по 1843 г., содержащие те подробные сведения по истории, экономике, географии населенных мест — деревень, сел, городов, которые в настоящее время так широко используются историками²⁶. Наконец, в 1941 г. было утверждено Положение о Государственном архивном фонде СССР, по которому архив стал называться Центральным государственным архивом древних актов.

Советские историки-архивисты получили от своих дореволюционных предшественников неупорядоченное документальное наследство. Так, многие фонды МАМЮ (в частности, местных учреждений XVII—XVIII вв. — приказных изб, воеводских и провинциальных канцелярий и др.), некоторых центральных учреждений XVIII в. не были описаны или имели неудовлетворительные сдаточные описи; документы хранились в связках без должного учета; много материалов находилось в состоянии россыпи; десятки тысяч столбцов XVII в. не были развернуты, а следовательно, не могли использоваться. Национализированные фамильные фонды, а также многие фонды монастырей не имели научно-справочного аппарата. В 1920-е—1930-е годы сотрудники архива провели огромную работу по разборке, приведению в порядок и описанию материалов, налаживанию их учета и организации использования. Этот труд был прерван Великой Отечественной войной. Ценнейшая часть материалов ЦГАДА была эвакуирована, а затем в 1943—1944 гг. возвращена в Москву. Потребовалось много сил для восстановления нарушенного порядка хранения материалов, их рационального размещения, реставрации, дезинфекции. Одновременно продолжалось составление описей необработанных фондов. Только за 1946—1952 гг. сотрудниками архива было уложено в коробки около 2 млн. дел, организована реставрация более 1,5 млн. листов документов, описано около 300 тыс. дел. Уже в 1946—1947 гг. были изданы два тома путеводителя ЦГАДА, подготовленного коллективом авторов под руководством В. Н. Шумилова (работа над путеводителем, начатая перед войной, не прекращалась и во время пребывания части архива в эвакуации).

Проводилось также уточнение профиля архива. В 40-е—50-е годы в областные государственные архивы РСФСР передавались комплексы фондов местных учреждений, созданных по административным реформам 1775 г. и 1779 г.; в Архив внешней политики России МИД СССР — материалы Коллегии иностранных дел с 1720 г.; в ЦГИА СССР — материалы Сената за XIX в.; в бывший ЦГИАМ СССР (ныне в составе ЦГАОР СССР) — материалы Библиотеки Зимнего дворца; некоторые личные фонды — в ЦГВИА СССР и ЦГАЛИ СССР. В настоящее время в состав ЦГАДА входят документы, отражающие историю России с древнейших времен и образовавшиеся в процессе деятельности: а) учреждений верховного и центрального управления Русского государства и Российской империи вплоть до административных реформ конца XVIII — начала XIX в., за исключением документов коллегий — Иностранной, Военной и Адмиралтейства²⁷; б) учреждений местного управления Русского государства и Российской империи, существовавших на современной территории РСФСР и упраздненных по административным реформам 1775—1779 гг.; в) центральных межевых учреждений России XVIII, XIX и начала XX в., осуществлявших генеральное и специальное межевание земель; г) государственных и общественных деятелей, деятелей науки и культуры России до начала XIX в. (исключая деятелей литературы и искусства). В архиве хранятся исторически сложившиеся коллекции письменных памятников исто-

²⁵ В. Герасимюк. Краткий исторический очерк Центрального Межевого архива. 1768—1938 гг. «Архивное дело», 1939, № 51.

²⁶ См., например, Л. В. Милов. Исследование об «Экономических примечаниях к Генеральному межеванию». М. 1965.

²⁷ Эти документы хранятся соответственно в АВПр МИД СССР, ЦГВИА СССР и ЦГАВМФ СССР.

рин, науки, культуры и быта русского и других населявших Россию народов периода феодализма; документальные материалы помебно-вотчинных, родовых и монастырских архивов, имеющие общероссийское значение. Сейчас в ЦГАДА находится более 3 млн. дел с XI в. до 1917 г., и он является основной источниковой базой для разработки вопросов отечественной истории периода феодализма и важным хранилищем документов по истории капитализма. По ценности сконцентрированных в нем документов архив относится к числу выдающихся сокровищниц мировой культуры²⁸.

Истинным богатством архива является уникальное собрание памятников актовой письменности XIII—XV вв. и документов государственных учреждений России XVI—XVIII вв., позволяющее проследить события внутренней и внешнеполитической жизни, процесс складывания Русского централизованного государства, развитие экономики, культуры, социально-экономических отношений и т. д. В ЦГАДА хранятся договорные, духовные, жалованные грамоты XIII—XV вв., самой ранней из которых является договорная грамота Новгорода Великого с вел. кн. Владимирским и Тверским Ярославом Ярославичем (братом Александра Невского) 1264 года²⁹. Большой научно-исторический интерес и уникальную художественную ценность представляет жалованная грамота вел. кн. Рязанского Олега Ивановича 1372 г. Ольгову монастырю на село Арестовское. Это единственная для XIV—XV вв. княжеская грамота, украшенная цветными лицевыми миниатюрами.

В составе остатков Московского великокняжеского архива до нашего времени дошли подлинные духовные грамоты (завещания) вел. князей московских Ивана Даниловича Калиты (1339 г.), Дмитрия Ивановича Донского (1389 г.) — с личной серебряной печатью князя, других князей, жалованные грамоты на земли, крестоцеловальные и поручные записи на верность и иные уникальные исторические источники XIV—XVI веков. Значительная часть этих документов сконцентрирована в коллекции «Древлехранилище». Там же находятся уникальные законодательные памятники XI—XVII вв.: «Русская правда» в списке XIV в. (из библиотеки А. И. Мусина-Пушкина); единственный известный список начала XVI в. «Судебника» Ивана III 1497 г. — первого кодекса феодального права Русского централизованного государства, обнаруженный в 1817 г. Н. В. Строевым в собрании Новоиерусалимского Воскресенского монастыря. Здесь же хранится один из ранних списков начала XVII в. «Судебника» 1550 г., а также подлинный столбец «Соборного уложения» 1649 г. длиной в 309 м с подписями 315 членов Земского собора.

Широко представлены в ЦГАДА документы по социально-экономической истории России XVI—XIX веков. Писцовые, переписные, дозорные, межевые книги XVI—XVII вв. из фонда Поместного приказа содержат сведения по истории землевладения по 52 городам (и уездам) России с XVI в. до 1719 г.; жалованные, тарханские, несудимые грамоты XIV—XVII вв. из коллекции «Грамот Коллегии экономии», из фондов монастырей, вотчин и других собраний архива; материалы приказов по истории крестьянства и феодальной собственности на землю в XVI—XVII вв.; документы переписей XVIII в. (воеводские, ландратские переписи населения городов и уездов 1705—1718 гг. и ревизские сказки первых трех ревизий населения России с 1719 по 1765 г.); документы из фондов Сената, Вотчинной коллегии, других центральных и местных учреждений; помебно-вотчинные фонды Шереметевых, Строгановых, Демидовых, Щербатовых, Воронцовых, Шуваловых, Гагариных и других крупных феодалов содержат ценные сведения по истории крепостного хозяйства и землевладения, о положении крестьян, холопов и дворовых людей.

К числу важных источников социально-экономической истории относятся кабальные книги, характеризующие процесс закабаления (похолопления) свободных людей. В ЦГАДА хранится ценнейший комплекс новгородских кабальных книг конца XVI—XVII века. Приведем отрывок из списка одной из служилых кабал 1648 г.: «Се яз Никула Леонтьев сын Огородник, новгородец, дал есми запись новгородским гостем Семену да Ивану Ивановичем Стояновым в том, что есть мне, Никуле, отдать им кабального и бескабального долгу пятьдесят рублей и мне, Никуле, того своего дол-

²⁸ О значении документальных богатств ЦГАДА для советской исторической науки см.: М. Н. Тихомиров. Указ. соч.

²⁹ Л. В. Черепнин в книге «Русские феодальные архивы XIV—XV веков» (ч. I, стр. 254—262) датирует эту грамоту 1262—1263 годами.

гу пятьдесят рублей платить им нечим, и я, Никула, за тот свой долг... отдал им, новгородским гостем... во двор детей своих сына своего Сеньку, да другого маленькова на другом годку Ивашка, да трех дочерей своих: Наталку, да Оксюшку, да Овдотьицу; служить им, детям моим всем, у них во дворе до их смерти и всякая работа работати, чеве они заставят, и быть им, детем моим у них в послушании и в покорении; вольно им Семену Ивановичу и Ивану Ивановичу тех детей моих смирять всяким смиреннем за вину и ото всякого дурна унимать... А мне тех своих детей поить и кормить, одевать и обувать нечим...»³⁰.

В документах ЦГАДА содержится информация о социально-экономическом развитии районов, городов, сел России и первые упоминания населенных мест. Эти же сведения, помимо фондов Поместного приказа, «Древлехранилища», «Грамот Коллегии экономии», содержатся в фондах Сибирского, Разрядного, Посольского приказов, Новгородской, Устюжской, Владимирской, Галичской четвертей и других московских приказов, ведавших различными отраслями государственного управления в XVI — начале XVIII века. В фондах центральных учреждений, особенно приказов, сохранилось большое количество документов местных учреждений, присланных для отчета. Поэтому мы находим здесь переписные книги тяглого населения, прихода-расходные книги приказных изб, сметные и пометные воеводские списки, оброчные, окладные и приходные книги, росписные воеводские списки и другие важные источники по местной истории.

В качестве примера приведем отрывок из «Росписного списка Смоленска приема воеводы кн. Б. Ф. Долгорукого у воеводы И. И. Головина», составленного в марте 1694 года. По нему можно судить о характере сведений, содержащихся в такого рода источниках: «Стольник и воевода князь Борис Федорович Долгорукой принял у окольного воеводы у Ивана Ивановича Головина с товарищи в городе Смоленску в Приказной полате... великих государей печать княжества Смоленского и ключи городовые, и списки смоленского розряду генералом, и полковником, и смоленской шляхты, и начальным всяких чинов людям, и смольняном городовым, и рейтаром, и солдатом, и стрельцом, и пушкарям, и мещанам, и всяких чинов житецким людям; и книги приходные и расходные... денежной казне и хлебным запасом, и соли, и пушечным всяким припасом и денсжную казну; и великих государей указыные грамоты о всяких их, государевых и о челобитчиковых делах и всякие приказные челобитчиковы судные вершенные и невершенные дела; и по городу Смоленску и в пушечных анбарех наряд, и в казенных погребах зернь и свинец и всякие пушечные припасы, и в анбарех же рейтарское и стрелецкое ружье и всякой ратной строй; и в житницах хлебные запасы, и в соляных анбарех запасную соль, и городского дела лесные всякие припасы, а что принято и то писано в сем списке. Город Смоленск, а какова городовая стена в вышину и в толщину и что по городу проезжих ворот и глухих башен и иных каких крепостей; и какова которая башня мерою и что от башни до башни городской стены по мере сажень и на скольких саженьях земляного валу; и каков около города ров и что рву глубина и ширина и каковы в городе тайники и колодези и то писано в прежних росписных списках. Великих государей и царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича... печати Отчины города Смоленска в кавчеге... А тот ковчег в ящичке, а ящик обит по красной коже прорезным железом... Две книги печатные, одна Соборное уложение, а другая кормчая; два сукна красных багрецовых, третье сукно красное ветчаное, чем покрывают стол; две чернилицы с песошницами...». Далее на 309 листах дается описание принятого города, в том числе — подробная опись архива приказной избы, и приводятся другие любопытные сведения³¹.

ЦГАДА располагает комплексом источников, характеризующих зарождение и развитие капиталистических отношений в России, состояние промышленности и торговли в XVII—XIX вв., а также торговую политику русского правительства в XVII—XVIII веках. Многочисленные сведения по этой важной проблеме содержатся в фондах Кабинета Петра I, Сената, Берг-, Мануфактур-, Камер- и Коммерц-коллегий, Главного магистрата, таможен, в личных фондах Демидовых, Строгановых, Гагариных, Шереметевых и других крупнейших дворянских фамилий, владевших заводами, фабриками, приисками по всей территории России.

³⁰ ЦГАДА, ф. 137, Новгород, 1647 г., кн. 35, лл. 40—43 об.

³¹ Там же, ф. 145, оп. 1, кн. 36, лл. 1—309.

Особую ценность представляют документы ЦГАДА о положении трудящихся масс, их сопротивлении всем формам феодального и капиталистического угнетения. В архиве хранится основная масса документов по истории крестьянских войн под предводительством И. И. Болотникова, С. Т. Разина, К. А. Булавина, Е. И. Пугачева, о городских восстаниях XVII в., об антифеодальных выступлениях работных людей на государственных и частновладельческих заводах и приисках, о других классовых выступлениях XVIII — XIX веков. Эти документы находятся в делах Разрядного, Преображенского и других приказов, Сената, Берг-коллегии, Кабинета Петра I, Приказа Тайных дел, Тайной канцелярии, Тайной экспедиции Сената, Казанской и Оренбургской следственных комиссий по делу Е. И. Пугачева, в личных, монастырских и поместно-вотчинных фондах, в делах местных учреждений — приказных изб, воеводских и провинциальных канцелярий. Так, в материалах Оренбургской следственной комиссии по делу Пугачева (в частности, в допросах его сподвижников) содержатся интересные сведения, характеризующие личные качества предводителя Крестьянской войны: Пугачев «во всякое время, когда выезжал на сражении или располагал быть где оному, то надевал на себя простое казачье платье... и по неустрашимости своей всегда был наперед и подавал собою пример прочим; также знал он правильно, как палить из пушек и из других орудий и указывал всегда сам канонерам, которые были все из русских солдат и казаков»³².

Уникальное значение имеют документы, вышедшие из среды восставших: такие, например, как манифесты и указы Пугачева, его Военной коллегии и сподвижников, «прелестные» грамоты И. И. Болотникова и С. Т. Разина, отражающие мировоззрение участников крестьянских войн. Вот текст единственного сохранившегося «прелестного» письма от имени Разина к народу: «Грамота от Степана Тимофеевича от Разина. Пишет вам Степан Тимофеевич всей черни. Кто хочет богу, да государю послужить, да и великому войску, да и Степану Тимофеевичю, и я выслал казаков. И вам бы за одно изменников выводить и мирских кравопивцов выводить. И мои казаки како промысл станут чинить и вам бы иттить к ним в совет, и кабальные, и опальные шли бы в полк к моим казакам»³³.

В ЦГАДА содержится большой комплекс материалов о взаимоотношениях России с другими странами в XV—XVIII веках. Основная масса дипломатических документов архива сосредоточена в фонде Посольского приказа. Они свидетельствуют о широких международных связях России в XVII—начале XVIII в. со странами Европы: Англией, Австрией, Испанией, Францией, Польшей, Швецией, Данией, Голландией, с итальянскими государствами, немецкими городами и землями, а также с Ираном, Турцией, Китаем и рядом других государств³⁴. Статейные списки (отчеты) послов о поездках с дипломатическими миссиями в зарубежные страны представляют собой необычайно интересные по содержанию, форме и колориту документы, в которых, помимо официальных итогов посольства, излагались сведения о внутренней и внешней политике государств, путевые впечатления и др. Вот как записал одно из своих впечатлений о французском народе и о Париже П. И. Потемкин, возглавлявший русское посольство в Испанию и Францию в 1667—1669 гг.: «Люди во французском государстве человечны и ко всяким наукам к философским и к рыцарским тщательны. И из иных государств во французскую землю, в город Парис и в иные города приезжают для науки философской и для учения ратного строю королевичи великородные и всяких чинов люди, потому что город Парис великой и многолюдной и богатой и школ в нем безмерно много. Студентов в Парисе бывает тысячь по тридцать и больше»³⁵.

В фондах архива можно найти ценные сведения по истории народов, в разное время вошедших в состав России. Здесь документы о борьбе украинского народа за свою независимость в XVII в. и о воссоединении Украины с Россией в 1654 г.; о башкирских восстаниях XVII—XVIII вв.; материалы по истории народов Казахстана, Сибири, Кавказа. В архиве хранится собственноручное письмо Богдана Хмельницкого царю Алексею Михайловичу от 8 июня 1648 г. о желании украинского народа воссоеди-

³² Из показаний секретаря повстанческой Военной коллегии М. Д. Горшкова (там же, ф. 6, д. 508, ч. II, л. 92 об.).

³³ Там же, ф. 210, Белгородский стол, ст. 687.

³⁴ См. Н. Н. Бантыш-Каменский. Указ. соч.

³⁵ ЦГАДА, ф. 93, оп. 1, кн. 5, лл. 476 об.—477.

ниться с Россией³⁶. Материалы фондов Сибирского приказа, Якутской приказной избы, экспедиций Академии наук XVIII в. из фондов Сената и Госархива в ряде случаев являются единственными источниками по истории народов, не имевших ранее своей письменности. Документы архива позволяют проследить историю государственного аппарата России с XVI до конца XVIII века. Они наглядно показывают основную функцию государства как машины «для поддержания господства одного класса над другим»³⁷.

В архиве хранятся документы, отражающие деятельность Петра I по преобразованию государственного аппарата России, — его указы, распоряжения, записки, письма. «Надлежит обретающимся в Сенате, Синоде, коллегиях, канцеляриях и во всех судебных местах всего государства, — говорится в одном из именных указов Петра от 22 января 1724 г., — ведать все уставы государственные и важность их, яко первое и главное дело, понеже в том зависит правое и незазорное управление всех дел. И каждому для содержания чести своей и убеждения от впадения неведением в погрешение и в наказание должно. И дабы впредь никто неведением о государственных уставах не отговаривался, как учинилось от некоторых из Сената в прошлом, 1722-м году, в 31 день октября, в Сенате в деле Шафирова, что неведением про указ наш, которой им тогда обер-прокурор читал, а они не вняли и учинили противность в Сенате, которым не помогло ж то неведение, но штрафованы отнятием чинов на время и арестом и денгами. И для того отныне, ежели о каком указе где при каком деле помянуто будет, а кто в то время не возмет того указа смотреть и пренебрежет, а станет неведением после отговариватца, таких наказывать: впервые отнятием чина на время и штрафу год жалованья; в другой ряд третьєю долею всего движимого и недвижимого имения; в третьей раз лишением всего имения и чина вовсе»³⁸.

А вот одно из самых ранних писем Петра I, написанное 14 августа 1693 г. из Архангельска, куда он ездил по делам, связанным со строительством флота: «Государыне моей матушке, царице Наталье Кирилловне. Изволила ты писать ко мне с Васильем Соймоновым, что я тебя, государыня, опечалил тем, что о приезде своем не отписал; и о том и ныне подлинно отписать не могу; для того, что даждаюсь кораблей; а как ане будут, о том никто не ведает, а ожидают вскоре, потому что больше трех недель отпущены из Амстердама; а как они будут, и я искупя что надобет, поеду тот час день и ночь. Да о единой милости прошу: чего для изволишь печалитца обо мне? Изволила ты писать, что предала меня в паству матери божией: и такова пастыря имеючи, почто печаловать? Тоя бо молитвами предстательств[в]ом петочию я един, но и мир сохраняет господь. За сем благословения прошу. Недостойный Петрушка»³⁹.

Материалы архива характеризуют также деятельность высшего государственного учреждения России XVIII в. — Сената. Вот документ, отражающий падение престижа этого органа при Анне Ивановне: запись, сделанная в одном из дел Кабинета Е. И. В.: «1738 декабря 11 дня призван в Кабинет Е. И. В. Сенатской обер-прокурор Соймонов, которому объявлено, что ее императорскому величеству известно учинилось, что господа сенаторы в присутствии своем в правительствующем Сенате не благочинно сидят, и когда читают дела, они тогда об них не внимают для того, что имеют между собою партикулярные разговоры и при том крики и шумы чинят. А потом велят те дела читать вновь, отчего в делах продолжение и остановка чинится. Тако же в Сенат приезжают поздно и не дела слушают, но едят сухие сметки, крендели и ряпчики, и указных часов не высиживают. А обер-прокурор Соймонов в том им по должности своей не воспрещает, и ежели кто из сенаторов предложения ево не послушал, на них не протестует. Того ради ее императорское величество указала объявить ему со гневом и дабы впредь никому в том не упущал, но о скорейшем исправлении дел труд и радение имел. А ежели кто из сенаторов что противно будет чинить, о том бы протестовал и записывал в журнал и всеподданнейше ее императорскому величеству доносил»⁴⁰.

³⁶ Там же, ф. 124, д. 28, лл. 1—2.

³⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 73.

³⁸ ЦГАДА, ф. 1451, оп. 1, кн. 18, лл. 81—81 об.

³⁹ Там же, ф. 4, д. 1, л. 3.

⁴⁰ Там же, ф. 248, оп. 35, кн. 2176, лл. 53—53 об.

Источники ЦГАДА по истории общественно-политической мысли, науки, литературы, искусства, просвещения в России с XI по XIX в. сосредоточены в рукописных собраниях МГАМИД, Синодальной типографии⁴¹, М. А. Оболенского, Ф. Ф. Мазурина и других, в фондах Оружейной палаты, Приказа книгопечатного дела, Сената, дворцовых учреждений, в коллекциях Госархива, «Приказных дел старых лет» и др. и характеризуют историю зарождения и развития многовековой культуры русского и других народов нашей страны. В архиве хранится одно из ценнейших в стране собраний памятников древнерусской письменности и литературы. Древнейшая среди рукописных книг ЦГАДА и одна из наиболее древних в стране — известная «Саввина книга»: евангелие, переписанное в начале XI в. попом Саввой, оставившим свой автограф на полях пергаменной рукописи — «Поп Савва писал». Широко известен Сильвестровский сборник житий XIV в., содержащий один из ранних списков «Сказания о Борисе и Глебе» с 46 цветными миниатюрами. Там же находятся многие русские летописи в списках XV—XVIII вв., в том числе один из ранних летописных сводов — Софийская первая летопись в списке XV в., наиболее полный список Никоновской летописи из собрания Оболенского в списке XVII в., содержащий первое упоминание о Москве под 1147 годом. В Софийской второй летописи XVI в. помещен текст знаменитого «Хождения за три моря» в Индию тверского купца Афанасия Никитина.

В составе рукописного собрания МГАМИД хранится редкий рукописный экземпляр «Космографии» XVI в. немецкого географа Г. Меркатора, переведенной на русский язык в 1637 г. переводчиком Посольского приказа Богданом Лыковым с «товарищем» Иваном Дорном. В другом фонде — «Приказных делах старых лет» находятся две челобитные Богдана Лыкова, поданные царю в период работы над переводом. В первой из них, говоря, что он находится у «государева дела», «у переводу книги латынские полные Козмографии», Лыков просит дать ему жалованье, так как за ним ни «поместья», ни «вотчинки» нет и «питатца» ему нечем. Царь «пожаловал» его, дал «подеенного корму по два алтына». В другой челобитной Лыков пишет: «По твоему государеву указу перевожу я, холоп твой, книгу латынскую Козмографию с Иваном Дорном и тот Иван Дорн стоит на Новгородском подворье, а я, холоп твой, стою за Тверскими вороты в Гонной слободе и мне, холопу твоему, к тому Ивану Дорну для твоего государева дела бродить рано и поздно далеко и пристрашно» и просит отвести ему «дворик» в Китай-городе, «чтоб твоему государеву делу в моей дальней бродни мешкотни не было». Видимо, придавая большое значение работе по переводу «Космографии», царь приказал дать Лыкову «постой» в Китай-городе.

Ценные документы по истории русской культуры имеются в составе личных фондов ЦГАДА, в которых за последние годы учеными и сотрудниками архива найдены многие интересные документы. Так, большой общественный резонанс получила находка в 1970 г. И. М. Ободовской и М. А. Деметьевым в фонде Гончаровых ранее неизвестного письма А. С. Пушкина 1833 г. к Д. Н. Гончарову, а также их исследовательская работа по выявлению, переводу с французского языка и изданию писем сестер Гончаровых, в том числе Н. Н. Пушкиной, по-новому осветивших образ жены великого поэта и сообщивших много ранее неизвестных данных о жизни семьи Пушкиных в Петербурге. В 1976 г. в фонде Мусиных-Пушкиных научный сотрудник ЦГАДА А. В. Маштафаров обнаружил весьма интересный, но позабытый документ — мемуары С. В. Мещерской, внучки (по матери) известного собирателя рукописей А. И. Мусина-Пушкина. Эта небольшая тетрадка в синей обложке (20 л.) содержит воспоминания о Мусине-Пушкине и его многочисленной семье, а самое главное — семейное предание о том, что подлинник «Слова о полку Игореве» не погиб при московском пожаре 1812 года. Вот что пишет об этом Мещерская: «1812 год надвинулся и тревожно отразился на всех; уезжая на лето в Ярославское имение, когда уже предвиделось вторжение наполеоновских полчищ в Россию, но еще казалось невозможным поражение Москвы, граф из предосторожности убрал драгоценные свои коллекции и

⁴¹ Рукописные собрания МГАМИД и Синодальной типографии начали складываться еще с середины XVII в., первое при Посольском приказе, второе при Московском печатном дворе. Рукописное собрание Синодальной типографии — одно из крупнейших в стране по количеству содержащихся в нем пергаменных древнерусских книг XI—XV веков.

рукописи в кладовые (имеется в виду дом Мусиных-Пушкиных в Москве на Разгуляе.— М. А.). Они помещались в подвальном этаже со сводами, и по приказанию графа вход в них был замурован. Когда неприятель уже подвигался за отступающими нашими войсками, граф послал подводы для вывоза из дома всего того, что можно: картины были вынуты из рам и скатаны; серебро и мраморные изваяния уложены; много хорошего, но и много без всякой цены было перевезено в деревню. До закрытых кладовых не посмели дотронуться. Несколько семей дворовых людей остались при доме. Когда французы вошли в Москву, многие из них поместились и в Пушкинском доме и побратались с людьми графа. Раз в нетрезвом виде французы хвастались своими ружьями. «Такие ли у нашего графа — гораздо лучше!» «Где же?» «Да вот тут, за стеной». Стена была пробита и все разграблено, а позже и окончательно погибло в пожаре. Некоторые рукописи, как то: подлинное «Слово о полку Игореве» и часть Несторовой летописи были спасены от гибели тем, что находились в то время у историографа Карамзина»⁴². Мемуары Мещерской были изданы в Твери в 1902 г. (Мещерская была женой предводителя дворянства Тверской губернии кн. Б. В. Мещерского). Почему-то в более поздних трудах о «Слове» дневник Мещерской не стал предметом детального изучения, и на него не встречаются ссылки в литературе. Между тем этот документ заслуживает самого пристального внимания специалистов.

В рукописных собраниях представлены русская и переводная светская литература XVI—XVII вв., фольклор. Среди источников этого периода особый интерес представляют публицистические произведения кн. А. Курбского, И. Пересветова, А. Палицына, Ю. Крижанича, С. Полоцкого. Еще более широко представлена культура XVIII в., включая документы об известном русском просветителе Н. И. Новикове и о писателе-революционере А. И. Радищеве (в частности, уникальный цензурный экземпляр рукописи «Путешествия из Петербурга в Москву» с замечаниями Екатерины II). Сохранились материалы о деятельности М. В. Ломоносова, В. Н. Татищева, И. А. Кулибина, С. П. Крашенинникова, И. И. Лепехина, Л. Каравакка, И. П. Аргунова, М. Г. Земцова, В. В. Растрелли, В. И. Баженова, Д. В. Ухтомского, Ф. Г. Волкова; о состоянии народного просвещения и образования, основании и деятельности Славяно-Греко-Латинской академии, Академии наук и Московского университета. Разнообразны виды документов, отражающих все изменения делопроизводства и развитие письма в России на протяжении многих столетий. Это — столбцы, грамоты, книги, дела, на которых велось делопроизводство в России в XVI—XIX веках. Они позволяют проследить развитие основных форм русского письма: устава, полуустава, скорописи, канцелярского почерка XVIII—XIX веков. Значительное количество документов написано на иностранных языках.

Библиотека ЦГАДА (архивохранилище редких и старопечатных изданий) — одна из старейших в стране. Она насчитывает около 200 тыс. томов книг и комплектов периодических изданий, значительная часть которых — старопечатные и редкие книги XV—XVIII вв. на многих языках мира по истории, медицине, естествознанию, философии, военному делу и другим отраслям знания. В состав библиотеки ЦГАДА вошли три крупнейших книжных собрания, сложившихся при МГАМИД, МАМЮ и Синодальной типографии. Библиотека МГАМИД возникла около 300 лет тому назад при Посольском приказе⁴³. Книги для него приобретались во время зарубежных поездок русских дипломатов, поступали от правительственных учреждений, научных обществ и частных лиц. Большие коллекции книг вошли в библиотеку при конфискации имущества попавших в «немилость» князей Долгоруких, А. И. Остермана, А. И. Волынского и других видных государственных деятелей времен дворцовых переворотов XVIII века. В 1782 г. библиотека пополнилась ценной коллекцией книг Г. Ф. Миллера. В числе редких изданий XVIII в. — сочинения М. В. Ломоносова «Полидор» (СПб. 1763), «Известия о сочиняемой российской минералогии» (СПб. 1763), «Слово похвальное Петру Великому» (СПб. 1754), которые сохранились в библиотеке ЦГАДА в единственном экземпляре и являются величайшей библиографической ред-

⁴² ЦГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 40, стр. 8—9.

⁴³ С. Р. Долгова. Древнейшее книгохранилище страны (к истории книжного собрания МГАМИД). «Советские архивы», 1971, № 6, стр. 32—37.

костью. Особый интерес представляет уникальное собрание редких книг известного московского коллекционера Ф. Ф. Мазурина, поступившее в МГАМИД по завещанию после смерти владельца в 1899 году. Оно содержит такие книжные редкости, как конфискованное издание книги декабриста Николая Бестужева «Опыт истории русского флота» (СПб. 1822), редкое издание книги А. Н. Радищева «Житие Федора Васильевича Ушакова» (СПб. 1789).

В настоящее время редкие русские книги из собрания Посольского приказа выделены в особую коллекцию. В процессе ее описания выявлено свыше 150 редких книг, в том числе М. В. Ломоносова и Н. И. Новикова, издания которых сохранились в единственном экземпляре и отсутствуют в других книгохранилищах СССР. В 1934 г. в библиотеку ЦГАДА было включено книжное собрание библиотеки Московской Синодальной типографии, история которой связана с началом книгопечатания в России, с Московским печатным двором, с именем первопечатника Ивана Федорова. В основу этого собрания легла книжная коллекция Московского печатного двора (учрежден в 1553 г.) и сменившей его в 1722 г. Московской Синодальной типографии. В книгохранилище типографии собирались книги и рукописи, необходимые для работы. Типография занималась не только тиражированием, но и исправлением, переводом и даже сочинением книг. Поэтому одной из достопримечательностей типографской библиотеки является наличие большого количества корректурных экземпляров. В ней имеются, например, «Книга о способах, творящих водохождение рек свободное» (М. 1708), «География или краткое земного круга описание» (М. 1710), «Книга Марсова» (СПб. 1713) и многие другие.

Замечательна по своему составу коллекция славянских старопечатных книг библиотеки. В нее входят публикации, вышедшие из почти всех средневековых славянских типографий: «Славянский часословец» и «Триодь постная», изданные Швайпольтом Феолем (Краков. 1491), «Библия» д-ра Франциска Скорины (1517—1519 гг.), книги из типографии первопечатника Ивана Федорова, в том числе уникальный экземпляр «Апостола» 1564 г. с самой ранней известной владельческой записью, «Евангелие», напечатанное в так называемой Анонимной типографии в Москве до 1563 г., и др. В этой же коллекции имеются первые светские книги, вышедшие в России: «Азбука языка славянского», выпущенная Василием Бурцевым (М. 1634), «Грамматика славянская» Мелетия Смотрицкого (Вильна. 1619 и М. 1648), «Учение и хитрость ратного строя пехотных людей» (М. 1647), «Арифметика» Леонтия Магницкого (М. 1703).

Одним из самых больших по объему отделов библиотеки ЦГАДА является основной фонд русских книг, который образован из бывшей библиотеки МАМЮ (возникла в 1865 г.). Здесь собраны труды дворянско-буржуазных историков XVIII—XIX вв., работы советских историков, материалы архивных, археографических и других комиссий, географические, лингвистические и иные словари; в отделе периодики особую ценность представляют комплекты первой русской газеты «Ведомости» (1706—1727 гг.). В настоящее время библиотека пополняется литературой по различным отраслям знания периода феодализма. За последние годы проведена работа по выявлению редких изданий XVIII в., сведения о которых вошли в шестой том «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века»⁴⁴. Библиотечное собрание архива — ценное дополнение к документальным его материалам, с которыми оно тесно связано происхождением и тематикой.

ЦГАДА относится к числу некомплектующихся архивов со сложившимся составом документов. Однако в соответствии с профилем его материалов в архив в 60-е — начале 70-х годов поступили некоторые фонды: из ЦГИА СССР — Коллекция именных указов Петра I, фонды Мануфактур- и Коммерц-коллегии, Медицинской канцелярии и коллегии (существовала с 1763 г.), Комиссии о коммерции; из ЦГАЛИ СССР — собрание рукописных книг XVI—XVIII вв.; из Ленинградского государственного исторического областного архива — фонд Кирилло-Белозерского монастыря; из Владимирского областного архива — большое дополнение к фонду Воронцовых и т. д. В порядке взаимного культурного обмена из зарубежных архивов были получены микрофильмы

⁴⁴ «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800 гг.». М. 1976.

документов по истории России XVI—XVIII вв.: из Государственного архива Дании, ряда архивов Финляндии, Главного государственного архива в Дюссельдорфе, Национального архива Франции (подарок генерального директора Национального архива Ж. Фавье Главархиву СССР) и др. Отдельные поступления новых материалов могут иметь место, конечно, и в будущем.

Залогом успешного использования документов любого архива является научно-справочный аппарат к его фондам. Система различных по формам и целевому назначению справочников обеспечивает учет дел и поиск в нем необходимой информации. В результате многолетней работы нескольких поколений советских архивистов по приведению в порядок и описанию фондов, описательных работ наших предшественников в дореволюционных архивах к настоящему времени в ЦГАДА сложилась определенная система научно-справочного аппарата, включающая а) справочники, ориентирующие, в общем, о составе и содержании фондов архива, к которым относятся: путеводитель⁴⁵, карточный каталог фондов и фондовых включений, справочник описей и фондов местных учреждений XVII—XVIII вв., реестры описей, «Памятная книжка» МАМЮ; б) тематические справочники, концентрирующие информацию по отдельным вопросам, локальным или более широким темам и проблемам; обзоры, в том числе изданные⁴⁶; предметно-тематические и именные каталоги; в) справочники к фондам и коллекциям, а также комплексам фондов — описи, описания, обзоры, указатели, часть которых издана⁴⁷.

Казалось бы, подобная система справочников должна обеспечить всесторонний и достаточно надежный поиск информации в фондах архива. Однако звенья этой системы в настоящее время имеют ряд существенных недостатков. Дело в том, что значительная часть научно-справочного аппарата досталась ЦГАДА от тех дореволюционных архивов, из которых он создан. Так, из 5,5 тыс. описей, составляющих основу учетно-справочного аппарата архива, три четверти были составлены в дореволюционное время. События, факты общественной и государственной жизни оцениваются в них с чуждых нам классовых позиций. Отсутствие разработанной методики описательных работ в дореволюционных архивах отрицательно сказалось на полноте раскрытия содержания дел. Многие заголовки составлялись по инициативному документу дела без учета всего его содержания или с указанием только видов документов без их тематического раскрытия (как, например, в ряде описей разрядов Госархива и др.).

⁴⁵ См. «Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель». Ч. 1. М. 1946; ч. 2. М. 1947.

⁴⁶ См., например, М. П. Пущило. Указатель делам и рукописям, относящимся до Сибири и принадлежащим Московскому главному архиву Министерства иностранных дел. М. 1879; Н. Н. Бантыш-Каменский. Указ. соч.; И. А. Ардашев, А. А. Голумбиевский. Приказные, земские, таможенные, губные, судные избы Московского государства. Обзор документов XVI—XVII вв. Вып. 1. М. 1908; «Обзор документальных материалов Центрального государственного архива древних актов по истории г. Москвы с древнейших времен до XIX века». Сост. В. Н. Шумилов. М. 1949; «Описание документов о М. В. Ломоносове, хранящихся в ЦГАДА». Сост. Е. В. Александрова. «Ломоносов». М.-Л. 1951; «Хозяйственно-имущественные материалы фонда Воронцовых, хранящиеся в ЦГАДА». Сост. В. З. Джинчарадзе и Ф. А. Останкович. М. 1951; «Обзор документальных материалов по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв.». Сост. В. Н. Шумилов. М. 1954; «Материалы к истории русского театра в государственных архивах СССР». Обзор документов XVII в.—1917 г. М. 1966.

⁴⁷ «Описание Государственного архива старых дел». Составил П. Иванов. М. 1850; «Систематический каталог делам государственной Коммерц-коллегии». Сост. Н. Кайданов. СПб. 1884; «Реестр географическим атласам, картам, планам и театрам войны Библиотеки МГАМИД». СПб. 1877; «Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов». Сост. А. Викторов. Вып. 1—2. М. 1877—1883; «Опись книгам писцовым, переписным, дозорным, перечисным, платежным и межевым, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции» (по ф. Поместного приказа). Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ. Кн. I. СПб. 1869; «Документы Разрядного приказа». Там же. кн. IX—XX. М. 1894—1921; «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа 1592—1768 гг.». Чч. 1—4. М. 1892—1895; «Записные книги и бумаги старинных дворцовых приказов». Документы XVIII—XIX вв. бывшего архива Оружейной палаты. Сост. А. Успенский. М. 1906; «Столбцы бывшего архива Оружейной палаты». Описал А. Успенский. Вып. 1—3. М. 1912—1914; «Опись столбцов дополнительного отдела Разрядного приказа». М. 1950; «Государственное древлехранилище хартий и рукописей». Опись документальных материалов фонда № 135; «Книги московских приказов в фондах ЦГАДА». Опись 1495—1718 гг. М. 1972.

То же можно сказать о других справочниках, подготовленных в дореволюционное время. Не отвечает полностью своим задачам путеводитель: со времени его выхода в свет (более 30 лет назад) произошли изменения в составе фондов ЦГАДА⁴⁸, многие новые фонды введены в научный оборот или поступили в архив после выхода в свет этого справочного пособия. Помимо всего, само издание стало библиографической редкостью.

Продолжая дело своих предшественников, сотрудники архива в 60-е—70-е годы провели большую работу по описанию неописанных материалов, переработке и усовершенствованию старых описей. Только за последнее десятилетие введены в научный оборот описи почти на 100 тыс. дел по фондам Сената XVIII в., Верхотурской, Белозерской и Якутской приказных изб XVII в., коллекциям «Крепостных книг местных учреждений XVI—XVIII вв.», «Таможенных книг местных учреждений XVIII в.», «Государственных и частных актов поместно-вотчинных архивов XVI—XIX вв.», дополнительные описи по фондам приказов Посольского и Малороссийского, Великих княжеств Смоленского и Литовского, Устюжской, Галичской и Новгородской четвертей из коллекции «Приказных дел старых лет» и многих других. Завершена многолетняя работа над описями одной из крупных коллекций архива—«Ландратские книги и ревизские сказки 1, 2, 3 ревизий», а также описание более 2 тыс. писцовых, переписных и отказных книг Поместного приказа, не вошедших в изданные описи МАМЮ. Обе описи предполагается издать. При этом подавляющее большинство описей имеют указатели, предисловия и другой внутренний справочный аппарат. В текущем пятилетии намечено завершить описание двух крупнейших коллекций — Ф. Ф. Мазурина и Рукописного собрания ЦГАДА, продолжить усовершенствование описей Сената, переработать некоторые описи разрядов Госархива.

Описание документов, хранящихся в ЦГАДА,— сложная научная работа, требующая совершенного знания палеографии и сопровождающаяся в ряде случаев применением текстологического анализа, методов источниковедения, исторической хронологии, дипломатики, сфрагистики, других вспомогательных исторических дисциплин. Эта работа сочетается с исследованием сложной истории учреждений-фондообразователей, форм делопроизводства XVI—XVIII вв. и т. д. Вот почему, хотя в архиве работает коллектив опытных специалистов, владеющих методикой научного описания различных видов документов, создание и усовершенствование описей и других справочников — сложный и длительный процесс.

Поиск исследователем тех или иных интересующих его материалов в ЦГАДА осложняется наличием большого количества «скрытых» фондов, когда документы учреждений, государственных и общественных деятелей оказываются в коллекциях или в фондах других учреждений (иногда бывает трудно даже предположить их наличие там). Например, одна из наиболее крупных коллекций — Оружейной палаты включает документы нескольких десятков учреждений XVII—XVIII вв., многие из которых наряду с этим образуют самостоятельные фонды или входят в состав других коллекций⁴⁹. Установить состав учреждений, документы которых вошли в коллекцию Оружейной палаты, помогает указатель фондовых включений к описи. Аналогичные указатели имеются в описях других фондов. Но как установить, в каких фондах архива имеются включения материалов конкретного интересующего исследователя учреждения? И имеются ли вообще материалы этого фондообразователя в архиве? На помощь приходят межфондовые справочники, составлению которых также уделяется внимание. Существенную помощь в поиске «скрытых» фондов может оказать составленный в 60-е—70-е годы каталог фондов и фондовых включений архива. Каталог постоянно пополняется в процессе работы. В дополнение к путеводителю, переиздание которого является одной из перспективных работ архива, составлены реестры описей по

⁴⁸ Например, наличие в путеводителе сведений о материалах Коллегии иностранных дел с 1720 г., переданных в 1947—1952 гг. в АВПР, вводит в заблуждение многих исследователей.

⁴⁹ Сюда входят материалы Преображенского приказа, Кабинета Е. И. В., Сибирского приказа, Приказа тайных дел, Московской ратуши, Посольского, Московского судного, Аптекарского, Земского, Разрядного, Пушкарского, Малороссийского, Челобитного приказов, Приказа Казанского дворца, Владимирской, Галичской, Новгородской, Устюжской четвертей, Приказа новой четверти, Приказа сбора пятинных и запросных денег, Холопного, Казенного, Приказа сыскных дел и ряда других.

четырем архивохранилищам ЦГАДА⁵⁰, помогающие исследователю быстрее найти нужную ему опись к фонду. В дальнейшем планируется составление сводного аннотированного реестра описей по архиву.

Уже в XVIII—XIX вв. крупнейшие дворянско-буржуазные историки использовали документы архивов, вошедших в состав ЦГАДА. В. Н. Татищев, М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин пользовались документами архива, а под руководством М. М. Щербатова в 70-е годы XVIII столетия было проведено описание дел Кабинета Петра I, которое до последнего времени использовалось исследователями и архивистами⁵¹. С 1805 по 1814 г. изучал материалы МГАМИД Н. М. Карамзин при работе над «Историей государства Российского». Сохранилась книга выдачи дел и роспись Н. М. Карамзина за взятые из архива во временное пользование статейные списки и другие дела. С. М. Соловьев свою многотомную «Историю России», над которой он работал с 1850 до 1879 г., писал на основе документов МГАМИД, Государственного архива, Московского архива старых дел и других материалов, хранящихся в ЦГАДА. В МГАМИД Соловьеву с разрешения канцлера А. М. Горчакова выдавались дела на дом, как ранее Карамзину. Однако после того, как в 1868 г. Соловьевым были утеряны восемь дел (по имеющимся сведениям, они вывалились из саней при перевозке), он работал только в архиве, где до сего времени сохранился его рабочий стол⁵². Материалы архива использовал в 1832—1836 гг. первый историк Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева А. С. Пушкин при написании им «Истории Пугачевского бунта». На некоторых документах сохранились его отметки⁵³. В мае 1879 г. с документами Сената, Сысского и Преображенского приказов знакомился Л. Н. Толстой. В течение XIX — начала XX в. над документами архива работали Н. Г. Устрялов, П. М. Строев, Н. Ф. Дубровин, В. И. Семеvский, И. Е. Забелин, П. Н. Милюков, Н. И. Костомаров, С. А. Шумаков, А. С. Лаппо-Данилевский, В. О. Ключевский, И. А. Бычков, М. Ф. Владимирский-Буданов и другие авторы работ по отечественной истории X — XIX веков. Документы, хранящиеся в архивах, вошедших в состав ЦГАДА, можно найти во многих дореволюционных археографических изданиях⁵⁴.

В царской России допуск в архивы был строго ограничен и дифференцирован. Поэтому не могло быть и речи о широком научном использовании хранящихся в них документальных богатств. Так, в Государственном архиве можно было работать только с разрешения царя; не удивительно, что документы этого архива не только мало использовались в научных целях, но некоторые из них пролежали в запечатанных пакетах до Великой Октябрьской социалистической революции. В 1842 г. в этом архиве занимался лишь один исследователь — проф. Устрялов⁵⁵; в последующие годы — от двух до десяти человек в год. Примерно столько же было исследователей в МГАМИД⁵⁶, куда они допускались только с разрешения министра иностранных дел; несколько больше — в МАМЮ.

⁵⁰ В настоящее время все фонды архива разделены между четырьмя архивохранилищами: 1) уникальных фондов (куда вошли комплексы фондов б. Госархива и МГАМИД); 2) фондов центральных и межевых учреждений XVIII—XIX вв. (комплекс МАМЮ (без местных учреждений) и Межевого архива); 3) поместно-вотчинных и дворцовых фондов (комплекс Дворцового архива, Поместный приказ, Вотчинная коллегия, личные, фамильные, монастырские фонды); 4) фондов местных учреждений XVII—XVIII вв. (из комплекса фондов МАМЮ).

⁵¹ В 60-е годы В. Н. Шумиловым были переработаны описи Щербатова на 70 книг (из 96) II отделения Кабинета Петра I. В настоящее время завершается описание кабинетских дел (II отд.).

⁵² ЦГАДА, ф. 180, оп. 6, дл. 71, 97 и др.; А. И. Андреев. Работа С. М. Соловьева над «Историей России». «Труды» МГИАИ, т. 3, 1947.

⁵³ См. Р. В. Овчинников. Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Л. 1969.

⁵⁴ «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею». Тт. 1—5. СПб. 1841—1842; «Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею». Тт. 1—12. СПб. 1846—1872; «Акты Московского государства, изданные имп. Академиею наук». Под ред. Н. А. Попова. Тт. 1—3. 1890—1901; С. Шумаков. Обзор грамот Коллегии экономии. Вып. 1—4. М. 1899—1917; «Акты, относящиеся до юридического быта древней России». Под ред. Н. В. Калачова. Тт. 1—3. СПб. 1857—1884, и др.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 31, д. 1202.

⁵⁶ Например, в отчете МГАМИД за 1873 г. идет речь о восьми исследователях, занимавшихся по материалам архива (ЦГАДА, ф. 180, оп. 6, д. 97, лл. 11—12).

Только в советское время, когда на новых, социалистических основах произошла перестройка архивного дела и был открыт широкий доступ в хранилища исторических документов, стало возможным их всестороннее использование. Например, в читальном зале ЦГАДА ныне в среднем ежедневно работает 45—50 исследователей, а в отдельные дни — до 80. Ни одна научная работа по отечественной истории периода феодализма не создается без использования документов этого архива. В его читальном зале работали такие советские историки, как Е. В. Тарле, А. М. Панкратова, С. В. Бахрушин, С. Б. Веселовский, Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, С. К. Богоявленский, К. В. Базилович, А. А. Новосельский, Б. Б. Кафенгауз, Н. В. Устюгов, А. И. Яковлев и др. Документы ЦГАДА явились источниковой базой для многих монографий по истории классовой борьбы, внешней политики, социально-экономической истории, истории культуры, науки и просвещения в России⁵⁷. Ежегодно советским и зарубежным читателям архива предоставляется для использования около 25 тыс. дел и более 7 тыс. роликов микрофильмов. В архиве работают не только историки, но и филологи, искусствоведы, архитекторы, этнографы, музыковеды, писатели, журналисты, краеведы. На основе документов архива написаны десятки докторских и кандидатских диссертаций, подготовлены сотни статей и монографий, разработаны многие плановые темы научно-исследовательских учреждений.

Приведение за годы советского архивного строительства в порядок документальных материалов, обеспечение их сохранности, улучшение научно-справочного аппарата открыли для исследователей многие ранее недоступные комплексы документов ЦГАДА. Так, использование огромного по объему и ценнейшего по составу источников фонда Поместного приказа стало возможным только после проведенной в 1949—1952 гг. в архиве работы по «развертыванию» 5 млн. листов столбцов и укладыванию их в дела-папки⁵⁸. Столбцовые дела содержат разносторонние сведения по поместновотчинному и крестьянскому землевладению, о сыске беглых крестьян и холопов, многочисленные судебные тяжбы о земле, о крестьянах и т. д. В московском пожаре 1626 г. сгорели дела многих приказов, после чего феодалы присылали в Поместный приказ древние грамоты, подтверждающие их земельные и другие права; аналогичные акты представлялись туда же в ходе тяжёбных дел. Все они отложились в архиве приказа. Среди его документов встречаются уникальные планы XVII в. и печати. В фонде Поместного приказа обнаружены не менее уникальные источники по истории Крестьянской войны под руководством И. И. Болотникова, списки неизвестных ранее источников XIV—XV вв.⁵⁹, сделаны другие ценные находки. Ученых ждут здесь, безусловно, новые открытия.

ЦГАДА является основной документальной базой для публикаций источников эпохи феодализма. Коллективом архива в содружестве с учеными, а также научными учреждениями страны подготовлены многие тома научных публикаций документов по истории классовой борьбы в России и по социально-экономической истории, о связях между народами СССР и о дружественных связях России с зарубежными странами, со-

⁵⁷ См., например, Е. П. Подъяпольская. Восстание Булавина. 1707—1709. М. 1962; Н. И. Павленко. История металлургии в России XVIII в. М. 1962; В. И. Корецкий. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М. 1970; его же. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М. 1975; Я. Е. Водарский. Промышленные селения Центральной России. М. 1972; его же. Население России за 400 лет (XVI — начало XX вв.). М. 1973; «Россия в период реформ Петра I». М. 1973; С. О. Шмидт. Становление российского самодержавства. М. 1973; Ю. А. Тихонов. Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII—нач. XVIII в. М. 1974; С. М. Троицкий. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М. 1974. «Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения». М. 1974; В. Ф. Иванов. Историко-этнографическое изучение Якутии XVII—XVIII вв. М. 1974; Н. Б. Голикова. Астраханское восстание 1705—1706 гг. М. 1975; «Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв.». М. 1975; П. П. Бушев. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1588—1612 гг. М. 1976, и многие другие.

⁵⁸ Многие столбцы до развертывания представляли собой свернутые в свитки узкие листы бумаги, достигавшие в длину нескольких десятков метров. Поэтому их практическое использование было за редким исключением невозможно.

⁵⁹ В. А. Корецкий. Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV—XV вв. «Археографический ежегодник за 1967 год». М. 1969; его же. К истории восстания И. И. Болотникова. «Исторический архив», 1956, № 2.

ставившие в совокупности серьезную документальную базу для исследователей⁶⁰. В текущем пятилетии архив совместно с Институтом истории СССР АН СССР готовит к изданию материалы следствия над Пугачевым и его сподвижниками, а также письма и бумаги Петра I. ЦГАДА принимает участие в составлении (совместно с другими архивными учреждениями) сборников документов серии «Внешняя политика России XIX и начала XX века», о русско-югославских отношениях, о становлении русско-американских отношений в XVIII веке. Предполагается издание отдельных уникальных источников, таких, как «Боярские списки последней четверти XVI—начала XVII в. и роспись русского войска 1604 года», некоторых разрядных и писцовых книг XVI—XVII вв., а также статейных списков из коллекции Посольского приказа.

Одним из направлений, по которому за последние годы особенно широко используются документы ЦГАДА в научно-практических целях, является реставрация памятников истории и архитектуры, разработка планов реконструкции городов. Источники, хранящиеся в архиве, дают архитекторам-реставраторам ценный материал по истории строительства на Руси, помогают воссоздать первоначальный облик памятников культуры, возведенных замечательными зодчими прошлого. В архиве найдены и использованы ценные сведения о Московском, Новгородском и Псковском кремлях, ансамблях Соловецкого, Кирилло-Белозерского, Новодевичьего монастырей и о соборе Василия Блаженного, об архитектуре «золотого кольца» древнерусских городов Владимира, Суздаля, Ростова Великого и Ярославля, о Царицынском и других дворцах и усадьбах Подмосковья, о многих иных памятниках истории и культуры⁶¹. На основе межевых планов, хранящихся в ЦГАДА, разрабатываются «охранные» зоны многих городов и восстанавливаются парки. Так были воссозданы парк в селе Михайловском в том виде, каким он был при жизни А. С. Пушкина, и лермонтовские «Тарханы». Согласно закону СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», это направление использования документов архива является особенно перспективным.

ЦГАДА не только предоставляет документы исследователям, но и осуществляет научно-информационную работу в целях пропаганды уникальных документов, воспитания чувства советского патриотизма, уважения и любви к славным страницам прошлого народов нашей страны. Архивом оказывается помощь местным краеведческим музеям. За последнее пятилетие выполнено около 1100 тематических запросов от партийных и советских учреждений, организаций, предприятий по истории городов, сел, фабрик, заводов, по другим вопросам отечественной истории, а также более 250 тематических запросов зарубежных научных организаций и ученых. Научная пропаганда документов проводится при организации выставок, экскурсий в архив студентов и преподавателей вузов, научных работников, журналистов, представителей других профессий. Большой интерес вызвали выставки документов в связи с 300-летием Крестьянской войны под предводительством Разина и 200-летием Крестьянской войны под предводительством Пугачева, к 250-летию АН СССР, об архитекторах Д. В. Ухтомском и В. В. Растрелли, об А. С. Пушкине и его окружении (к 175-летию со дня рождения), о Д. Кантемире (к 300-летию со дня рождения), к 200-летию Большого театра СССР, организованные архивом совместно с Государственным историческим музеем СССР, Московским домом ученых и другими учреждениями. Уникальные документы

⁶⁰ «Пугачевщина». Тт. 1—3. М.-Л. 1926—1931; «Крепостная мануфактура в России». В 5-ти частях. Л. 1930—1943; «Сборник грамот Коллегии экономии». Л. 1929; «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». М.-Л. 1949; «Материалы по истории Башкирской АССР». Тт. 1—5. 1949—1960; «Письма и бумаги Петра Великого». Тт. 7—12. М. 1946—1975; «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.». Тт. 1—3. М. 1951—1961; «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси». Тт. 1—3. М. 1952—1964; «Крестьянская война под предводительством Степана Разина». Тт. 1—4. М. 1954—1976; «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.». М. 1957; «Русско-шведские экономические отношения в XVII в.». М.-Л. 1960; «Русско-индийские отношения в XVIII в.». М. 1965; «Русско-китайские отношения в XVII в.». Тт. 1, 2. М. 1969, 1972; «Крестьянская война под предводительством Е. Пугачева в Чувашии». Чебоксары. 1972; «Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773—1775 гг.». М. 1975, и др.

⁶¹ См., например, Г. В. Алферова. Каргополь и Каргополье. М. 1973; ес же. Памятник русского зодчества в Кадашах. М. 1974 (написано в основном по документам ЦГАДА).

ЦГАДА были представлены на выставках, подготовленных совместно с Главархивом СССР и другими центральными архивохранилищами СССР к XIII Международному конгрессу исторических наук и VII Международному конгрессу архивов. Документы ЦГАДА экспонировались и за рубежом. В 1974 г. в Париже и Москве с успехом прошла историко-художественная выставка, посвященная 50-летию установления дипломатических отношений между СССР и Францией. На ней были представлены документы о русско-французских связях в конце XVI—XVIII веках.

Одна из главных задач коллектива ЦГАДА — сохранить ценнейшие документы, «память» народа для будущих поколений. Это требует обеспечения в помещениях архива надлежащего температурно-влажностного режима, научно обоснованного размещения документов, их реставрации, консервации, обеспыливания, микрофильмирования. Время наложило свой отпечаток на состояние физической сохранности документов архива. Ежегодно опытными специалистами Лаборатории ЦГА СССР реставрируется около 200 тыс. листов ветхих документов ЦГАДА. За небольшим исключением документы заключены в специальные коробки, папки, футляры, предохраняющие дела, грамоты, книги от вредных воздействий внешней среды. Чтобы уберечь уникальные документы от изнашивания и возможных повреждений, с них снимаются фото- и микрокопии, которые выдаются исследователям взамен подлинников.

Центральный государственный архив древних актов — один из старейших в нашей стране. Его коллектив, продолжая лучшие традиции своих предшественников, видит свою задачу в дальнейшем совершенствовании методики научного описания и хранения документов, направлений и форм их использования в интересах развития советской исторической науки, пропаганды достижений многовековой культуры народов нашей страны, патриотического и интернационального воспитания трудящихся.

ГАРВИЗМ

Э. Л. Нитобург

Гражданская война 1861—1865 гг. ликвидировала в США рабство. На смену ему пришли более утонченные формы угнетения, расовой сегрегации и дискриминации негритянского населения, $\frac{9}{10}$ которого к началу XX в. все еще проживало в южных штатах. Глубокое влияние на его дальнейшую судьбу оказала первая мировая война. Поставки американского оружия и боеприпасов в Западную Европу росли как на дрожжах. В США строились новые заводы, все больше и больше требовалось рабочих рук. Мобилизация в армию 4 млн. американцев, в том числе почти 400 тыс. негров, также увеличила спрос на рабочую силу. Между тем европейская иммиграция в США временно почти прекратилась. Поощряемые прибывшими с Севера вербовщиками, сотни тысяч негров двинулись с Юга в северные города. Всего с 1914 по 1918 г. туда перебрались до 500 тыс. негров. $\frac{3}{4}$ их поселились в таких крупнейших промышленных центрах, как Нью-Йорк, Чикаго, Филадельфия, Детройт, Питтсбург, Кливленд, Сент-Луис и др. В 1910 г. в городах проживало 27% всех негров США, а 10 лет спустя — 34%. Они трудились в промышленности и строительстве, на транспорте и в сфере обслуживания¹, выполняя, как правило, неквалифицированную, тяжелую и низкооплачиваемую работу. Пользуясь невежеством и неопытностью переселенцев, монополии нередко нанимали их в качестве штрейкбрехеров, а профбоссы из Американской Федерации труда (АФТ), не допускавшие негров в профсоюзы, автоматически толкали их на этот путь. Искусственно разжигаемый расовый антагонизм между белыми и черными рабочими помогал хозяевам срывать большинство забастовок.

После того, как США в 1917 г. вступили в первую мировую войну, президент В. Вильсон заявил: «Теперь, когда тысячи ваших сыновей находятся в военных лагерях и воюют во Франции, вы, негры, можете надеяться по окончании войны на полные гражданские права — такие же, какими пользуется каждый американский гражданин»². Но когда афроамериканцы потребовали обещанных прав, белые расисты усилили террор. Только по официальным данным, в 1919 г. на Юге были линчеваны 77 негров (в том числе 11 сожжены заживо), в 1920 г. — 53, в 1921 г. — 59, в 1922 г. — 51 негр³. На Севере агенты монополий спровоцировали десятки кровавых негритянских погромов. Однако в отличие от прошлых лет расисты нередко встречали теперь со стороны негров вооруженный отпор. В Чикаго, например, две недели шли настоящие бои, в ходе которых 23 негра и 16 белых были убиты, сотни людей ранены, тысячи потеряли кров⁴.

В 1918—1920 гг. на Севере возник ряд хотя и недолговечных, но сыгравших свою роль левых негритянских организаций, выступавших против расовой дискриминации и сегрегации. Появилась группа негритянских радикальных деятелей, издававших журналы «Messenger», «Crusader», «Emancipator», «Voice», «Challenge» и другие. Они приветствовали Великую Октябрьскую социалистическую революцию и национальную политику Советского правительства, резко критиковали консервативную

¹ В 1920 г. самодеятельное негритянское население США составляло 4821 тыс. человек. 45% его было занято в сельском хозяйстве, 22% — в сфере обслуживания, 19,6% — в промышленности, 6,5% — на транспорте, 2,9% — в торговле и т. д.

² Цит. по: Н. Aptheker. Afro-American History: the Modern Era. N. Y. 1971, pp. 161, 165.

³ J. H. Franklin. From Slavery to Freedom. N. Y. 1956, p. 472; C. Vann Woodward. The Strange Career of Jim Crow. N. Y. 1957, pp. 101—102.

⁴ C. Vann Woodward. Op. cit., p. 100; W. F. B. Du Bois. Dusk of Dawn. N. Y. 1940, p. 264; J. H. Franklin. Op. cit., pp. 472—574.

тактику соглашательских лидеров НАСПЦН и Городской лиги⁵ и призывали к активной борьбе за равные права для негров. Все это наряду с отпором, впервые оказанным расистским погромщикам, свидетельствовало о наличии боевого духа, решимости улучшить свое положение у значительной части негритянского населения США и о том, что на сцене появился «новый негр», готовый, по словам автора статьи в журнале «*Messenger*», принять смерть во имя защиты себя, своей семьи и своих политических прав⁶.

Хотя безработица, тяжелые жилищные условия, расовая дискриминация и расистский террор резко усилили недовольство афроамериканцев, их, как оказалось, тогда некому было организовать и возглавить. НАСПЦН и в еще большей мере Городская лига зависели в то время от финансовой поддержки белой и негритянской буржуазии, а радикальные молодые негритянские лидеры не имели ни четкой программы, ни сколько-нибудь значительного числа сторонников и оставались относительно изолированной от широких масс группой. В результате афроамериканцы были лишены эффективной организации и руководства.

Как раз в то время на улицах Гарлема стал все чаще появляться толстый и некрасивый приземистый человек с большой головой и умными глазами, публичные выступления которого с каждым днем привлекали все больше слушателей. Звали его Маркус Моуэнс Гарви. Родился он 17 августа 1887 г. в городке Сент-Эннс-Бэй на северном побережье Ямайки, в семье мастера-каменщика. Маркус был младшим из 11 детей, большинство которых умерло в детском возрасте. Родители Маркуса не имели примесей европейской крови, причем отец происходил от марунов⁷, чем Гарви очень гордился. 14 лет мальчик был вынужден оставить школу и пойти работать в типографию. В 1904 г. он переехал в Кингстон и к 20 годам стал мастером-печатником в крупной книжной фирме. Во время забастовки печатников он был выбран в стачечный комитет и после провала ее попал в «черный список». С тех пор Гарви всю жизнь относился скептически к рабочему движению и отказывался от контактов с ним. В 1910 г. он уехал искать счастья в Коста-Рику, а затем побывал в Панаме, Эквадоре, Колумбии, Венесуэле, Никарагуа, Гондурасе и везде видел эксплуатацию местных негров на плантациях и в рудниках. На Ямайку он вернулся убежденным в необходимости борьбы за лучшую долю для негров⁸.

В 1912 г. Гарви уехал в Лондон. Там он сблизился с египетским националистом и panaфриканистом Дьюзом Мохаммедом Али, издававшим ежемесячник «*Africa Times and Orient Review*» и пробудившим в молодом ямайце интерес к Африке, ее истории, культуре и положению под колониальным управлением⁹. Гарви начал много читать об Африке, о жизни негров в США и несколько месяцев посещал лекции в колледже. Огромное впечатление произвела на него автобиография Букера Т. Вашингтона¹⁰. Под ее влиянием он, вернувшись на Ямайку, основал там в августе 1914 г. Всеобщую ассоциацию по улучшению положения негров (ВАУПН). В опубликованном в связи с этим манифесте она характеризовалась как организация, призванная «работать ради общего подъема негритянских народов мира», а члены ее «обязуются делать все, что в их силах, чтобы сохранить права благородной черной расы и уважать права всего человечества»¹¹.

⁵ НАСПЦН — Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения. Была создана в 1909 г.; Национальная городская лига — в 1911 году.

⁶ «*The Messenger*», 20.VIII.1920. Цит. по: У. Фостер. Негритянский народ в истории Америки. М. 1955, стр. 582.

⁷ Маруны — рабы-негры, бежавшие с плантаций в горы и нанесшие ряд поражений посланным против них английским карательным экспедициям. В 1739 г. они добились от Великобритании права на самоуправление.

⁸ E. D. Cropper. *Black Moses. The Story of Marcus Garvey and the Universal Negro Improvement Association*. Madison. 1955, pp. 4—8, 11—15.

⁹ T. G. Vincent. *Black Power and the Garvey Movement*. Berkeley. 1972, pp. 93—97; E. C. Fax. *Garvey. The Story of a Pioneer Black Nationalist*. N. Y. 1972, pp. 38—50.

¹⁰ «*Philosophy and Opinions of Marcus Garvey or Africa for the Africans*». Compiled by A. J. Garvey. Ps. I—II. L. 1967; P. II, p. 126; о Б. Т. Вашингтоне см. А. П. Королев. Букеризм. «Вопросы истории», 1976, № 7.

¹¹ «*Philosophy and Opinions...*». P. II, pp. 37—38. Вначале полное название организации гласило: «Всеобщая ассоциация по улучшению положения негров и Лига африканских общин».

Кроме общих задач, ВАУПН наметила план действий для улучшения положения негров на Ямайке, в основе которого было создание педагогических и ремесленных училищ по типу того, что сделал в США Б. Вашингтон. Рассчитывая на финансовую помощь с его стороны, Гарви весной 1915 г. написал ему письмо и в ответ получил приглашение приехать в США. Но пока Гарви готовился к поездке, Б. Вашингтон умер. Тем не менее в марте 1916 г. Гарви прибыл в Нью-Йорк, поселился в Гарлеме и учредил там в 1917 г. отделение ВАУПН. Вначале он зарабатывал на жизнь продажей лотерейных билетов и не очень удачно выступил с речами на нескольких митингах. Первыми его слушателями и последователями стали довольно многочисленные эмигранты с Кубы, Ямайки, Пуэрто-Рико, Тринидада. Вест-индские негры принесли с собой свои долголетние боевые традиции и играли заметную роль в культурной и общественной жизни негритянского населения США.

Популярности Гарви способствовало неожиданное событие: в комнату, которую он снимал в старом доме по 135-й стрит, близ Ленокс-авеню, ворвался душевнобольной Дж. Тайлер и выстрелил в него. Пуля попала в лоб Гарви, и он выбежал на улицу с залитым кровью лицом, покушавшийся же был арестован, а затем покончил с собой. Этому событию, как и попытке Эммы Эшвуд, секретарши и первой жены Гарви, защитить его, местная пресса придала сенсационный характер, и имя Гарви оказалось у всех на устах в Гарлеме¹². А с 1918 г. начала выходить еженедельная газета ВАУПН «*Negro World*», вскоре ставшая самой распространенной негритянской газетой в США. Рядом с заголовком стоял девиз: «Одна цель, один бог, одна судьба», а под ним слова — «Газета, посвященная исключительно интересам негритянской расы». Некоторые разделы ее печатались на испанском и французском языках для негров Вест-Индии, Центральной Америки и Африки, а первая страница открывалась передовицей, адресованной «согражданам негритянской расы» и подписанной: «Ваш покорный слуга Маркус Гарви, генеральный президент». Газета освещала широкий круг вопросов — от исторического прошлого черной расы и различных текущих событий до перспектив, ожидающих негров в будущей независимой Африке, чем в большой мере способствовала популяризации идей Гарви.

Он обратился к негритянским массам с призывом объединиться для борьбы за возвращение черной расе ее былого величия и всячески идеализировал ее. Аппелируя к чувствам угнетенных и униженных афроамериканцев, он будил в них расовую гордость, сознание силы и собственного достоинства, утверждал, что в стране белых негры никогда не добьются справедливости, равенства и что поэтому единственным выходом для них является создание сильного независимого государства в Африке. Учитывая традиционное стремление американских негров к земле и свободе, а также исторически сложившуюся тенденцию к переселению их из южных штатов куда угодно — на Север или Запад, в Канаду или Вест-Индию, лишь бы избавиться от ада, каким была их жизнь на плантациях Юга, — Гарви не только поднял знамя воиствующего протеста, но и нарисовал видение «земли обетованной» в Африке. Он интуитивно ощутил дух сопротивления и борьбы, охвативший афроамериканцев в критические послевоенные годы, отмеченные наступлением монополий на права трудящихся и растущей политической активностью масс.

К тому времени сотни тысяч почти неграмотных сельских негров с Юга, страдавших в климатических условиях северных городов, куда они приехали в годы войны, и оказавшихся перед трудной проблемой адаптации в них, были на грани отчаяния. Ожидая встретить на Севере расовую гармонию, они быстро убедились, что и здесь их считают гражданами второго сорта, нанимают на работу последними, а увольняют первыми. Тяжелые жилищные условия в гетто, высокая стоимость жизни, быстро растущая в связи с послевоенным экономическим спадом безработица и крах надежд на обещанное президентом В. Вильсоном лучшее будущее — все это породило у многих из них жестокое разочарование и глубокий пессимизм. Всякого рода эмоциональные призывы производили на них гораздо большее впечатление, чем на старожилов негритянских кварталов. А волна расистского террора — погромов и линчевания, захлестнувшая в то время США, со всей очевидностью показала, как «оценила» белая Америка лояльный

¹² Ibid., p. 130; R. Ottley. *New World. A Coming. Inside Black America*. Boston. 1943, p. 69.

вклад афроамериканцев в дело победы страны в войне. Негры-ветераны, сражавшиеся за «идеалы демократии», чувствовали себя обманутыми, оказавшись после демобилизации без работы и нередко в еще худшем положении, чем до войны. Их глубоко взволновала агитация Гарви. Афроамериканцы с энтузиазмом встречали также сообщения, поступающие из Советской России, особенно лозунги социального и национального равенства.

Среди переселенцев с Юга наиболее быстро росли этноцентристские настроения, характерные для ранних негритянских миграционных движений и усилившиеся в связи с разочарованием в «земле обетованной» на Севере. В этих условиях выраженная бескомпромиссным языком апелляция Гарви к черному национализму и к исходу в Африку за короткое время привлекла к нему массу сторонников. «Черное крестьянство, — писал один из современников, — толпой идет за Гарви... Оно чувствует, что Гарви говорит такие вещи, которые негры сознают, но не могут выразить сами. Его зажигательные речи собирают огромные массы людей. Негры жертвуют ему свои деньги. Они готовы пойти за него в огонь и воду. Он стал кумиром для них — этот черный Демосфен»¹³. В 1919 г. Гарви совершил длительную поездку по стране с пропагандистской целью. Он посетил 38 штатов, повсюду популяризируя ВАУПН и создавая ее филиалы. «Вставай, могучая раса, — восклицал он в своих речах, — ты можешь совершить все, что пожелаешь!»¹⁴. И слушатели с энтузиазмом откликались на этот призыв. Называя его «большим мастером агитации», У. Фостер писал, что «во всей истории США едва найдется другой агитатор, который превосходил в этом отношении Гарви»¹⁵. По возвращении его из поездки было объявлено, что ВАУПН имеет 30 отделений на местах. В Гарлеме был приобретен большой зал, получивший название Либерти-холл и служивший местом для общих сборов членов ВАУПН.

Гарви использовал для привлечения негритянского населения разнообразные организационные формы. Он создавал своего рода миниатюрное подобие будущего африканского государства. Были организованы Африканский легион, призванный стать авангардом армии освобождения Африки, «Летный корпус Черного орла», отряды бойскаутов и пожарных, полиция, Африканский моторизованный корпус и корпус «сестер черного креста»; введены такие почетные титулы, как «герцоги Нигерии и Уганды» или «Ашанти и Мозамбика», рыцари «Благородного ордена Нила», «рыцари Эфиопии» и т. д. Все это должно было дать почувствовать обездоленным негритянским массам, что они становятся участниками великого начинания.

В 1919—1920 гг. движение быстро росло, охватив негритянское население не только промышленных центров Севера, но и многих южных городов¹⁶. Точное число его участников неизвестно. Гарви в 1919 г. утверждал, что их 2 млн.; в 1920 г., имея в виду и другие страны, он называл цифру 4 млн.; в 1923 г. — 6 млн.; в 1928 г., когда ВАУПН явно пришла в упадок, — 11 миллионов¹⁷. Почти все исследователи считают это преувеличением. По мнению Э. Кроунона, число сторонников Гарви в США и других странах составляло, вероятно, примерно 1—2 млн. человек. Членов же ВАУПН, плативших взносы, было: в Нью-Йорке — около 30 тыс., Чикаго — 9 тыс., Филадельфии — 6 тыс., Цинциннати — 5—6 тыс., Детройте — 4 тыс., Бостоне — 1,5 тыс., Вашингтоне — 0,7 тыс., на Ямайке — 5 тыс., в Гватемале — 3 тыс. и т. д. Т. Винсент считает, что оказывавших поддержку Гарви было не менее $\frac{3}{4}$ млн., а с «сочувствующими» — от 2 до 3 миллионов¹⁸. Но независимо от этих цифр остается бесспорным фактом, что в начале 20-х годов ВАУПН пользовалась среди афроамериканцев огромной популярностью. Основная масса ее приверженцев состояла из неграмотных и полуграмотных обитателей городских гетто. Однако в ранний период движения к нему присоединилось немало представителей негритянской интеллигенции и

¹³ Цит. по: У. Фостер. Указ. соч., стр. 578.

¹⁴ С. МсКая. Harlem: Negro Metropolis. N. Y. 1940, p. 154.

¹⁵ У. Фостер. Указ. соч., стр. 580.

¹⁶ На сельском Юге, где контроль негритянской церкви над своей паствой был более строгим, влияние Гарви оказалось гораздо слабее.

¹⁷ «Philosophy and Opinions...». P. II, pp. 129—131; E. D. Cronon. Op. cit., p. 205.

¹⁸ «Philosophy and Opinions...». P. II, p. 299; E. D. Cronon. Op. cit., pp. 205—206; T. G. Vincent. Op. cit., p. 151.

мелкой буржуазии. Именно эти люди вместе с Гарви руководили ВАУПН¹⁹. На первом этапе большую роль сыграла также поддержка ее радикальными элементами негритянского движения и американскими коммунистами²⁰.

В августе 1920 г. проходил I Международный съезд негритянских народов мира, на который прибыли 2 тыс. делегатов из США и 25 стран Вест-Индии, Центральной и Южной Америки, Африки. Были опубликованы специальные выпуски «Negro World», в Гарлеме продавались сигареты «Маркус Гарви» с его портретом на коробке. На съезде в качестве программы ВАУПН была принята «Декларация прав негритянских народов мира», состоявшая из вводной части и 54 статей²¹. Во вводной части разоблачалась сущность американской расистской системы, выражался протест против дискриминации и преследования негритянского населения США, угнетения его в других странах и выдвигалось требование об определении основных прав, «чтобы поощрить нашу расу по всему миру и подготовить ее к более высокой и великой судьбе». Затем формулировались позиции ВАУПН по ряду насущных для негров проблем. Так, ст. 17 характеризовала «всякую страну, виновную» в линчевании людей как «стоящую вне цивилизации». В ст. 25, 27, 29 шла речь о свободе слова, вероисповедания и «самоопределения для всех народов». В ст. 13 заявлялось: «Африка должна стать континентом свободы для негров всего мира, и, в соответствии с принципом «Европа — для европейцев» и «Азия — для азиатов», мы также требуем: «Африка — для африканцев!», для всех африканцев, живущих как в самой Африке, так и за ее пределами». Ст. 15 подчеркивала «твердую решимость» черной расы «требовать и добиваться возвращения себе обширного континента наших предков со всеми его сокровищами и ресурсами». Ст. 45 объявляла: только что рожденная Лига Наций не имеет «никаких прав по отношению к неграм, которых она стремится лишить свободы». Ст. 50 и 51, отражавшие интересы негритянской буржуазии, требовали беспрепятственной торговли американских негров с Африкой и в этой связи «абсолютной свободы морей для всех народов»²².

Съезд одобрил официальные цвета движения: черный — цвет кожи, красный — цвет крови и зеленый, символизирующий надежды на лучшее будущее. Делегаты избрали Гарви временным президентом Африканской республики и главой Высшего исполнительного совета — своего рода временного правительства в изгнании. На Ленокс-авеню состоялся парад, в котором участвовали десятки тысяч человек, скандировавших: «Долой линчевание!», «Объединимся в борьбе за свободу!», «Африка должна быть свободной!». Временный президент Африки Маркус Гарви, одетый в мундир пурпурного, зеленого и черного цветов, с золотыми шнурами и в треугольной шляпе с длинными белыми перьями, ехал в открытом автомобиле, эскортируемом черной полицией, и приветствовал толпы зрителей на тротуарах, встречавшие его овациями и гимном ВАУПН «Эфиопия, ты земля наших отцов». На знамени временного президента был начертан многозначительный девиз: «Негры сражались в Европе, они могут сражаться также и в Африке». За Гарви ехали архиепископ Д. А. Мак-Гайр в шелковой мантии, а за ним украшенное регалиями черное «дворянство» и командоры «Благородного ордена Нила». Затем боевым строем с трубами, барабанами и десятками красно-черно-зеленых знамен, в голубых с красным и золотым кантами мундирах шел Африканский легион, за которым продефилировал корпус «сестер черного креста» в белой униформе. Замыкали шествие отряды скаутов — мальчиков и девочек. Гарлем бурлил, а белый Нью-Йорк впервые осознал масштабы движения...

Съезд завершился митингом в зале Мэдисон-сквер-гарден, на котором присутствовало 25 тыс. человек. Выступая перед ними, встреченный бурной овацией Гарви заявил: «Другие расы имеют свои собственные государства, и наступило время для

¹⁹ Среди 72 ведущих деятелей ВАУПН имелись 12 священнослужителей, 7 юристов, 7 преподавателей, 4 артиста и музыканта, 10 конторских работников и гражданских служащих и 8 человек, занятых неквалифицированным и полуквалифицированным трудом. Остальные 24 человека определены как журналисты и общественные деятели, причем часть их вынуждена была иметь дополнительный заработок.

²⁰ У. Фостер. Указ. соч., стр. 587; T. G. Vincent. Op. cit., pp. 40, 45—46, 72, 74, 78—81, 129, 160.

²¹ «Philosophy and Opinions...». P. II, pp. 135—142.

²² Ibid., pp. 137—141.

400 млн. негров потребовать Африку для себя... Мы сплотим 400 млн. негров мира в единое целое, чтобы водрузить на великом африканском континенте знамя свободы!»²³. Такого рода собрания, а также красочные парады, яркие мундиры, громкие титулы и грандиозные мечты о великом будущем черной расы производили неизгладимое впечатление на бедноту в Гарлеме и других негритянских гетто. По словам видного негритянского социолога Э. Фрэзнера, «в качестве вождя массового движения среди негров Гарви не имел себе равных»²⁴. А другой современник, член ВАУПН, в хвалебных тонах писал в 1921 г. о Гарви: «Этот негритянский гений сочетает в своем лице мудрость Соломона, красноречие Демосфена, отвагу Кромвеля, выдержку и решительность Роберта Брюса, железную волю Бисмарка, бесстрашие Туссена Лувертюра и хитрость Наполеона Бонапарта. Этот человек имеет столько же терпения, сколько Карнеги — денег»²⁵.

В 1919—1920 гг. Гарви основал пароходную компанию «Блэйк Старлайн» («Черная звезда»), а также ряд торговых и других заведений, объединенных в «Нигро фэкторис корпорейшн». Акции обеих компаний продавались на бирже. Съезд ВАУПН 1920 г. отметил резкое возрастание влияния Гарви, о чем свидетельствовало и успешное начало деятельности его коммерческих компаний. В 1921 г. он совершил поездку по странам Центральной Америки и Вест-Индии, негритянское население которых повсюду устраивало ему восторженную встречу и оказывало финансовую поддержку ВАУПН. К этому времени организация насчитывала около 900 отделений. В Вашингтоне зарубежная поездка Гарви, особенно его выступления в Панаме, вызвала тревогу. Государственный секретарь Ч. Э. Юз предписал дипломатам США в центральноамериканских странах отказывать лидеру ВАУПН в визах на въезд туда.

В августе 1921 г. в Гарлеме состоялся II Международный съезд негритянских народов мира, на котором присутствовали делегаты из США, Центральной и Южной Америки, Эфиопии, Либерии и Южной Африки. На этом съезде глава отделения ВАУПН в Лос-Анджелесе из-за разногласий с Гарви вышел вместе со своими сторонниками из состава организации и основал АУПН Тихоокеанского побережья. В то же время некомпетентность Гарви в коммерческих делах и то, что он не делал различий между финансами ВАУПН и средствами компании «Черная звезда», привели к росту задолженности последней, а затем и к ее банкротству. В январе 1922 г. Гарви был арестован по обвинению в незаконных финансовых операциях. Он, в свою очередь, обвинил в банкротстве «Черной звезды» «белые судоходные компании» и «большевистских агентов». Вскоре Гарви освободили, но имущество обанкротившейся компании было в 1922 г. продано с торгов. Финансовые неудачи в сочетании со слухами о секретных переговорах Гарви с руководством Ку-клукс-клана вызвали среди многих негров негодование в отношении ВАУПН и ее лидера.

Росло число критиков Гарви в рядах негритянской интеллигенции и буржуазии. Чикагская газета «Defender», владельцем которой являлся богатый негр Р. С. Эббот, а также группа «Друзья негритянской свободы» во главе с издателями «Messenger» Ч. Оуэном и Ф. Рэндольфом провели в Гарлеме серию митингов под лозунгом «Гарви должен уйти!». Кроме того, в верхушке ВАУПН обострилась борьба между уроженцами США и вест-индскими иммигрантами, составлявшими половину ее руководства²⁶. Все это нашло отражение на III Международном съезде негритянских народов мира (август 1922 г.), где против Гарви выступил один из его главных помощников, филаделфийский пастор Джеймс И. Изон. Он вышел из ВАУПН, основал соперничающую организацию — Всеобщий негритянский союз, и ездил по стране с лекциями, в которых резко критиковал Гарви. Вместо разговоров о грядущем освобождении Африки, говорил он, следует заняться внутренними насущными проблемами американских негров. В январе 1923 г. на митинге в Новом Орлеане Изон был убит. Полиция заявила

²³ Цит. по: E. D. Cronon. Op. cit., pp. 64—65; «Philosophy and Opinions...». P. II, p. 130.

²⁴ E. F. Frazier. Garvey. A Mass Leader. «The Nation», vol. 123, 18.VIII.1926, pp. 147—148.

²⁵ Цит. по: E. D. Cronon. Op. cit., p. 208.

²⁶ T. G. Vincent. Op. cit., pp. 72—73, 152, 191, 199; E. C. Fax. Op. cit., p. 162.

о «существовании анархистского заговора в масштабе страны». Гарви ответил, что ВАУПН не имеет отношения ни к радикалам, ни к совершенному убийству.

Через несколько дней после этого события восемь выдающихся негритянских деятелей — издателей и журналистов, представителей бизнеса и руководителей НАСПЦИ — обратились к министру юстиции США с открытым письмом, в котором называли Гарви «беспардонным демагогом, стремящимся распространить среди негров недоверие и враждебность ко всем белым людям». Письмо заканчивалось требованием быстрее начать суд над ним²⁷. На судебном процессе в мае 1923 г. многие свидетели подтвердили нарушение финансовой дисциплины в созданных Гарви коммерческих предприятиях, и он был заключен в тюрьму. Однако уже в сентябре 1923 г. Гарви был освобожден под залог в 25 тыс. долл., собранных его сторонниками, и организовал новую судоходную «Компанию черного креста» для торговли между различными районами, заселенными неграми, и вывоза колонистов в Африку.

В 1924 г. состоялся IV Международный съезд негритянских народов мира. На нем обсуждалась колонизационная программа ВАУПН в Африке. Еще в 1920 г. делегация ВАУПН была послана в Либерию. Она вернулась с заверениями либерийского правительства о его согласии на «осуществление в Либерии промышленных, сельскохозяйственных и деловых проектов»²⁸. Тогда же был объявлен сбор средств на заем Либерии для строительства там школ и колледжей, железных дорог и промышленных предприятий, для отправки туда мастеров и квалифицированных рабочих. В 1921 г. в Либерию прибыла группа американских экспертов-негров. Она известила, что либерийские власти обещают предоставить ВАУПН земельные участки. К этому времени на строительный заем Либерии было собрано 137 тыс. долларов. В декабре 1923 г. туда поехала новая группа экспертов для подготовки приема в первые два года, начиная с ноября 1924 г. 20—30 тыс. семей репатриантов из США. В марте 1924 г. она сообщила, что либерийское правительство одобрило ее проект. В июле 1924 г. в Либерию были отправлены стройматериалы и механизмы общей стоимостью в 50 тыс. долларов. Но в этот момент либерийское правительство круто изменило свою позицию: оно потребовало немедленного выезда представителей ВАУПН и заявило, что никому из связанных с нею лиц въезд в страну разрешен не будет²⁹. По-видимому, такой поворот был вызван нажимом со стороны европейских колониальных держав и США. Практически это было смертельным ударом по движению «Назад — в Африку!».

Очевидно, именно эти обстоятельства побудили Гарви, по крайней мере временно, перенести акцент с проблемы освобождения Африки на внутренние проблемы негров США. На IV Международном съезде негритянских народов мира он создал еще одну организацию — Негритянский политический союз (НПС), призванный «консолидировать политические силы негров с тем, чтобы раса могла выражать свое политическое мнение». Более того, Гарви включил НПС в избирательную кампанию 1924 г., опубликовав перечень одобренных ВАУПН кандидатов и поддержав К. Кулиджа — кандидата республиканцев на выборах президента США. В Нью-Йорке он выступил против кандидата от Гарлема негра Ч. Роберта, за что негритянская пресса резко осудила Гарви. Один из редакторов назвал его «худшей угрозой неграм, когда-либо существовавшей в Америке»³⁰.

Между тем суд по делу Гарви, носивший, по сути дела, политический характер, признал его виновным и приговорил к штрафу в 5 тыс. долл. и к 5 годам тюремного заключения. 8 февраля 1925 г. он был отправлен в тюрьму в г. Атланта (Джорджия). Верховный суд США отказал ему в пересмотре дела. Из тюрьмы Гарви обратился к своим последователям с посланием, помещенным в «Negro World». «Если я погибну в Атланте, — писал он, — дело мое будет продолжаться. Но если не в физическом, то в духовном смысле я буду жить, чтобы увидеть день славы Африки. Когда я умру,

²⁷ См. «Philosophy and Opinions...». Р. II, pp. 294—500; T. G. Vincent. Op. cit., pp. 196—200.

²⁸ «Philosophy and Opinions...», Р. II, pp. 362—365. В отчете делегации, между прочим, сообщалось, что либерийцы американского происхождения обращаются с местным населением почти как с рабами и что там еще существует подлинное рабство. Гарви не разрешил публиковать этот отчет (ibid., pp. 399—405).

²⁹ Ibid., pp. 367—398.

³⁰ E. D. Сгопoп. Op. cit., pp. 132—133.

оберните меня в красно-черно-зеленую мантию, ибо в новой жизни я возникну, осененный милостью божией, чтобы повести миллионы к победе под хорошо знакомым вам знаменем. Ждите меня в ураган и бурю,.. я приду и приведу с собой бесчисленные миллионы черных рабов, которые умерли в Америке, Вест-Индии и Африке, чтобы помочь вам в борьбе за освобождение, свободу и жизнь!»³¹.

В 1926 г. на V Международном съезде негритянских народов мира, единственном, на котором Гарви не присутствовал, в ВАУПН произошел раскол. Между тем в декабре 1927 г. Гарви был помилован президентом Кулиджем и как «нежелательный иностранец» немедленно выслан из США. Ему не разрешили даже посетить штаб-квартиру ВАУПН. В Панаме власти не позволили ему высадиться, но зато на родине, в Кингстоне, его встречали тысячи людей. Местное отделение ВАУПН под его руководством заметно выросло. В Нью-Йорке «Negro World» еще публиковала его еженедельные послания доброй воли американским неграм. Весной 1928 г. он совершил поездку по Центральной Америке и Вест-Индии, а затем посетил Англию, Францию и Швейцарию, создал в Лондоне европейский филиал ВАУПН.

В августе 1929 г. по инициативе Гарви в Кингстоне состоялся VI Международный съезд негритянских народов мира. Во время традиционного парада продефилировали в своей униформе Африканский легион, Моторизованный корпус и корпус «сестер черного креста», а также делегаты съезда в национальных одеждах. На съезде обсуждались положение негров в США, Центральной Америке, Вест-Индии и проблема освобождения Африки. Острая дискуссия развернулась между Гарви и представителями Американского негритянского рабочего союза по вопросу о сотрудничестве между черными и белыми рабочими. Гарви утверждал, что негры должны иметь собственных капиталистов, которые нанимали бы на работу людей черной расы, и резко выступал против своего оппонента — коммуниста, призывавшего к классовой солидарности. В результате разногласий, возникших между Гарви и делегацией США, последняя покинула съезд, приняв решение основать сепаратную организацию под названием «ВАУПН, август 1929». В 1932 г. она созвала и свой съезд. Этот раскол предшествовал распаду ВАУПН³².

В 1933 г. перестала выходить «Negro World», и в том же году Гарви начал издавать журнал «Black Man». В августе 1934 г. на VII Международном съезде негритянских народов мира в Кингстоне обсуждались вопрос о едином для негров во всем мире «африканском» языке и ряд других. Но этот съезд был лишь слабой копией первых съездов в Гарлеме. Попытки Гарви организовать массовое движение на Ямайке успехом не увенчались, и в 1935 г. он перенес штаб-квартиру своего движения в Лондон. В 1937 г. он выступал с лекциями в Британской Гвиане и Вест-Индии, но Ямайку не посетил. А когда в следующем году там вспыхнуло стихийное восстание против колонизаторов, отказался поехать туда. В августе 1938 г. на VIII Международном съезде негритянских народов мира, состоявшемся в Торонто (Канада), он снова был избран сроком на пять лет генеральным президентом ВАУПН³³. В июне 1940 г. в Лондоне Гарви умер. На родине его называют одним из «архитекторов новой Ямайки». В 1952 г. местная палата представителей рекомендовала отмечать день его рождения как праздник. В 1956 г. его именем была названа главная улица Кингстона, а в столичном парке установлен его бюст. В 1964 г. там был построен Национальный мавзолей, куда из Лондона перевезли останки Гарви. В 1965 г. правительство Ямайки учредило премию его имени³⁴.

Одна из главных идеологических основ гарвизма — призыв к «расовой солидарности», с тем чтобы объединить широкие слои негров с различными взглядами и убеждениями. Духом «расовой солидарности» пропитано все гарвистское движение. Выступая в Либерти-холл, Гарви говорил: «Все, честно изучающие историю, могут вспомнить время, когда Египет, Эфиопия и Тимбукту достигали вершины цивилиза-

³¹ «Philosophy and Opinions...». P. II, pp. 237—239.

³² E. D. Cronon. Op. cit., pp. 151—154; T. G. Vincent. Op. cit., pp. 218—219; E. C. Fax. Op. cit., p. 259.

³³ R. Hart. The Life and Resurrection of Marcus Garvey. «Race» (London), 1967, vol. IX, № 2, p. 228; E. D. Cronon. Op. cit., pp. 159, 161, 164.

³⁴ «Philosophy and Opinions...», p. XXVI; R. Hart. Op. cit., p. 128; T. G. Vincent. Op. cit., p. 214.

ции, возвышаясь над Европой и над Азией. Когда Европа была населена расой канибалов, расой дикарей, нагих и невежественных язычников, в Африке обитала раса культурных черных людей, добившихся высоких достижений в искусстве, науке и литературе, обладавших утонченной культурой. Почему в таком случае мы должны терять надежду? Черные люди,.. не теряйте мужества и веры, идите вперед!»³⁵.

Исторические экскурсы Гарви далеко не всегда соответствовали действительности. Но он открыто осмеивал утверждения о том, что «цивилизующее соприкосновение с белой расой» пошло только на пользу народам Африки и черным рабам в США. Гарви учил своих последователей гордиться черным цветом кожи. Он требовал сохранения «расовой чистоты», то есть разделения рас, подчеркивая, что «между белой и черной расами существует огромная разница», в то время как «между коренным африканцем, североамериканским и вест-индским неграми нет абсолютно никакой разницы»³⁶. По мнению Гарви, членами ВАУПН могли быть только «стопроцентные негроиды», а негров, вступивших в межрасовый брак, и тем более их потомков туда принимать не следовало³⁷. Гарви настаивал также на расовом разделении среди самих афроамериканцев — между неграми и мулатами (последних он подвергал всяческим нападкам)³⁸. Вероятно, определенную роль в этом сыграло его происхождение, ибо на Ямайке в отличие от США мулаты находились в особом по сравнению с неграми положении, представляя собой нечто вроде средней прослойки, пользовавшейся рядом привилегий. Гарви повел ожесточенную кампанию против них, считая их «агентурой белых», «светлокожими ассимиляционистами»³⁹. Эта линия на изоляцию мулатов могла лишь ослабить негритянское движение, к тому же она имела весьма ограниченный резонанс: в США белые американцы не делали различий между неграми и мулатами, не обладавшими никакими привилегиями, а потому не делали их и негры.

Хотя Гарви чаще всего говорил о неграх как о «расе», в его философских построениях она была неразрывно связана с африканским национализмом, и он неоднократно употреблял термины «нация» и «национальность». «Мы хотим иметь национальность подобно национальностям английской, французской, итальянской, немецкой, национальности белых американцев и национальности желтых японцев; мы хотим иметь национальное правительство»⁴⁰, — говорил он. Призывая негров к полному отказу от идентификации с американским обществом, поскольку они не имеют здесь будущего, он видел путь к освобождению негров как в Новом Свете, так и в Африке в создании африканского государства и образовании ими совершенно особой расово-этнической общности. «У негров должна быть своя страна, и они должны стать самостоятельной нацией», — утверждал Гарви. Черный человек может «найти спасение на своей матери-родине, и все это должно быть осуществлено под лозунгом «Африка — для африканцев, дома и за ее рубежом!»⁴¹. Э. Фрэзер писал в этой связи: «Движение Гарви было крайним выражением расового самосознания и националистического чувства, проявившегося в период первой мировой войны и в послевоенные годы»⁴².

«Пробудись, Эфиопия! Пробудись, Африка! — восклицал Гарви. — Давайте работать ради единой славной цели — свободной и могучей нации. Пусть Африка станет блестящей звездой в созвездии наций!» Однако моделью конституции будущего африканского государства, которое он называл то Соединенными Штатами Африки, то Африканской империей, была конституция США. Подлинную Африку Гарви все-таки знал плохо, но был убежден, что судьба предначертала именно ему стать освободителем Черного континента. Стремясь популяризировать свою программу, он в 1922 г. обратился в Лигу Наций (через делегацию Персии в этой организации) с требованием объединить бывшие германские колонии в Африке в Содружество черных наций и пе-

³⁵ «Philosophy and Opinions...», P. I, p. 57.

³⁶ Ibid., p. 52; P. II, p. 7.

³⁷ Ibid. P. I, pp. 29—30; p. II, pp. 62, 81, 121.

³⁸ Это, однако, не мешало ему иметь мулатов среди своих ближайших друзей и помощников. Мулаткой была и его вторая жена Эми Джэкис Гарви.

³⁹ E. D. Cropper. Op. cit., p. 192.

⁴⁰ «Philosophy and Opinions...», p. I, p. 5; p. II, p. 106.

⁴¹ Ibid., P. I, p. 27; P. II, pp. 5, 49, 97—98, 107.

⁴² E. F. Frazer. The Negro in the United States. N. Y. 1957, p. 530.

редать мандат на управление ими самим африканцам⁴³. Идее создания африканского государства Гарви оставался верен до конца жизни. В 1938—1939 гг. он публично выступил в поддержку реакционнейшего билля о репатриации американских негров в Африку, внесенного в конгресс США сенатором-расистом Т. Бильбо⁴⁴. Образование африканского государства должно было, по мнению Гарви, сделать черную расу «такой сильной, чтобы вызывать страх» в сердцах угнетателей и тем самым автоматически обеспечить неграм не только в Африке, но и на других континентах престиж и защиту⁴⁵.

Одной из предпосылок появления в будущем независимого африканского государства и первым шагом на пути полного отделения негров от американского общества Гарви считал создание в США «сепаратной негритянской экономики». Этой цели и должны были служить основанные им коммерческие предприятия. Акции их продавались только неграм, причем не более 200 акций по 5 долл. в одни руки. Около 40 тыс. человек приобрели 155,5 тыс. акций «Черной звезды» на общую сумму в $\frac{3}{4}$ млн. долларов. На эти деньги были закуплены два судна для рейсов в Вест-Индию и Африку, а также небольшой речной пароход. Тогда же на кооперативных началах была учреждена «Нигро фэкторис корпорейшн» с капиталом в 1 млн. долл. (200 тыс. акций), объединившая сеть бакалейных и других магазинов, пошивочных мастерских и прачечных, фотоателье, ресторанов, отель, издательство, производство граммофонных пластинок и фабрику кукол. Негров призывали поддержать эту компанию, с тем чтобы обеспечить работу их сыновьям и дочерям, и десятки тысяч людей покупали ее акции⁴⁶. Полагая, что таким образом осуществляется мечта Б. Вашингтона о своем, независимом от «белого» капитана негритянском бизнесе, Гарви полностью игнорировал тот факт, что весь этот бизнес, как и сам он, при финансировании своих проектов в конечном счете подпадал под влияние крупных «белых» банков и корпораций.

Гарви был католиком, но вскоре пришел к выводу, что черной расе нужен «свой бог», и повел кампанию за создание «церкви черного человека». Его помощниками были проделаны необходимые изыскания в библии, по-своему пересмотрена и соответствующим образом интерпретирована история рождения Иисуса Христа. Так возникла Африканская ортодоксальная церковь — АОЦ. Главой ее стал уроженец острова Антигуа в Карибском море пастор методистской епископальной церкви Д. А. Мак-Гайр, отказавшийся ради этого от епископской кафедры в Бостоне. В 1921 г. он был посвящен белым архиепископом греческой ортодоксальной церкви в сан примаса Африканской ортодоксальной церкви. Ритуал последней во многом подражал литургии католической и епископальной церквей. В Либерти-холл состоялась церемония канонизации Иисуса Христа как «черного человека скорби» и девы Марии как черной мадонны⁴⁷. «Вы должны забыть белых богов, — обращался Мак-Гайр к своей пастве. — Изгоните белых богов из своих сердец. Мы должны вернуться в лоно родной церкви, к нашему собственному истинному богу»⁴⁸. Рекомендую неграм уничтожить все картины с белой мадонной и заменить их картинами с черной мадонной и Христом, Мак-Гайр объявил, что дьявол у негров впредь будет белым. Хотя Гарви всячески избегал конфликта с негритянскими пасторами и многое заимствовал из религиозного наследия афроамериканцев, руководство негритянских церквей США, боясь потерять влияние на своих приверженцев, отвергло новую «черную религию» и заняло резко враждебную позицию по отношению к Гарви. Однако некоторые негритянские церковные деятели, в том числе автор монографии о роли религии в духовной жизни афроамериканцев пастор Б. Е. Мэйс, считали, что Гарви использовал идею черного бога, чтобы возродить у

⁴³ «Philosophy and Opinions...». P. I, pp. 4, 6, 9; p. II, pp. 225, 406; T. G. Vincent. Op. cit., pp. 184—185; E. D. Cropp. Op. cit., p. 147.

⁴⁴ «Black Nationalism in America». Ed. by J. H. Bracey, A. Meier, E. Rudwick. Indianapolis. 1970, p. 197.

⁴⁵ «Philosophy and Opinions...». P. I, pp. 38—39; p. II, pp. 49, 97—98; E. D. Cropp. Op. cit., pp. 184—185.

⁴⁶ См. E. D. Cropp. Op. cit., pp. 50—60; T. G. Vincent. Op. cit., pp. 103, 106. В 1924 г. для новой судоходной компании был куплен еще один пароход, получивший название «Букер Т. Вашингтон».

⁴⁷ T. G. Vincent. Op. cit., pp. 29, 112, 121, 125.

⁴⁸ Цит. по: C. McKay. Op. cit., p. 166; R. Otteley. Op. cit., p. 73.

негров чувство гордости за свою расу и побудить их к борьбе за улучшение своего экономического и социального положения⁴⁹.

За 10 лет пребывания в США Гарви оказал заметное влияние на жизнь и мышление американских негров. Но его воззрения и практическая деятельность отличались крайней противоречивостью. Наряду с положительными, прогрессивными сторонами в них нельзя не отметить отрицательных, реакционных аспектов. В 1920 г. У. Дюбуа, называя Гарви «выдающимся лидером», отмечал, что он «с удивительным успехом обобщил и выразил недовольство и дух протеста, накопившиеся за долгие века страданий» у черных рабов и их потомков⁵⁰. Гарлемская газета «News», критиковавшая программу ВАУПН, в номере от 7 февраля 1925 г. признавала тем не менее, что Гарви «разбудил расовое самосознание и расовую гордость масс афроамериканцев... Он заставил их мыслить, заставил объединиться, организовал их и продемонстрировал их силу». Другая негритянская газета, «Amsterdam News», подчеркивала 30 ноября 1927 г., что благодаря Гарви афроамериканцы стали «гордиться своей расой», что он «учил их... восхищаться черными людьми и хвалить их... Они пошли за ним потому, что он чувствовал и отвечал на биение сердца своей расы»⁵¹.

Уже после смерти Гарви Дюбуа, характеризуя программу ВАУПН, писал, что «это была грандиозная и напыщенная программа, крайне нереальная в целом, но она была искренней и имела практические аспекты. Гарви доказал, что он был не только удивительно популярным лидером, но и мастером пропаганды. В течение нескольких лет новости о его движении, о его обещаниях и планах достигали Европы и Азии и проникали в каждый уголок Африки»⁵². А виднейший современный негритянский историк США Дж. Хоуп Фрэнклин видит важнейшее значение гарвизма «в том факте, что это было первое и единственное действительно массовое движение среди негров в истории Соединенных Штатов и что оно показывает, насколько велики были сомнения негров в отношении надежды достичь положения граждан первого сорта на единственной родине, которую они знали»⁵³. Лауреат Нобелевской премии М. Л. Кинг, выступая в 1965 г. в Кингстоне, назвал Гарви «первым цветным человеком в истории Соединенных Штатов, организовавшим и руководившим массовым движением», а также сумевшим «дать миллионам негров возможность осознать свои достоинство и судьбу и помочь им почувствовать, что негр — тоже человек»⁵⁴.

Своим быстрым успехом Гарви, как отмечалось выше, был обязан многим факторам. Кроме того, время расцвета гарвизма совпало с периодом общего подъема борьбы американских трудящихся за свои права, и он носил тогда боевой, воинственный характер, выдвигая требования, отвечавшие чаяниям широких негритянских масс. Программа ВАУПН в те годы имела ярко выраженный антиимпериалистический характер и клеймила позором господствующие классы США за расистский террор, угнетение и дискриминацию негров во всех областях жизни. Благодаря этому ВАУПН вначале пользовалась поддержкой со стороны радикальных элементов негритянского освободительного движения и многих левых организаций, в том числе коммунистов. С самого своего возникновения Компартия США занимала дружественную позицию по отношению к ВАУПН, хотя и подвергала критике некоторые аспекты ее программы и лозунг «Назад — в Африку!»⁵⁵. Исходя из того, что ВАУПН олицетворяла собой тогда «самое крупное массовое движение со времен Реконструкции»⁵⁶, компартия обратилась в 1924 г. к съезду ВАУПН с письмом, подписанным Ч. Рутенбергом и У. Фостером, в котором наряду с критикой ошибок этой организации обещала оказывать поддержку освободительной борьбе афроамериканцев⁵⁷.

⁴⁹ В. Е. М а у с. The Negro's God as Reflected in His Literature. Boston. 1938, p. 185.

⁵⁰ У. Д ю б у а. Воспоминания. М. 1962, стр. 340.

⁵¹ Цит. по: «Philosophy and Opinions...», p. XXVI; T. G. Vincent. Op. cit., p. 246.

⁵² W. E. B. Du Bois. Op. cit., p. 277.

⁵³ J. H. Franklin. Op. cit., p. 483.

⁵⁴ Цит. по: «Philosophy and Opinions...», p. XXVI; T. C. Vincent. Op. cit., p. 246.

⁵⁵ T. G. Vincent. Op. cit., pp. 45, 77—79, 81—84.

⁵⁶ См. У. Ф о с т е р. Указ. соч., стр. 587.

⁵⁷ «Мы,—говорилось в этом письме,—стоим за освобождение Африки из-под ига империалистических держав и за предоставление народам Африки права на самоопределение. Но, разделяя такую позицию, мы подчеркиваем, что это еще не служит и не должно служить основанием для отказа от борьбы за равноправие негров в Соединенных Штатах и во всякой другой стране» («Daily Worker», 5. VIII. 1924).

Однако уже в начале 20-х годов Гарви начал постепенно отходить от первоначального радикализма и, в частности, от выдвигавшихся им прежде требований об уравнивании негров в правах с белыми американцами и ряда других, сосредоточив свою деятельность на утопическом плане «возвращения в Африку» и на связанных с ним коммерческих предприятиях. По существу, он изменил делу борьбы за гражданские права и социальное равенство негров в США, заявив в октябре 1923 г.: «Пусть неумные негритянские агитаторы и так называемые реформаторы, поощряемые столь же заблуждающимися и легкомысленными белыми их друзьями, перестанут проповедовать и защищать доктрину «социального равенства»⁵⁸. Он стал утверждать, что «негры должны быть лояльны всякому флагу, под сенью которого они живут»⁵⁹. По свидетельству одного из лидеров Компартии США, Р. Майнора, программа ВАУПН «постепенно ревизовалась и подправлялась так, что в конце концов из нее были выброшены все требования, затрагивающие интересы правящего класса, и ВАУПН превратилась в организацию, фактически одобрявшую бесправное положение негров в США»⁶⁰.

Итак, Гарви отказался от борьбы за улучшение положения негров в США ради идеи создать негритянское государство в Африке. А это постепенно привело его к сотрудничеству с самыми реакционными антинегритянскими элементами. Открытое отречение Гарви от требования гражданских прав для негров в сочетании с призывом «Назад — в Африку!» вызвало одобрение со стороны Ку-клукс-клана, так называемых англосаксонских клубов и других белых расистских групп. Их вполне устраивала такая программа, ибо она ослабляла сопротивление афроамериканцев угнетению и эксплуатации, а также позволила бы раз и навсегда покончить с «негритянским вопросом» в США.

В начале 1922 г. Гарви встретился в Атланте с главой Ку-клукс-клана Э. Я. Кларком, чтобы выяснить, может ли клан поддержать программу ВАУПН и помочь в финансировании выезда негров из США в Африку⁶¹. Детали этой встречи остались неизвестными, но самый факт возможности сотрудничества видного негритянского лидера с главой злейших врагов афроамериканцев вызвал среди них бурю возмущения. Дюбуа, отзывавшийся ранее о лидере ВАУПН с уважением как о «человеке идеи», в мае 1924 г. писал: «Маркус Гарви, без сомнения, самый опасный враг негритянской расы в Америке и во всем мире. Он либо лунатик, либо предатель»⁶². Бывший видный деятель ВАУПН У. Пиккенс также назвал Гарви «одним из худших врагов собственной расы»⁶³. Гарви, однако, это не смутило. Он стал контактировать с другими руководителями Ку-клукс-клана — полковником Симмонсом и майором Коксом, которые по его просьбе выступили в Либерти-холл перед членами ВАУПН и всячески превозносили ее лидера. Кроме того, он начал переговоры с одним из деятелей англосаксонских клубов расистом Дж. Пауэллом и расистами-конгрессменами из южных штатов.

Выступивший в октябре 1925 г. в Либерти-холл Пауэлл, подобно Симмонсу и Коксу, выразил свое одобрение движению «Назад — в Африку!» и принятой ВАУПН программе сохранения «расовой чистоты» белых и черных. А Кокс даже посвятил Гарви свою брошюру, назвав его «мучеником борьбы за независимость и целостность негритянской расы»⁶⁴. Гарви, в свою очередь, выразил восхищение людьми, подобными Коксу и Пауэллу. «Я рассматриваю клан, англосаксонские клубы и общества белых американцев, — заявил он в ответ на критику в его адрес, — как более хороших друзей моей расы, чем все другие группы лицемерных белых, вместе взятые... Вы можете называть меня клансманом, если хотите, но когда речь идет о социальной, экономической и политической конкуренции негра с белыми, то потенциально каждый белый человек — клансман, и ложь здесь не принесет никакой пользы»⁶⁵.

⁵⁸ «Philosophy and Opinions...». P. II, p. 3.

⁵⁹ «Communist», June 1930, p. 549.

⁶⁰ Цит. по: У. Фостер. Указ. соч., стр. 585.

⁶¹ «Philosophy and Opinions...». P. II, pp. 260—261; «Defender», 8.VII.1922; «New York Times», 3.II.1923.

⁶² «Crisis», vol. XXVIII, 1924, pp. 8—9.

⁶³ «Defender», 26.IV.1924; T. G. Vincent. Op. cit., pp. 191—192, 209—211.

⁶⁴ «Philosophy and Opinions...». P. II, pp. 339—349. После высылки Гарви в 1927 г. из США некоторые белые расисты-южане ратовали за разрешение ему вновь вернуться в США.

⁶⁵ Ibid., p. 71.

Фактически Гарви считал, что, чем хуже станет положение негров в США, тем охотнее они будут прислушиваться к его призывам. «Личевания и расовые погромы, — откровенно пояснял он, — работают на нас, показывая негру, что он должен либо создать свою собственную цивилизацию, либо навсегда остаться жертвой белого человека»⁶⁶. Его ближайший сподвижник Мак-Гайр также заявил, что кампания запугивания и насилия, развернутая Ку-клукс-кланом, льет воду на мельницу Гарви, загоняя встревоженных негров в ВАУПН⁶⁷. Переходя постепенно на позиции сотрудничества и выпрашивания подачек у злейших врагов трудящихся-негров, Гарви в то же самое время старался внушить последним, что их наиболее опасным соперником и конкурентом является белый рабочий — член профсоюза. Наоборот, белый капиталист, дескать, их лучший друг, ибо он в погоне за прибылью рад использовать негра за более низкую плату, чем платить связанному с профсоюзом белому рабочему. Поэтому, если негр хочет иметь работу, он должен соглашаться на более низкую оплату его труда. Гарви выступал, таким образом, против единения с белыми рабочими и против профсоюзов⁶⁸. Напоминая, что среди негритянских лидеров «были люди, считавшие, что политика примирения с эксплуататорами может дать больше негритянскому народу, чем открытая борьба с ними», У. Форстер писал: «Букер Т. Вашингтон был первым видным выразителем таких взглядов, Маркус Гарви — вторым»⁶⁹.

Все более скатываясь на позиции буржуазного национализма и защиты интересов негритянской буржуазии, боровшейся за свое «место под солнцем», Гарви стал утверждать, что «капитализм необходим для прогресса мира»; те же, кто противится ему или борется против него, являются врагами продвижения человечества вперед. Единственное, по его мнению, что необходимо, — это контроль над корпорациями⁷⁰. С честолюбивыми планами черной буржуазии США были связаны как сформулированный по принципу пресловутой «доктрины Монро» лозунг «Африка — для африканцев!» (не случайно дополненный словами «дома и за рубежом»), так и требования «свободы торговли» и «свободы морей» в «Декларации прав» ВАУПН. «Почему, — спрашивал Гарви, — Африка сама не может дать миру своих черных Рокфеллера, Ротшильда и Генри Форда? Теперь существуют для этого возможности, и негры должны преуспеть в бизнесе»⁷¹. В то же время Гарви откровенно заявлял, что не желает иметь ничего общего ни с социализмом, ни с коммунизмом, поскольку лидеры этих движений — белые. «Каково в целом расовое различие между белым коммунистом, республиканцем или демократом?» — задавал он вопрос и предупреждал, что коммунисты еще более опасны для негров, чем все остальные организации белых⁷². И если вначале Гарви занимал дружественную позицию по отношению к Советской России, то впоследствии он превратился в яростного противника СССР.

У. Форстер объясняет политическое перерождение Гарви и переход его на капитулянтские позиции затишьем, наступившим в послевоенной борьбе американского рабочего класса, и спадом мощного революционного движения, потрясшего Европу в первые послевоенные годы⁷³. Это, несомненно, так. Как показала история национальных движений эпохи империализма, подобного же рода политическую эволюцию проделал ряд крайних националистов в разных странах мира. Справедливо мнение, что такого типа деятели, выступающие против сближения наций, готовы «превратить весь мир в систему изолированных гетто»; «их не смущает колючая проволока, лишь бы колючки торчали в другую сторону. Не удивительно, что они во многом практически смыкаются с великодержавными черносотенцами»⁷⁴.

Успехи Гарви оказались эфемерными и скоротечными. Это объясняется многими причинами, и прежде всего тем, что узкорасовый, националистический подход Гарви

⁶⁶ Цит. по: Е. Д. С г о п о ч. О р. с и т., р. 159.

⁶⁷ «Defender», 16.VIII.1924.

⁶⁸ «Philosophy and Opinions...». Р. II, р. 69.

⁶⁹ У. Ф о с т е р. Указ. соч., стр. 693.

⁷⁰ «Philosophy and Opinions...». Р. II, р. 72. Частное лицо, по его мнению, не должно владеть капиталом более чем в 1 млн., а корпорация — более чем в 5 млн. долларов.

⁷¹ Ibid., р. 68.

⁷² Ibid., pp. 69—70, 333—334; Е. С. Ф а х. О р. с и т., р. 148.

⁷³ У. Ф о с т е р. Указ. соч., стр. 584.

⁷⁴ И. К о н. Диалектика развития наций. «Новый мир», 1970, № 3, стр. 141.

к решению «негритянского вопроса» противоречил объективному процессу развития самосознания афроамериканцев в США. Попытка Гарви воздвигнуть высокие расовые стены между черными и белыми американцами совершенно не соответствовала стремлениям значительной части черного «среднего класса», то есть негритянской интеллигенции и буржуазии, разрушить расовые барьеры и стать равноправной частью американского общества. Враждебность их по отношению к ВАУИН лишь усугублялась упорным желанием Гарви дискредитировать мулатов, преобладавших в этих социальных слоях афроамериканцев, с целью противопоставить их «чистым» негроидам. Если не считать отдельных представителей негритянской буржуазии, то ВАУИН не получила сколько-нибудь крупной финансовой поддержки со стороны этого класса в целом⁷⁵. Что касается подавляющего большинства трудящихся афроамериканцев, то, хотя программа «Назад — в Африку!» предусматривала, казалось бы, легкий выход для угнетенных, дискриминируемых и разочарованных в американской действительности негритянских масс, она не была реальным ответом на волнующие их проблемы. Позволив продемонстрировать притягательность лозунгов этнической солидарности и самоопределения как средства протеста и борьбы против угнетения, дискриминации, белого расизма и шовинизма, она одновременно резче оттенила тот факт, что североамериканские негры к XX в. никакой связи с Африкой и африканской культурой не имели и мало кто из них собирался «возвращаться» в Африку, о которой у них было самое смутное представление.

По существу, Гарви призывал афроамериканцев отказаться от их прав, хотя и неполных, но завоеванных героической борьбой многих поколений, и отдать все, что было создано их тяжким трудом, потом и кровью, сторонникам «превосходства белой расы». Лишь очень и очень немногие готовы были пойти на это и согласиться затем на тяжелую жизнь, связанную с заселением, освоением и колонизацией чужой и незнакомой страны. Сведя к нулю многое из того прогрессивного и потенциально ценного в его первоначальной программе, что способствовало улучшению положения афроамериканцев, гарвизм оказался не способен выдвинуть реальную альтернативу тяжелым условиям жизни угнетенных негритянских масс, и программа его стала все больше приходить в противоречие с их интересами. Отказавшись сотрудничать с «белыми» организациями (за исключением крайне правых вроде Ку-клукс-клана и англосаксонских клубов), Гарви лишился поддержки и со стороны негритянских радикальных элементов. В результате движение его начало быстро хиреть и через несколько лет сошло на нет.

Раскол ВАУИН и отход от нее наиболее выдающихся сподвижников Гарви лишь ускорили финал, хотя вплоть до его смерти еще и существовали две соперничавшие организации под этим названием: одна — под руководством самого Гарви, а другая, сепаратная, — в США во главе с Л. Фрэнсисом (в 1940 г. в ней насчитывалось всего 700 человек)⁷⁶. В 30-е—40-е годы движение распалось на ряд мелких организаций и группок националистического характера, заимствовавших те или иные положения гарвизма. Единственной сравнительно многочисленной и дожившей до наших дней организацией оказалась среди них лишь «Нация ислама». Однако в отличие от ВАУИН она заявляет о намерении создать негритянское государство не в Африке, а на территории США и с этой целью требует выделения одного или нескольких штатов⁷⁷. Вместе с тем, хотя Гарви никогда не ступал на землю Африки, идеи его оказали немалое влияние на формирование взглядов многих современных лидеров африканских государств. Об этом свидетельствуют К. Нкрума, К. Каунда, Дж. Кениата и другие

⁷⁵ E. F. Frazier. *Black Bourgeoisie*. N. Y. 1965, pp. 121—122; E. D. Cronon. *Op. cit.*, p. 221; E. S. Redkey. *Black Exodus*. New Haven, p. 300; H. Cruse. *The Crisis of the Negro Intellectual*. N. Y. 1967, pp. 431—498.

⁷⁶ G. Myrdal. *An American Dilemma. The Negro Problem in Modern Democracy*. N. Y. 1944, pp. 812—813.

⁷⁷ См. о ней: E. U. Essien-Udom. *Black Nationalism*. Chicago. 1962, pp. 4, 33—35, 67—69, 122—142, 166—167; A. Bontemps, J. Conroy. *They Seek a City*. Garden City. 1945, pp. 176—183; E. Muhammad. *Message to the Blackman*. Chicago. 1965, pp. 1—29, 173—175. В начале 60-х годов один из лидеров «Нации ислама» М. Икс тоже писал о влиянии, оказанном на него М. Гарви (E. C. Fax. *Op. cit.*, pp. XX, 279, 287—288).

участники борьбы народов африканского континента за свободу и независимость. Одни современные проповедники panaфриканизма заимствуют из идейного наследия Гарви в основном реакционные элементы, нашедшие отражение, в частности, в концепции «негритюда»⁷⁸, другие опираются на более прогрессивные идеи.

В США, где в конце 60-х — начале 70-х годов вновь оживились националистические и сепаратистские тенденции в негритянском движении, также появилась группа теоретиков неогарвистского толка: С. Кармайл, Э. Кливер, Х. Ньютон, П. А. Барака, Р. Иннис, Д. Формэн, Д. Боггс и др. Хотя между их теориями существуют определенные различия, всех их объединяют узкорасовый подход к социальным явлениям, воинствующий негритянский национализм и сепаратизм. Освободительное движение негров и в Африке и в США они рассматривают только как борьбу людей черной расы, отвергая классовые различия в капиталистическом обществе и считая всех белых враждебным лагерем⁷⁹. Тем самым они обрекают борьбу черных американцев на поражение, ибо подлинное освобождение их от угнетения и дискриминации возможно только в союзе с белыми трудящимися Америки под общими прогрессивными лозунгами.

⁷⁸ «Philosophy and Opinions...», pp. XXIII—XXV; T. G. Vincent. *Op. cit.*, pp. 245—247.

⁷⁹ См.: Г. Уинстон. Стратегия борьбы черного населения. М. 1975; О. Н. Митрохин. Негритянское движение в США: идеология и практика. М. 1974.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Обзоры

НОВЕЙШАЯ СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О СВЯЗИ НАУКИ С ПРОИЗВОДСТВОМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Изучение истории советской науки, ее связей с повседневной практикой приобретает все большее значение, а круг исследований в этой области неизменно растет, ибо наука в наше время властно вторгается в жизнь, все явственнее становится непосредственной производительной силой общества.

Период Великой Отечественной войны — важный этап в развитии советской науки, характеризующийся усилением ее творческого содружества с производством, подчинением научных достижений делу защиты социалистического Отечества. Подтвердились слова В. И. Ленина, сказанные в пору гражданской войны: «Перед союзом представителей науки, пролетариата и техники не устоит никакая темная сила»¹. Под руководством Коммунистической партии деятельность ученых в годы войны была направлена на создание нового оружия и совершенствование боевых средств, на оказание помощи народному хозяйству, изыскание энергетических и сырьевых ресурсов.

В разработке советскими учеными темы «Союз науки и труда в 1941—1945 гг.» имеются определенные успехи, о чем свидетельствуют появление первого специального исследования² и растущая интенсивность в освещении отдельных аспектов проблемы. На богатом фактическом материале Т. Н. Петрова осветила вклад ученых в развитие индустрии Западной Сибири, выявила разнообразные организационные формы мобилизации науки на нужды фронта, проанализировала деятельность созданных впервые в стране комитетов ученых, контакты людей науки, инженерно-технической интеллигенции и рабочих-рационализаторов, охарактеризовала партийное руководство наукой. Выводы и положения автора научно аргументированы. В работе Т. Н. Петровой дан и обзор советской исторической литературы, вышедшей до 1965 г. и раскрывающей связь науки с производством в годы суровых испытаний. Имеются обзоры литературы и по отдельным районам и аспектам темы³. С середины 60-х годов начался новый этап в разработке проблемы: кроме названного монографического труда, появилось значительное количество статей и сообщений в «Ученых записках», «Трудах» университетов и институтов, материалах научных конференций. Как правило, затрагивались главным образом такие сюжеты: перестройка деятельности академических и вузовских учреждений, многогранный опыт Коммунистической партии по раскрытию творческих сил интеллигенции и привлечению ее к решению важнейших жизненных проблем; связь научных и производственных коллективов на примере отдельных республик, краев и областей.

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 40, стр. 189.

² Т. Н. Петрова. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по усилению творческого содружества науки с производством в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Томск. 1968.

³ В. М. Петровец. Научные исследования в Киргизии в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Фрунзе. 1969; А. В. Бакунин. Новейшая литература об индустриальном развитии советского Урала. «Вопросы истории», 1976, № 1; Г. П. Полозов. Партийное руководство деятельностью интеллигенции в годы Великой Отечественной войны (Историографический обзор). «Вопросы истории КПСС», 1976, № 9, и др.

В настоящем обзоре предпринимается попытка охарактеризовать советскую историческую литературу по указанной проблеме, опубликованную за последние 10—12 лет, причем автор ставит своей задачей рассмотреть степень изученности темы в следующих направлениях: связь с производством «академической», «вузовской» и «отраслевой» науки; работа партии по мобилизации научной интеллигенции на службу фронту и тылу; деятельность ученых различных регионов страны.

В крупных работах о развитии советской науки⁴ убедительно показано, что принцип единства теории и практики нашел свое выражение прежде всего в служении науки интересам народа. Авторы едины в мнении, что «важной характерной особенностью развития науки в нашей стране после Октябрьской революции является стремление возможно лучше связать науку с практикой»⁵ и что «вторая мировая война показала возросшую роль науки в развитии экономики, в совершенствовании военной техники»⁶. Отдельные стороны рассматриваемой проблемы нашли освещение в обобщающих трудах о Великой Отечественной войне и по истории КПСС⁷, монографиях и коллективных работах ведущих специалистов по истории советского тыла⁸.

В фундаментальных исследованиях по истории второй мировой и Великой Отечественной войн, выполненных на богатой источниковой базе, дана оценка проблемы в целом. Во 2-м и 5-м томах шеститомной «Истории Великой Отечественной войны» специальные параграфы посвящены вкладу советской науки в обеспечение нужд фронта и тыла, в остальных томах материал по этим вопросам представлен в главах о деятельности тыла. Авторами раскрыты новые организационные формы мобилизации науки на выполнение вставших перед нею задач (комитеты, бригады ученых, комиссии АН СССР, концентрация научных сил на разработке проблем, жизненно важных для страны), приведены примеры, показывающие резкий рост технического уровня производства благодаря использованию достижений науки и быстрому внедрению их в жизнь. В 5-м томе названного труда дана высокая оценка деятельности ученых: «Никогда еще жизнь и работа ученых не переплетались так тесно с промышленными предприятиями, колхозами, армией и флотом... Советская наука, в широком смысле, явилась одним из решающих факторов развития Советского Союза и его блестящей военной победы»⁹. Однако в этом издании нет всестороннего анализа роли партии и государства в разработке и осуществлении научно-технической политики. Крайне скупо сказано и об участии в развитии военной экономики научных инженерно-технических обществ, о движении рационализаторов и изобретателей, вносящих свой вклад в укрепление контактов научных и производственных коллективов. Правда, в трудах, охватывающих весь период войны и рассматривающих широкий круг проблем, вероятно, исследовать специально каждую из них не представлялось возможным.

В X томе «История СССР с древнейших времен до наших дней» и 4-м—7-м томах «Истории второй мировой войны. 1939—1945» вопросы развития науки освещены

⁴ А. А. Звoryкин. Наука, производство, труд. М. 1965; «В. И. Ленин о науке и высшем образовании». М. 1967; П. А. Рачков. Роль науки в строительстве коммунизма. М. 1969; «Ленин и современная наука». Кн. 1—2. М. 1970; «Наука Союза ССР». М. 1972, и др.

⁵ «Ленин и современная наука». Кн. 2, стр. 10.

⁶ «Наука Союза ССР», стр. 23.

⁷ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945». Тт. 2—6. М. 1961—1965; «Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945». Краткая история. М. 1970; «История Коммунистической партии Советского Союза». Т. 5, кн. 1. М. 1970; «История СССР с древнейших времен до наших дней». Т. X. М. 1973; «История второй мировой войны. 1939—1945». Тт. 4—7. М. 1975—1976; «Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945». М. 1976.

⁸ «История Москвы в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1941—1965 гг.)». М. 1967; «Очерки истории Ленинграда». Т. 5. Л. 1967; Г. А. Докучаев. Сибирский тыл в Великой Отечественной войне. Новосибирск 1968; М. Козыбаев. Казахстан — арсенал фронта. Алма-Ата. 1970; А. В. Митрофанова. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М. 1971; Ю. А. Приходько. Восстановление индустрии. 1942—1950. М. 1973; Г. Г. Морехина. Великая битва за металл. М. 1974; «Советский тыл в Великой Отечественной войне». Кн. 1—2. М. 1974; И. И. Кузнецов. Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны. Иркутск. 1974, и др.

⁹ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945». Т. 5, стр. 408—409.

щаются хотя и сжато, но более обстоятельно, в них содержатся новые обобщенные сведения по всем областям научной жизни страны. В историко-партийных работах, и прежде всего в 1-й книге 5-го тома «Истории Коммунистической партии Советского Союза» (раздел «Наука — фронту»), вопросы партийного влияния на научную интеллигенцию также рассматриваются в конкретно-историческом плане. В книге говорится: «Для усиления партийного руководства организацией научной работы по решению Центрального Комитета партии был создан Отдел науки ЦК ВКП(б). Партийным организациям было дано указание активнее привлекать научных работников к участию в организации военного производства»¹⁰. В историко-партийных трудах имеются интересные данные о борьбе партийных организаций за быстрее внедрение в производство достижений науки, об усилении творческой активности интеллигенции. Оценки, приведенные в фундаментальных исследованиях, дают определенную ориентацию в дальнейшей разработке поставленных вопросов.

Специалисты по истории советского тыла вопросы содружества науки с производством специально не рассматривали, но их внимание привлекали прежде всего такие сюжеты, как возрастание творческой активности трудящихся, проявлявшейся в различных формах, помощь академических и отраслевых институтов в решении срочных и важных технических задач, участие ученых в возрождении разрушенной врагом индустрии. Историзм в освещении событий и фактов, умелое использование конкретного материала позволили авторам показать основные направления научно-технического прогресса в годы войны, отметить технические успехи в промышленности, явившиеся результатом быстрого внедрения достижений науки. К сожалению, творческие контакты научных и производственных коллективов в 1943—1945 гг. проанализированы гораздо слабее, чем за период перестройки всей жизни страны на военный лад.

В историографии последних лет заметное место принадлежит исследованиям о деятельности АН СССР и академий наук союзных республик. Связь «академической» науки с производством рассматривается и в общих работах по истории академических учреждений за годы Советской власти¹¹, и особенно в трудах, отражающих их деятельность в период Великой Отечественной войны¹². Что касается общих работ, написанных в форме краткого очерка, то в них невозможно было представить всю совокупность фактов, характеризующих работу подразделений академий по укреплению контактов, с трудовыми коллективами и военными организациями. Но эти очерки интересны постановкой проблемы, раскрытием характерных черт в развитии науки военных лет: расширение сфер влияния, коллективное решение задач, комплексность, быстрое внедрение достижений науки в жизнь. Г. Д. Комков, Б. В. Лёвшин и Л. К. Семенов показали три главных направления деятельности вседущего научного центра страны (разработка проблем, имеющих оборонное значение, научная помощь промышленности, мобилизация сырьевых ресурсов страны) и формы научно-технической по-

¹⁰ «История Коммунистической партии Советского Союза». Т. 5, кн. 1, стр. 448.

¹¹ «Історія Академії наук Української РСР». Кн. 1—2. Київ. 1967; «Академия наук СССР. Краткий очерк истории и деятельности». М. 1968; В. Ф. Купревич. Академия наук Белорусской ССР. Очерк истории и деятельности. Минск. 1968; Г. Д. Комков, Б. В. Лёвшин, Л. К. Семенов. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М. 1974, и др.

¹² Б. В. Лёвшин. Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны. М. 1966; его же. Вклад советской науки в достижение победы над врагом. «Всемирно-историческая победа советского народа. 1941—1945 гг.». М. 1971; его же. Весомый вклад в победу. Роль советской науки в материально-техническом обеспечении обороны страны. «История СССР», 1975, № 1; І. І. Ладивір. Діяльність учених Академії наук УРСР у роки Великої Вітчизняної війни. «Український історичний журнал», 1968, № 3; его же. Вклад учених АН УРСР у зміцнення економіки і розвиток культури братніх республік у роки Великої Вітчизняної війни. «Вісник» АН УРСР, 1970, № 5; его же. Вклад учених АН УРСР у перемогу над фашистською Німеччиною. Київ. 1970; А. В. Кольцов. Филиалы и базы Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны. «Вопросы истории естествознания и техники», 1975, вып. 2(51); Я. М. Колотыркин. Физико-химический институт имени Л. Я. Карпова в годы войны. Там же; В. М. Тучкевич, В. Я. Френкель. Физико-технический институт имени А. Ф. Иоффе в годы войны. Там же; А. Халилов, Б. Трепетян. Азербайджанский филиал Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны. Баку. 1975, и др.

мощи АН СССР промышленности: проведение исследований по заданиям заводов, консультации, экспертизы и заключения по экспериментальным работам предприятий.

В книге Б. В. Лёвшина о деятельности АН СССР в военный период раскрывается роль творческой работы ученых в области естественных и технических наук, во многом способствовавшей техническому прогрессу и успешному развитию экономики. Автор воссоздает общую картину развития науки в целом и отдельных областей знания. Война ускорила экспериментальную проверку новых идей, сжала сроки их практического применения. В монографии показана перестройка академических ячеек, типичные черты в организации научных сил, специфика задач, стоящих перед штабом советской науки на разных этапах войны: сосредоточение главных сил академии на ведении работ по созданию и совершенствованию образцов военной техники, мобилизации природных ресурсов, восстановлению народного хозяйства СССР на освобожденной территории и др. Особо отмечает автор, что для усиления связи науки с производством ряд крупных ученых был выдвинут на ответственные государственные посты: акад. И. П. Бардин стал заместителем наркома черной металлургии, акад. А. И. Берг — заместителем наркома электропромышленности, акад. Б. Е. Веденеев — заместителем наркома электростанций. К сожалению, в книге неполно отражено партийное и государственное руководство развитием науки, в частности в деле осуществления тесной связи «большой» науки с жизнью.

Деятельность коллектива АН Украины в 1941—1945 гг. рассмотрена в специальном исследовании И. И. Ладывира. Он показал заслуги ученых республики в создании новых видов оружия, в освоении природных ресурсов Башкирии, куда была эвакуирована АН УССР, в восстановлении народного хозяйства Украины после ее освобождения. Получил освещение и такой сюжет, как взаимопомощь и тесное творческое содружество ученых различных республик в решении комплексных проблем. Однако менее конкретно пишет автор о том, что предпринималось по государственной и партийной линиям для организации и эффективного использования научных достижений на практике.

Работы по истории АН СССР и республиканских академий, выполненные с учетом последних достижений историографии, показывают, как научное творчество в государственном масштабе было поставлено на службу фронту и тылу. Авторы дают высокую оценку всему, что было достигнуто в этом плане.

Внесли свой вклад в расширение содружества науки с производством и высшие учебные заведения страны (в 1940 г. их было 817). Подготовка кадров специалистов, проведение научно-исследовательских работ для нужд армии и народного хозяйства — вот главные задачи, которые решала высшая школа в годы войны, и с этими задачами она справилась с честью. В военное время высшее образование получили 302 тыс. человек¹³. Об актуальности и размахе выполненных научных исследований свидетельствует тот факт, что свыше 500 сотрудников высшей школы были удостоены за годы войны Государственных премий¹⁴. Этот аспект нашел освещение в работах о высшей школе военного периода¹⁵. В книгах, освещающих историю ву-

¹³ «Страна Советов за 50 лет». Сборник статистических материалов. М. 1967, стр. 279.

¹⁴ Н. И. Кондакова. Высшая школа в годы Отечественной войны. «Вестник высшей школы», 1970, № 5, стр. 7.

¹⁵ Р. Я. Гольдман, Е. Л. Сасковец. Тимирязевская академия в годы Великой Отечественной войны. М. 1965; А. Г. Наумова. Пермская высшая школа в годы войны. «Ученые записки» Свердловского пединститута, 1965, сб. 26; Г. Реука. Вклад ученых Ташкентского политехнического института в развитие связи науки и промышленности Узбекистана в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). «Научные труды» Ташкентского университета, 1967, вып. 293; З. И. Сираев. Высшие учебные заведения и научные учреждения Башкирии в годы Великой Отечественной войны. «Ученые записки» Башкирского университета. Уфа. 1967, вып. 26. Серия общественных наук, вып. 5; Т. Таиров. Из истории высших учебных заведений Таджикистана в годы Великой Отечественной войны. «Ученые записки» Душанбинского пединститута, 1969, т. 64; Л. Л. Корнилов. Вузы и исследовательские учреждения Западной Сибири к концу Великой Отечественной войны. «Научные труды» Омского института инженеров железнодорожного транспорта, 1969, т. 106; М. Р. Кругляни-

зов¹⁶, показана перестройка их научной деятельности (увеличение объема исследований производственного направления, создание новых факультетов и специальностей, приближающих работу высшей школы к военным нуждам, труд ученых на предприятиях в качестве главных инженеров, консультантов и т. д.). Обстоятельностью освещения темы выделяется монография М. Р. Круглянского.

В книгах, посвященных деятельности эвакуированных учебных заведений, говорится о большой помощи видных ученых Москвы, Ленинграда, Украины местным работникам умственного труда в изучении производительных сил и ресурсов восточных районов страны, мобилизации средств на нужды фронта, о значении этой помощи для укрепления дружбы народов СССР. Во всех работах, но в разной степени, отражена руководящая роль партии в деле подготовки кадров специалистов, в определении направления исследовательских поисков ученых вузов, но обобщающий труд о деятельности вузовских партийных организаций по мобилизации коммунистов и коллективов ученых в военное время до сих пор не создан, не раскрыто участие работников высших учебных заведений в «общественном секторе науки» (всесоюзных, региональных и отраслевых инженерно-технических обществах), «нуждается в более детальной разработке и вопрос о научном творчестве молодых ученых, аспирантов, студентов высших учебных заведений»¹⁷. В общесторической литературе мало освещена тема о молодежи в науке в 1941—1945 гг., о ее вкладе в научно-технический прогресс.

Слабо изучена связь «отраслевой» науки с производством, хотя историки, занимающиеся освещением проблем тыла, затрагивают и эти вопросы. Так, Н. П. Липатов¹⁸ на примере такой отрасли народного хозяйства, как строительство, показал сферы действия исследовательских учреждений данного профиля. Как подчеркивает автор, в годы войны «были установлены прямые контакты руководства и аппарата промышленных и строительных наркоматов, проектных и научно-исследовательских организаций со строительными площадками... Проектные же институты... по мере необходимости развертывали работу своих отделений или бригад прямо на строительных площадках под одной крышей со строителями»¹⁹. Знания и опыт научно-технической интеллигенции использовались как при организации производства, так и при проведении научно-просветительной пропаганды. Научно-просветительная деятельность интеллигенции в годы войны также отражена в работах Н. П. Липа-

ский. Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны. М. 1970; Н. И. Кондакова. Указ. соч., В. Г. Манчинский. Ленинградские политехнические фронту и тылу. «Вестник высшей школы», 1970, № 5; З. В. Семочкина. Вузы Челябинской области в годы Великой Отечественной войны. «На путях строительства коммунизма». Челябинск. 1970; В. М. Горячев. Партийное руководство высшей школой в период Великой Отечественной войны (На материалах Западной Сибири). «Научные труды» Новосибирского пединститута, 1972, вып. 73; З. И. Гузненко. Деятельность вузов Урала по оказанию помощи тылу и фронту в годы Великой Отечественной войны. «Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции». Свердловск. 1972; Г. А. Крадинова. Втузы и техникумы Западной Сибири в 1941—1945 гг. «Народы Сибири в Великой Отечественной войне». Кызыл. 1973; Г. А. Иванова. Средняя специальная и высшая школа Башкирии в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). «Научные труды» Куйбышевского пединститута, 1974, т. 143, вып. IV; В. В. Дрыночкин. Высшие учебные заведения столицы в эвакуации (конец 1941—1943 гг.). «История СССР», 1975, № 1; «Московский университет в Великой Отечественной войне». М. 1975; «Во имя Отчизны. Казанский университет в годы Великой Отечественной войны». Казань. 1975, и др.

¹⁶ «50 лет Ивановского энергетического института им. В. И. Ленина». М. 1968; «Донецкий политехнический». Краткий исторический очерк. Донецк. 1969; «История Ленинградского университета. 1819—1969. Очерки». Л. 1969; «Уральский политехнический институт им. С. М. Кирова. 1920—1970». Свердловск. 1970; «Белорусский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им. В. И. Ленина». Минск. 1971; «Горьковский политехнический. Очерки истории института». Горький. 1971; «Белорусский политехнический институт». Минск. 1974, и др.

¹⁷ «Историография ВЛКСМ». Научные сообщения. Ч. 3. М. 1976, стр. 82—85.

¹⁸ Н. П. Липатов. Черная металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Очерки истории строительства. М. 1960; его же. Новаторство на стройках военного времени. «Строители — фронту». М. 1968.

¹⁹ Н. П. Липатов. Новаторство на стройках военного времени, стр. 41.

това. Данные сюжеты нашли освещение и в статьях и воспоминаниях бывших наркомов²⁰.

В печати уже отмечалась необходимость показа деятельности научно-исследовательских центров хозяйственных наркоматов, выяснения роли, которую играли в ней наркоматы как штабы отрасли²¹. Работа научных подразделений ведомств, исследовательских институтов, конструкторских и проектных организаций, непосредственно обеспечивавших интеграцию науки с производством, в значительной мере способствовала успехам научно-технического прогресса в военное время. Многие отраслевые исследовательские учреждения завоевали весомый авторитет. Немало оригинальных конструкций и более совершенных технологических процессов создали Экспериментальный научно-исследовательский институт металлорежущих станков, Центральный научно-исследовательский институт технологии машиностроения, Всесоюзный научно-исследовательский институт железнодорожного транспорта. Специалисты Центрального аэрогидродинамического института, отдали много сил делу развития советской авиации. Работы этих отраслевых научных центров в 1941—1945 гг. были отмечены Государственными премиями. Именно в период Великой Отечественной войны зародились тенденции активного творчества, заложенные в идее научно-производственных объединений.

Научный и практический интерес в этом плане представляет статья А. С. Федорова²², который обратил внимание на малоразработанные сюжеты. Он подчеркивает, что «тесная связь науки и производства, установившаяся в период Отечественной войны, привела к появлению новых форм воздействия науки на промышленность, к созданию научно-производственных объединений, получивших широкое развитие в наши дни, в эпоху современной научно-технической революции. Пробразы этих организаций возникли еще в годы войны» (стр. 9). Выдвинутые автором положения хорошо аргументированы.

Все более настоятельно перед историками встает задача осветить вопросы партийного руководства научной интеллигенцией, в частности деятельность партийных организаций по укреплению творческого союза научных и производственных коллективов. Как положительный факт следует отметить появление ряда статей на эту тему²³. В историографическом плане большинство этих изданий уже проанализировано²⁴.

²⁰ П. Н. Горемыкин. О производстве вооружения и боеприпасов. «Советский тыл в Великой Отечественной войне». Кн. 2; С. З. Гинзбург. Наркомстрой в годы войны. Там же; А. И. Шахурин. Авиационная промышленность в годы Великой Отечественной войны. «Вопросы истории», 1975, №№ 3—4, и др.

²¹ См. Т. Г. Архипова. История советского государственного аппарата в годы Великой Отечественной войны в новейшей литературе. «Вопросы истории», 1976, № 5, стр. 152, 156—157.

²² А. С. Федоров. Наука и техника в годы Великой Отечественной войны. «Вопросы истории естествознания и техники», 1975, вып. 2(51).

²³ В. Санников. Забота Компартии Киргизии об укреплении творческого союза науки с производством в годы Великой Отечественной войны. «Вопросы истории Коммунистической партии Киргизии». Вып. 4. Фрунзе. 1967; И. Ф. Плотников. Партийные организации Урала во главе борьбы инженерно-технической интеллигенции за оказание помощи фронту в годы Великой Отечественной войны. «Из истории уральских и сибирских партийных организаций». Вып. 3. Свердловск. 1969; Л. Мамедов. Руководство Компартии Узбекистана деятельностью научно-исследовательских учреждений в период Великой Отечественной войны. «Научные труды» Ташкентского университета, 1970, вып. 365; З. И. Гузненко. Руководство уральских партийных организаций научно-исследовательской деятельностью вузов в военные годы. «Из истории партийных организаций Урала». Вып. 2. Свердловск. 1973; Г. А. Реука. Партийное руководство борьбой за технический прогресс в промышленности Узбекистана в годы Великой Отечественной войны. «Научные труды» Ташкентского университета, 1973, вып. 442; П. Г. Агарышев. Партийное руководство работой ученых по развитию топливно-энергетической промышленности Урала в годы Великой Отечественной войны. «Сборник научных трудов» Челябинского политехнического института, 1973, № 126; «Коммунистическая партия и технический прогресс». Свердловск. 1974, и др.

²⁴ См. «КПСС — вдохновитель и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне (Историографический очерк)». М. 1973; Г. П. Полозов. Указ. соч.

За последние годы появились новые исследования вклада советской интеллигенции в победу над фашистской Германией²⁵, деятельности ученых различных регионов страны²⁶. Исследователи проанализировали такие аспекты темы, как проявление творческой активности работников умственного труда в Казахстане, Узбекистане, Киргизии, на Урале и в других регионах, связь с производством «академической» и «вузовской» науки, роль местных партийных органов в налаживании контактов между людьми науки и труда и т. д. Поставленные вопросы освещены разными авторами не с одинаковой полнотой. Местные ученые, например, могли бы уделить больше внимания тому, как в национальных республиках проводился в жизнь принцип государственной организации науки. Эффективность такой организации дала возможность решить и общегосударственные задачи и задачи развития экономики национальных республик. Рядом интересных наблюдений и выводов выделяются статьи Г. А. Реуки и И. Ф. Плотникова. Деятельность инженерно-технической интеллигенции военных лет и общественных сил, объединенных в научные и научно-просветительные общества, освещена в литературе крайне скупо, поэтому попытки этих авторов раскрыть вопросы, недостаточно изученные, заслуживают внимания. Важные сведения об организации научных исследований в годы Великой Отечественной войны содержатся также в статье акад. В. А. Котельникова²⁷.

Период со второй половины 60-х годов до наших дней характеризуется значительным расширением источниковой базы, повышением научного уровня исследований, появлением обобщающих трудов. Однако ряд изданий не отличается глубиной раскрытия темы и содержит мало нового материала по сравнению с предшествующими работами. Это, в частности, относится к статьям Р. А. Каримова и Л. Мамедовой.

Отмечая определенные успехи в изучении различных сторон творческого содружества науки с производством в 1941—1945 гг., следует подчеркнуть, что эта тема

²⁵ И. Ф. Плотников. Трудовой подвиг интеллигенции. «Подвиг трудового Урала». Свердловск. 1965; В. И. Ефимов. Деятельность интеллигенции Узбекистана в годы Великой Отечественной войны. «Материалы 24-й научной конференции профессорско-преподавательского состава Самаркандского университета им. А. Навои», 1967; Г. А. Реука. Научные инженерно-технические общества Узбекистана (УзНИТО) в борьбе за технический прогресс промышленности в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). «Труды» Ташкентского университета, 1966, вып. 305; его же. Производственная интеллигенция в борьбе за технический прогресс промышленности Узбекистана в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). «Научные труды» аспирантов Ташкентского университета, 1968, вып. 319; Л. В. Чех. Интеллигенция Советского Туркменистана в начале Великой Отечественной войны. «Известия» АН Туркменской ССР, серия общественных наук, 1968. № 1; «Советская интеллигенция (История формирования и роста. 1917—1965 гг.). М. 1968; Р. В. Волков, Э. С. Рахматуллин. Вклад научно-технической и производственной интеллигенции Татарии в дело разгрома фашизма в годы Великой Отечественной войны. «Труды» Казанского авиационного института, 1970, вып. 100; А. М. Бадаев. Советская интеллигенция Дагестана в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). «Сборник» научных сообщений Дагестанского университета. Махачкала. 1970, вып. 1; А. Багирзаде. Интеллигенция Азербайджана в годы Великой Отечественной войны. Баку. 1970; Р. Нуркулова. Роль интеллигенции в развитии сельского хозяйства Узбекистана (1941—1945). «Общественные науки в Узбекистане», 1972, № 1; В. М. Савельев, В. П. Саввин. Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне. М. 1974, и др.

²⁶ Н. Едыгенов. Вклад ученых республики в мобилизацию ресурсов Казахстана на разгром фашистской Германии. «Известия» АН Казахской ССР, Общественные науки, 1965, вып. 4; Г. И. Олехнович, З. И. Белуга. Трудовые подвиги деятелей науки и культуры Белоруссии в советском тылу в первый период Великой Отечественной войны. «Вопросы истории и археологии». Минск. 1966; В. В. Гушина. Ученые Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. «Научные труды» Новосибирского университета, серия историческая, 1967, № 1; Р. А. Каримов. Развитие науки в Узбекистане в годы Великой Отечественной войны. «Некоторые вопросы теории и практики социалистического и коммунистического строительства». Ташкент. 1969; В. М. Петровец. Указ соч.; В. С. Сыркин, Л. В. Храмов. Наука и народное образование в Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны. «Ученые записки» Куйбышевского пединститута, 1971, вып. 93; Л. В. Храмов. Ученые Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). «Поволжский край». Саратов. 1973, вып. 2, и др.

²⁷ В. А. Котельников. Советская наука на службе фронту в Великой Отечественной войне. «Новая и новейшая история», 1975, № 4.

еще далеко не исчерпана. Документальное богатство архивов, имеющаяся литература, материалы мемуарного характера позволяют ставить вопрос о создании обобщающего труда по этой проблеме. Заслуживают углубленного изыскания такие аспекты, как вклад отраслевых научных центров в процесс интеграции науки с производством, деятельность «общественного сектора науки», вопросы научно-технической пропаганды. Нуждаются в детальной разработке вопросы государственного и партийного руководства наукой в военное время. Большое значение для дальнейшего изучения этой темы имеет издание документов в целом о научно-организационной деятельности в стране²⁸. Необходима также публикация библиографических работ, отражающих состояние литературы о содружестве науки с производством в годы войны. Систематическое и централизованное издание тематических библиографий может оказать большую помощь исследователям²⁹.

М. С. Зинич

²⁸ Подробнее об этом см. «Археографический ежегодник за 1974 год». М. 1975, стр. 280—283.

²⁹ Шагом на пути к решению этой задачи является указатель литературы «Деятельность Академии наук СССР. 1917—1972» (М. 1974), в котором имеется раздел «Связь науки с производством».

Рецензии

«Великий советский народ». Киев. Изд-во «Наукова думка». 1976. 503 стр. Тираж 10 000. Цена 2 руб. 52 коп.

Советские ученые-обществоведы немало сделали в области исследования процесса формирования и развития в СССР новой исторической общности людей, присущих ей черт и признаков¹. Историография проблемы не так давно пополнилась фундаментальным коллективным трудом, подготовленным в Институте истории СССР АН СССР². И тем не менее книга, созданная украинскими учеными³, займет достойное

место среди исследований о советском народе как выдающемся общественном феномене современности.

Подготовка монографии, в написании которой приняли участие сотрудники институтов истории, философии, экономики, государства и права, литературы, языкознания АН УССР, Высшей партийной школы при ЦК КП Украины и других научных учреждений и вузов республики, значительно обогатила опыт объединения специалистов различных общественных наук для исследования крупных комплексных проблем. Авторский коллектив нашел свой подход к раскрытию темы, который существенно от-

¹ С. Т. Калтачян. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М. 1969; «Советский народ — новая историческая общность людей». Волгоград. 1969; А. И. Холмогоров. Интернациональные черты советских наций. М. 1970; его же. Единый и многонациональный. Рига. 1970; М. П. Ким. Советский народ — новая историческая общность. М. 1972; М. И. Куличенко. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М. 1972; В. В. Платковский. Мы — советский народ. Новая историческая общность людей. М. 1973, и др.

² «Советский народ — новая историческая общность людей. Становление и развитие». М. 1975.

³ Авторский коллектив: С. Н. Баранович, И. К. Белодед, Л. К. Бесчастный, В. Н. Гончарова, Ф. Я. Горозский, П. З. Городенский, П. П. Гудзенко, С. К. Гутянский,

Т. И. Деревякин, А. И. Доронченков, В. Е. Евдокименко, А. Н. Зенина, Г. П. Ижакевич, П. Д. Коваль, Н. В. Комаренко, С. А. Крыжановский, С. В. Кульчицкий, А. В. Лихолат, **В. Г. Лысенко**, И. Н. Мельникова, Г. А. Мурашин, В. Ф. Панибудьласка, Ю. И. Римаренко, М. М. Старушко, И. Н. Тетерук, В. А. Чирко, А. Г. Шевелев, Ф. П. Шевченко. Редакционная коллегия: А. Г. Шевелев (отв. редактор), Б. М. Бабий, П. И. Багрий, И. К. Белодед, П. В. Комаренко (отв. секретарь), С. А. Крыжановский, А. В. Лихолат (зам. отв. редактора, руководитель авторского коллектива), В. И. Шинкарук.

личается от пути, избранного, например, коллективом московских специалистов. Во-первых, в книге последовательно применен проблемно-очерковый метод освещения темы, вследствие чего оказалось возможным выделить в структуре труда ряд весьма важных сюжетов таких, как Коммунистическая партия — вождь советского народа, воспитание трудящихся в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, интернациональный вклад советского народа в укрепление мировых позиций социализма и др.; во-вторых, авторы сосредоточились преимущественно на характеристике двух этапов развития новой исторической общности людей — ее становления в переходный период от капитализма к социализму и совершенствования в условиях зрелого социализма; в-третьих, в книге специально проанализирована роль единого народнохозяйственного комплекса СССР в укреплении монолитности советского народа, обстоятельнее, чем прежде, рассмотрен вопрос о соотношении двух типов общностей: советского народа как социально-классовой и международной общности и общностей социально-этнических (наций и народностей); в-четвертых, оперируя общесоюзными данными, авторы широко приводят материалы по Украине, что дает им возможность выделить не только особенное, но и главным образом общее, типичное, общесоветское в жизни народов СССР; в-пятых, исследователи в ряде случаев отказались от «сквозного» рассмотрения некоторых важных вопросов (например, языкового строительства), избрав при их освещении ретроспективный метод с использованием исторических экскурсов и сопоставлений.

Достаточно стройна и логична архитектура исследования, хотя здесь не все одинаково безупречно. Так, проблемы, касающиеся периода Великой Отечественной войны и послевоенных лет, органично «вписываются» в раздел о становлении советского народа, тем более что авторы именно к концу 50-х годов относят «окончательное формирование советского народа как новой исторической общности людей» (стр. 253). Этот период и хронологически выходит за рамки раздела, посвященного развитию советского народа в условиях зрелого социализма. В сущности выводы авторов рассматриваемой книги и названной выше монографии Института истории СССР АН СССР по вопросу об этапах становления и развития советского на-

рода как новой исторической общности людей полностью идентичны. Анализ самого разнородного материала привел тех и других к убеждению, что в процессе построения социалистического общества в нашей стране в основном сложилась новая историческая общность людей, которая в дальнейшем обретала черты зрелости, ярко проявившиеся в период развитого социализма (см. стр. 17, 182, 253 и др.).

В своих оценках и выводах авторы опираются на положения партийных документов, научные издания и документальные публикации. Книга насыщена важными обобщениями, как правило, глубоко аргументированными. Убедительно раскрываются в ней исторические корни дружбы и единения народов СССР, победа Великого Октября определяется как решающая предпосылка формирования советского народа. Детально прослеживается процесс оформления государственного единства советского народа, важнейшую роль в котором сыграло образование Союза ССР. Создание экономических основ новой исторической общности людей авторы показывают на материалах о социалистических преобразованиях в народном хозяйстве страны и делают вывод, что эти основы возникли в результате осуществления индустриализации, коллективизации сельского хозяйства, обусловивших безраздельную победу социалистических отношений. Хорошо обосновано значение преодоления фактического экономического неравенства народов СССР в деле их консолидации в социалистическую интернациональную общность. Пожалуй, впервые столь подробно освещается формирование материальных условий всестороннего сотрудничества советских народов в связи со складыванием единого народнохозяйственного комплекса СССР (по мнению авторов (стр. 124), он оформился уже во второй половине 30-х годов).

Серьезное внимание уделено характеристике социально-классовых изменений в процессе становления социалистического общества, развитию рабочего класса — ведущей силы межклассового и международного единения трудящихся. Ликвидация сначала помещиков и крупных капиталистов, а затем класса деревенских эксплуататоров, нэпманской «новой» буржуазии, как правильно показано в книге, явилась непременным условием формирования общности, состоящей только из трудящихся. Рабочий класс, осуществлявший в союзе с непролетарскими трудящимися массами

свою диктатуру, представлял собой постоянно растущее ядро складывавшейся новой исторической общности людей (стр. 146 и др.).

В качестве необходимых факторов создания межнационального единства авторы рассматривают решение национального вопроса и формирование социалистических наций. Вывод о том, что к концу переходного периода созрели в основном общесоветские черты в национальных культурах народов СССР (стр. 175), в острой классовой борьбе восторжествовала марксистско-ленинская идеология социалистического интернационализма (стр. 182), всесторонне обоснован.

Страницы, посвященные Великой Отечественной войне, убедительно раскрывают социально-классовую сплоченность, патриотизм и интернационализм советского народа, спасшего мир от фашистского порабощения и вышедшего из суровых испытаний политически и морально окрепшим и закаленным. Показано в книге и развитие советского народа в послевоенные годы. При этом подчеркивается, что по мере того как социализм все полнее раскрывал свою созидательную сущность, новая историческая общность людей приобретала качественно новые черты, становясь более монолитной и сплоченной.

Характеризуя расцвет Советской Украины в братской семье народов СССР, авторы приводят впечатляющие данные о развитии в едином народнохозяйственном комплексе страны экономики республики, ее культуры. Эти данные также убедительно свидетельствуют о социально-экономическом и политическом единстве социалистических наций, о духовной общности советского народа.

Широко представлена в книге тема становления социальной однородности советского общества: прослеживается процесс преодоления различий между классами и социальными группами, между умственным и физическим трудом, между городом и деревней; характеризуются общие черты в жизненном укладе, идейно-нравственном облике, психологии трудящихся каждой социалистической нации и народности, закономерности объективного процесса их всестороннего сближения. Тенденция сближения наций — ведущая в сфере национальных отношений в СССР. Их отличительной чертой на современном этапе, подчеркивают авторы, является «интернационализация материальной и духовной жизни, все более

углубляющаяся под влиянием научно-технической революции» (стр. 332). Развитие единой социалистической культуры советского народа в условиях зрелого социализма рассматривается в книге в двух аспектах: идейная общность национальных культур, их интернациональная сущность, процесс взаимовлияния и взаимообогащения литератур и искусств народов СССР; отражение общесоветских черт, присущих новой исторической общности людей, в творчестве национальных писателей и деятелей искусства.

В книге обосновано положение о том, что весь сложный и многогранный процесс формирования и развития новой исторической общности людей проходит под руководством Коммунистической партии, роль которой постоянно возрастает. В партийном руководстве, подчеркивают авторы, — залог дальнейшего роста коллективности советского народа, гарантия его успехов в коммунистическом строительстве.

Плодотворной оказалась попытка показать формирование и развитие в СССР новой исторической общности людей в связи с расширением и углублением мирового революционного процесса. В книге освещается международное значение Великого Октября и победы социализма в СССР; вклад советского народа в укрепление позиций социализма, содружества социалистических стран; усиление их общественно-культурных связей и экономической интеграции. Создание и укрепление мировой социалистической системы привело к коренным изменениям в соотношении сил на мировой арене в пользу социализма, обеспечило значительно более благоприятные, чем прежде, условия развития новой исторической общности людей.

Отметим теперь пробелы и недочеты, имеющиеся в монографии. Вряд ли правомерно исследование процесса формирования новой исторической общности людей начинать с характеристики становления государственного единства советского народа. Во-первых, в основе складывания политической общности советских людей лежали факторы экономические и социальные, во-вторых, как верно полагают сами авторы, советский народ — общность прежде всего социально-классовая. Эти соображения, вытекающие из сущности изучаемого явления, определяют необходимость первоочередного рассмотрения социально-экономических условий становления новой исторической общности, воздействия на взаимоотношения лю-

дей социалистических преобразований в экономике, в общественных отношениях, изучения коренных сдвигов в положении, роли, социальной природе классов и общественных групп. Все это решающим образом влияло на укрепление государственного единства советского народа, формирование социалистических наций и народностей, и указанный здесь комплекс проблем складывания интернациональной общности советских народов целесообразно было бы рассмотреть в единстве.

Не все важные вопросы получили в книге достаточно полное освещение. Так, более обстоятельного раскрытия требовали такие темы, как социальные последствия научно-технической революции, ее непосредственное воздействие на производственные отношения, духовный мир людей. Бегло рассмотрено влияние концентрации производства на сближение двух форм социалистической собственности, на возрастание социально-классового единства советского народа. В книге практически отсутствуют материалы, характеризующие коренные изменения в материальной культуре народов СССР, в семейно-бытовой сфере. Крайне желателен был бы критический разбор буржуазных фальсификаций социально-классовой структуры советского общества и национальных отношений в СССР.

Обращает на себя внимание нечеткость некоторых выводов. С одной стороны, авторы, как указывалось, связывают с концом 30-х годов оформление в основном новой исторической общности людей в СССР, с другой — относят к этому времени лишь завершение первого этапа в ее формировании (стр. 100). Смысловое несоответствие этих положений очевидно. Авторы пишут, что в довоенный период «термин «народ» по своему объему практически начал совпадать с понятием «трудящиеся массы» (стр. 97). Известно, что В. И. Ленин находил такое совпадение и в эксплуататорском обществе, где народ (в противовес паразитической, эксплуататорской части общества) представлен «массой, т. е. всей совокупностью трудящихся и эксплуатиру-

емых»⁴. При социализме, где отсутствуют эксплуататорские классы, а общество состоит из одних трудящихся, понятия «народ» и «общество» становятся идентичными, что невозможно в условиях антагонистического строя.

В связи с тем, что книга подводит известный итог изучения проблемы, важным представляется поиск путей дальнейшего углубления ее научной разработки. В этом плане первоочередными задачами являются: исследование этапов становления и развития советского народа как общности (в литературе бытуют различные точки зрения), причем особого внимания заслуживает вопрос о времени вызревания как социально-экономических, так и культурно-идеологических, духовных условий ее формирования; изучение процесса преобразования общественного сознания, складывания и закрепления в нем общесоветских, интернациональных черт; выяснение исторических перспектив развития общностей типа «советский народ», их соотношения с формирующейся в наше время более широкой и качественно новой общностью, охватывающей всю социалистическую систему; вовлечение в оборот новых видов источников (этнографических, социолого-статистических, фольклорных и т. д.), позволяющих обогатить анализ ряда проблем, особенно таких, как оформление и совершенствование духовного облика советского народа, взаимообогащение национальных культур и др. Назрела необходимость заняться аргументированной критикой буржуазной историографии по проблеме формирования и развития советского народа. Несомненную пользу принесет сочетание комплексных обобщающих исследований с углубленной разработкой отдельных вопросов темы, что поможет уточнить уже добытые знания и обрести новые.

Н. А. Буцко,
П. П. Панченко,
В. П. Шерстобитов

⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 187.

Н. К. ПЕТРОВА. *Международные производственные связи рабочего класса СССР. 1959—1970 гг.* М. Изд-во «Наука». 1975. 304 стр. Тираж 1650. Цена 1 руб. 23 коп.

Развитие производственных связей рабочего класса СССР с рабочими зарубежных стран — одна из интересных страниц его истории и истории международного рабочего движения. Эта актуальная многоплановая тема постоянно привлекает внимание советских исследователей, находит отражение в трудах наших зарубежных коллег. Но нельзя сказать, что она изучена в достаточной мере, особенно применительно к периоду зрелого социалистического общества, когда все разнообразнее становятся формы и методы международного сотрудничества рабочего класса. Основные международные производственные связи рабочего класса СССР — это непосредственное участие его представителей в работе промышленных предприятий других стран, в строительстве производственных и других объектов, выполнение заказов зарубежных стран на добычу и поставку сырья, топлива и материалов, обучение иностранных рабочих индустриальному труду, социалистическое соревнование и обмен производственным опытом. Эти аспекты темы и являются предметом исследования в монографии научного сотрудника Института истории СССР АН СССР кандидата исторических наук Н. К. Петровой.

Автор поставила перед собой задачу проанализировать международные производственные связи советского рабочего класса за семилетку и восьмую пятилетку. 12 лет — период значительный, и опыт за это время накоплен большой. Н. К. Петрова изучила обширный круг источников: стенографические отчеты съездов и постановления пленумов ЦК КПСС, документы и материалы съездов и пленумов братских коммунистических и рабочих партий, материалы их международных Созещаний 1957, 1960 и 1969 гг., документы ВЦСПС, Государственного комитета Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию, Союза советских обществ дружбы с народами зарубежных стран, ряда других ведомств и учреждений. Учтены также специальная литература, записки и воспоминания специалистов, участвовавших в оказании помощи братским народам, отечественная и зарубежная периодическая печать. Столь солидная источниковая база позволила автору глубоко исследовать тему и осветить комплекс вопросов, характери-

зующих осуществление советским рабочим классом международных производственных связей на первом этапе зрелого социализма.

Говоря о причинах прочно установившихся и все более развивающихся международных производственных связей, Н. К. Петрова особо подчеркивает интернационализм советского рабочего класса. Она убедительно показывает, что опыт, накопленный рабочим классом СССР в решении национального вопроса, в создании и развитии социалистической экономики нашей страны, становится достоянием рабочего класса других стран, всех трудящихся, имеющих производственные контакты с советским рабочим классом. Несомненным достоинством книги является то, что тема в ней раскрыта обстоятельно, с освещением основных форм сотрудничества трудящихся дружественных государств. Применительно к социалистическим странам рассмотрены такие формы сотрудничества, как выполнение заказов в соответствии с планами СЭВ на изготовление и поставку техники и оборудования, добычу, производство и поставку сырья и энергии. Другая форма международных производственных связей — непосредственное участие советских специалистов, рабочих и инженерно-технических работников в строительстве промышленных предприятий, в создании и развитии индустриального потенциала стран социализма. Автор приводит обобщающие данные и отдельные факты, ярко и убедительно свидетельствующие о той большой помощи, которую Советский Союз, его рабочий класс, интеллигенция предоставляют трудящимся братских стран. Этот аспект освещен в книге как по каждой социалистической стране в отдельности, так и по мировой системе социализма в целом.

Н. К. Петрова правильно обращает внимание на то, что экономические отношения СССР и других социалистических стран основываются на принципах взаимной поддержки. Оказывая всестороннее экономическое и техническое содействие братским странам, Советский Союз не ищет для себя каких-либо преимуществ. Помощь Советского Союза, обладающего самым мощным промышленным потенциалом и богатейшими природными ресурсами, взаимное сотрудничество социалистических стран находят горячее одобрение трудящихся.

Большое место в книге отведено характеристике обмена производственным опытом рабочего класса СССР и рабочих социалистических стран. Постоянными и весьма плодотворными стали производственные связи коллективов родственных предприятий (шахт, металлургических заводов и т. д.): обмен делегациями, переписка, посылка литературы, изучение производственных достижений, использование передового опыта и внедрение новой техники, новейшей технологии, способствующие повышению производительности труда. Важную роль в расширении интернациональных связей, усилении обмена производственным опытом, повышении производительности труда играет социалистическое соревнование. В монографии освещается большая помощь советского рабочего класса трудящимся братских стран в его организации, рассмотрены его различные формы, получившие развитие у наших друзей за рубежом в 60-х годах, в том числе и высшая форма соревнования — движение за социалистический труд, возникшее под влиянием движения за коммунистическое отношение к труду в СССР. Значительно возросший обмен передовым опытом, совершенствование социалистического соревнования, товарищеская взаимопомощь рабочих в решении важнейших экономических задач — все это свидетельствует о неуклонном расширении производственных связей советского рабочего класса с рабочими других социалистических стран.

В книге с достаточной полнотой отражено осуществление производственных связей советского рабочего класса с рабочими развивающихся стран. Обращаясь к истории экономических связей СССР со странами Азии и Африки, автор показывает, что она насчитывает не одно десятилетие. Оставаясь верным принципам пролетарского интернационализма, Советский Союз материально и морально поддержал эти страны в их борьбе с империализмом, в становлении их экономики. Связи советского рабочего

класса с рабочими развивающихся стран прослежены в книге по трем главным направлениям: непосредственное участие советских рабочих и технических специалистов в создании промышленности и формировании рабочего класса в этих странах, подготовка для них квалифицированных кадров в Советском Союзе, пролетарская солидарность.

К сожалению, книга не свободна от недостатков. Это относится прежде всего к ее структуре. В первой главе показано сотрудничество рабочего класса СССР и других стран мировой социалистической системы, во второй — производственные связи советского рабочего класса с рабочими развивающихся стран за 1959—1965 годы. В третьей главе обе части темы объединены и освещены за период восьмой пятилетки (1966—1970 гг.). В результате два принципа изложения — тематический и хронологический — смешались. Но основной недостаток состоит в том, что из поля зрения автора выпали производственные связи советского рабочего класса с рабочими развитых капиталистических стран. Между тем такие связи имеют место. Истории известны яркие примеры международных производственных связей в данной области: участие советских специалистов в строительстве атомных электростанций в Финляндии, сотрудничество советских и итальянских рабочих при создании автомобильного завода в СССР, советских и японских рабочих — в освоении природных богатств Сибири и Дальнего Востока, постоянная большая работа трудящихся СССР по производству и поставке техники, оборудования, сырья и материалов в соответствии с торговыми соглашениями между СССР и капиталистическими странами.

В целом же в монографии воссоздана исторически достоверная картина международных производственных связей рабочего класса СССР в условиях развитого социализма.

И. И. Комогорцев

А. Я. ГРУНТ. *Москва 1917-й. Революция и контрреволюция*. М. Изд-во «Наука». 1976. 387 стр. Тираж 3000. Цена 2 руб. 13 коп.

Великая Октябрьская социалистическая революция относится к числу таких событий прошлого, которые, по образному выражению Л. И. Брежнева, «остаются как бы частью нашего сегодня, вызывая интерес не только историков, но и всех, кто участвует в политической борьбе наших дней»¹. Славную страницу в летопись Великого Октября вписали трудящиеся Москвы. В. И. Ленин в ряде своих работ, относящихся к 1917 г., неоднократно подчеркивал, что судьбы социалистической революции в России решались в первую очередь в рабочих кварталах Петрограда и Москвы.

Книга старшего научного сотрудника Института истории СССР АН СССР кандидата исторических наук А. Я. Грунта и посвящена истории Москвы в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Как известно, советские историки создали по данной проблеме огромный исследовательский задел. Историография революционной Москвы 1917 г. непрерывно пополняется. Только за последние годы опубликовано несколько монографий, документальных сборников, статей и мемуаров². И это не случайно.

Тема «Октябрь 1917 г. в Москве» имеет еще немало «белых пятен», а отдельные ее важные сюжеты трактуются в различных работах весьма противоречиво. В изданных за последнее время трудах, в первую очередь в капитальной трехтомной работе акад. И. И. Минца «История Великого Октября», многие из наиболее спорных вопросов получили свое верное решение. Однако рассматриваемая тема так многопланова, сложна и актуальна, что необходимость ее дальнейшего углубленного исследования несомненна. Вот почему рецензируемая монография одного из наиболее серьезных ис-

следователей истории революционной Москвы 1917 г. вызывает законный интерес.

Автор ставит основной своей задачей рассмотреть московские события как органическую составную часть всероссийского революционного процесса, выявить в них то, что было присуще Москве с ее исторически сложившейся спецификой, с особенностями расстановки классовых и политических сил (стр. 5). И следует сразу же подчеркнуть, что с этой нелегкой задачей он справился успешно. А. Я. Грунт сумел воссоздать объективную картину борьбы трудящихся масс Москвы в период подготовки и победы социалистической революции. Причем эта картина зачастую дополняется новыми интересными фактами и деталями, что особенно ценно, когда речь идет о такой, казалось бы, достаточно освещенной теме.

К числу несомненных достоинств книги следует отнести ее отчетливо выраженный историографический аспект. Зная труды своих предшественников, с уважением и тактом относясь к их точке зрения, автор вместе с тем дает весьма убедительную и, как правило, вполне обоснованную критику отдельных бытовавших ранее ошибочных положений, фактов и цифр, вносит в их трактовку существенные уточнения (например, о результатах выборов в районные думы Москвы, о численности Красной гвардии к осени 1917 г., о силах революции и контрреволюции в дни октябрьско-ноябрьских боев в Москве и т. д.). Что же касается таких вопросов, как социальный облик Москвы, создание органов народной и буржуазной власти после победы Февральской революции, в частности возникновение и формирование Московских Совета рабочих и Совета солдатских депутатов, районных Советов, то в отношении полноты и точности изложения с книгой А. Я. Грунта, пожалуй, не может конкурировать ни одно из предшествующих аналогичных изданий.

К числу проблем, вызвавших наибольшую полемику среди историков, относится освещение борьбы за установление Советской власти в Москве 25 октября — 3 ноября 1917 года. При оценке характера и политической сущности этих событий имеются три точки зрения. Одни историки (к ним принадлежит и А. Я. Грунт) характеризуют их как пролетарское восстание, другие — как подавление рабочими и солдатами юн-

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 2. М. 1970, стр. 77.

² См. «История Коммунистической партии Советского Союза». Т. 3, кн. 1. М. 1967; И. Васин. Армия и революция (Борьба московских большевиков за солдатские массы в трех революциях). М. 1973; А. М. Соколин. В преддверии Октября (Подготовка победы вооруженного восстания). М. 1973; А. С. Дубинин. Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор Всероссийского вооруженного восстания. М. 1973; И. И. Минц. История Великого Октября. Т. 3. М. 1973; «1917. Летопись героических дней». М. 1973; Г. С. Игнатьев. Москва в первый год пролетарской диктатуры. М. 1975, и др.

керского мятежа. Третьи — оценивают события 25—27 октября как восстание, то, что происходило в последующие дни, — как подавление юнкерского мятежа против победившей Советской власти. Различные нюансы существуют и при анализе причин, приведших к затягиванию борьбы за установление Советской власти в Москве.

Тщательно изучив и проанализировав значительное количество разнообразных источников, в том числе и многие опубликованные документы, критически перепроверив их, А. Я. Грунт сумел детально, день за днем, а иногда час за часом проследить ход событий, дать им в основном верную оценку, сделать вполне аргументированные выводы. Правильно отмечая ошибки, допущенные руководителями московских большевиков во время восстания, автор показывает также те сложности и трудности, с которыми пришлось им столкнуться в ходе борьбы за установление Советской власти. Это следует особо подчеркнуть потому, что в ряде работ действия руководителей московских большевиков трактуются в слишком негативном плане, без учета ряда объективных и субъективных факторов.

К несомненным достоинствам книги следует отнести и следующее обстоятельство. В большинстве работ, посвященных социалистической революции в Москве, это событие рассматривается как чисто местное, имеющее локальный характер. Вслед за книгами «Ленин и московские большевики» (М. 1969), «История Великого Октября» И. И. Минца А. Я. Грунт правильно подчеркивает их всероссийский имевший громадное значение для всего дела победы социалистической революции характер. Одновременно он показывает, что уже с момента так называемого Государственного совещания и даже несколько раньше российская контрреволюция старалась превратить Москву в свой опорный пункт в борьбе с надвигающейся социалистической революцией. С этой целью реакционная Ставка готовилась перебросить свои наиболее надежные воинские части в Москву. Сюда же планировался переезд Временного правительства и его органов. И последующие события, а именно развернувшиеся в октябре — ноябре бои между рабочими и солдатами Москвы, с одной стороны, и юнкерами и офицерами — с другой, явились не актом отчаяния контрреволюции, а рассчитанной попыткой последней предотвратить победу Советской власти в стране.

Большой научный и познавательный интерес представляют помещенные в книгу оригинальные карты, схемы и таблицы. Так, на карте «Военно-политическая обстановка в Москве в начале октября 1917 г.» (вклейка между стр. 256 и 257) показаны результаты выборов в районные думы в сентябре, концентрация фабрично-заводских рабочих, местоположение частей и подразделений Московского гарнизона и политическая ориентация крупнейших воинских частей, границы территории города, его важнейшие объекты. Убедительное наглядное представление о решающих событиях в городе дает и карта «Районы боевых действий в Москве 27 октября — 2 ноября 1917 г.» (вклейка между стр. 328 и 329).

Таков далеко не полный перечень достоинств новой работы А. Я. Грунта, которая как бы подводит итог его исследовательской деятельности по изучению истории революционной Москвы 1917 года. Не все, конечно, в равной мере удалось автору, не со всеми его положениями и выводами можно согласиться.

Выше уже говорилось о различных точках зрения советских историков на характер и политическую сущность октябрьско-ноябрьских событий в Москве. Характеризуя их как пролетарское вооруженное восстание, А. Я. Грунт, к сожалению, по сути дела не высказывает своего отношения к иным точкам зрения. Научная полемика по данному вопросу с авторами, которые придерживаются других точек зрения, была бы вполне уместна и правомерна.

В монографии содержится достаточно подробная характеристика ленинских высказываний, посвященных анализу революционного движения в Москве, в том числе и выдвинутой Лениным в ряде статей в сентябре — октябре 1917 г. идеи о возможности восстания против Временного правительства первоначально в Москве. Автор рассматривает эти высказывания в динамике, применительно к складывавшейся политической обстановке не только во второй столице, но и в целом в России. Вместе с тем в книге отсутствует даже упоминание о том, что в ряде своих выступлений и статей Ленин, говоря о событиях в Москве после 27 октября, характеризовал их как юнкерский мятеж против Советской власти³.

Известно, что вплоть до осени 1917 г. Москва по темпам революционного разви-

³ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 53, 63, 153, 297, 393; т. 36, стр. 215; т. 37, стр. 174, и др.

тия несколько отставала от Петрограда. К сожалению, в книге вопрос об объективных причинах этого явления затронут мало. А ведь и более мелкобуржуазный характер Москвы по сравнению с Петроградом, и более тесная связь московских рабочих с деревней, и наличие в Московском гарнизоне ощутимого эсеро-меньшевистского влияния — эти и другие факторы не исчезли полностью к моменту решающих событий и наложили свой отпечаток на ход борьбы за установление Советской власти в Москве.

В работах по истории революционной Москвы 1917 г. правильно отмечены существенные недостатки и ошибки, допущенные руководителями большевистской организации как в период подготовки вооруженного восстания, так и во время его проведения (отставание с созданием боевых органов восстания, увлечение переговорами с враждебной стороной, запаздывание с переходом к наступательным действиям и др.). Далеко не все было сделано и в области военно-технической подготовки восстания. Мы целиком согласны с И. И. Минцем, который высказал мысль, что многие исследователи явно недооценивают результаты деятельности МК РСДРП(б) по военно-технической подготовке вооружен-

ного восстания⁴. К сожалению, этот упрек в какой-то степени относится и к рецензируемой книге. Показ деятельности МК партии и районных большевистских организаций по созданию и обучению красногвардейских отрядов, снабжению их оружием и т. д., то есть по военно-технической подготовке восстания, удался А. Я. Грунту хуже, чем освещение многих других вопросов темы. Он правильно пишет, что тяжелое положение, в котором оказался Московский ВРК 28 октября, было исправлено благодаря решительным действиям районов. Но ведь деятельность большевиков районов, их подготовку к вооруженному восстанию, формирование ими отрядов Красной гвардии направлял Московский комитет. И если менее чем через сутки положение было исправлено, а рабочие и солдаты овладели инициативой в боевых действиях, установив Советскую власть фактически во всех пролетарских районах Москвы, то это — прямой результат напряженной работы московских большевиков во главе с Московским комитетом по военно-технической подготовке восстания.

А. Н. Пономарев

⁴ См. И. И. Минц. Указ. соч. Т. 3, стр. 46.

Д. С. ЛИХАЧЕВ, А. М. ПАНЧЕНКО. *«Смеховой мир» Древней Руси.*
Л. Изд-во «Наука». ЛО. 1976. 204 стр. Тираж 10 000. Цена 1 руб.

Более 10 лет назад увидела свет книга, раскрывавшая древнейшие корни средневековой народной культуры и настойчиво призывавшая к продолжению изучения народной смеховой культуры в разных странах и в различные эпохи¹. Уже первые рецензенты книги М. М. Бахтина настаивали на необходимости расширения анализируемого материала, в частности на важности изучения фактов русской средневековой культуры². Эту задачу характеристики «смехового мира» Древней Руси и взяли на себя авторы рецензируемой книги, посвятившие ее памяти М. М. Бахтина.

¹ М. М. Бахтин. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. 1965.

² См., например, Л. М. Баткин. Смех Панурга и философия культуры. «Вопросы философии», 1967, № 12, стр. 123.

Цель книги, говорится в предисловии, определить национальные и эпохальные особенности «смехового мира» Древней Руси (стр. 4). Своеобразие исследования заключается в том, что оно не просто повторяет работу М. М. Бахтина на новом материале, а идет дальше, особенно в трактовке народа как хранителя смеховой культуры. М. М. Бахтин полагал, что носителем последней были простолюдины, крестьяне, городские ремесленники, и отказывал в этой роли духовенству, городскому патрициату, дворянству и тем более царскому двору. На односторонность такой трактовки критика уже указывала³. Акад. Д. С. Лихачев и А. М. Панченко в этом плане зна-

³ А. Гуревич. Смех в народной культуре средневековья. «Вопросы литературы», 1966, № 6, стр. 208.

чительно раздвинули рамки своего исследования. Д. С. Лихачев посвятил специальный очерк анализу «лицедейства» Ивана Грозного, смеховому стилю его произведений. В целом авторы дают широкую картину смеховой культуры Древней Руси — от курных изб до царских палат, от «Жития» протопопа Аввакума до «Слова Даниила Заточника», освещая и такие явления древнерусского быта, как юродство, занимающее промежуточное место между «смеховым миром» и миром церковной культуры.

Книга делится на два раздела: смех как «мировоззрение» (автор Д. С. Лихачев) и смех как зрелище (автор А. М. Панченко). В первом разделе приводится общая трактовка «смехового мира» Древней Руси как средневекового смеха со всеми его особенностями, в частности направленности смеха на личность самого смеющегося. Особое внимание Д. С. Лихачев уделяет балагурству — одной из русских национальных форм смеха, подчеркивая лингвистическую сторону балагурства (рифма, неверная этимология слов, внешняя схожесть слов по звучанию и т. д.). Он обращается к образцам народного языкового балагурства из произведений демократической посадской литературы и из рукописных сборников пословиц XVII века. Круг этих примеров может быть легко расширен, в первую очередь за счет распространенных в рукописных сборниках пословиц, в которых обыгрывалось звучание русских имен: «Лёвка — не поплёвка: иному он и в горле станет», «Зовут ево Фокою, а живет он собою: в люди не ходит, а к себе не зовет», «Наш Гришка не берет лишка», «Наш Ульянов и з духу пьян», «Окул бабу обул, да и Окула баба обула» и многие другие⁴.

Среди метких наблюдений, сделанных Д. С. Лихачевым, есть одно, которое заслуживает особого рассмотрения. Речь идет о смеховой стихии «Слова Даниила Заточника», о каламбурном смехе над собственной женой, «злообразной», некрасивой. О злой жене в древнерусской письменности писали многие ученые, начиная с Ф. И. Буслаева, и все эти исследователи отнюдь не сомневались в том, что древнерусские книжники и проповедники всерьез остерегали своих читателей и слушателей от происков злых жен. Д. С. Лихачев справедливо указывает,

что вовсе не все эти филиппики должны приниматься за чистую монету, что смех над своей женой — это одна из разновидностей средневекового смеха над самим собой, обычного для Древней Руси балагурства. Злая (или «злообразная») жена — это свой мелкий, подручный, домашний «антимир», многим знакомый, а потому и очень действенный. Гневные (но бессильные!) проклятия по поводу злых жен в древнерусской книжности — это также зачастую своеобразное балагурство, желание рассмешить своих слушателей (или читателей) утрированным изображением фактов и людей, многим близких и понятных. Вообще глава, посвященная характеристике древнерусского смеха⁵, принадлежит к числу лучших в книге и по глубине поставленных в ней проблем и по оригинальности их решения.

Первый раздел заканчивается убедительно аргументированным анализом юмора Аввакума. Д. С. Лихачев показывает своеобразие авторского стиля огнепального протопопа и заключает, что «смеховой мир» последнего тесно связан с его богословскими представлениями и достаточно полно может быть описан лишь тогда, когда будет изучено мировоззрение Аввакума в целом. Пока что, однако, можно указать лишь на первые шаги в этой области⁶. Закljučая характеристику первого раздела книги, особо подчеркнем его методологический характер, перспективность применения выявленных автором приемов исследования к самым разнообразным фактам истории древнерусской культуры.

Второй раздел должен был бы, как нам представляется, рассказать в первую очередь о древнерусских скоморохах (изображение которых, кстати, вынесено на суперобложку книги!) — именно они в первую очередь воплощали зрелищную сторону древнерусского смеха. Однако скоморохи вообще выпали из поля зрения автора. О них упоминается, к сожалению, лишь проходя, при анализе другого материала. Между тем именно исследование скоморошских приемов в игре словом и жестом дало бы возможность подчеркнуть своеобразие смеха как зрелища. Недаром пословица XVII в. говорит: «Всяк спляшет, да не как скомо-

⁴ Примеры взяты из сборника XVII в. (см. П. К. Симоны. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Вып. 1. СПб. 1899, сб. 1, №№ 1419, 1143, 1726, 1770, 1856).

⁵ Она была уже опубликована ранее (см. Д. С. Лихачев. Древнерусский смех. «Проблемы поэтики и истории литературы». Саранск. 1973).

⁶ См. А. И. Клибанов. Протопоп Аввакум как культурно-историческое явление. «История СССР», 1973, № 1.

рох!»⁷. Затруднительно объяснить, почему авторы решили отказаться от анализа древнерусского скоморошества, а предпочли ему юродство — явление, лишь частично присущее «смеховому миру» Древней Руси, выходящее за рамки смеха как зрелища, явление скорее страшное, чем смешное. Конечно, авторы вольны сами ограничивать и определять предмет своего исследования. Однако во введении или в заключении можно было бы полнее и обоснованнее мотивировать свой выбор.

А. М. Панченко впервые в советской литературе охарактеризовал древнерусское юродство, привлёк богатейший рукописный материал, полно и верно проанализировал как русскую, так и зарубежную литературу и создал оригинальное исследование об этом своеобразном и многоликом явлении русской духовной культуры. В приложении к работе опубликованы обнаруженные Н. В. Поньрко письма юродивого XVII в. — памятник уникальный, многое объясняющий в самом возникновении юродства как психологического феномена. Юродство — сложное явление социально-психологического характера, в нем элементы зрелищности органически переплетаются с религиозной экзальтацией; юродство (а частично и кликушество) связано также и с определенным нарушением психического равновесия, что никак нельзя сбрасывать со счетов при анализе этого явления.

В целом автор успешно справился с нелегкими задачами. По сравнению со своими предшественниками, изучавшими юродство преимущественно с позиций церковно-исторических⁸, А. М. Панченко рассматривает юродивых как своеобразных актеров, стремившихся воздействовать на публику и вызвать общественный протест; иными словами, в работе раскрыта общественная, социальная сторона юродства.

Основные выводы, к которым пришел автор, сомнения не вызывают. Выскажем лишь два замечания. Первое из них касается источников: А. М. Панченко наряду с

житиями русских юродивых широко пользуется и житиями византийских (цареградских) юродивых. Это, конечно, мало оправдано. Автор справедливо говорит, что в XV—XVII вв. юродство стало русским национальным явлением (стр. 94), поэтому византийские жития мало что могут дать исследователю. Нельзя, например (с историко-ведческой точки зрения), характеризовать отдельные стороны древнерусского юродства ссылками на житие византийского юродивого Андрея Цареградского (см. стр. 165 и др.). Второе замечание касается освещения вопроса о юродстве как общественном протесте. Автор привел много интересных и малоизвестных фактов, подтверждающих эту мысль, но среди них он упомянул и о юродстве царя Ивана Грозного, коломенского епископа Павла, патриарха Никона. Нет оснований отрицать наличие элементов юродства в их поведении, однако непонятно, почему этот материал помещен в главе «Юродство как общественный протест». Какой, например, общественный протест выражал Никон, демонстративно покидая патриарший престол? Автор недостаточно корректно подошел к отбору фактического материала и в результате, по-видимому, сам того не желая, смешал явления, носящие различный характер.

Каковы же перспективы изучения проблем, поставленных авторами в их талантливой, во многих отношениях новаторской книге? Достаточно ли полно и исчерпывающе охарактеризован древнерусский «смеховой мир»? Конечно, нет. Выше уже было сказано, что ждет еще своего исследователя русское скоморошество⁹. Требуется с этой точки зрения анализа и древнерусский театр, в частности рукописные интермедии XVIII века¹⁰. Особое место должно занять рассмотрение лубка XVIII в., тесно связанного с древнерусской рукописной традицией и продолжающего развивать те же

⁹ Вышедшая недавно книга А. А. Белкина «Русские скоморохи» (М. 1975) рассматривает вопросы происхождения скоморохов, их положения в русском обществе и дает в главных чертах обзор искусства скоморохов. Но характеристики смеха как зрелища в книге нет; автор ставил перед собой главным образом историко-театроведческие задачи.

¹⁰ В этом плане не утратила своего значения работа: Л. С. Шептаев. Русский раешник XVII века. «Ученые записки» ЛГПИ имени А. И. Герцена. Т. 87. Л. 1949; см. также важную для характеристики демократических интермедий XVIII в. работу: В. Д. Кузьмина. Русский демократический театр XVIII века. М. 1958.

⁷ П. К. С и м о н и. Указ. соч. Сб. I, № 488.

⁸ Исключение составляют лишь до сих пор недостаточно оцененные работы И. Г. Прыжова (см. И. Г. Прыжов. Двадцать шесть московских лжепророков, лжеюродивых, дур и дураков. М. 1864; его же. Житие Ивана Яковлевича, известного пророка в Москве. СПб. 1860; см. также Я. Горицкий. Протест Ивана Яковлевича на господина Прыжова за название его лжепророком. М. 1861; «Сказание о кончине и погребении московских юродивых Семена Митрича и Ивана Яковлевича», М. 1862).

идей, но не в словесной, а в изобразительной форме. Более детального и пристального внимания требует и древнерусская иконопись, а также миниатюры и фрески, сохранившие образы скоморохов и юродивых. Анализ русской народной смеховой культуры не может быть ограничен исследованием только памятников древнерусской письменности и искусства. На очереди — изучение русского народного творчества под этим углом зрения. Авторы частично уже коснулись этой области русской культуры и привлекли для анализа сборники русских пословиц XVII в., однако этого, конечно, недостаточно. Долг советских

фольклористов — показать своеобразие народного смеха во всей его полноте. Громадное количество смешливых сказок, шуточных песен, народных анекдотов, докучных побасенок, глумливых прибауток, задорных частушек, ироничных пословиц — благодатный материал для работы в этой области. Наконец, широкое изучение юродства в историко-культурном плане многое могло бы объяснить в поведении, побудительных импульсах и первопричинах поступков различных исторических деятелей.

Л. Н. Пушкарев

И. В. ДУДИНСКИЙ. *Социалистическое содружество: основные тенденции развития*. М. Изд-во «Мысль». 1976. 327 стр. Тираж 11 000. Цена 1 руб. 30 коп.

За последние годы в нашей стране издано значительное число монографий, посвященных различным аспектам развития мирового социализма — экономическим, политическим, идеологическим. Однако в большинстве из них, как правило, рассматриваются лишь отдельные стороны развития мирового социалистического содружества. В то же время ощущается потребность в работах, в которых эти проблемы анализировались бы в самых разнообразных аспектах, а также рассматривались бы в комплексе.

Книга доктора экономических наук, заместителя председателя Секции общественных наук Президиума АН СССР И. В. Дудинского является примером такого комплексного исследования. Она посвящена актуальным проблемам развития социалистических государств, объединившихся в организациях Совета Экономической Взаимопомощи и Варшавского Договора и характеризующихся в рамках мировой социалистической системы наиболее высоким уровнем интернационального общения.

В работе всесторонне раскрываются ленинские идеи о развитии мирового социалистического содружества. Автор показывает, что В. И. Ленин разработал «целостную концепцию мировой социалистической революции, начиная от победы социализма в одной стране и кончая победой коммунизма в мировом масштабе» (стр. 9), которая успешно претворяется в жизнь народами

стран социалистического содружества под руководством братских коммунистических и рабочих партий. В книге рассматриваются предпосылки возникновения социалистического содружества, приведены оценки Лениным международного значения Великой Октябрьской социалистической революции с точки зрения постановки одной из актуальных проблем современности — проблемы «общих закономерностей строительства нового общественного строя как в национальных рамках отдельных стран, так и в масштабах социалистического содружества» (стр. 15).

Раскрывая интернациональную сущность социализма, автор всесторонне рассматривает ленинскую концепцию развития мирового социализма, показывая, что она исходит из необходимости сплочения самостоятельных, суверенных государств, имеющих в рамках высшего интернационального единства интересы свои специфические экономические и политические интересы (стр. 22). Эта концепция, подчеркивается в работе, не предполагает искусственного форсирования процесса интернационализации. На данном этапе развития мирового социализма усилия братских партий и народов стран социализма направлены на обеспечение всестороннего развития социалистических государств, каждой нации и народности, на укрепление их сотрудничества, всестороннее сближение социалистических государств и наций.

Большое внимание в работе уделяется проблеме формирования мирового социалистического содружества, которое ознаменовало собой выход государственно организованного социализма за пределы одной страны. Автор раскрывает значение революций в зарубежных социалистических странах для победы нового общественного строя. Эти революции блестяще подтвердили международный характер ленинизма и основополагающее положение ленинского учения о том, что переход от капитализма к социализму представляет собой необратимый процесс. В работе показано, что значение этих революций заключается в том, что они воспроизвели наиболее существенные черты Октябрьской революции и «обеспечили превращение ее из силы, представленной только одной страной, и в этом смысле национальной, в силу интернациональную как по своей социальной сущности, так и по своей структуре» (стр. 27—28).

В монографии уделяется большое внимание специфическим чертам, формам и методам социалистических революций в странах Европы и Азии, что закономерно связывается с различиями в уровнях развития этих стран, со спецификой в расстановке классовых сил внутри них. Автор анализирует особенности революций в странах народной демократии, показывает, что с момента установления власти рабочего класса, поддерживаемой всеми трудящимися, в них проводилась целая серия мероприятий, знаменующих переход к строительству социализма. В работе раскрывается значение народной демократии как новой формы диктатуры пролетариата, в основном правильно отмечаются ее специфические черты и особенности. В то же время при рассмотрении этого вопроса следовало бы в большей мере придерживаться принципа конкретно-исторического подхода к анализу данного явления. Перечисляемые в работе специфические черты строя народной демократии сохранились в большинстве зарубежных стран и на современном этапе (стр. 37—38).

На основе проделанного анализа автор делает вывод, что возникновение мировой социалистической системы означало качественно новую ступень в развитии коммунистического способа производства, более глубокое проявление интернациональной природы социализма по сравнению с тем периодом, когда государственно организованный социализм ограничивался только пределами одной страны, выявляет характерные черты этого процесса (стр. 53—54). Важным является положение о двух функциях

мировой социалистической системы: социальной и экономической, первая из которых предполагает, что между странами социализма возникают определенные взаимосвязи, отражающие их одинаковую классовую сущность, первоосновой которых выступает интернациональная природа социалистического строя, основанного на общественной собственности, а вторая обеспечивает прогресс образующих ее социалистических государств, укрепление их взаимного сотрудничества (стр. 57—58). В этой связи следовало бы более определенно обосновать напрашивающийся из монографии вывод, что понятие «социалистическое содружество» предполагает не только закономерную ступень в развитии социалистической формации, новую международную общность стран и народов и определенную социально-экономическую и политическую структуру, на что совершенно правильно указывает автор (стр. 59—60), но и выработку и проведение правящими братскими партиями курса на всестороннее сближение социалистических стран, укрепление их сотрудничества, упрочение единства. Иными словами, понятие «социалистическое содружество» относится прежде всего к социалистическим государствам, наиболее тесно сплотившимся в экономическом, политическом и идейном отношениях.

Заслуживает внимания анализ экономических основ мирового социалистического хозяйства, содержащийся в книге, и особенно исследование международных производственных отношений (§ 2, гл. III). Степень зрелости этих отношений зависит от зрелости производительных сил социалистических государств, а также от того, насколько далеко зашел в каждом из них процесс обобществления по существу.

Автор совершенно прав, когда утверждает, что факт функционирования мирового социалистического хозяйства при отсутствии межгосударственной социалистической собственности не противоречит монистическому воззрению на социалистическое производство, включающее в органическом единстве развитие национальных хозяйств и их углубляющееся взаимодействие (стр. 69—75). В то же время нуждается, видимо, в дополнительной аргументации положение о вторичном, производном характере этих отношений по сравнению с внутрихозяйственными (стр. 71—72). Разумеется, развитие социалистических производственных отношений в рамках отдельных стран исторически предшествует их международному развитию. Но это не отменяет их однопо-

рядковости, принципиальной общности. В качестве основы здесь выступают отношения собственности, самого производства, которые являются исходными отношениями, независимо от того, замыкаются они внутри страны или носят международный характер.

Большой интерес представляют развиваемые автором положения о диалектике интернационального и национального в развитии мировой системы социализма. В мировой системе социализма, как правило, утверждает автор, развиваются в диалектической связи два начала: интернациональное и национальное, обусловленное конкретными условиями исторического развития отдельных стран, в связи с чем формы и методы строительства социализма в каждой из стран мирового социалистического содружества должны отвечать не только потребностям непосредственно каждой из них, но и потребностям всей мировой системы социализма как новой исторической общности (стр. 83).

В работе исследуются весьма сложные вопросы действия экономических законов социализма в мировом социалистическом хозяйстве. В частности, представляются весьма плодотворными мысли автора о том, что укрепление мировой системы социализма знаменует собой усиление интернационального характера действия экономических законов социализма, что в рамках отдельных стран эти законы начинают выражать не только внутренние условия развития, но и факторы, связанные с растущим межгосударственным сотрудничеством, интеграционным процессом, усилением целостного характера мирового социалистического содружества. В связи с этим национальную экономику уже нельзя рассматривать как некую «замкнутую» сферу действия экономических законов социализма. Отсюда все более важное значение приобретает изучение интернационального аспекта их функционирования.

Автор уделяет большое внимание характеристике экономических законов, действующих во взаимоотношениях социалистических стран. Можно согласиться с ним, что это как общеэкономические законы, так и законы, непосредственно определяющие развитие отношений между социалистическими странами по поводу производства и обмена продуктами (стр. 115) и среди них — закон экономии времени, основной экономический закон социализма, закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, закон стоимости. Вместе с тем вызывает сомнение мысль, что закон экономии

времени является «исходным законом, пронизывающим все международные социалистические производственные отношения» (стр. 116). В полном соответствии с авторской логикой таким законом является основной экономический закон социализма, обусловливающий социальную природу международных социалистических отношений и основные социальные цели функционирования всей системы сотрудничества стран социализма.

Важное значение имеет исследование проблем создания развитого социализма в странах социалистического содружества, затрагивающего все стороны жизни общества — экономику, социальную сферу, идеологию. Автор справедливо заключает, что осмысливание путей строительства развитого социализма связано с развитием и уточнением общей научной концепции становления коммунистической формации, с учетом опыта всех социалистических стран и прогресса мировой социалистической системы (стр. 176). Он отмечает, что ключевой проблемой развитого социализма является неуклонное повышение эффективности общественного производства, существенное улучшение всех его качественных параметров, значительное усиление в народном хозяйстве роли интенсивных факторов производства (стр. 223). В работе рассматриваются факторы повышения эффективности производства в экономике стран социализма, раскрывается необходимость совершенствования управления экономикой на современном этапе. Вместе с тем стоило бы, видимо, при рассмотрении этого вопроса более глубоко проанализировать влияние сотрудничества стран социалистического содружества на повышение эффективности общественного производства, раскрыть, как по мере углубления социалистической интеграции усиливается влияние интеграционных факторов на рост эффективности производства.

В монографии на основе анализа предпосылок и всего процесса социалистической интеграции показано, что она выражает наиболее прогрессивные долговременные тенденции в развитии мировой системы социализма, соответствует коренным интересам всех социалистических государств (стр. 258), выступает как закономерный этап развития мирового социалистического хозяйства.

Социалистическая экономическая интеграция определяется в работе как органическое единство процесса углубления и совершенствования сотрудничества социали-

стических государств и важных качественных изменений во внутреннем экономическом развитии этих стран, происходящих в результате все большего переплетения и взаимосвязи национальных воспроизводственных процессов (стр. 264). В основном такое определение не вызывает возражений, однако указанные факторы все же не отражают до конца всей глубинной сущности социалистического интеграционного процесса, состоящей в обобществлении и интернационализации труда и производства и являющейся новой стадией в международном социалистическом разделении труда.

Отмеченные выше положения отражают лишь некоторые моменты содержательной

монографии. Разумеется, она, несмотря на широкий круг вопросов, получивших в ней глубокое освещение, не исчерпала поставленный в ней круг проблем. Кроме того, автор не во всех случаях прибегает к такому напрашивающемуся в столь многоплановой работе приему, как подытоживание, классификация имеющихся в литературе взглядов советских и зарубежных исследователей. Однако в основном, главном, монография, бесспорно, удалась автору. Она вносит много нового в разработку проблем развития мирового социалистического содружества на данном этапе.

Ю. С. Ширяев,
О. Д. Баковецкий

Ю. А. ШОЛМОВ. *Советский Союз — Индонезия, 1945—1954*. М. Изд-во «Наука», 1976. 166 стр. Тираж 3700. Цена 54 коп.

«В летописи освободительной борьбы азиатских народов,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— нет ни одной страницы, на которой не была бы запечатлена действенная поддержка и солидарность со стороны Советского Союза, со стороны нашего народа, со стороны нашей партии»¹. Эти слова в полной мере можно отнести к освободительной борьбе индонезийского народа против голландских колонизаторов. О сложностях этого процесса, трудностях, в которых рождалось первое в Юго-Восточной Азии молодое независимое государство, о принципиальной поддержке его Советским Союзом на международной арене идет речь в монографии кандидата исторических наук Ю. А. Шолмова.

В советской литературе данная проблема освещена в работе Ю. Алешина «Советско-индонезийские отношения» (М. 1963). Однако рецензируемая монография отличается более широкой источниковедческой базой. В ней использованы документы ООН, индонезийского и Советского правительств.

В своей работе «Пробуждение Азии», написанной в 1913 г., В. И. Ленин приветствовал зарождение организованного индонезийского национально-освободительного движения. «Интересно,— писал он,— что революционно-демократическое движение ох-

ватило теперь и голландскую Индию, остров Яву и другие колонии Голландии... Рост демократического движения неудержим»². Мощное революционизирующее воздействие на судьбы индонезийского национально-освободительного движения оказала Великая Октябрьская социалистическая революция. В книге приводится высказывание известного политического деятеля Индонезии М. Рума о том, что события в России в октябре 1917 г. вызвали мощный революционный подъем в индонезийском профсоюзном и молодежном движении. Великую силу пролетарской солидарности высоко ценил первый президент Индонезии Сукарно. «Наша дружба с советским народом,— подчеркивал он,— имеет глубокие корни... Ленин выразил симпатии к борьбе индонезийского народа задолго до нашего освобождения»³. Советский народ был примером для индонезийцев, боровшихся за создание своего независимого государства.

Августовская революция 1945 г. в Индонезии была совершена силами единого антиколониального фронта. Западные державы, хотя и заявили о своем «невмешательстве» в индонезийские дела, всячески помогали Голландии, которая осуществила вооруженную агрессию ради восстановления своего

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 4. М. 1974, стр. 252.

² В. И. Ленин. ПСС. Т. 23, стр. 145—146

³ «Правда», 8.XI.1963.

господства в Индонезии. В этих условиях руководители молодого государства обратились за поддержкой к СССР.

В своей «Документальной истории» индонезийский историк О. Ралиби отмечает, что в послании президента Сукарно и министра иностранных дел Субарджо от 13 ноября 1945 г. Народному комиссару иностранных дел СССР выражалась просьба, чтобы Советский Союз принял меры в отношении обуздания англо-голландских империалистов в Индонезии, чтобы он потребовал от Англии, войска которой высадились в Индонезии для разоружения японцев, прекратить массовые убийства индонезийцев, не находящихся в состоянии войны с союзниками⁴. Ю. А. Шолмов приводит много документальных свидетельств о том, что Советский Союз сделал все от него зависящее, чтобы помочь индонезийскому народу отстоять свою свободу. СССР был первой и единственной великой державой, которая протянула руку дружбы народу Индонезии. Позиция Советского Союза, последовательно защищавшего в ООН неотъемлемое право индонезийского народа на независимое развитие, способствовала мобилизации всех прогрессивных сил мира на поддержку справедливой борьбы Индонезии. Решительные выступления в ООН представителей Советского Союза, Польши, Индии и других миролюбивых стран в поддержку Индонезии, за прекращение агрессии колониальных держав вызвали широкий отклик во всем мире и заставили колонизаторов осенью 1949 г. официально признать Индонезию в качестве независимого государства. Автор показывает, как в результате усилий главным образом советской делегации индонезийский вопрос на протяжении почти всего периода вооруженной освободительной войны народов Зондского архипелага в 1945—1949 гг. не сходил с повестки дня Совета Безопасности (стр. 101). По словам американского специалиста Рут Т. Маквей, с индонезийской точки зрения Советский Союз занял образцовую позицию в ООН (стр. 67).

В монографии прослеживается развитие советско-индонезийских отношений. Еще на первомайском митинге 1946 г. Сукарно подчеркивал настоятельную необходимость установления дипломатических отношений с Советским Союзом путем учреждения представительства Индонезийской республики в Москве. Однако первый шаг в этом направлении был сделан год спустя, при прави-

тельстве Амира Шарифуддина. 22 мая 1948 г. представитель Индонезии в Праге Сурипно обменялся с советским послом в Чехословакии М. А. Силиным письмами об установлении торговых связей и консульских отношений между СССР и Индонезией. Однако голландские представители в Индонезии при содействии американских «посредников» оказали грубое давление на ее правительство, добились его отказа от заявления Сурипно. В работе показано, как усилившееся к тому времени сопротивление внутренней реакции помешало Индонезии надлежащим образом ответить на дружественное поведение Советского Союза. Премьер-министр М. Хатта, сменивший Шарифуддина, выступил 4 июня 1948 г. с официальным заявлением, в котором указал, что возглавляемое им правительство не намерено ратифицировать подписанное Сурипно соглашение. Автор справедливо считает, что срыв установления советско-индонезийских консульских отношений лишил республику важных преимуществ внешнеполитического характера и ослаблял ее положение на международной арене (стр. 91—92).

В январе — феврале 1950 г. состоялся обмен посланиями между министром иностранных дел СССР и премьер-министром и министром иностранных дел Индонезии Хатта относительно решения Советского правительства признать республику в качестве суверенного государства и установить с нею дипломатические отношения. Этим, как отмечает автор, правящие круги Индонезии, несомненно, надеялись нажить определенный политический капитал. Общая же прозападная ориентация Хатты и его преемников — лидеров правой партии Машуми оставалась неизменной (стр. 109, 118). Они ничего не сделали для развития контактов с Советским Союзом. Ю. А. Шолмов описывает острую политическую борьбу, которая шла в Индонезии вокруг этого вопроса.

Укрепление демократических сил Индонезии привело к сформированию в июле 1953 г. кабинета министров во главе с видным деятелем Национальной партии Али Састроамиджой. Это правительство, поставившее своей задачей борьбу за полную экономическую и политическую независимость республики, пересмотрело вопрос об отношениях Индонезии с социалистическими странами. В 1954 г. состоялся обмен послами между СССР и Индонезией. Материалы книги подтверждают, что именно в 1954—1955 гг. было положено начало широкой полосе двусторонних советско-индо-

⁴ O. Raliby. Documenta Historica. Djakarta. 1953. hal. 91.

незийских контактов и обмена в области науки, культуры, искусства, спорта и в других сферах как на правительственной, так и неправительственной основе. В сентябре 1956 г. в Москве было подписано советско-индонезийское совместное заявление, отразившее общность подхода обеих стран к решению важнейших международных проблем и укрепившее сотрудничество между СССР и Индонезией. Была подтверждена их верность принципам мирного сосуществования, политике борьбы за разоружение, за запрещение испытаний термоядерного оружия. Продолжая курс на дальнейшее развитие сотрудничества, 15 сентября 1956 г. индонезийское правительство заключило Первое, а в 1960 г. Второе генеральные соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве в СССР, что способствовало дальнейшему расширению связей с социалистическими странами и открывало перспективы для укрепления политической и экономической самостоятельности республики.

Последовательная помощь и поддержка Советского Союза сыграли решающую роль в борьбе Индонезии в 1963 г. за освобождение Западного Ириана от голландского колониализма. Автор подчеркивает, что первое десятилетие отношений между Советским Союзом и Индонезией открыло славную страницу в летописи дружбы народов обеих стран. Это был период, когда между ни-

ми сложились добрые традиции взаимопонимания, уважения и солидарности (стр. 149—150).

Серьезные политические перемены, которые произошли в Индонезии после событий 30 сентября 1965 г., привели к заметному ослаблению связей между СССР и Индонезией. Массовые репрессии после событий осени 1965 г. нанесли серьезный ущерб интересам национального единства Индонезии, ослабили общий фронт борьбы прогрессивных сил против империализма и неокolonизма. Советская общественность осудила антикоммунистическую кампанию в Индонезии, высказала озабоченность за будущее отношений между нашими странами. Дав свою принципиальную оценку событиям 1965 г., Советское правительство вместе с тем подчеркнуло, что оно стоит за дальнейшее развитие межгосударственных отношений с Индонезией, если такую же заинтересованность проявит и другая сторона. Однако советские предложения о расширении экономического и культурного сотрудничества пока не получают должного отклика со стороны индонезийского правительства. Между тем сотрудничество СССР и Индонезии может принести плодотворные результаты, если его развивать с учетом взаимных интересов, о чем и свидетельствуют материалы и выводы рецензируемой монографии.

Н. П. Малетин

Г. А. ТРОФИМЕНКО. *США: политика, война, идеология*. М. Изд-во «Мысль». 1976. 359 стр. Тираж 19 000. Цена 1 руб. 40 коп.

Автор рецензируемой работы заведующий отделом Института США и Канады доктор исторических наук Г. А. Трофименко рассматривает борьбу тенденций внутри США по вопросу о войне и мире в плоскости американской военной политической идеологии, то есть концептуальных рамок, в которых действовали и принимали внешнеполитические решения руководители США.

Автор подходит к исследуемому им предмету с позиций последовательного историзма. Американская военно-политическая мысль анализируется в книге в ее эволюционном развитии на протяжении 200 лет истории США. В отличие от многих американских буржуазных историков, которые в подобных случаях обращаются прежде всего

к работам своих военных, Г. А. Трофименко уделяет первостепенное внимание стратегическим заветам «отцов-основателей» США (президентов Дж. Вашингтона, Дж. Адамса, Т. Джефферсона, Дж. Медисона, Дж. Монро, Дж. К. Адамса, Э. Джексона, а также таких видных государственных деятелей, как А. Гамильтон, Б. Франклин, Дж. Джей, Г. Нокс, Б. Стоддерт, Дж. Кэлхаун и др.). Такой подход представляется полностью оправданным.

Изучение преемственности в военно-политической мысли США оказалось весьма плодотворным. Автору удалось выявить и суммировать определенные «константы» стратегического мышления правящего класса: каноны и стереотипы, до сих пор оказывающие

влияние на внешнеполитическую практику. Главными из них являются, как отмечается в книге: а) идея американского мессианства («предустановленная судьба»); б) мысль о необходимости соединения рационального расчета со своскорыстным интересом в планировании акций за рубежом («просвещенный эгоизм»); в) подход к военной силе как к первооснове прочности международных позиций государства; г) концепция «баланса сил» на мировой арене, в основе которой лежит сохранение не столько мира, сколько сложившейся международной системы (гл. 1). Отсюда вытекали частные, конкретные принципы и концепции стратегической подготовки (военного строительства) и стратегического действия (использования силы в конфликте).

Заслуживает быть особо отмеченным исследование широко трактуемой концепции «сдерживания», преломлявшейся в ряде военно-политических доктрин (Дж. Монро, Дж. Хэя, Г. Трумэна, Р. Никсона). Как отмечается в книге, разработанная уже в первые годы существования американской республики концепция «сдерживания» основных противников от посягательств на территорию США с самого начала не была пассивно-оборонительной (стр. 33). Оборонительный аспект данной концепции был подчинен задачам американской экспансии на североамериканском континенте, а вскоре и во всем западном полушарии. «Эта диалектическая взаимосвязь двух аспектов концепции «сдерживания» — оборонительного и наступательного, — подчеркивает Г. А. Трофименко, — представляет собой самую важную ее особенность. По мере возрастания великодержавных амбиций США, по мере выхода США на мировую арену наступательный аспект «сдерживания» оказывался все более доминирующим элементом этой, казалось бы, внешне оборонительной концепции. Тем не менее оборонительный ее элемент никогда не исчезал полностью; и в периоды наибольшей опасности, когда лидерам США начинало казаться, что в мире складывается неблагоприятный для них баланс сил, они стремились выпятить на первый план именно оборонительный аспект концепции «сдерживания» (стр. 91—92).

Прагматизмом правящих кругов США в подходе к международным делам автор объясняет, в частности, «удивительное совпадение» взглядов «отцов-основателей» США с внешнеполитической философией кумира киссинджеровской школы в современной американской дипломатии О. Бисмарка. «Вы-

водя из внешнеполитических «уроков Бисмарка», действовавшего в «многополюсном мире», постулаты для «новой внешней политики США» на 1970-е и последующие годы, Г. Киссинджер, — замечает Г. А. Трофименко, — по-видимому, не отдавал себе отчета в том, что куда более конгениальными — «истинно национальными» и в то же время аналогичными — уроками являются для США внешнеполитические заветы американских «отцов-основателей», предвосхитивших большинство внешнеполитических и стратегических принципов «железного канцлера!» (стр. 33).

Значительное место в работе занимает анализ конкретного применения складывавшейся на протяжении всей истории США «метасистемы» военно-политических концепций и воззрений, имеющих хождение в современных условиях.

Рассмотрение эволюции военно-политической стратегии США после второй мировой войны показывает, что многие из традиционных стратегических установок оказались на какое-то время отброшенными в сторону или искаженными до неузнаваемости, и американское послевоенное руководство ринулось строить «американский мир», не считаясь с правилами «баланса сил», с заветами Дж. Вашингтона избегать постоянных антипатий и симпатий к другим нациям, игнорируя основополагающий принцип стратегии США, который требует не просто эгоистического расчета при реализации внешнеполитического интереса, но «просвещенного расчета», что далеко не одно и то же. Эта эйфория американского «всесилия» породила «холодную войну». В контексте всей истории США «холодная война» являлась в известной мере отступлением от традиционной американской политики: попыткой единолично решить «с позиции силы» все мировые проблемы, и в первую очередь «проблему международного коммунизма».

К началу 70-х годов, как отмечается в книге, американская политика силы зашла в тупик (стр. 333—339). Осознание Вашингтоном несостоятельности этой политики, ограниченности внешнеполитических возможностей, к чему американское руководство пришло мучительным путем «проб и ошибок», перебирания «силовых альтернатив», вызвало своеобразную «деамериканизацию» стратегии США. Это означало переориентацию ее на первоочередное обеспечение собственных интересов, поворот от конфронтации к переговорам в отношениях с СССР, официальное признание принципа мирного со-

существования в качестве основы взаимоотношений между ними (стр. 289). В результате советско-американских встреч на высшем уровне, состоявшихся в первой половине 70-х годов, было сделано многое для того, чтобы не конфронтация, а мирное сотрудничество определяло характер этих отношений. Около 60 соглашений, заключенных между СССР и США в 1972—1975 гг., создали, как подчеркивается в книге, инфраструктуру отношений между двумя государствами, очертили сферы их интересов и оформили своего рода «кодекс поведения», которым они согласились руководствоваться в своих взаимоотношениях и действиях на мировой арене (там же).

Рассматривая определенные сферы интересов СССР и США, автор ставит важный научно-теоретический и практический вопрос: правомерно ли считать, что американское империалистическое государство может быть на деле заинтересовано в устранении опасности ядерной войны, не исключает ли сама его природа возможность существования подобной цели у Вашингтона? Отвечая на этот вопрос, Г. А. Трофименко руководствуется известным ленинским положением о том, что война есть не что иное, как продолжение прежней политики государства только иными, а именно насильственными средствами. «Пока война,— пишет он,— решает рациональные, с точки зрения правящего класса, задачи, пока ее негативные последствия не перевешивают ее потенциальных «прибылей»— результатов побед, война остается для него одной из вполне реальных альтернатив (даже если политические деятели этого класса и выступают с широко-вещательными декларациями о своем отвращении к инструменту силы). Однако, когда инструмент войны оказывается таким, что он перестает поддаваться рациональному контролю, когда агрессор в ходе борьбы за «победу» сам может подвергнуться уничтожению, тогда война теряет характер практически используемого орудия политики. При этом решающее значение имеет не то обстоятельство, что сами средства ведения войны оказываются чрезмерными для достижения той или иной политической цели — империализм не поколебался бы прибегнуть к любому оружию ради реализации своих замыслов,— а тот факт, что аналогичными средствами располагает и другая сторона в потенциальном конфликте» (стр. 292—293). Иными словами, ядерная («абсолютная») сила, на которой базировалась послевоенная военно-политическая стратегия США, оказа-

лась неперевожимой в политическое могущество прежде всего потому, что аналогичная сила появилась и у «главного оппонента» Соединенных Штатов — Советского Союза.

Начавшийся на рубеже 70-х годов процесс приспособления внешней политики и военно-политической стратегии США к действительности, который, как верно отмечается в книге, еще далеко не завершен, характеризуется непоследовательностью. В то же время «ясно одно: это есть процесс перехода к исторически более традиционному для США канонам и принципам внешнеполитического поведения, чем те, которыми определялось поведение США с конца второй мировой войны» (стр. 339). В этих условиях вновь приобретают большое значение внешнеполитические установки основателей американской республики, призывавших потомков «культивировать мир и гармонию» со всеми странами, проводить сдержанную, взвешенную внешнюю политику, реалистически оценивать возможности США на мировой арене, добиваться урегулирования спорных вопросов с помощью компромиссов, учитывать интересы всех членов мирового сообщества.

Что касается советско-американских отношений, то исторический опыт, как видно из книги, свидетельствует о том, что традиционными для наших стран были отношения мира, а не конфронтации. И действительно, если взглянуть на историю русско-американских отношений с позиции сегодняшнего дня, то можно с полным основанием утверждать, что в целом они развивались в благожелательном направлении, что между русским и американским народами имеются давние дружественные научные, культурные, общественно-политические, торговые и дипломатические контакты, приносившие взаимную пользу. Мы далеки от того, чтобы представлять историю этих отношений в идиллическом свете. Существовало немало спорных вопросов, противоречий и даже конфликтов, решение которых осложнялось прежде всего различием общественно-политических систем. Однако если говорить о главном уроке истории отношений между нашими странами, то он состоит в том, что можно преодолевать конфликты не с помощью силы, а путем переговоров.

Работа Г. А. Трофименко подводит к важному в исследовании международных отношений и внешней политики методологическому вопросу: о выработке общеприемлемого понятийного аппарата. В книге — и это отрадное явление — прослеживается

определенное разграничение между доктринами, теориями и концепциями. Под первыми имеются в виду официально сформулированные универсальные руководящие принципы внешней политики, под вторыми — системы основополагающих идей, главным образом философско-методологического характера, под третьими — совокупности взглядов на те или иные конкретные внешнеполитические явления, их понимание и толкование. В то же время автор в ряде случаев понятие «доктрина» трактует самым широким образом и распространяет его на все официальные воззрения, используя его, таким образом, как синоним понятия «концепция». Произвольное обращение с понятием «доктрина» не только препятствует научной классификации различных внешнеполитических заявлений, пониманию их места и значения в истории внешней политики, но и затрудняет в практическом отношении выделение принципов, служащих своего рода долгосрочными ориентирами во внешней политике.

Применительно к внешней политике США, где доктрины по сравнению с другими странами играют особую роль, необходимо строгое разграничение не только между доктринами и концепциями, но и между самими доктринами. Во внешней политике США прежде всего следует выделять «глобальные доктрины», которые представляют собой философское обрамление определенных долгосрочных внешнеполитических целей господствующего класса. Провозглашаемые нередко применительно к политике США в каком-либо определенном районе, они в силу породивших их исторических условий и заложенных в них идей становятся принципами поведения США не только в региональных, но и в глобальных масштабах. Эти доктрины являются своеобразными «долгожителями» в области внешней политики. В американской истории к таким доктринам можно отнести доктрину «свободы морей», доктрину «изоляциизма», доктрины Монро, Хэя, Трумэна. Подобный характер имеет и «доктрина Никсона», которая с учетом

новой расстановки сил в мире и возникновения ядерного паритета сформулировала в качестве трех ведущих принципов внешней политики США опору на силу, «партнерство» (разделение ответственности с союзниками по блокам) и переговоры с государствами иной социальной системы. Основные установки этой доктрины не претерпели принципиальных изменений. Поэтому вряд ли правомерны содержащиеся в книге категорические утверждения о «крахе» «доктрины Никсона» (стр. 328—329).

От глобальных доктрин следует отличать региональные. Эти два типа доктрин, помимо названий, обычно роднит их происхождение. И те и другие провозглашаются применительно к регионам. Для того, чтобы уяснить различия между ними, необходимо тщательно их сопоставить и установить, содержит ли та или иная доктрина качественно новые положения, могут ли эти положения стать универсальным глобальным принципом. Возьмем в качестве примера выдвинутую президентом Дж. Фордом в декабре 1975 г. так называемую «Тихоокеанскую доктрину». Как нам представляется, эта доктрина была не «заменой» (стр. 329), а, напротив, развитием основных установок «доктрины Никсона» (сила, «партнерство», переговоры) применительно к вполне конкретному региону — бассейну Тихого океана. Такого рода региональные доктрины — частое явление во внешней политике США, они появляются в силу как престижных соображений провозглашающих их лиц, так и объективных обстоятельств. Проведение строгого разграничения между глобальными и региональными доктринами весьма важно для понимания внешней политики США.

Книга Г. А. Трофименко представляет собой заметное явление в советской исторической литературе. Она не только содержит глубокий анализ внешней политики США, но и заставляет задуматься о необходимости поиска новых путей изучения международных отношений и внешней политики.

В. Ф. Петровский

НОВЫЕ КНИГИ

XXV съезд КПСС: единство теории и практики. Вып. I. М. Политиздат. 1977. 560 стр. 50 000 экз. 91 коп.—Первый выпуск сборника составлен из статей и выступлений руководящих деятелей КПСС и Советского государства, опубликованных после XXV съезда партии в 1976 году.

Фридрих Энгельс. Биография. Изд. 2-е. Авт. Л. Ф. Ильичев и др. М. Политиздат. 1977. XII, 610 стр. с илл. 100 000 экз. 1 руб. 90 коп.

История СССР

Авдусин Д. А. *Археология СССР.* Изд. 2-е, перераб. и доп. М. «Вышая школа». 1977. 272 стр. с илл. 20 000 экз. 1 руб. 4 коп.—Учебник для студентов университетов, обучающихся по специальности «История».

Ахмедов Х. *КПСС в борьбе за интенсификацию хлопководства.* Душанбе. «Ирфон». 1976. 373 стр. 1000 экз. 2 руб. 27 коп.

Бабаева Н. П. *Ленинская тактика «левого блока» в революции 1905—1907 гг.* Л. Изд-во Ленинградского ун-та. 1977. 119 стр. 4000 экз. 59 коп.

Балагуров Я. А. *Карелия в годы первой русской революции (1905—1907).* Петрозаводск. «Карелия». 1977. 109 стр. с илл. 3000 экз. 19 коп.

Бобков В. А. *Качественный рост партии и организация партийных сил.* Деятельность КПСС по улучшению состава партийных рядов и совершенствованию структуры первичных партийных организаций в развитии социалистическом обществе. На материалах Компартии Белоруссии, 1959—1975 гг. Минск. «Беларусь». 1977. 240 стр. 2000 экз. 2 руб. 16 коп.

Борьба партии большевиков за армию в социалистической революции. Сборник документов. М. Политиздат. 1977. 520 стр. 18 000 экз. 1 руб. 29 коп.

В орлином краю. Очерки о боевом пути авиации Краснознаменного Северо-Кавказского военного округа. Авт. В. И. Яблоновский и др. Ростов н/Д. Книжное изд-во. 1977. 207 стр. с илл. 20 000 экз. 77 коп.

Вопросы методологии и истории исторической науки. Сборник статей. М. Изд-во Московского ун-та. 1977. 315 стр. 3200 экз. 2 руб. 22 коп.

Гаприндашвили М. *Грузинское просветительство.* Предисловие Л. Горгиладзе. Тбилиси. «Ганатлеба». 1977. 255 стр. 2000 экз. 1 руб. 3 коп.

Деятельность Компартии Украины по воспитанию студенческой молодежи в период развитого социализма. Киев. Изд-во Киевского ун-та. 1977. 117 стр. (Научные труды по истории КПСС. Межведомственный научный сборник. Вып. 88). 1000 экз. 1 руб. 24 коп.

Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 2. Август 1922 г.—июнь 1934 г. Подготовили Ч. Аморт и др. М. «Наука». 1977. 636 стр. 1500 экз. 4 руб. 20 коп.

Енджеяк К., Кузнецов А. *Особая партизанско-диверсионная.* Изд. 2-е. Киев. Политиздат Украины. 1977. 206 стр. с илл. 75 000 экз. 85 коп.—Воспоминания о действиях одной из групп, входившей в состав молодежной подпольной организации Симферополя в годы Великой Отечественной войны.

За власть Советов! Воспоминания участников Октябрьской социалистической революции на Смоленщине. Сост. Н. П. Галицкая и др. Предисловие И. Красильникова. М. «Московский рабочий». 1977. 254 стр. 30 000 экз. 57 коп.

Зимин А. А. *Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России. (Конец XV—XVI в.).* М. «Наука». 1977. 356 стр. 4650 экз. 1 руб. 80 коп.

История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Научное руководство, редакция и введение П. А. Зайончковского. Т. 2. Ч. 1: 1801—1856. М. «Книга». 1977. 367 стр. 7000 экз. 1 руб. 74 коп.

Итина М. А. *История степных племен Южного Приаралья, II — начало I тысячелетия до н. э.* М. «Наука». 1977. 239 стр. (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 10). 1400 экз. 3 руб. 53 коп.

Каганова Р. Ю. *Ленин во Франции.* Декабрь 1908 — июнь 1912. Революционер, теоретик, организатор. Изд. 2-е, доп. М. «Мысль». 1977. 380 стр. с илл. 30 000 экз. 1 руб. 18 коп.

Козловский Ф. Н., Городокин А. А., Мулько В. С. *Путь к титану.* Краткий очерк истории Запорожского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени титано-магниевого комбината. Днепропетровск. «Проминь». 1976. 119 стр. с илл. (Серия «История фабрик и заводов»). 6000 экз. 68 коп.

Коллективизация крестьянских хозяйств Литовской ССР. Сборник документов и материалов. Вильнюс. «Мокслас». 1977. 510 стр. (Серия «История коллективизации сельского хозяйства СССР. Документы и материалы»). 1500 экз. 1 руб. 94 коп.

Комсомол Молдавии в документах и материалах. Ч. 3. Деятельность ЛКСММ в условиях развитого социализма, 1959—1975 гг. Кишинев. «Картя молдовеняскэ». 1977. 363 стр. 3000 экз. 78 коп.

Корзников А. *Дороги огневые.* Свердловск. Средне-Уральское книжное изд-во. 1977. 159 стр. с илл. 15 000 экз. 27 коп.—Воспоминания о боевом пути 279-й Лисичанской Краснознаменной стрелковой дивизии в годы Великой Отечественной войны.

Крестьянская община в Сибири XVII — начала XX в. Сборник статей. Новосибирск. «Наука», Сибирское отд-ние. 1977. 287 стр. 1750 экз. 1 руб. 22 коп.

Крижевская Л. Я. *Раннебронзовое время в Южном Зауралье.* Л. Изд-во Ленинградского ун-та. 1977. 159 стр. с илл. 1365 экз. 1 руб. 54 коп.

Кузьмина Е. Е. *В стране Кавата и Афрасиаба*. М. «Наука». 1977. 144 стр. с илл. (Серия «Из истории мировой культуры»). 55 000 экз. 57 коп.

Маамяги В. *Эстонские поселенцы в СССР. 1917—1940 гг.* Таллин. «Ээсти раамат». 1976. 235 стр. 3000 экз. 1 руб. 34 коп.

Мальцев С. *Когда опасность рядом*. 2-е, перераб. и доп. изд. Минск. «Беларусь». 1977. 255 стр. с илл. 50 000 экз. 1 руб. 24 коп.—Воспоминания о делах белорусских партизан в годы Великой Отечественной войны.

Мероньо Ф. *И снова в бой*. Воспоминания испанского летчика — участника Великой Отечественной войны. М. Воениздат. 1977. 184 стр. 65 000 экз. 74 коп.

Мировская И. А. *Хрестоматия по курсу истории СССР*. М. Изд-во Московского ун-та. 1977. 165 стр. 34 000 экз. 22 коп.

Михутин И. В. *Советско-польские отношения, 1931—1935*. М. «Наука». 1977. 287 стр. 1800 экз. 1 руб. 20 коп.

Новиков И. *Бессмертие Минска*. Минск. «Беларусь». 1977. 302 стр. с илл. 85 000 экз. 1 руб. 47 коп.—Документальные очерки о деятельности белорусских подпольщиков в годы Великой Отечественной войны.

О войне, о товарищах, о себе. Великая Отечественная война в воспоминаниях участников боевых действий. Аннотированный указатель военно-мемуарной литературы. 1941—1975 гг. Авт.-сост. В. И. Ежаков, П. К. Огарев, М. К. Секирин. М. Воениздат. 1977. 240 стр. 50 000 экз. 66 коп.

Окладников А. П., Деревянко А. П. *Громатухинская культура*. Новосибирск. «Наука», Сибирское отд-ние. 1977. 285 стр. с илл. 1500 экз. 1 руб. 11 коп.

Ордена Ленина Московский военный округ. Изд. 2-е, испр. и доп. Авт. К. С. Грушевой и др. М. Воениздат. 1977. 572 стр. с илл. 50 000 экз. 2 руб. 10 коп.

Петров А. П. *Критика фальсификации аграрно-крестьянского вопроса в трех русских революциях*. М. «Мысль». 1977. 399 стр. 6000 экз. 1 руб. 62 коп.

Пролетарцы. История ленинградского объединения «Пролетарский завод». Ответственная редколлегия: А. В. Архипов и др. Л. Лениздат. 1977. 247 стр. с илл. (Серия «История фабрик и заводов»). 10 000 экз. 1 руб. 15 коп.

Революционное движение на Брянщине, 1895 г.—февраль 1917 г. Сборник документов и материалов. Тула. Приокское книжное изд-во. 1976. 352 стр. 3000 экз. 96 коп.

Сметанин А. *Сквозь пламя сражений*. Документальный очерк о герое гражданской войны комбриге М. П. Ковалеве. Краснодар. Книжное изд-во. 1977. 176 стр. 15 000 экз. 22 коп.

Спирин Л. М. *Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в.—1920 г.)*. М. «Мысль». 1977. 366 стр. 7000 экз. 1 руб. 89 коп.

СССР и Польша. Интернациональные связи — история и современность. В 2-х т. Т. 1. М. Политиздат. 1977. 551 стр. 5500 экз. 2 руб. 11 коп.—Совместная работа Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

и Института рабочего движения Высшей школы общественных наук при ЦК ПОРП.

Степынин В. А. *Хроника революционных событий в деревне Воронежской губернии. 1861—1917 гг.* Воронеж. Изд-во Воронежского ун-та. 1977. 175 стр. 2000 экз. 1 руб. 27 коп.

Сулейменов Б. С., Басин В. Я. *Восстание 1916 года в Казахстане. Причины, характер, движущие силы*. Алма-Ата. «Наука» КазССР. 1977. 166 стр. 2400 экз. 88 коп.

Талепоровский Л., Ильин С. *С именем Фрунзе*. — П. Кулинов, О. Кулинов. *Золотая Звезда генерала*. Ярославль. Верхне-Волжское книжное изд-во. 1977. 336 стр. с илл. 30 000 экз. 55 коп.—О боевом пути 332-й стрелковой Иваново-Полоцкой ордена Суворова II степени дивизии им. М. В. Фрунзе и о генерал-лейтенанте, Герое Советского Союза Н. Н. Олеше.

Тутученко С. П. *Лесные всадники*. Предисловие А. Ф. Федорова. Киев. Политиздат Украины. 1977. 296 стр. с илл. 75 000 экз. 1 руб. 23 коп.—Воспоминания о партизанских рейдах по тылам врага в годы Великой Отечественной войны.

Шестопалов Г. Г., Зуб Д. И. *Конвейер стальных артерий*. Краткий очерк истории Днепропетровского ордена Ленина трубопрокатного завода имени В. И. Ленина. Днепропетровск. «Проминь». 1977. 128 стр. с илл. (Серия «История фабрик и заводов»). 10 000 экз. 68 коп.

Эшчанов К. *Компартия Узбекистана в борьбе за осуществление аграрной политики в современных условиях*. Ташкент. «Фан». 1977. 176 стр. 1500 экз. 1 руб. 49 коп.

Всеобщая история

Бартольд В. В. *Сочинения*. В 9-ти т. Т. 9. Работы по истории востоковедения. М. «Наука». 1977. 966 стр. 4600 экз. 5 руб. 20 коп.

Византийские очерки. Труды советских ученых к XV Международному конгрессу византистов. М. «Наука». 1977. 247 стр. 3900 экз. 1 руб. 44 коп.

Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки. Л. «Наука», Ленинградское отд-ние. 1977. 212 стр. с илл. (Палеолит мира. Исследования по археологии древнего каменного века). 3750 экз. 2 руб. 96 коп.

Всемирная история. Т. 11. М. «Мысль». 1977. 647 стр. с илл. 135 000 экз. 4 руб.—Книга охватывает 1945—1949 годы.

Инджикян О. Г. *Буржуазия Османской империи*. Ереван. Изд-во АН АрмССР. 1977. 314 стр. 1000 экз. 2 руб. 34 коп.

История стран Азии и Африки в новейшее время. Ч. I. 1917—1945. М. Изд-во Московского ун-та. 1976. 255 стр. 33 800 экз. 1 руб. 17 коп.—Учебник для студентов университетов.

Кудачкин М., Борисов А., Ткаченко В. *Чилийская революция: опыт и значение*. М. Политиздат. 1977. 206 стр. 100 000 экз. 49 коп.

Лисневский Э. В. *Кланистское дви-*

жение в США в период Реконструкции Юга, 1865—1877 гг. Ростов н/Д. Изд-во Ростовского ун-та. 1977. 191 стр. 3600 экз. 1 руб.

Малайско-индонезийские исследования. Сборник статей памяти академика А. А. Губера. М. «Наука». 1977. 250 стр. с илл. 1000 экз. 1 руб. 42 коп.

На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев, 1925—1945. Изд. 2-е, доп. Сост. и отв. ред. Ю. В. Чудодеев. М. «Наука». 1977. 445 стр. 30 000 экз. 1 руб. 14 коп.

Плешкова С. Л. *К истории купеческого капитала во Франции в XV веке. Жак Кёр и его деятельность.* М. Изд-во Московского ун-та. 1977. 181 стр. 1030 экз. 93 коп.

Рабочее движение в развивающихся странах. Сборник статей. М. «Наука». 1977. 263 стр. 5000 экз. 1 руб. 96 коп.

Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. Ежегодник, 1977. Вып. 7. М. «Наука». 1977. 336 стр. 3150 экз. 1 руб. 86 коп.

Союз коммунистов, 1836—1849. Сборник документов. М. «Мысль». 1977. 368 стр. 12 000 экз. 94 коп.— О борьбе К. Маркса, Ф. Энгельса и их ближайших соратников за создание первой международной организации пролетариата.

Французский ежегодник, 1975. Статьи и материалы по истории Франции. М. «Наука». 1977. 279 стр. 3200 экз. 3 руб. 21 коп.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

«Украинский исторический журнал» № 4 1977. Г. З. Мухина. В. И. Ленин — стратег и тактик социалистической революции; Е. П. Талан. Участие молодежи Украинской ССР в коммунистическом строительстве; И. М. Варзарь. Из истории борьбы В. И. Ленина против реформизма (90-е годы XIX ст.—начало 900-х годов XX ст.); И. Л. Гошуляк, В. Ф. Солдатенко, П. Х. Беляева, О. М. Вовчок. Публикации произведений В. И. Ленина в большевистских газетах Украины в первые годы Советской власти; В. Г. Сарбей. Работа В. И. Ленина в «Киевском слове» в 1905 г.; Т. И. Боднар. Дальнейшее укрепление профсоюзных организаций колхозов и совхозов Украины в восьмой пятилетке; В. И. Кучер, В. А. Чумаков. Разоблачение партийными организациями партизанских формирований и подполья антинародной деятельности украинских буржуазных националистов; С. Г. Матвиенко. Интернационалистская деятельность большевистских организаций Украины в революции 1905—1907 гг.; Л. Д. Чекаленко. Участие Украинской ССР в советско-польском сотрудничестве в области науки (1957—1975 гг.); Ю. А. Горбань. Из истории борьбы Коммунистической партии за решение проблемы рабочих кадров в годы первой пятилетки; Л. И. Гайдай. Роль кооперации в развитии капитализма в крестьянских хозяйствах Правобережной Украины (1906—1914 гг.); Н. Д. Василевский. Братские связи производственных коллективов стран социалистического сотрудничества (1960—1970 гг.); М. И. Панчук. Государственный и партийный деятель П. И. Любченко; А. А. Стрилко. Волонтер с Украины под знаменем Симона Боливара; «Большевики Украины в Октябрьской революции» (Хроника событий). Апрель 1917 года; М. Ю. Козицкий. К 70-летию V съезда РСДРП; Н. М. Фролкин. Форум коммунистов Европы. (К 10-ле-

тию Конференции европейских коммунистических и рабочих партий в Карловых Варах); Ж. П. Тимченко. К 60-летию I Всероссийского съезда крестьянских депутатов; В. С. Левин. Боец ленинской закалки. (К 100-летию со дня рождения А. С. Енукидзе); В. Е. Мельниченко. Славная дочь французского народа. (К 100-летию со дня рождения Жанны Лябурб); Н. Н. Кравец. К вопросу о взглядах П. А. Грабовского на отечественную историю.

«Вестник» Московского университета. Серия VIII. История, № 1, 1977. И. Д. Кабанова. XXV съезд КПСС об основных задачах экономической политики партии; В. Т. Полякова. Из опыта работы партийных организаций Казахстана по усилению роли ИТР в идейно-политическом воспитании коллектива (1959—1965); Л. В. Еременко. Машинно-тракторный парк колхозов Украины в 1958—1965 гг.; Я. М. Хоружанский. К истории строительства предприятий черной металлургии СССР в 1941—1942 гг.; Л. Г. Захарова. Первое исследование по истории крестьянской реформы 1861 г. в России; В. И. Ламзин. Вопросы хронологии и топографии восточных походов Траяна (114—117 гг.); Г. Е. Марков, Ч. Я. Язлыев. «Нравы и обычаи туркмен-салыр». Забытый источник по социально-экономической истории и этнографии Юго-Восточной Туркмении; С. В. Воронкова. Материалы промышленной переписи 1900 г. в России. (Опыт дополнительной обработки данных); О. А. Омельченко. Политическая теория в «Наказе Комиссии о составлении проекта нового уложения» Екатерины II; Е. Д. Королева. Об обществе дружбы «СССР — Греция».

«Великий Октябрь и некоторые проблемы истории СССР». Сборник статей кафедры истории СССР Академии общественных наук при ЦК КПСС. М., 1977. В. И. Бунин. Формы и методы борьбы солдатских масс за прекращение империалистической войны;

А. Д. Зюзин. Общая характеристика социально-экономического и политического положения в деревне накануне Октября в современной советской историографии; В. И. Королев. Борьба рабочего класса за интеллигенцию в ходе подготовки и проведения Октябрьской революции; А. А. Прохожев. Рабочий класс в формировании органов управления промышленностью; Б. А. Ярош. Интернациональные принципы Великого Октября и их воплощение в советско-польском экономическом сотрудничестве; В. М. Мусийчук. Программа борьбы за мир — творческое развитие внешнеполитического курса партии, проложенного Великим Октябрем.

«Критика современных буржуазных социологических и внешнеполитических концепций». Сборник научных трудов кафедры философии Московского государственного института международных отношений. М., 1976. Г. К. Ашин. Особенности идеологической борьбы в условиях разрядки международной напряженности.

«Социалистический образ жизни (экономические основы)». Межвузовский научный сборник Башкирского государственного университета. Уфа, 1976. Ф. Б. Садыков. Сущность и исторические преимущества социалистического образа жизни; М. Е. Миркин. Экономическая основа социалистического образа жизни; Г. И. Якупов. Свободный труд — главный компонент социалистического образа жизни; Д. Т. Поздняков. Роль перемены труда в социалистическом образе жизни; Л. В. Розенцвейг. Социалистическое соревнование — характерная черта социалистического образа жизни; М. Б. Россинский. Социалистический образ жизни и потребности членов общества; И. Бернард, Р. Флек, Г. Реслер, Г. Зейдель. Распределение материальных и духовных благ в социалистическом обществе; А. Х. Махматов. Потребление и социалистический образ жизни.

«Из истории социалистического строительства». Межвузовский научный сборник. Вып. 6. Издательство Саратовского университета, 1976. Г. А. Шипилов. Деятельность КПСС по формированию марксистско-ленинского мировоззрения, воспитанию, идейной убежденности специалистов в условиях развитого социализма; Т. А. Антипова. Работа партийных организаций Саратовской области по совершенствованию форм соревнования в годы восьмой пятилетки (по материалам машиностроительных предприятий); А. Д. Курин. Деятельность партийных организаций по развитию творческой активности рабочего класса в годы восьмой пятилетки (по материалам Нижнего Поволжья); Т. Н. Подлеснова. Деятельность партийных организаций по развитию творческой активности научно-технической интеллигенции. (Краткий историографический обзор); В. Т. Отставнов. Деятельность Саратовской областной партийной организации по подготовке механизаторских кадров в системе профессионально-технического образования в годы восьмой пятилетки; Г. Ю. Войнилов. Совершенствование идейно-политического воспитания

молодежи в системе комсомольского политического просвещения; Е. С. Дорофеева. Совершенствование системы профтехобразования в годы семилетки. (Краткий историографический обзор); М. И. Смолькина. Партийно-организационное укрепление и политико-массовая работа партийных организаций и предприятий текстильной промышленности Средней Волги. 1941—1945 годы; А. М. Мухамадеев. Партийные организации Нижнего Поволжья в борьбе за развитие и совершенствование техники производства в промышленности строительных материалов (1946—1955 гг.); В. И. Коряк. Деятельность партийных организаций Нижнего Поволжья по повышению роли печати в социалистическом строительстве (1930—1933 гг.); А. Л. Косицева. Помощь партийных организаций Нижнего Поволжья иностранным интернационалистам в развитии их идейно-политической и организационной деятельности (1918—1920 гг.).

«Методологические вопросы науки». Межвузовский научный сборник. Вып. 4. Изд-во Саратовского университета, 1975. В. Б. Устьянцев. Становление общества как проблема исторического материализма; В. С. Дрыгина. Возрастание роли научных знаний в социалистическом обществе.

«Археология». Межведомственный научный сборник. Институт археологии АН УССР, Украинское общество охраны памятников истории и культуры № 21. Киев, 1977. В. И. Неприна. Происхождение неолита ямочно-гребенчатой керамики на территории Украины; Д. Я. Телегин. О сложении скотоводства и земледелия на юго-западе Европейской части СССР; А. А. Щепинский. Население Южного берега Крыма в эпоху раннего железа; С. С. Бессонова, Д. С. Раевский. Золотая пластина из Сахновки; О. В. Сухобокков. К вопросу о памятниках волинцевского типа; В. В. Аулих. Об изучении славяно-русской керамики; М. Т. Сокол. Римов — древнерусский город-застава; Б. И. Лобай. Курганы скифского времени на Винничине; В. С. Драчук. Бронзовые зеркала из коллекции Днепропетровского государственного исторического музея; С. Р. Килиевич. Раскопки Большого Ярославова двора в Киеве (1972—1973 гг.); Г. А. Кузнецов. Исследование памятников раннего железного века на Черниговщине.

«Вопросы германской истории и историографии». Сборник научных трудов Днепропетровского государственного университета имени 300-летия воссоединения Украины с Россией. 1976. Г. В. Павленко. В. И. Ленин об использовании опыта германского рабочего движения при разработке марксистской аграрной программы; И. М. Кулинич. В. И. Ленин и немецкие интернационалисты в России; А. С. Бланк. Использование опыта большевистской партии в антифашистской борьбе немецких коммунистов; И. М. Бирюлев. Советская историческая литература конца 50-х — начала 60-х годов об апрельской стачке 1917 г. в

Германии; Д. С. Давидович. Роль немецкой прогрессивной печати в борьбе за новую Германию (1945—1949 гг.); Л. К. Лебедев. Политика партии рабочего класса в области культуры и особенности ее осуществления в ГДР; А. С. Завьялов. Характер и уроки второй мировой войны в оценке прогрессивных мелкобуржуазных демократов ГДР; Л. С. Тутик. К вопросу о структуре западногерманского протестантизма (50-е годы); Л. С. Тутик. Протестантская идеология и рабочее движение в ФРГ; К. А. Марков. К вопросу об идеологической платформе неонацизма в ФРГ (1945—1970 гг.); Т. Г. Медоварова. Боевое содружество Батальонов хлопских с Гвардией Людовой в борьбе против гитлеровских оккупантов в 1943—1944 годах; Л. Н. Бровко. Начало кризиса и раскол социал-демократической партии Германии (1933 г.); К. К. Гарсия. Из истории германо-итало-испанского фашистского альянса (1933—1936 гг.); С. И. Бобылева. «Ежегодник» Конрада как источник для изучения «социальной политики» правящих классов Германии начала XX века; Н. В. Боcharова. К вопросу о влиянии английской политической традиции на общественную мысль Германии первой трети XIX в. («Английские фрагменты» Г. Гейне); В. М. Калашников. Сведения немецких миссионеров об освободительной борьбе индейских племен Северной Америки против американских колонизаторов в конце XVIII—начале XIX века; Н. П. Ковальский, Ю. А. Мыцк. Рейнгольд Гейденштейн и его известия об освободительной борьбе украинского народа во второй половине XVI века; Ю. А. Мыцк. К вопросу об украинско-немецких связях в области исторической мысли XVII—XVIII вв. (Г. Грабянка, С. Величко и С. Пуфендорф).

«Труды» Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои. Общественные науки. Новая серия. Вып. № 301. 1976. Н. А. Аберкулов. Некоторые вопросы технического прогресса в развитии хлопководства Узбекистана; Т. Х. Маджидова. Из истории деятельности партийных организаций Узбекистана по руководству социалистическим соревнованием в промышленности в годы первой пятилетки; М. И. Иргашев. Коммунистическая партия Узбекистана в борьбе за технический прогресс в сельском хозяйстве в 1966—1970 гг. (на материалах Самаркандской области); Т. С. Саидкулов. К вопросу о соотношении объективных условий и субъективных факторов перехода народов Сред-

ней Азии на путь некапиталистического развития; Р. Режепов. Роль экономического сотрудничества социалистических наций в интернационализации быта сельских тружеников в условиях развитого социализма (на материалах Узбекской ССР); К. Аманов. О повышении качества подготовки специалистов в условиях научно-технической революции; Н. З. Зайннев. В. И. Ленин об информировании народных масс; Б. Т. Шермухамедов. Создание политических и экономических основ для подрыва социальных корней религии в Узбекистане; М. Д. Джуракулов. Результаты археологических исследований исторического факультета; М. М. Абрамов. Результаты исследования истории древней и средневековой Средней Азии; А. Вафеев. Критика антимарксистской проблемы субкультуры.

«Из истории борьбы партийных организаций Западной Сибири за социалистическое строительство». Сборник Барнаульского государственного педагогического института. 1976. Д. В. Клущин. Большевики Алтая в борьбе за развитие социалистической революции и упрочение Советской власти (декабрь 1917—июнь 1918 г.); В. Р. Андронкина. К вопросу формирования кадров советской интеллигенции в Горном Алтае (1920—1970 гг.); Р. Г. Насонов. Партийные организации в борьбе за восстановление и развитие народного хозяйства в национальных районах Южной Сибири (1921—1927 гг.); В. Н. Иваничкин. Деятельность профсоюзов Западной Сибири под руководством партийных организаций по улучшению жилищно-бытовых нужд трудящихся в годы Великой Отечественной войны; В. Н. Иваничкин. Деятельность партийных и профсоюзных организаций Западной Сибири по охране здоровья трудящихся в годы Великой Отечественной войны; Ж. Н. Белба. Из опыта партийного руководства социалистическим соревнованием на промышленных предприятиях Алтайского края (1956—1960 гг.); Н. Е. Тюткина. Деятельность партийных организаций Алтайского края по материальному укреплению учреждений культуры в годы семилетки (1959—1965 гг.); И. Ф. Медведев. Деятельность партийных организаций Горно-Алтайской автономной области по созданию кормовой базы для общественного поголовья скота в 1959—1965 годах; В. Н. Гончаров. Некоторые вопросы экономического образования кадров в условиях развитого социализма. (О системе политической учебы и экономического образования трудящихся в 1965—1975 гг.).

Хроникальные заметки

◆ В московском Доме ученых в феврале с. г. состоялось заседание в связи с 290-летием со дня рождения В. Н. Татищева — выдающегося русского ученого и государст-

венного деятеля XVIII века. А. Г. Кузьмин охарактеризовал его как историка, философа и ученого-энциклопедиста. А. И. Юхт рассказал о Татищеве — государст-

венном деятеле и экономисте, о его связях с Академией наук.

◆ 25 февраля в Москве проходила научная конференция, посвященная памяти советского историка-архивиста В. В. Максакова. В ее работе приняли участие преподаватели Московского историко-архивного института (МГИИ), сотрудники Главархивов СССР и РСФСР, Всесоюзного научно-исследовательского института документо-ведения и архивного дела, ряда архивов, сотрудники Института марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК КПСС и Института истории СССР АН СССР, журнала «Советские архивы» и других учреждений. Конференцию открыл ректор МГИИ Н. П. Красавченко. О деятельности В. В. Максакова шла речь в шести докладах: Н. П. Ерошкин — «Жизнь и деятельность В. В. Максакова», М. С. Веселина — «Участие В. В. Максакова в работе Истпарта и ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС», С. Т. Плешаков и Н. С. Зелов — «В. В. Максаков и создание Архива Октябрьской революции», В. А. Сидорова — «В. В. Максаков как организатор Центрального государственного архива РСФСР», Б. В. Левшин — «Выдающийся советский историк-архивист профессор В. В. Максаков по документам архивного фонда», Г. М. Деренковский — «Вопросы истории первой русской революции в трудах В. В. Максакова». Участники конференции высказались за проведение в дальнейшем «Максаковских чтений», посвященных жизни и деятельности выдающихся советских архивистов. Итоги работы конференции подвел проректор МГИИ Н. П. Ерошкин.

◆ 5 марта 1977 г. состоялся вечер воспоминаний о жизни и деятельности В. В. Максакова. На нем выступили акад. Ф. В. Константинов, С. О. Шмидт, М. А. Пережогин, К. И. Рудельсон, Н. А. Ивницкий и Л. В. Максакова.

◆ В Москве в апреле прошла встреча советских и польских историков, организованная Советским комитетом ветеранов войны совместно с польским Союзом борцов за свободу и демократию. Тема встречи, посвященной 60-летию Великого Октября, — «Революционные и боевые традиции советского и польского народов в борьбе за свободу, независимость и социальный прогресс». Встречу открыл председатель Советского комитета ветеранов войны П. И. Батов. Со вступительным словом к собравшимся обратился генеральный секретарь Главного правления польского Союза борцов за свободу и демократию С. Куйда. С докладами выступили акад. А. Г. Егоров — «Великая сила идей пролетарского интернационализма», Н. Михта (Польша) — «Роль Великой Октябрьской социалистической революции в восстановлении независимой Польши», В. Гура (Польша) — «Роль первой страны социализма в освобождении и создании Народной Польши», Г. З. Лекомцев — «Братское сотрудничество СССР и ПНР — яркий пример социалистического интернационализма в действии».

◆ Научный совет по проблемам зару-

бежных идеологических течений АН СССР, научно-методические советы по пропаганде внешней политики СССР и международных отношений и по пропаганде знаний о государстве и праве при Правлении Всесоюзного общества «Знание» провели 28 апреля в Москве объединенный пленум «Успехи социалистической демократии и кризис современного антикоммунизма». С докладом «Достижения советской социалистической демократии и современный антикоммунизм» выступил председатель Научного совета акад. М. Б. Митин. Были заслушаны выступления: чл.-корр. АН СССР Е. М. Чехарин — «В. И. Ленин о коренном отличии социалистической демократии от буржуазной», А. Ф. Шебанов — «Развитие политической системы советского общества как воплощение реальной демократии», В. Г. Смоленский — «Новые формы и методы идеологической борьбы на современном этапе», А. Л. Вергелис — «Активизация сионистской пропаганды и противники разрядки», Л. А. Брутян — «Империалистическая пропаганда национализма в современной идеологической борьбе».

◆ С 11 по 13 апреля в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина (ГБЛ) проходила III Всесоюзная научная конференция по проблемам книговедения, посвященная 60-летию Великого Октября. Ее организаторы — Научный совет по комплексной проблеме «История мировой культуры» при Секции общественных наук Президиума АН СССР, ГБЛ, Всесоюзная книжная палата, Всесоюзное добровольное общество любителей книги. В конференции приняли участие преподаватели вузов, сотрудники научно-исследовательских учреждений, активисты общества книголюбов, а также гости из ГДР, Болгарии, Польши, Чехословакии. Вступительным словом открыл конференцию председатель Научного совета акад. Б. Б. Пиотровский. С приветственным словом обратились к участникам научного форума старейший советский книговед, председатель комиссии комплексного изучения книги Научного совета чл.-корр. АН СССР А. А. Сидоров и Генеральный директор Национальной библиотеки ПНР В. Станкевич. На пленарном заседании были заслушаны доклады: «60 лет советской книги» — Н. М. Сикорский, «Задачи повышения эффективности научных изданий в свете решений XXV съезда КПСС» — Е. С. Лихтенштейн, «Всесоюзное общество любителей книги и его роль в повышении эффективности использования книжных фондов» — А. Н. Костиков. Затем работа конференции проходила по секциям. Всего было сделано более 150 докладов и сообщений.

◆ 17 марта в Риге состоялся VI съезд Общества охраны природы и памятников Латвийской ССР. Секретарь ЦК Компартии Латвии В. А. Чемм огласил приветствие съезду от ЦК КП Латвии. С отчетным докладом выступил председатель президиума Центрального правления общества первый заместитель Председателя Совета Министров республики Р. О. Верро. В Латвии, сказал он, взято под охрану государства 3229 памятников истории и культуры, 33 из

них — союзного значения. Выступавшие в прениях рассказали о том, как первичные организации общества готовятся встретить 60-летие Великого Октября.

◆ В Доме ученых Сибирского отделения АН СССР 28 февраля собрались ученые и преподаватели вузов Новосибирска, Красноярска, Иркутска, Барнаула, Томска и других городов Сибири для обсуждения вопросов координации и планирования совместных исследований в различных областях гуманитарных наук. Особое внимание они уделили укреплению творческих связей при подготовке фундаментальных трудов по истории рабочего класса и крестьянства Сибири. Выступавшие отметили необходимость более тесного сотрудничества коллективов вузов с научно-исследовательскими институтами Сибири. Были сделаны сообщения о результатах историко-археологических и социологических исследований, которые проводились в районах Байкало-Амурской магистрали.

◆ В Таллине 23—25 февраля прошел Всесоюзный симпозиум «Революционное движение в вооруженных силах России в 1917 г. и военная работа партии большевиков». В его работе приняли участие сотрудники Научного совета по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» Отделения истории АН СССР, Института истории СССР АН СССР и Института истории АН ЭССР.

◆ Политиздатом выпущен сборник «Ленин об Октябре» (М. 1977). Вошедшие в это издание высказывания вождя о революции переносят нас в обстановку предоктябрьских классовых боев, в дни, которые потрясли мир, и в первые годы Советской власти. Красной нитью проходит через сборник ленинская мысль о неисчерпаемых созидательных силах социалистической революции.

◆ В основу вышедшей в издательстве «Наука» коллективной монографии «Проблемы социалистического образа жизни» (М. 1977) положены материалы двух теоретических конференций, состоявшихся в конце 1974 г.: «Социалистический образ жизни и идеологическая борьба», организованной МГК КПСС, и «Методы исследования и прогнозирования социалистического образа жизни», проведенной Институтом социологических исследований АН СССР. Эти материалы доработаны и дополнены в свете решений XXV съезда КПСС.

◆ В издательстве «Наука» вышел в свет повторным изданием сборник документов и материалов «Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне» (т. 1 /1941 г./, т. 2 /1942—1945 гг./, М. 1976). В публикации проанализировано и прокомментировано до 1 тыс. документов. Собранные материалы раскрывают многотрудную, героическую деятельность пограничников в суровую годину военных испытаний. Здесь помещены документы, связанные с началом войны и с тем периодом ее, когда советские войска вновь вышли на государственную границу СССР. Отдельный раздел составляют документы о боевых действиях пограничников в дни войны с милитаристской Японией.

◆ «Демократические силы Италии про-

тив неофашизма» — так называется книга Г. С. Филатова, которую выпустило в свет издательство «Мысль» (М. 1977). Она посвящена борьбе итальянских демократических сил против неофашистской опасности.

◆ Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в Советской России пополнилась монографией Д. Д. Лаппо «Историография гражданской войны в Центральном Черноземье» (Воронеж. 1977). В ней дан анализ литературы по проблеме — сборников документов, воспоминаний, исследовательских работ, опубликованных в Центральном Черноземье с 1918 по 1974 год. Специальные разделы отведены деятельности губернских истпартов и местного отделения Общества историков-марксистов, организовавших в 20-е годы сбор документов и воспоминаний и создавших первые исследования по истории гражданской войны в крае.

◆ Вышли в свет вторым изданием «Очерки истории Краснодарской организации КПСС» (Краснодар. 1976). В них раскрыта история краевой парторганизации от первых марксистских кружков, возникших в Кубанской области и Черноморской губернии в 80-е — 90-е годы XIX в., до наших дней. При написании второго издания «Очерков» привлечены новые документы из Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС, других центральных и местных партийных и государственных архивов.

◆ Монография К. Б. Бейсембиева «Очерки истории общественно-политической и философской мысли Казахстана (дореволюционный период)» (Алма-Ата. «Казахстан». 1976) охватывает период с XV в. до Великой Октябрьской социалистической революции. Перед читателем предстает картина развития общественно-политической и философской мысли Казахстана, процесс распространения здесь марксистских идей, пропагандистская деятельность местных большевистских организаций.

◆ Проблема происхождения народов Северо-Востока, в том числе кереков, продолжает привлекать внимание историков. В книге В. В. Лсонтъева «По земле древних кереков. (Записки этнографа)» (Магадан. 1976) речь идет о трех экспедициях по местам обитания этого древнего народа. Автор проводил исследования на побережье Берингова моря, от Анадырского лимана до селения Хатырка. Полученные сведения подтвердили, что там располагались и древние, и более поздние керекские поселения.

◆ В Центральном партийном архиве ИМЛ вместе с рукописным наследием К. Маркса и Ф. Энгельса хранятся 86 принадлежавших им изданий книг на русском языке. В записной книжке Маркса «Русское в моей библиотеке» названо около 150 книг, полученных им от друзей. Записная книжка послужила сотрудникам архива ориентиром для поисков. По поручению ИМЛ в Берлин и Амстердам выезжал Б. М. Рудяк. В Берлине с помощью сотрудников ИМЛ при ЦК СЕПГ им найдено 81 русское издание, причем на пяти стоят пометки Маркса. В Амстердаме в библиотеке Международного института социальной истории удалось выявить 73 русских издания, которыми поль-

зовались основоположники научного коммунизма. 25 из них также сохранили пометки Маркса. Из Амстердама доставлены фотокопии находок. В ИМЛ при ЦК КПСС сейчас собраны сведения о местонахождении 240 томов на русском языке, входивших в собрание творцов научного коммунизма.

◆ В делах департамента полиции, хранящихся в ЦГАОР СССР, обнаружено неизвестное письмо болгарского революционера, курьера ленинской «Искры» И. Загубанского владельцу книжного магазина в Варне С. Георгиеву. «Дорогой товарищ! — писал Загубанский в начале января 1903 г. — Из-за толстых холодных тюремных стен поздравляю тебя с Новым годом и желаю тебе от всей души успеха на избранном тобой пути. Здоровье мое поправляется, но не поправится совсем от когтей русского двуглавого орла, который вонзает свои когти в грудь борцов. Ныне чувствуется уже скорый конец этого хищника, и он, как умирающее дикое животное, бросается на всех пионеров борьбы за свободу. Долой самодержавие! Да здравствует свобода! 1903 год должен принести с собой желанную конституцию. Следствие по моему делу уже закончено, и меня будут вскоре судить. Я, наверное, с другими товарищами пойду в Сибирь, но оттуда я непременно убегу, и для этого мной уже придуман целый план... По вечерам мы собираемся в одну из тюремных келий, где все вместе читаем, рассуждаем, спорим... Желаю тебе успеха во всем. Кланяйся всем товарищам в Варне. Твой Иван Загубанский». И. Загубанский в сентябре и ноябре 1901 г. четырежды доставил из Болгарии в Россию транспорты с ленинской «Искрой», журналом «Заря», брошюрами и оттисками ленинских статей. 1 декабря 1901 г. его арестовали на конспиративной квартире в Одессе. Его письмо было перехвачено тюремщиками. Царский суд выслал «опасного иностранца» из России без права возвращения. В тюрьме Загубанский заболел туберкулезом. Высланный в Болгарию, он умер в 1904 г. 29 лет от роду.

◆ Советской исторической наукой доказан факт деятельности в Москве анонимной типографии, выпустившей в 50-е — 60-е годы XVI в. не менее семи книг. Мнения относительно того, какая из них была напечатана первой, разделились. Большинство ученых называют первой русской печатной книгой узкошрифтное «Четвероевангелие». Всего известно около 25 его экземпляров, находившихся в библиотеках страны. Недавно экземпляр узкошрифтного «Четвероевангелия» обнаружен в Польше, в Капитульной библиотеке Вроцлава. Он содержит записи на страницах: о продажной цене книги, ее владельцах, местах нахождения. Одна из них гласит: «Лета семь тысяч сто четвертого» (то есть в 1596 г.) «поп Григорий своею рукою подписал» книгу.

◆ Институт древних рукописей им. М.

Маштоца — Матенадаран является крупнейшим научным центром по изучению и хранению памятников армянской письменности. В 1975 г. институт получил в дар армянскую рукопись, датированную VII веком. Ее изучение обогащает знание палеографии первых веков армянской письменности. К числу ценных рукописей принадлежит и полученное в том же году Евангелие, переписанное и иллюстрированное армянским миниатюристом Торосом Рослином в 1268 г. в Киликии. Всего в фондах Матенадарана сейчас находится около 16 тыс. рукописей.

◆ Во время строительных работ в северной части Соборной площади Московского Кремля археологи обнаружили улицу. Мостовая из плах-горбылей шла с холма к Москве-реке. Среди построек, расположенных вдоль улицы, находился двор, замощенный челюстями и зубами крупного рогатого скота (кости животных таким же образом использовались и в Новгороде).

◆ Славяно-русская археологическая экспедиция Института археологии АН УССР совместно с Украинским обществом охраны памятников истории и культуры в течение шести сезонов ведет раскопки в с. Башмачка Днепропетровской обл. Объект исследований — городище черняховской культуры III—IV веков. Здесь открыты остатки своеобразного оборонительного комплекса, возведенного из камня на небольшом мысу. Крутые склоны вверх по периметру укреплены каменной стеной шириною до 1,5 метра. На подходах к стене обнаружены следы второго оборонительного пояса из камня. Со стороны поля высятся два параллельно расположенных каменных ланциря. Пространство между ними заполнено глиной и землей, вынутой из оборонительного рва, который опоясывал стену со стороны поля. Первоначальная высота напольных укреплений — 4 м, ширина — тоже 4 метра. Угловые башни превосходили по высоте стену за счет деревянных надстроек. В центре городища выявлены остатки строения общественного назначения, а в южной его части — пять жилищ с каменными очагами.

◆ Важной находкой армянских археологов следует считать бронзовую скульптуру, найденную в погребении у села Лори Берд. Композиция, запечатлевшая оленей с детенышами, преследуемых гепардами, уникальна. Сделана она 3500 лет назад. В погребении найдены также предметы ритуальной керамики, золотые и серебряные украшения, оружие, орудия труда. Среди них — изделия, завезенные из Ассирии, Палестины, Сирии, что указывает на их тесные культурные и торговые связи.

◆ В Телави экспедицией Института истории, археологии и этнографии имени И. Джавахишвили АН ГрузССР обнаружены захоронения. Судя по найденным там предметам и инвентарю, они датируются I в. до н. э. — I в. нашей эры.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

ПЕРВЫЙ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИЙ СИМПОЗИУМ ПО АРХЕОЛОГИИ

В соответствии с Перспективной программой сотрудничества в области естественных и общественных наук, подписанной СССР и Финляндией 28 октября 1975 г., Институт археологии АН СССР (ИААН) провел с 15 по 19 ноября 1976 г. в Ленинграде советско-финляндский симпозиум по археологии на тему «Финно-угорские и славянские племена Восточной Европы и Финляндии в эпоху средневековья». В работе симпозиума приняли участие ведущие советские археологи научно-исследовательских учреждений АН СССР из Москвы, Ленинграда, Петрозаводска, Риги и Таллина, включая сектор славяно-финской археологии Ленинградского отделения (ЛО) ИААН и кафедру археологии исторического факультета Ленинградского университета. Руководителем советской делегации был акад. Б. А. Рыбаков. Финляндские участники во главе с проф. К.-Ф. Мейнандером представляли университеты Хельсинки и Турку, Финскую музейную службу, Академию Финляндии, рабочую группу по археологии Комитета по научно-техническому сотрудничеству между Финляндией и СССР.

Успешному ходу симпозиума во многом способствовал его высокий организационно-технический уровень. Все доклады и дискуссии по ним были обеспечены синхронным переводом, текст тезисов докладов и программ симпозиума был роздан на русском и финском языках. На приуроченной к симпозиуму выставке в ЛО ИААН экспонировались материалы последних раскопок на территории северо-западных областей Советского Союза, которые вызвали значительный интерес участников собрания, особенно ученых Финляндии.

На открытии симпозиума выступили Б. А. Рыбаков и К.-Ф. Мейнандер. Они отметили большое научное значение симпозиума для изучения древней истории славянских и финно-угорских народов, а также для укрепления международного научного сотрудничества. На заседаниях было заслушано 8 докладов советских ученых и 6 докладов финляндских исследователей.

На основе широкого привлечения археологических и этнографических данных Б. А. Рыбаков рассмотрел элементы северной мифологии в материальной культуре Древней Руси. Главное внимание он обратил на анализ сюжетов, связанных с культом «летающего шамана». Эти сюжеты существовали на протяжении нескольких тысячелетий и дожили до наших дней, что подтверждают материалы северорусских вышивок.

В ряде докладов советских ученых были затронуты общие проблемы древней истории Северной Руси. Так, В. В. Седов, рассматривая этнический состав населения Новгородской земли, показал, что в третьей четверти I тысячелетия в процессе расселения ильменских словен и кривичей местное прибалтийско-финское население не покинуло территорию своего обитания, а приняло участие в этногенезе населения Северной Руси. Такое своеобразие формирования населения этих районов способствовало созданию государственной федерации этнически разнородных племен и нашло отражение в структуре древнего Новгорода. В. В. Седов остановился также на исторических судьбах прибалтийско-финских племен веси, води, корелы и ижоры. И. П. Шаскольский (Ленинград) в докладе «Проблемы этногенеза финских племен Юго-Восточной Прибалтики в свете данных современной науки» подвел некоторый итог изучения таких племен, как корела, ижора, водь и весь, живших в Приладожье, Прионежье и на восточных берегах Финского залива. По мнению докладчика, важнейшая задача советской исторической науки состоит в выявлении археологических памятников I тыс. на территориях, где в начале II тыс. стали известны упомянутые племена. В докладе Е. А. Рябина (Ленинград) «Чудские племена Древней Руси по археологическим данным» прослеживается история различных группировок финноязычного населения Северной Руси. Е. А. Рябинин показал, что в одних случаях эти группировки сохранили свое этническое своеобразие, сформировавшись позднее в народ-

ности, в других — исчезли с исторической арены, оставив следы в средневековой материальной культуре, погребальном обряде, топонимике, языке и антропологическом облике населения русского Севера. Элементы культуры финно-угорских племен, вошедших в состав русского населения, органически соединились со славянскими традициями, обогатив и придав северорусской народной культуре своеобразные черты (это нашло отражение в вышивке, резьбе, ювелирном производстве).

Л. А. Голубева проанализировала взаимоотношения веси, скандинавов и славян в X—XI вв., во время славянского продвижения по территории Юго-Восточного Приладожья и Белоозерья. Она полагает, что проникновение славян в Приладожье началось в XI в. и шло из области расселения новгородских словен по р. Волхову, а на территорию судской и белоозерской веси это проникновение имело место в X в. и также проходило преимущественно из области новгородских словен по рекам Мсте, Мологе и западным притокам Суды. Расселение славян совпало по времени с появлением в рассматриваемых районах скандинавов, которые сравнительно быстро растворились в угро-финской среде. В докладе были охарактеризованы также материалы раскопок поселения у д. Городище (верхнее течение р. Шексны), население которого занималось преимущественно пушной охотой, обработкой металла и участвовало в международном обмене. В. А. Назаренко (Ленинград) в докладе «Финны Южного Приладожья» отметил выявившуюся в науке за последние годы тенденцию значительного расширения территории распространения приладожских курганов. Он связал эту тенденцию со стремлением исследователей доказать принадлежность упомянутых курганов древней веси, локализованной летописцем на Белом озере. По мнению докладчика, развитие культуры Белоозерья и Приладожья на первых этапах существования последней было изолированным, и нет оснований приписывать приладожские курганы веси. Своеобразие материальной культуры и погребальной обрядности в Приладожье подтверждает, что здесь в IX—X вв. шло формирование одной из древних финских народностей, условно названной в докладе приладожской чудью.

Три доклада были посвящены истории карелов и города Корелы. В докладе М. Хурре (Финляндия) «Представления финских археологов о происхождении карель-

ского племени и культуры Карелии железного века» была дана историографическая сводка различных точек зрения по вопросу о происхождении карелов, изложены взгляды по данной проблеме И. Аспелина, А. Хакмана, А. М. Тальгрена, Э. Кивикоски и других финских исследователей. А. Эря-Эско (Финляндия) выступил с докладом «Славяно-карельские культурные связи в IX—XIII вв.», в котором проанализировал предысторию Карелии, сообщения русских летописей о карелах, материалы карельских могильников. Докладчик пришел к выводу, что погребальный инвентарь в этих могильниках XII—XIII вв. представлен рядом самобытных форм, свидетельствующих о самостоятельном развитии и высоком уровне материальной культуры карелов, оказавшей определенное влияние на районы внутренней части Финляндии и на области к востоку и юго-востоку от Карелии. В то же время карельская культура подвергалась воздействию культур Западной Финляндии и Готланда, а позже во все большей степени — Новгорода. Финский ученый полагает, что влияние культуры викингов на развитие культуры карелов излишне преувеличивается: эти культуры существовали параллельно. В подъеме карельской культуры IX—XIII вв., считает А. Эря-Эско, первостепенную роль играла расширяющаяся сфера власти Новгорода и начинающееся формирование Русского государства. В докладе А. Н. Кирпичникова (Ленинград) были подведены некоторые итоги археологического изучения древней Корелы и Тиверского городка. Докладчик показал, что в русской истории Корела (первоначально Корельский городок) выступала как форпост, оборонявший северо-западные рубежи страны от шведской экспансии в XIV—начале XVII вв., и как самостоятельный русско-карельский культурный и экономический центр финноязычной окраины Руси. А. Н. Кирпичников проследил этапы становления города на р. Вуоксе, его древнюю топографию, обрисовал роль Корелы в экономическом развитии близлежащих земель и пришел к заключению, что при изучении средневековых городов-крепостей Приладожской Карелии прослеживаются следы плодотворного симбиоза русской и карельской культур. В докладе говорилось также о пользе моделирования территории средневекового города на основании писцовых книг XVI в. и шведских планов Кексгольма XVII века.

И. В. Дубов (Ленинград) изложил ре-

зультаты новейших исследований Тимеревского археологического комплекса, расположенного на р. Которосли близ Ярославля и состоящего из трех курганных групп и двух селищ. Здесь обнаружены два клада арабских дирхемов. Автор привел доказательства в пользу того, что Тимерево представляло собой значительный торгово-ремесленный центр на Великом Волжском пути и имело протогородской характер. Его население было полиэтническим. И. В. Дубов отмечает в погребальном обряде и в вещевом материале памятника и славянские, и финно-угорские, и скандинавские черты. Материалы Тимеревского комплекса, заключает он, — яркий образец формирующейся материальной и духовной древнерусской культуры Северо-Восточной Руси.

К.-Ф. Мейнандер посвятил свой доклад поискам загадочной страны биармов, с которыми норвежцы в IX—XIII вв. постоянно сталкивались в устье Северной Двины. Биармицы, по мнению докладчика, не были коренными жителями этого района, а являлись охотниками и торговцами, приходившими туда из более южных областей. Анализ распространения скандинавских находок на территории Северной Руси и предметов «пермского» типа в Финляндии и Скандинавии позволил Мейнандеру предположить, что центр страны биармов находился в окрестностях современного Ярославля. А.-Л. Хирвилуото (Финляндия) рассмотрела связи между Финляндией и районом Рижского залива в эпоху викингов и крестовых походов. Эти связи, по данным анализа вещевого материала из могильников Финляндии и ливских могильников, представляли собой односторонний ввоз изделий в Финляндию, прежде всего в ее западные области, где был ряд поселений, жители которых и вели основную торговлю. П.-Л. Лехтосало-Хиландер (Финляндия) в докладе «О связях Западной Финляндии с Восточной Европой в эпоху викингов» детально охарактеризовала материалы погребения второй четверти X в. из могильника Луйстари, расположенного на р. Эура в 40 км от побережья Ботнического залива. Здесь захоронен мужчина в деревянной камере, вместе с ним был положен многочисленный инвентарь (меч, два копья, боевой нож, коса, замок, вековые гири, арабские дирхемы и др.). Погребение принадлежало финну, который, как полагает докладчик, возвратился из успешного путешествия на Восток. П.-Л.

Лехтосало-Хиландер отметила, что мужская мода в X в. в области Балтийского моря была весьма однородной. У. Сало (Финляндия), анализируя расположение древних укреплений, топографию кладов серебра, в основном XI в., и главные направления походов шведов, проследил предысторию и историю областного управления в Западной Финляндии. В представленном на симпозиуме докладе К. Карпелана (Финляндия), тезисы которого были зачитаны, речь шла о культуре финских саамов в железном веке.

Обмен мнениями, состоявшийся после докладов, показал, что советские и финляндские ученые работают параллельно над решением ряда близких исторических проблем, таких, как происхождение и расселение северных славянских и финских племен, контакты Новгорода с чудью, изучение древней истории карелов и г. Корелы, определение скандинавского влияния на материальную культуру финнов и славян, семантика и орнаментация археологических находок, становление городов и развитие торговли в зоне славяно-финских контактов.

Во время симпозиума состоялось заседание смешанной советско-финляндской рабочей группы по научному сотрудничеству в области археологии, на котором был принят план совместной работы на 1977—1981 годы. В протоколе, подписанном Б. А. Рыбаковым и К.-Ф. Мейнандером, предусматривается проведение в 1978 г. в Хельсинки симпозиума «Культурные связи народов и стран Балтийского бассейна», а в 1980 г. в Ленинграде — симпозиума по изучению неолитических культур: издание заслушанных на симпозиумах докладов; обмен учеными, научно-туристическими группами, литературой и научной информацией. Оговорено взаимное участие каждой из сторон в совместных археологических раскопках.

Первый советско-финляндский симпозиум показал плодотворность научных контактов археологов обеих стран, необходимость долгосрочной договорной основы для продолжения таких встреч, обоюдное стремление ученых разных взглядов к конструктивному научному диалогу в «духе Хельсинки», рост международного авторитета советской археологии. Было высказано желание установить в области археологии договорное сотрудничество СССР и Финляндии со Швецией и Норвегией.

А. Н. Курпичников, Е. Н. Носов

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Обзор

ИСТОРИОГРАФИЯ ФРГ О РУССКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В последнее время в ФРГ наблюдается усиление интереса к предыстории первой мировой войны в общем и русско-германским политическим и экономическим отношениям того времени в частности. При этом заметны определенные сдвиги в трактовке этих вопросов, отход от апологетики германского империализма, поиски виновников войны и т. д. Определенным рубежом в западногерманской историографии стало начало 60-х годов, когда появился ряд критически-реалистических работ. Наряду с исследованиями таких крупных представителей консервативного направления, как Г. Риттер, Г. Уеберсбергер, Ф. Хазельмайер, М. Вернер¹, выходит фундаментальная монография Ф. Фишера «Рывок к мировому могуществу»², которая основана на документах из архивов ФРГ, ГДР, Австрии, а также на материалах трофейных архивов, возвращенных в конце 50-х годов Западной Германии. Главной задачей автор считал анализ целей, которые преследовало и выдвигало правительство, союзы монополий и лидеры политических партий Германии на протяжении всей войны. Кратко излагая предвоенную политику Германии и позицию ее в период июльского кризиса, Фишер подчеркивает факты, свидетельствующие о том, что Германия подстрекала к войне, показывает, как ее руководство сознательно провоцировало войну, используя любой благоприятный момент, как создавало еще до объявления русской мобилизации версию о России как главной виновнице войны³. Он считает, что германское руководство, шедшее на войну сознательно, несет значительную часть исторической ответственности за ее развязывание⁴. Фишер высказался также против бытующего на Западе мнения о смягчении напряженности в англо-германских отношениях в 1912—1914 годах⁵.

В условиях разгула реваншистских настроений буржуазный ученый осмелился выступить с разоблачением агрессивной политики германского империализма. Он обнажил на основе новых материалов аннексионистские планы германского правительства, в выработке которых активно участвовали «деловые круги». Появление этой книги вызвало бурю негодования среди ортодоксальных западногерманских историков. Но, несмотря на это, работа вышла вторым и третьим изданием. Против Фишера выступили ветераны западногерманской историографии Г. Риттер и Е. Цейхлин и др. В связи с этим в 1964—1965 гг. среди западногерманских историков разгорелась дискуссия по вопросам внешней и внутренней политики Германии накануне и в ходе первой мировой войны. Отвечая на критику в свой адрес со стороны Риттера и Цейх-

¹ G. Ritter. Staatskunst und Kriegshandwerk. Das Problem des Militarismus in Deutschland. Bd. I—IV. München. 1959—1968. (Т. II относится к предвоенному периоду); H. Uebersberger. Österreich zwischen Russland und Serbien. Köln-Graz. 1958; F. Haselmayer. Diplomatische Geschichte des Zweiten Reiches von 1871 bis 1918. Bd. 1—6. München. 1955—1963. (первая часть VI тома посвящена предыстории войны, 1909—1914 гг.); M. Werner. (Hrsg.). Deutsche-russische Beziehungen von Bismarck bis zur Gegenwart. Stuttgart. 1964. (Это тенденциозное издание выпущено к 50-летию Общества изучения России).

² F. Fischer. Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf. 1961.

³ F. Fischer. Op. cit. 2. Aufl. Düsseldorf. 1962, S. 80—82, 28.

⁴ Ibid., S. 98—99.

⁵ Ibid., S. 47—48.

лина, Фишер написал ряд работ⁶, в которых еще раз подчеркнул наличие у германского империализма агрессивных планов. «Ни о каком соскальзывании (правительства на путь войны. — Л. А.) не может быть и речи»⁷.

Таким образом, введение в оборот новых материалов, появление книги Фишера, дискуссия 1964—1965 гг., а также тенденции к изменению международного политического климата в сторону разрядки — все это явилось для западногерманских историков толчком к интенсификации изучения внешней и внутренней политики Германии накануне и во время первой мировой войны. В ФРГ за последнее время резко увеличился поток литературы, посвященной этим проблемам.

В 1969 г. как продолжение предыдущей появляется новая крупная работа Фишера, в которой рассматривается внутренняя и внешняя политика Германии от второго Марокканского кризиса 1911 г. до июльского кризиса 1914 года⁸. Сжато повторяя выводы своей предыдущей работы, Фишер раскрывает взаимосвязь внешнеполитических направлений предвоенного и военного периодов. Он рассматривает также взаимовлияние внутренней и внешней политики господствующих классов. В работе показано, как второй Марокканский кризис дал повод милитаристским силам вновь резко выразить свои стремления к насильственному переделу мира. Переход от политики обострения противоречий к политике, направленной на развязывание войны, когда оставалось только решить вопрос о выборе наиболее благоприятного момента, произошел, по мнению Фишера, на военном совете 8 декабря 1912 года⁹. Касаясь экономического соперничества Германии со странами Антанты, Фишер отмечает, что война была неизбежной в связи «с растущими трудностями для германской экспансии из-за конкуренции Франции, Англии, США»¹⁰. Поэтому Германия должна была с помощью оружия избавиться от конкурентов и проложить себе путь к мировому господству. Справедливо отмечая, что русско-германские противоречия не были первостепенными в общесвропейском кризисе, Фишер в известной мере ошибочно полагает, что в основе русско-германских противоречий лежали торговые противоречия¹¹.

Много и обоснованно пишет этот историк о крайнем национализме и расизме как идеологии германского империализма, об искусственном разжигании националистической пропаганды, направленной против славян. «Антифранцузская кампания, — пишет он, — не представляла трудностей, трудности представляла антирусская кампания, которая особенно поощрялась правительством с весны 1912 года»¹². Правящие круги Германии в течение всего 1913 г. распространяли версию о России как главном противнике Германии, они уделяли, подчеркивает Фишер, очень большое внимание идеологической подготовке войны с Россией, а позже изображали ее главной виновницей войны. В 1913 г. в связи с миссией Лимана фон Сандерса «впервые столкнулись Россия и Германия непосредственно»¹³. Однако Фишер признает, что Германия отстаивала на Балканах не интересы Австро-Венгрии, а свои собственные экономические интересы, боролась за свои господствующие позиции в Центральной Европе¹⁴. Он обращает внимание на экономическое соперничество Германии с Австро-Венгрией в Болгарии, Турции, Румынии и Сербии.

В отличие от предыдущей своей работы Фишер использовал (хотя и не всегда в достаточной степени) исследования советских историков и советские публикации. Особенно широко привлекаются им советские исследования и публикации при изложе-

⁶ F. Fischer. Weltpolitik. Weltmachtstreben und deutsche Kriegsziele. «Historische Zeitschrift», 199/2, 1964, Okt.; e j u s d. Weltmacht oder Niedergang. «Hamburger Studien zur neueren Geschichte». Bd. 1. Frankfurt a/M. 1968.

⁷ F. Fischer. Weltpolitik., S. 343. В этих статьях Фишер изложил ряд важных положений, например, о том, что германская политика на Балканах и в Турции накануне войны зашла в тупик, и это ускорило переход к актам прямой агрессии, что Германия была «перенеприязненна в финансовом отношении странами Антанты — Англией, Францией, США».

⁸ F. Fischer. Krieg der Illusionen. Düsseldorf. 1969.

⁹ Ibid., S. 232—241.

¹⁰ Интересно, что среди конкурентов Германии Фишер Россию не называет.

¹¹ F. Fischer. Krieg der Illusionen, S. 559—564, 535—541.

¹² Ibid., S. 277.

¹³ Ibid., S. 483.

¹⁴ Ibid., S. 289.

нии конфликта в связи с миссией Лимана фон Сандерса. Еще отчетливее, чем в предыдущей работе, Фишером показано, что классовые интересы крупной буржуазии и юнкеров были главной причиной экспансионистской внешней и реакционной внутренней политики вильгельмовской Германии. «Даже если мы не согласимся с его мнением, что этой книгой якобы дана исчерпывающая характеристика германской предвоенной политики, так как обозначенные для этого рамки слишком узки, — пишет историк из ГДР Ф. Кляйн, — все же этот труд представляет собой значительный вклад в критически-реалистическую буржуазную трактовку предыстории первой мировой войны»¹⁵.

Предвоенной и военной историей Германии занимаются и ученики Фишера — И. Гайсс, К.-Д. Вернеке, П.-К. Витт, Б. Фогель, Д. Штегман. Гайссом написана содержательная работа о германских планах захвата польских земель, осуществлено издание двухтомного сборника документов об июльском кризисе 1914 г.¹⁶, где неоспоримая ответственность Германии за развязывание войны доказана документально. Вернеке занимается изучением вопросов, связанных с идеологической подготовкой первой мировой войны¹⁷. Он широко привлекает публицистику, газеты, брошюры, архивные материалы и раскрывает единство правительства и реакционной прессы в стремлении развязать войну. Одна из основных интересующих его тем — обострение враждебности Германии в отношении России в первой половине 1914 года. Различным аспектам внутренней политики предвоенного и военного периодов посвящены работы Витта и Штегмана. Витт рассматривает финансовую политику германского рейха 1903—1913 гг.¹⁸, Штегман — наследие Бисмарка, партии и союзы вильгельмовской Германии 1897—1918 годов¹⁹. Большое внимание Штегман уделяет взаимосвязи юнкеров и буржуазии.

Недавно вышедшая работа Б. Фогель посвящена германской политике по отношению к России и провалу экспансионистских планов Булова²⁰. Внешнюю политику в целом, и в частности Германии, по отношению к России в 1904—1906 гг. Фогель рассматривает как политику «упущенных возможностей», которые возникли в связи с русско-японской войной. «Представление, что благоприятный момент для простирающейся германской континентальной политики окончательно прошел, было с весны 1906 г. всеобщим распространенным направлением в германских правительственных кругах»²¹. Бетман-Гольвег считал, что военное положение Германии в 1905 г. было более благоприятным, чем в июле 1914 года. Панический страх, что Германия со временем окончательно проиграет это соревнование держав, определяя после 1906 г. внешнеполитические комбинации германского правительства. Забота о том, чтобы не упустить благоприятный момент, сыграла в июле 1914 г. главную роль в его решении начать войну. «Неудавшиеся маневры 1904—1906 гг., — пишет Фогель, — были также предостерегающим примером для Бетмана-Гольвега. Неосуществленный Бьёркский договор и безрезультатный для Германии исход Альхесирасской конференции сигнализировали о провале буловской концепции мировой политики, которая строилась на германской гегемонии в Европе»²².

Германской дипломатии не удалось привязать Россию к Германии и использовать ее богатства в интересах германского политического и экономического развития.

¹⁵ F. Klein. Neuere Veröffentlichungen in der BRD zur Geschichte und Vorgeschichte des ersten Weltkrieges. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». 1972, Hf. 2. S. 211.

¹⁶ I. Geiss. Das Polnische Grenzstreifen 1914—1918. Ein Beitrag zur deutschen Kriegszielpolitik im ersten Weltkrieg. Lübek-Hamburg. 1960; e j u s d. (Hrsg.). Julikrise und Kriegsausbruch 1914. Eine Dokumentensammlung. Bd. I—II. Hannover. 1963—1964.

¹⁷ K.-D. Wernecke. Der Wille zur Weltgeltung. Aussenpolitik und Öffentlichkeit in Deutschland am Vorabend des ersten Weltkrieges. Düsseldorf. 1969; 2. Aufl. Düsseldorf. 1970.

¹⁸ P.-C. Witt. Die Finanzpolitik des Deutschen Reiches 1903—1913. «Historische Studien». H. 415. Lübek-Hamburg. 1970.

¹⁹ D. Stegmann. Die Erben Bismarcks. Parteien und Verbände in der Spätphase des wilhelminischen Deutschland. Sammlungspolitik 1897—1918. Köln — (West). B. 1970.

²⁰ B. Vogel. Deutsche Russlandpolitik. Das Scheitern der deutschen Weltpolitik unter Bülow 1900—1906. «Studien zur modernen Geschichte». Bd. II. Düsseldorf. 1973.

²¹ Ibid., S. 232.

²² Ibid., S. 233.

Несмотря на то, что объем торговли между обеими странами увеличивался, параллельно росла и политическая отчужденность. Отказ германских банков от участия в международном займе для России был выражением бессильной реакции на это политическое отчуждение. «После того как германская внешняя политика сделала в двух марокканских кризисах новый рывок к достижению господства на континенте, — отмечает Фогель, — она рискнула в июле 1914 г. пойти на решительную пробу сил с Францией, не стараясь застраховать себя в отношении России»²³. Для Бетмана-Гольвега в июле 1914 г. альтернативой мировой войне была локальная война, на худой конец — развал Антанты, если Россия не захочет воевать. Такой рисует концепцию внешней политики Германии Фогель. Много места в работе уделено русско-германским торговым отношениям, таможенной политике и заключению торгового договора 1904 года. Фогель пишет о его больших выгодах для Германии, но недостаточно выясняет его значение для России. Заключение Россией торгового договора с Германией она связывает с поражением царизма на Дальнем Востоке²⁴.

Либеральный западногерманский историк А. Гассер, принадлежащий к старшему поколению ученых, тоже выступил с разоблачением агрессивных планов Германии. В своей работе он утверждает, что германский Генеральный штаб еще в апреле 1913 г. взял курс на развязывание мировой войны. В обоснование он приводит тот факт, что с весны 1913 г. в Германии были отменены большие маневры на востоке, проводившиеся до этого ежегодно²⁵. В статье, опубликованной в 1973 г., Гассер уточняет и развивает выдвинутое им прежде положение. На основании новых материалов он вслед за Фишером утверждает, что ориентация на войну была принята еще на военном совете у кайзера 8 декабря 1912 года²⁶. Гассер обращает внимание на заметки Вильгельма II, из которых видно, что для «форсирования войны на три фронта» германское руководство предусматривало, во-первых, концентрацию военно-морских сил Германии, во-вторых, начало войны на западе, в-третьих, провокации на востоке. Гассер раскрывает главные цели Германии в войне, а также способы их маскировки с помощью всевозможных легенд и версий²⁷.

Помимо обобщающих трудов (Фишер), где в той или иной степени рассматриваются русско-германские отношения, в последнее время появляются издания, специально посвященные этой проблеме. Такова уже охарактеризованная работа Фогель. В исследовании Б. Бонвеча о планах экономической экспансии Англии и Франции в России также много места отводится русско-германским торговым отношениям²⁸. Историк анализирует договор 1904 г. и подробно останавливается на подготовке в России к его пересмотру в 1912—1914 годах. Он справедливо отмечает, что русско-японская война не оказала значительного влияния на ход русско-германских торговых переговоров и заключение договора 1904 года. Версия о торговом договоре, который Германия навязала России, воспользовавшись поражением в русско-японской войне, возникла в русском общественном мнении, как считает Бонвеч, после Боснийского кризиса 1908—1909 гг., в связи с поддержкой, которую Германия оказала Австро-Венгрии при аннексии Боснии и Герцеговины. Торговый договор был в общем выгоден для обеих сторон, однако в связи с дальнейшим размежеванием политических сил на международной арене Россия стремилась тормозить развитие торговых отношений с Германией и развивать таковые с Англией и Францией. Во время первой мировой войны Россия попала в сильную зависимость от Англии и Франции, которые преследовали определенные экономические цели. Однако Бонвеч ничего не пишет об экономических целях Германии в России и подготовке в Германии к пересмотру торгового договора в предшествующий период.

²³ Ibid., S. 235.

²⁴ Ibid., S. 234.

²⁵ A. Gasser. Deutschlands Entschluss zum Präventivkrieg 1913—1914. *Discordia concors*. Frankfurt a/M.—Basel. 1968, S. 171—185.

²⁶ A. Gasser. Der deutsche Hegemonialkrieg von 1914. «Deutschland in der Welt-politik des 19. und 20. Jahrhunderts». Hrsg. von I. Geiss und B. Wendt. Düsseldorf. 1973, S. 311.

²⁷ Ibid., S. 314—341.

²⁸ B. Bonwetsch. *Kriegsallianz und Wirtschaftsinteressen. Russland in den Wirtschaftsplänen Englands und Frankreichs 1914—1917*. Düsseldorf. 1973.

Русско-германские политические отношения рассматриваются в работах А. Хилльгрубера²⁹. Экономическим и торговым отношениям посвящены работы Х.-У. Велера, Х. Бёме³⁰. Эти работы написаны с официально-охранительных позиций. Как концентрированный итог результатов изысканий новейшей западногерманской историографии в области русско-германских отношений можно рассматривать, очевидно, доклады, с которыми выступили Хилльгрубер и Бёме на первом коллоквиуме советских и западногерманских историков, проходившем в 1973 г. в ФРГ, в г. Майнце³¹.

Справедливой следует признать мысль Хилльгрубера³² о благоприятной для России политике Бисмарка, имея в виду то, что этот германский канцлер пытался избежать войны с Россией и вообще войны на два фронта. Верно рассмотрены историком и цели германского империализма в войне с Россией, при этом он учитывает результаты работ Фишера. Хилльгрубер признает и то, что развязать войну в 1914 г., а не позднее, выгоднее всего было именно Германии. Однако при анализе внешнеполитических концепций Германии в целом, и в частности в отношении России, недостаточно раскрыты остаются причины, по которым выбиралась та или иная концепция, то или иное представление о России, ее военной мощи, та или иная концепция отношений Германии с другими странами. Не совсем ясно также, кто был носителем различных концепций, какие интересы лежали в их основе.

В докладе Хилльгрубера нет достаточно точного соотношения между экономическим и политическим аспектами русско-германских противоречий. Западногерманский историк пытается представить как равнозначные две концепции Бисмарка: опоры на Австро-Венгрию и курса на создание и укрепление австро-германского и затем Тройственного союза и наряду с этим — некоторые мысли канцлера о том, чтобы поделить Австро-Венгрию с Россией. В действительности же эти мысли не занимали сколько-нибудь существенного места во внешнеполитических концепциях Бисмарка. Противоречиво освещает Хилльгрубер вопрос о некоей особой угрозе, которая якобы исходила из России. Он настаивает на существовании «комплекса русской опасности», страха перед Россией, который сыграл, по его мнению, такую важную роль накануне войны. В то же время он отмечает, что общественное мнение Германии считало Россию «колоссом на глиняных ногах». О том, что лежало в основе этого «комплекса» и когда он возник, Хилльгрубер предпочитает умалчивать. Как показано в последней работе Фишера³³, страх перед «русской опасностью» и ненависть к России распространялись самим германским правительством в целях идеологической и психологической подготовки к войне.

Хилльгруберу не удалось связать рассмотрение русско-германских отношений со всем комплексом международных отношений, хотя он и признает необходимость такого подхода. Он не уделяет должного внимания англо-германским и франко-германским противоречиям. Из его доклада создается впечатление, будто бы главной причиной первой мировой войны были русско-германские противоречия, с чем нельзя согласиться.

Доклад Бёме о русско-германских торговых отношениях в 1878—1894 гг.³⁴ раскрывает связь внешней политики германского империализма с консервативно-охранительными тенденциями господствующих классов — крупных аграриев и промышленников, показывает, что определенную роль в этой политике играл страх перед возможностью обострения социальных противоречий. Бёме справедливо отмечает, что Герма-

²⁹ A. Hillgruber. Zwischen Hegemonie und Weltpolitik. Das Problem der Kontinuität von Bismarck bis Bethmann-Hollweg. In: M. Stürmer (Hrsg.). Das kaiserliche Deutschland. Politik und Gesellschaft. 1870—1918. Düsseldorf. 1970; e. j. u. d. Bismarck Aussenpolitik. Freiburg. 1972.

³⁰ H.-U. Wehler. Bismarcks Imperialismus und späte Russlandpolitik unter dem Primat der Innenpolitik. In: M. Stürmer. Op. cit.; H. Böhm. Politik und Ökonomie in der Rechtsgründungs- und späten Bismarckzeit. In: M. Stürmer. Op. cit.

³¹ В. Т. Фомин. Первый коллоквиум историков СССР и ФРГ. «Вопросы истории», 1974, № 4.

³² A. Hillgruber. Die deutsch-russischen politischen Beziehungen (1887—1917). Grundlagen, Grundmuster, Grundprobleme.

³³ F. Fischer. Krieg der Illusionen.

³⁴ H. Böhm. Die deutsch-russischen Wirtschaftsbeziehungen unter dem Gesichtspunkt der deutschen Handelspolitik (1878—1894).

ния, как и Россия, в торговой политике пыталась совместить противоположные интересы аграриев и промышленников. Однако вызывает возражение его претензия на создание новой модели или метода исследования международных отношений и внешней политики в период империализма. Бёме предлагает модель самосохраняющейся системы с консервативно-охранительными тенденциями, которая для своего сохранения ведет торговую экспансию. Между тем торговые и таможенные противоречия России и Германии никак нельзя свести к желанию избежать возможных социальных потрясений. Здесь речь прежде всего идет не столько о сохранности системы, сколько о непосредственных экономических выгодах влиятельных буржуазно-помещичьих кругов. Бёме преувеличивает русско-германские торговые противоречия, отрывает их от политических и военных соображений.

Подобные объяснения агрессивной внешней политики Германии можно найти и у других западногерманских историков (Велера, Штегмана). Однако они не оригинальны, а являются лишь повторением высказанных еще в 30-х годах соображений Е. Кера о «главенстве внутренней политики» и о роли внешней политики в связи с растущими противоречивыми интересами в обществе. Фогель считает, что «с 1965 г. можно говорить о ренессансе Кера» среди молодых ученых ФРГ³⁵.

Возросший интерес историографии ФРГ к русско-германским отношениям не случаен. Значительное воздействие оказывает изменение мирового политического климата, рост и влияние международного авторитета СССР, улучшение отношений между нашей страной и ФРГ. Однако не следует переоценивать позитивные сдвиги в новейшей западногерманской историографии по вопросу о русско-германских отношениях. В последних работах историков ФРГ эта проблема рассматривается главным образом применительно к 80-м — 90-м годам XIX в., то есть периоду значительной остроты во взаимоотношениях между двумя государствами. Такой подход, продиктованный стремлением перенести («задним числом») остроту империалистических противоречий с запада на восток, по-прежнему преобладает у большинства историков ФРГ. С одной стороны, ими признаются агрессивные цели германского империализма, а с другой — русско-германские противоречия изображаются таким образом, как будто они были основными накануне войны.

Многие историки ФРГ, изучающие русско-германские отношения, используют в своих работах советские публикации и исследования. Таковы, например, исследования Фишера, Фогель, Бёме, Бонвеча и др. Но все-таки даже эти авторы недостаточно знакомы с достижениями советской исторической науки в области изучения русско-германских отношений накануне первой мировой войны.

Несмотря на успехи реалистического направления, в историографии ФРГ сильны еще позиции национализма и апологетики. Поражения германского империализма в двух мировых войнах по-прежнему рассматриваются как «трагедия», «судьба», «рок», не поддающиеся рациональному объяснению³⁶.

Л. С. Анчутина

³⁵ B. Vogel. Op. cit., S. 236; E. Kehr. Der Primat der Innenpolitik. Gesammelte Aufsätze zur preussisch-deutschen Sozialgeschichte im 19. und 20. Jahrhundert. (West). B. 1965.

³⁶ В этом духе написаны, например, работы К. Швабе, Ф. Венде (K. Schwabe. Wissenschaft und Kriegsmoral. Die deutschen Hochschullehrer und die politischen Grundfragen des ersten Weltkrieges. Frankfurt/M. 1969; F. Wende. Die belgische Frage in der deutschen Politik des ersten Weltkrieges. 1969). Оба автора — ученики Риттера и продолжатели его концепции. С националистически-охранительных позиций написаны статьи упоминавшегося выше сборника под редакцией М. Штюрмера, изданного к 100-летию основания Германской империи.

Рецензии

«Lavrov Years of Emigration». Letters and Documents in Two Volumes.
 Dordrecht. Boston. D. Reidel Publishing Company. 1974, 1272, p. (v. I—
 603 p.; v. II—669 p.).

«Лавров — годы эмиграции». Тт. I—II. 1272 стр.

Издательство «D. Reidel Publishing Company» опубликовало два тома архивных документов о П. Л. Лаврове, которые в амстердамском Интернациональном институте социальной истории обнаружил сотрудник этого института Борис Сапир. Все документы печатаются на русском языке с подлинников и снабжены примечаниями¹. Поиски материалов, их изучение, систематизация, составление примечаний и комментарии потребовали от составителя многих лет. Изданию предпослана краткая вводная статья — «Годы эмиграции Лаврова». В ней Б. Сапир, используя источники и литературу, освещает наиболее яркие факты жизни и деятельности Лаврова за 30 лет его пребывания за границей. «Впередовский» же период его деятельности рассмотрен Б. Сапиром в специальной публикации².

Статья дает представление о Лаврове как личности, мыслителе, деятеле и одной из центральных фигур тогдашней русской эмиграции. Выясняется, что его связи с крупнейшими представителями общественной жизни той эпохи были более значительными, чем представлялось ранее. В статье приводятся факты о тяжелом материальном положении Лаврова: «Сбережениями он не обладал, т. к. свои гонорары он, как правило, вносил в кассу впередовской коммуны» (стр. XXXVII). Примечательно и такое наблюдение: «Личное его одиночество смягчалось дружбой с Лопатиным, арест которого в 1884 г. и последовавший в 1887 г. смертный приговор, замененный пожизненным заключением в Шлиссельбурге, явились для Лаврова страшным ударом» (стр. XVI).

Несмотря на прекращение изданий «Вперед», значение деятельности Лаврова для русского революционного движения не только не ослабевает, а, напротив, возрастает. Группы подполья и демократические деятели легальной России имели с Лавровым

прочные контакты. Переехав из Лондона в Париж, он вскоре создает «Кружок социалистов-пропагандистов», который сумел установить связь с «Началом» — подпольным изданием в Петербурге. К сожалению, об этом очень знаменательном факте в статье не сообщается никаких подробностей. Выясняется, что Лавров являлся участником комитета «Этапной кассы», которая оказывала помощь тем из эмигрантов, кто возвращался в Россию для продолжения революционной борьбы. Сведений об этой кассе, насколько нам известно, ранее никто не приводил. Возникает задача — выяснить, кто пользовался услугами кассы, откуда поступали в нее средства и пр. В статье упоминается о встречах Лаврова с Г. З. Елисеевым, одним из ведущих литераторов-публицистов «Отечественных записок».

Лавров внимательно прислушивался к революционному пульсу России, его постоянно информировали обо всем, что происходило в подполье. Когда развернулась борьба между «классиками» (сторонниками пропаганды в деревне) и «романтиками» (сторонниками борьбы за политические свободы, террористы), симпатии автора «Исторических писем» оказались всецело на стороне первых. Но прошло некоторое время, и Лавров в народовольцах увидел носителей и первостепенных идей и первостепенных дел. Он признал, что борьба с царизмом и завоевание политических свобод «есть начало всех начал в революционной борьбе» (стр. XLII). Страницы статьи о Лаврове как продолжателе и хранителе традиций «Народной воли» также содержат новый фактический материал. Это, в частности, сведения о том, что именно Лавров был инициатором и непосредственным организатором «Группы старых народовольцев» в 1892—1896 гг., издававшей «Материалы для истории русского социально-революционного движения».

Большое место отводит Б. Сапир взаимоотношениям Лаврова и Плеханова. Интересны данные о «Вестнике Народной воли», о связях и разногласиях Лаврова с С. М. Кравчинским, Л. А. Тихомировым, М. Н. Ошаниной и многими другими. Б. Сапир согласен

¹ Ранее изданные документы (их малая доля) оговорены в каждом отдельном случае.

² «Вперед!». 1873—1877 гг.». Материалы из архива В. Н. Смирнова. Дордрехт, 1970.

с мнением Н. Русанова³ о том, что Лавров, не сумев усвоить марксизм, тем не менее решительно защищал это учение от многих нападков и воспрепятствовал превращению «Вестника Народной воли» в антимарксистский орган. Санир считает, что Лавров, не будучи марксистом, лучше Плеханова чувствовал живой марксизм. Утверждая, что К. Маркс и Ф. Энгельс придавали большее значение «Народной воле», чем «Черному переделу» и группе «Освобождения труда», он делает вывод: «С точки зрения политической биографии Лаврова важно подчеркнуть, что, порывая с чернопередельцами и присоединяясь к «Народной воле», Лавров действовал гораздо больше в духе живого Маркса, т. е. если угодно выступал в гораздо большей степени марксистом, чем группа «Освобождения труда», возглавляемая Плехановым и Аксельродом» (стр. XLIII—XLIX).

В этих словах обнаруживается нежелание автора видеть принципиальное различие марксизма и лавризма. Нельзя говорить о народничестве вообще, игнорируя его классовую природу, его объективное значение. Без этого неправомерны никакие сопоставления представителей марксистской и народнической мысли. Конечно, в мировоззрении и деятельности группы Плеханова были ошибки и просчеты, но самый факт ее рождения знаменовал собой решительное отрицание народоульчества. Кроме того, деятельность «Народной воли» в значительной степени подготовила почву для появления новой идеологии и новой системы практической деятельности. В этом плане лавризм даже эпохи народоульчества оказывался уже пройденным этапом, хотя и оставлял полезное наследие для революционной борьбы нового поколения.

Такой же подход необходим и при решении очень запутанного вопроса о взаимоотношениях К. Маркса и М. А. Бакунина. В личном плане здесь имелись субъективные элементы как с той, так и с другой стороны. Лавров не понимал первопричину борьбы бакунистов и марксистов в Интернационале, и поэтому он, имея в виду Маркса и Бакунина, обращался к Лопатину с вопросом: «Из-за чего эти господа так злобятся один на другого?» Противоположность политических доктрин — вот причина этой борьбы. Жизнь показала, что будущее как в Европе, так и в России принадлежало не бакунизму, а марксизму.

Рассматриваемый двухтомник о Лаврове дает исследователям русской общественной мысли много новых материалов.

В первом томе помещена переписка Лаврова и Г. А. Лопатина за 1870—1883 годы. Лопатин являлся (и переписка это подтверждает) ближайшим другом Лаврова. Между ними не было тайн. Они оставались единомышленниками, а разногласия по отдельным вопросам только еще больше подчеркивали единство их мировоззрения. Из опубликованного в томе 341 письма некоторые представляют собой фактически статьи, корреспонденции, а иногда и маленькие трактаты. Тематика переписки весьма разнообразна, но центральное место занимают события революционной жизни России (сведения о С. Г. Нечаеве и нечаевцах; осуждение поступков Нечаева и С. Серебрянникова; ироническое отношение в связи с этим к М. А. Бакунину и Н. П. Огареву и др.).

Лавров и Лопатин с жадностью следят за революционной деятельностью А. В. Долгушина, П. А. Кропоткина, М. В. Куприянова, всех тех, кто вел пропаганду в народе. Вместе с тем обнаруживается стремление Лаврова упрекнуть молодое поколение 70-х годов XIX в., противопоставить ему образцы революционного энтузиазма шестидесятников. Особенно он недоволен «фричами» (кружок русских революционно настроенных женщин в Швейцарии, названный по имени хозяйки дома, где они собирались) и, кажется, незаслуженно обличает их. Еще большее его раздражение вызывает маликовщина, появлению которой он отказывался верить. «Некто Маликов,— пишет он Лопатину,— в настоящую минуту арестованный, основатель секты. Хотел обращать Бакунина и меня, но нашел, что мы слишком уже испорчены. Сведения, мне доставленные, не отличаются особою догматическою подробностью, но суть их — в воплощении бога в человека вообще, в человечество. Когда сей процесс совершится и человек сознает, что он, коллективно, и есть бог, то разом прекратится эксплуатация, зло и т. д. Это воплощение бога в человека следует проповедовать открыто, но революция, человекоубийство есть богоубийство — страшный грех и потому новые проповедники — враги революции и революционеров. Чайковский — именно тот предводитель радикалов, обращен в сектатора... Вот Вам и реализм нового нигилизма. Едва веришь» (стр. 147).

Приведенные слова важны как расшифровка понятия «маликовщина» известным революционером, расшифровка, которой, в

³ См. Н. Русанов. Лавров. «Былое», 1907, № 2, стр. 270.

сущности, в литературе до сих пор не было. Они важны и как постановка новой проблемы. В самом деле, почему далеко не заурядные люди подполья (а один из них — Н. В. Чайковский — даже дал свое имя известному кружку) оказались в том русле движения, которое полностью отрицает революционные методы борьбы, доказывая, однако, порочность и неприглядность существовавших условий жизни всего народа? Больше того, эти люди были полны желания и неукротимой энергии доказать собственным примером возможность новых, коммунистических форм жизни. Появляются, таким образом, религиозные формы демократического протеста, что уже само по себе интересно. Составитель примечаний здесь мог бы указать на сочинения самого Маликова, отметить, что подобные явления имели место до маликовщины и после нее, и разъяснить, как они трактовались до Лаврова. Данный пример свидетельствует о том, что наиболее сложные вопросы, затрагиваемые в публикуемых документах, нуждаются в более подробном комментировании.

Большое место в переписке отведено полемике Лаврова с П. Н. Ткачевым. За столкновением личностей скрывалась или, лучше сказать, проявлялась борьба двух направлений общественной и политической мысли, хотя родственных по классовой сущности, но непримиримых по внутренней их структуре. В основе мировоззрения Лаврова лежало убеждение в том, что социальный переворот может произойти только тогда, когда необходимость его будет осознана большинством народа. Ткачев же считал, что такая мысль не только утопична, но и вредна для дела революции. По его мнению, задача революционера состоит не в подготовке народа к социальному перевороту, а в уничтожении правительства и установлении революционной диктатуры, которая и поможет народу понять свою задачу и осуществить ее. В письмах Лаврова Лопатину и Лопатина Лаврову имеется об этом много интересного материала.

По мнению Лаврова, пропаганда должна быть основана на таких принципах: 1) Современное положение дел может быть исправлено лишь социальным переворотом. 2) Он может быть совершен лишь народом. 3) Надо к нему подготовить себя и народ. 4) Он должен состоять в разрушении экономического, политического, семейного строя настоящего общества. 5) Он не может опираться на религиозное начало, а должен опираться на критическую рациональную

мысль. 6) Для него могут быть употреблены лишь такие средства, которые не подрывают самую цель, следовательно, не могут быть употреблены средства лжи, обмана своих или народа, средства разжигания несоциалистических наклонностей и т. п.» (стр. 158—159). В сущности, одно это письмо раскрывает основу основ лавризма. В то же время оно является непосредственной реакцией на нечаевщину (для достижения цели все приемы хороши) и на маликовщину (богочеловечество — религиозное начало). Принцип правдивости и социалистической направленности должен быть решающим в пропаганде в среде и интеллигенции, и народа. Приемы разные, а суть одна.

И в связи с этим важно лопатинское понимание взглядов Лаврова на социальную революцию. «Я, конечно, знал не со вчерашнего дня, что Вы смотрите на социальную революцию, как на переворот, который может произойти только насильственным образом путем восстания, подготовляемого пропагандою большинства» (стр. 521). Это свидетельство полностью отводит от Лаврова упреки в народническом либерализме, в неверии в силы народных масс, что в революции он якобы отдавал предпочтение героям из интеллигенции.

Значительный интерес представляет письмо Лаврова, в котором содержится характеристика Лопатина. Лавров упрекает своего друга в неправильном использовании своих сил и способностей. В письмах содержатся оценки и отдельных событий. «Набат» сегодня получил. Нечаевщина» (стр. 314). Приблизительно так же отрицательно сказано о мистификациях чигиринцев. И Лавров и Лопатин не принимали никаких форм мистификации и обмана. В искажении информации Лавров видел и ошибку и преступление одновременно. Неправильные сведения о враге подменяют врага, неправильная информация исключает возможность научного подхода к решению возникающих проблем.

С середины 70-х годов XIX в. в подпольной жизни России вызревают новые явления, возникает землевольчество. Переписка обстоятельно отражает этот процесс. В начале 1878 г. Лопатин констатирует поворот к якобинству. Летом 1878 г. он уезжает в Россию, где знакомится с положением дел в революционных кружках. В его письмах подробно излагается ход борьбы «классиков» и «романтиков» и делается вывод, что новая волна течения не есть акт отчаяния и что она определенная фаза в развитии дви-

жения. Посещение России подтвердило для Лопатина его собственное мнение, что Россия вступает в период очень важных и ответственных событий.

Во втором томе помещено 224 документа, которые разбиты на разделы: период «Вперед»; Лавров и группа «Освобождение труда»; вокруг «Народной воли»; Лавров и иностранные социалисты; письма разных лиц к Лаврову; письма Лаврова к разным лицам; «Группа старых народолюбцев»; из литературного наследия Лаврова; приложения.

Наиболее объемна переписка с участником группы «Вперед» С. А. Подолинским, и касается она подготовительных работ по впередовскому изданию. Вместе с тем в письмах постоянно встречаются сообщения о событиях общественной и революционной жизни России. Часто упоминается, как и в первом томе, имя Нечаева и нечаевцев. Нечаевщина всюду осуждается. И в то же время русская эмиграция (да не только русская) возмущена тем, что швейцарское правительство выдало царским властям Нечаева. Она протестует против подобного акта насилия над революционером. Переписка отражает борьбу течений в русской эмиграции. Подолинский огульно обвиняет Бакунина и бакунистов в радикализме и демагогическом деспотизме. Однако он же, говоря о сторонниках Бакунина, называет их самыми чистыми представителями русского социализма (стр. 65). Этого явного противоречия в оценках комментатор, к сожалению, не объясняет. Еще более резко в письмах к Лаврову Подолинский критикует Ткачева и его брошюру «Задачи революционной пропаганды в России». Материалы тома дают основание утверждать, что брошюра Ткачева подорвала авторитет ее автора и усилила борьбу внутри эмиграции.

Значительное количество документов посвящено ренегатству Тихомирова. Дело в том, что сравнительно обширная литература по данному вопросу мало что объясняет в самой сути дела, и потому любые новые источники об этом эпизоде в истории общественного движения особенно важны. П. Б. Аксельрод в письме Лаврову следующим образом характеризует это событие: «Теперь обнаружилось, что сам Тихомиров — чистейший реакционер. Но реакционер чрезвычайно опасный по многим причинам. Во-первых, он сделался таковым, конечно, не из-за корыстных целей, а опять-таки ради общего блага. Он не ренегат в обыкновенном смысле слова, а несчастная жертва нашего славянофильского или на-

роднического социализма, с одной стороны, и той умственной трусости и неподвижности нашей революционной интеллигенции в 80-х годах, которая поистине ужасна и способна привести всякого в отчаяние. Но именно своим искренним и убежденным тоном брошюры его производит на многих сильное впечатление» (стр. 73).

Много неизвестного и важного содержится в материалах, касающихся «Календаря» и «Вестника Народной воли». Оказывается, уже в начале 80-х годов XIX в. шли разговоры о неблагоприятной роли «Вольного слова». Новые сведения имеются о С. П. Дегаеве и дегаевщине; публикуются письма братьев Дегаевых. Думается, что без материалов второго тома рецензируемой публикации сколько-нибудь полную историю «Вестника Народной воли» воспроизвести нельзя.

Том содержит новые данные о вторых первоапрельцах, их взгляде на политический террор и на тех слуг царизма, против которых он должен быть направлен. «Страшный политический гнет сделал террор настолько популярным, что многие вне его не видят ничего, что бы могло вывести нас из нынешнего ужасного положения; для многих вопрос заключается в следующем: или себе пулю в лоб, или кому-нибудь из тех, под чьим гнетом стонут миллионы и должны умереть или исчахнуть они сами» (стр. 169). В этой связи приводится краткая, но блестящая характеристика А. И. Ульянова: «Благородный; в высшей степени гуманный человек, любящая натура. Он долго колебался вступить в ряды революционеров-практиков: нравственно ли будет вступать в практику, не решивши вполне научно всех вопросов, — говаривал он. Но вопрос: а нравственно ли будет спокойно-теоретически рассуждать о вопросах, когда деспотизм не дает даже возможности удовлетворительно-научно решать вопросы эти? — сразил его: он скоро убедился, что единственно продуктивная форма политической борьбы в России — террор, он стал террористом» (стр. 175).

Многие письма, помещенные в томе, рельефно отражают столкновения и взаимоотношения народолюбческих групп с группами социал-демократическими. Ввиду того, что история «Группы старых народолюбцев», по сути дела, до сих пор не изучена, весьма важны материалы, опубликованные по этому вопросу.

Humberto DELGADO. *Memórias. Edições Delfos*. Lisboa. 1975. 368 p.

Умберто ДЕЛГАДО. Мемуары

25 апреля 1974 г. пал фашистский режим в Португалии. «Португальская революция покончила с одним из последних фашистских режимов нашего времени, привела к ликвидации последней колониальной империи. Вновь со всей силой подтвердилось: революция — это могучий рычаг социального обновления, она освобождает огромные силы, тающиеся в народе» — так Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев оценил в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии происходящий в Португалии процесс революционного обновления¹. Португальский народ, сбросивший ярмо полувекового господства фашистской диктатуры, хранит светлую память о борцах, отдавших свои жизни в борьбе за освобождение Португалии от фашистской тирании. Одним из таких борцов был У. Делгадо.

Генерал авиации Умберто да Силва Делгадо появился на политической арене в 1958 г., когда правое крыло антифашистской оппозиции выдвинуло его кандидатом в президенты страны. После соглашения, которое Делгадо заключил 30 мая 1958 г. с левыми антифашистами, он стал единым кандидатом всех антифашистских сил. Фашистскому государственному аппарату удалось извратить волю португальского народа, и, по официальным данным фальсифицированных выборов, кандидат оппозиции набрал всего лишь 23,5% голосов². После выборов Делгадо стал объектом нападков со стороны властей. Начальник португальской охраны (ПИДЕ) Н. Граса распустил слухи, что у него имеется ордер на его арест, и Делгадо с помощью сочувствовавшего португальской оппозиции бразильского посла А. де Барроса Линса вынужден был бежать в Бразилию.

В январе 1961 г. группа португальских антифашистов во главе с капитаном Э. Галвао захватила трансатлантический лайнер «Санта Мария». Эта операция была разработана весной 1960 г. при активном участии Делгадо. «Мы следуем нашим секретным курсом и шлем приветствие Вашему Превосходительству, тому, который волею португальского народа является законным главой государства», — телеграфировал Э. Галвао

Делгадо (стр. 311). 1 января 1962 г. восстали солдаты гарнизона г. Бежа (на юге Португалии) во главе с капитаном В. Гомесом. Для руководства восстанием в Португалию тайно прибыл Делгадо. Однако восстание не вызвало массового движения и было жестоко подавлено. «Все отдают должное мужеству участников восстания, во главе которого стоял капитан Варела Гомес. Все отдают должное мужеству генерала Умберто Делгадо, тайно приехавшему в Португалию, чтобы руководить выступлением. Однако мужества мало. Недостаточно и путчистской «искры», чтобы начать восстание в какой угодно точке страны. Легкость, с которой было подавлено восстание, объясняется не ошибками в деталях исполнения. Оно было подавлено потому, что началось в момент, когда не было революционной ситуации», — писал Генеральный секретарь Португальской коммунистической партии А. Куньял³.

В январе 1964 г. на второй конференции созданного в 1962 г. Патриотического фронта национального освобождения Португалии (ПФНО) Делгадо был избран председателем его руководящего органа — Португальской революционной жунты. Однако вскоре Делгадо порвал с ПФНО вследствие расхождений с коммунистами и другими демократами. Он настаивал на немедленной высадке в Португалии кучки патриотов для того, чтобы они своим героическим примером воодушевили народ Португалии и подняли его на вооруженную борьбу. В феврале 1965 г. во время очередной попытки проникнуть в Португалию Делгадо был убит агентами португальской и испанской охранок. Гневно осуждая это убийство, ПФНО опубликовал заявление, в котором говорилось: «Генерала Делгадо больше нет. Он убит ПИДЕ. Мы не забываем даже в этот момент наших политических разногласий с генералом Делгадо. Но боец пал в бою. Мы склоняемся перед тем, кто вел борьбу против Салазара и пожертвовал ради нее своей жизнью»⁴.

Мемуары Делгадо интересны не только как описание исторических событий, но и с точки зрения изучения их автора как поли-

¹ «Материалы XXV съезда КПСС». М. 1976, стр. 29.

² Г. Н. Коломиец. Очерки новейшей истории Португалии. М. 1965, стр. 149.

³ А. Куньял. Путь к победе (задачи партии в демократической и национальной революции). М. 1967, стр. 209.

⁴ «Revolution africaine», 30.IV.1965.

тического деятеля. Делгадо называет себя республиканцем по рождению. Когда ему было четыре года, отец, офицер-республиканец, сделал сыну из бумаги зелено-красный флаг республиканцев и вышел вместе с сыном на улицу приветствовать свержение монархии (стр. 17). Как политического деятеля Делгадо характеризует понимание величия происшедших в октябре 1917 г. в России перемен. Как буржуазный демократ он не мог, естественно, приветствовать Великую Октябрьскую социалистическую революцию так, как он ребенком приветствовал вместе со своим отцом рождение Португальской республики, но размах и глубоко народный характер революции в России не оставили его равнодушным. «В тысячах километров от Португалии свершилась величайшая революция всех времен. В октябре 1917 г. большевики взяли власть в России», — пишет Делгадо в своих мемуарах (стр. 44). Он не мог не быть ошеломленным ядом антикоммунистической пропаганды, что вполне естественно в условиях фашистской Португалии. Однако в отличие от весьма близкого к нему Галвао Делгадо не считал коммунистов врагами демократии.

Мемуары проникнуты чувством жгучей ненависти к фашистскому режиму, его колониальной политике. По долгу службы генералу Делгадо приходилось посещать португальские колонии. То, что он увидел там, потрясло его. «Бедные черные девушки!» — восклицает Делгадо, описывая, как для утех колониальных офицеров доставляли девочек, воспитанниц католических миссий (стр. 93). Многие страницы воспоминаний посвящены описанию ужасных, нечеловеческих условий жизни португальских трудящихся. Все это позволяет понять, почему Делгадо стал антифашистом, почему он отказался от приглашения вступить в фашистскую партию (стр. 137), почему в 1954 г., будучи генеральным директором гражданской авиации, запретил активистам фашистской партии расклеивать на здании управления гражданской авиации предвыборные плакаты салазаристов, почему в 1958 г. он решил стать кандидатом оппозиции на президентских выборах, открыто заявив о своем намерении убрать с политической арены Салазара. Делгадо приводит многочисленные доказательства фальсификации президентских выборов 1958 г.: лишение оппозиции возможности получить копии списков избирателей, признание под различными предлогами бюллетеней оппозиции недействительными, открытое, публичное уничтожение этих бюллетеней и, самое главное, недопущение пред-

ставителей оппозиции к участию в подсчете голосов. Попытки Делгадо апеллировать к президенту республики К. Лопесу и командованию вооруженных сил ни к чему не привели.

После того, как фашистскому правительству не удалось заставить Делгадо «по-хорошему» покинуть Португалию для изучения в Канаде экономических наук, он стал объектом самых разнообразных преследований. Развернутая против него кампания травли, запугивания и открытых угроз со стороны официальных лиц ПИДЕ, приведшая к его бегству в Бразилию, отражает ту удручающую атмосферу страха, в которой жил португальский народ до 25 апреля 1974 года. Посвященные описанию этой кампании страницы напоминают, что это не должно повториться, зовут на борьбу за полное искоренение в Португалии остатков фашизма, на борьбу против сил, тщетно пытающихся вернуть старые порядки, возродить старые традиции, на борьбу за новую Португалию. В этом значении воспоминаний Делгадо.

Изложенная в мемуарах колониальная программа либеральной оппозиции попала на свалку истории. Португальская революция отвергла план создания «Соединенных Штатов Португалии», выбросив за пределы страны палача народов Анголы и Гвинеи-Бисау бывшего президента А. Спинолу, того, кто, спасая португальский капитализм, пытался облечь в «благопристойные формы» португальский колониализм. При этом, если либеральная оппозиция исключала войну как метод решения колониального вопроса, то Спинола в переговорах с президентом Заира Мобуту на островах Зеленого Мыса в августе 1974 г. вынашивал планы предоставления Анголе «независимости» и одновременного разгрома авангарда ангольского народа — Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА); он был готов применить в борьбе против ангольского народа все те методы, которые он использовал, командуя бронетанковыми войсками колониальной армии в Анголе и будучи губернатором Гвинеи-Бисау.

Делгадо ненавидел колониальную политику фашистского режима, он боролся против нее — в этом его заслуга. Но он хотел ликвидировать отрицательные черты колониализма, а не сам португальский колониализм. В то же время, борясь против его одиозных сторон, он объективно расшатывал основы колониального господства как такового; и тому, что португальского колони-

лизма уже нет, мы в какой-то степени обязаны и Делгадо, который разоблачал преступления колонизаторов, выступал за прекращение колониальной войны, против фашистского режима и в борьбе с ним отдал свою жизнь.

Если в колониальном вопросе заблуждения Делгадо уже исправлены историей, то вопрос о том, быть или не быть капитализму в Португалии, о том, чтобы избавить страну от тяжелого наследия полувекового господства фашизма, защитить молодую португальскую демократию от попыток ре-

ставрации фашизма, все еще стоит в центре политической борьбы в Португалии. В первых рядах борцов за демократию — коммунисты, а в стане приверженцев старых порядков — буржуазия, помещики, католическая церковь.

Делгадо отдал жизнь за демократическую Португалию, а не за Португалию Спинолы, Шамполимо и других представителей монополистического капитала. Его мемуары подтверждают этот вывод.

В. Григорьев

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

«*Das Alltertum*». Berlin. 1977, № 1.

В. Гартке. Об экономических законах в период античности; Р. Шильд, Ф. Вендорф. Кулькулетти и Гадемотта — «Чертово место» Новые исследования по африканскому среднему палеолиту; Г. Ф. Бюлов. Технологические приемы и организация римского керамического производства; Б. Бёттгер. Римские термы в Варне; Г. Круммрей. Бани в древнем Риме; Т. Иванов. Новейшие раскопки на месте Colonia Ulpia Oescensium (Гиген, окр. Плевен); Г. -Ю. Тредер. Птолемей и его значение для современного естествознания; И. Микль Курк. Наупортус — римский укрепленный рынок в Словении; Ф. Гаас. Наскальные рельефы в ликийском Тавре.

«*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*». Berlin. 1977, № 4.

К. Райсиг, В. Шмидт. К истории развитого социалистического общества в ГДР; Г. Нойберт. Переломный момент в итальянской послевоенной истории. Раскол антифашистской правительственной коалиции и стабилизация однопартийного правительства христианских демократов в 1947—1948 гг.; Д. Фрикке. На пути в Мангейм. К отношениям между СДПГ и свободными профсоюзами к началу эпохи империализма; Г. Бандур, Г. Оолс. Роль информации и документации в повышении эффективности исторического исследования; П. Гоффман. Историография истории СССР.

«*Kwartalnik historyczny*». Warszawa. 1977, № 1.

Р. Хек. О традициях Пястов в средневековой Силезии; С. Охманн. Гетманский вопрос в 1661—1662 гг.; К. Дах. Южный

легион Речи Посполитой (1841—1848); З. Ляндау. Польское ремесло в годы экономического кризиса (1930—1935); С. Руссоцки. Сословные монархии Центральной и Восточной Европы в XV—XVI вв.; Г. Самсонович. Составляла ли Европа в эпоху Ягеллонов единое целое в экономическом отношении? К. Вернакк. Об истории немецко-польских отношений; С. Гершевски. Исследования по истории Ганзы или по истории региона Балтийского моря?; Е. Серчик. Об университетской программе изучения исторических наук; Е. Сковронек. О программе преподавания истории в десятилетке; Указания комиссий ЮНЕСКО Польской Народной Республики и Федеративной Республики Германии по вопросу о школьных учебниках по истории и географии.

«*Przegląd historyczny*». Warszawa. 1977, № 1.

Е. Вырозумски. Союзы подмастерьев в средневековой Польше; Т. Залиньска. Майораты в древней Польше; В. А. Сэрчик. Запорожское казачество во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг.; Б. Конарски. Польские эмигранты в вузах Франции (1832—1848 гг.); А. Галос. Гаката и антидатский Германский союз; В. Владыка. Консерваторы и беспартийный блок сотрудничества с правительством; Ю. Бардах. Воспоминания В. Мейштровича — разительный пример феодально-консервативного образа мышления; В. Борис. Галицийский период революционной деятельности И. Кульчинского (из Львовских архивных фондов); А. Гарлицки. Ежи Здеховски о неудавшемся январском перевороте 1919 г.; Я. Канцевич. Сотрудничество польских и русских

революционеров в 1907—1911 гг.; А. Бергман. К истории белорусской революционной организации 1920-х годов.

«*Revista de istorie*». București. 1977, № 1.

К 100-летию независимости Румынии. С. Мариеш. Отмена консульской юрисдикции в Румынии — неотъемлемая часть борьбы за национальную независимость; П. Абрудан. Трансильвания и борьба за независимость Румынии; А. Петрик, Н. Копойю. Отклики на Великую Октябрьскую социалистическую революцию в Румынии и их отражение в современной румынской историографии; В. Нетеа. Румынские школьные учебники и их роль в укреплении национального единства; 450-я годовщина прихода к власти Петру Рареша. К. Резачевици. Внутренняя политика Петру Рареша (второе правление 1541—1564); Ш. Симионеску. Международные связи Молдавии в период правления Петру Рареша; Документы. И. Гал, М. Флореску. К вопросу о месте и роли РКП в политической жизни Румынии по сообщениям иностранных дипломатов (1933); И. Тоака. Из истории народного движения сопротивления против режима оккупации (декабрь 1916 — ноябрь 1918 гг.); Н. Стойцеску. Новые работы о Михеа Храбром и его эпохе.

«*Revista de istorie*». 1977, № 2.

70-летие восстания 1907 г. М. Иоса. Великое крестьянское восстание 1907 г. Предпосылки и значение; Н. Мир. Восстание 1907 г. Отклики в переписке Н. Йорга и его политической деятельности; В. Поповици. Спиру Харет и восстание 1907 г.; И. Д. Суциу. Призыв Георга Попа из Басешти к поддержке вдов и сирот крестьян — участников восстания 1907 г.; Д. Хурецану. Восстание 1907 г. и его отражение в документах; К 100-летию независимости Румынии. Р. И. Василе. Укрепление обороноспособности в 1866—1877 гг. с точки зрения завоевания независимости; П. Абрудан. Трансильвания и борьба за независимость Румынии (2 ч.); Документы. Г. Диакону. Единство материальной и духовной культуры дако-гетов в III—VI вв.; С. Олтеану. Этапы процесса формирования Румынского феодального государства.

«*Revista de istorie*». 1977, № 3.

К 100-летию независимости Румынии. Э. Бантеа. Опыт борьбы за независимость и развитие вооруженных сил Румынии во время первой мировой войны; И. Суциу. Солидарность банатских румын с борьбой Румынии за независимость; А. Дуту. Румынские культурные центры в XVII—XVIII вв.; В. Атанасиу. К вопросу о румынских обязательствах во время первой мировой войны; Д. Шандру. Роль коммерческих банков Румынии в финансировании сельского хозяйства перед первой мировой войной; С. Бреану.

XV Международный конгресс византистов; Н. Даскалу. Отклики на восстановление воинской повинности в Германии (1935) в румынских дипломатических документах; Документы. Ф. Константиniu. Крестьянство — движущая сила развития румынского общества в период средневековья; Д. Бериндей. Конституция современного Румынского государства; Г. Чеашеску. Новые румынские исследования по фракологии.

«*Nghiên cứu lịch sử*». Hà-nôi. 1977, № 1—2.

Нгиен Кан Тоан. Энергичнее способствовать научно-технической революции; Фам Зуан Нам. Обзор исторических изменений, происшедших в деревенских трудящихся массах Вьетнама на пути к социализму; Дин Ван Нат. Округ Мелин в период Хан; Ван Дун. Ранние исследования некоторых проблем формирования высшего офицерства в борьбе против агрессии, за национальное спасение; Ван Тао. Журнал «*Nghiên cứu lịch sử*» за последние годы и его дальнейшая ориентация; Као Бах Май. Некоторые соображения относительно разработки «Каталога книг и рукописей Вьетнама»; Документы. Луу Тран Тьеу, Трин Кан. Из результатов археологических раскопок в Бах Данге в 1976 г.; Ву Ким Бьен. Об озере Дин Трит.

«*Československý časopis historický*». Praha. 1977, № 2.

В. В. Марьяна. Аграрно-крестьянский фронт в политике национальных фронтов на завершающем этапе второй мировой войны; Я. Кудрна. Историография, марксизм и историческое сознание; Э. Маур. Современные исследования Крестьянской войны в Германии 1524—1525 гг.; Б. Кржеменьска. Политический подъем Чешского государства во время правления князя Олдржиха (1012—1034 гг.).

«*Historický časopis*». Bratislava. 1977, № 1.

М. Подримавски. Программа Словацкой национальной партии в 1900—1914 гг.; Й. Вазар. Формы эксплуатации и борьбы горняков в Словакии в период позднего феодализма; М. Кучера. Вопросы нашей средневековой истории.

«*Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university*». Rada historická. Brno. 1974—1975, XXIII—XXIV.

Ф. Майнус. Освобождение Чехословакии в воспоминаниях советских бойцов; Ф. Хейм, И. Колейка. Решение национального вопроса в Чехословакии в период 1944—1945 гг. (Восстановление Чехословакии — республики чехов и словаков); Б. Черешнак. Бои австрийского пролетариата в феврале 1934 г. и отклики в рабочем движении Моравии; М. Ромпортлова, З. Сладек. Торгово-политические взаимоотношения между Чехословакией и Венгри-

ей в 1927—1935 гг.; И. Малир. Чешское прогрессивное движение в Моравии; Я. Кудрна. К вопросу об историческом содержании политических сочинений Гегеля; Р. Пражак. Ян Амос Коменский и Венгрия; М. Маречкова. Бардейовские деревни в первой половине XVII в.; И. Ма-

цурек. Переписка чешских эмигрантов после битвы при Белой Горе (1620 г.); М. Флодр. Принципы описания эпиграфических памятников средневековья и нового времени; И. Колейка. Международное социалистическое движение и восточный вопрос в 1878—1907 годах.

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ *

Гимпельсон Е. Г. Советский рабочий класс 1918—1920 гг. Социально-политические изменения. М. 1974. 352 стр. Рец.: Н а и м а н Н. — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1976, Bd. 24, № 3, S. 425—426.

«Документы внешней политики СССР». М. 1973. Т. 18. (1 янв.—31 дек. 1935 г. Ред. кол.: Ю. В. Борисов, Б. Г. Гафуров, Н. Н. Калинин и др.). 718 стр. Рец.: Slusser R. M. — «American Historical Review». Washington. 1976, Vol. 81, № 5, pp. 1181—1182.

«Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773—1774 гг.». (Отв. ред. Р. В. Овчинников. Сост.: А. И. Алексеев, Р. В. Овчинников, М. Ф. Прохоров). М. 1975. 523 стр. Рец.: Radusinović M. P. — «Jugoslovenski istorijski časopis». Beograd. 1975, № 3—4, s. 217—218.

Дунаевский В. А. Советская историография новой истории стран Запада. 1917—1941 гг. М. 1974. 375 стр. Рец.: Antsen G. — «American Historical Review». Washington. 1976, Vol. 81, № 5, p. 1180.

Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий, 1881—1903 гг. М. 1973. 351 стр. Рец.: Lincoln W. B. — «Military Affairs». Manhattan (Kans.). 1976, Vol. 40, № 4, p. 198.

Игнатьев А. В. Внешняя политика Временного правительства. М. 1974. 440 стр. Рец.: Kántner R. — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1976, Bd. 24, № 3, S. 425—426.

«История второй мировой войны. 1939—1945». В 12-ти тт. (Гл. ред. комис. А. А. Гречко). М. Т. 1. (Гл. ред. Г. А. Деборин). 1973. 367 стр. Т. 2. (Гл. ред. Г. А. Деборин). 1974. 479 стр. Т. 3. (Гл. ред. П. М. Деревянко). 1974. 503 стр. Рец.: Sprahr W. J. — «American Historical Review». Washington. 1976, Vol. 81, № 4, pp. 1182—1183.

«История Коммунистической партии Советского Союза». В 6-ти тт. Гл. ред. П. Н. Поспелов. М. 1970. Т. 4. Кн. 1 (1921—1929). 663 стр. Кн. 2 (1929—1937). 607 стр. Рец.: E. W. — «Wiener Tagebuch». Wien. 1977, № 1, S. 31.

«История Швеции». Ред. кол. А. С. Кан (отв. ред.) и др. М. 1974. 719 стр. Рец.: Schildbauer J. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1977, № 2, S. 205—206.

«История Эстонской ССР». В 3-х тт. Таллин. Т. 1. (Отв. ред. А. Вассаар, Г. Наан). 1961. 955 стр. Т. 2. (Отв. ред. В. Маамяги). 1974. 794 стр. Т. 3. (Отв. ред. — В. Маамяги). 1974. 855 стр. Рец.: Donner E. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1976, № 12, S. 1448—1450.

«Классовая борьба селянства Східної Галичини (1772—1849). Документи і матеріали». Збірник. Г. Я. Сергієнко (відп. ред.). Київ. 1974. 596 стр. Рец.: Łopuszański B. — «Przegląd historyczny». Warszawa. 1976, t. 67, № 4, s. 680—682.

Колкер Б. М., Левит И. Э. Внешняя политика Румынии и советско-румынские отношения. (Сент. 1939 — июнь 1941 г.). М. 1971. 199 стр. Рец.: Fischer-Galati St. — «American Historical Review». Washington. 1976, Vol. 81, № 5, pp. 1164—1165.

«Культурное строительство в европейских странах социализма». Сборник статей (Отв. ред. И. Н. Мельникова). Киев. 1975. 288 стр. Рец.: Migdalska M. — «Biuletyn informacyjny. Instytut krajów socjalistycznych PAN». Warszawa. 1976, № 42, s. 64—65.

Курбатов Г. Л. История Византии. (Историография). Л. 1975. 256 стр. Рец.: Тивчев П. В. — «Исторически преглед». София. 1976, № 6, с. 111—115.

Лаверычев В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861—1917 гг.). М. 1972. 340 стр. Рец.: Layton R. V. — «American Historical Review». Washington. 1976, Vol. 81, № 1, p. 185.

Лесков А. М. Новые сокровища курганов Украины. Л. 1972. 151 стр. Рец.: Häusler A. — «Zeitschrift für Archäologie». Berlin. 1976, № 1, S. 150—153.

Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л. 1973. 374 стр. Рец.: O'Brien C. B. — «American Historical Review». Washington. 1976, Vol. 81, № 1, pp. 183—184.

Луцкий В. Б. Новая история арабских стран. 2-е изд. М. 1966. 372 стр. Рец.: J. G. — «Politica ed economia». Roma. 1976, № 6, p. 153.

Мирский Г. И. «Третий мир»: общество, власть, армия. М. 1976. 408 стр. Рец.: Zdanowski J. — «Sprawy międzynarodowe». Warszawa. 1977, № 1, s. 153—155.

* Перечень составлен по журналам, поступившим в Институт научной информации по общественным наукам АН СССР в марте 1977 года.

Орлик О. В. Передовая Россия и революционная Франция. (Первая половина XIX в.). М. 1973. 299 стр. Рец.: Bygnesk R. F.—«American Historical Review». Washington. 1976, Vol. 81, № 1, p. 123.

Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. Л. 1974. 216 стр. Рец.: Bielak R.—«Przegląd historyczny». Warszawa. 1976, t. 67, № 4, s. 674—676.

Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. Очерки полит. и социальной истории. Л. 1975. 223 стр. Рец.: Szvák Gy.—«Századok». Budapest. 1976. 110. évf., № 4. 725—727. old.

Смирнов В. П. Движение Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны. М. 1974. 327 стр. Рец.: Жекова Е.—«Векове». София. 1976, № 2, с. 84—85.

КОРОТКО О КНИГАХ

◆ В серии «Социализм — опыт, проблемы и перспективы» (ГДР) опубликован труд Хельмута Ханке и Герда Россова «Социалистическая культурная революция», подготовленный Академией общественных наук при ЦК СЕПГ. В нем идет речь о социалистической культурной революции в Восточной Германии и политике СЕПГ в области культуры с 1945 г. по настоящее время (H. Hanke, G. Rossow. Sozialistische Kulturrevolution. Berlin. Dietz. 1977. 269 S.).

◆ В книге Роберта Розентретера и Хорста Вестфала (ГДР) «Восстание в аду» рассказывается о революционном движении на имперском германском флоте в годы первой мировой войны. Работа основана на воспоминаниях участников движения или их родственников о жизни матросов на борту надводных военных кораблей и подводных лодок, возникновении в 1915—1916 гг. социал-демократических флотских групп и создании в 1917 г. общefлотского центра, возглавившего выступления революционных матросов (R. Rosentreter, H. Westphal. Rebellion in der Hölle. Berlin. Militärverlag der DDR. 1976. 288 S.).

◆ Монография Карла Нусса (ГДР) «Армия и ремилитаризация в Веймарской республике» знакомит с напряженной политической борьбой, которая велась в Германии 1920-х годов вокруг проблемы вооруженных сил, использования их в прогрессивных либо реакционных целях или соблюдения ими нейтралитета, освещает деятельность различных милитаристских объединений, их союз с НСДАП и иными крайне правыми партиями (K. Nuss. Militär und Wiederaufrüstung in der Weimarer Republik. Berlin. Militärverlag der DDR. 1977. 371 S.).

◆ В сборник статей «Очерки борьбы за социальный прогресс в Индии» вошли статьи ряда авторов (ГДР) о развитии рабочего класса, городской крупной, средней и мелкой буржуазии, крестьянства и интеллигенции в Индии с 1947 г. и их участии в общественно-политической борьбе. Вводная статья посвящена теоретическим проблемам индийского национально-освободительного движения («Studien zum Kampf um den sozialen Fortschritt in Indien». Vom einem Autorenkollektiv. Hrsg.: A. J. Heidrich, P. Heidrich, H. Krüger. Berlin. Deutscher Verlag der Wissenschaften. 1977. 404 S.).

◆ Иностранный член АН СССР Юрген Кучинский (ГДР) посвятил свой новый труд «Кризис капиталистического мирового хозяйства» тем переменам в капиталистической экономике, которые наметились за последние пять лет в связи с кризисом и инфляцией. Эти изменения автор сопоставляет с кризисными событиями прошлого, выявляя новые стороны ослабления капиталистической экономики (J. Kuczynski. Die Krise der kapitalistischen Weltwirtschaft. Berlin. Dietz. 1976. 126 S.).

◆ Польский историк Алина Сломковская в своем исследовании обстоятельно освещает агитационно-пропагандистскую деятельность Польской рабочей партии, Гвардии Людовой, Армии Людовой и Крайовой Рады Народовой на Келецкой земле в 1942—1945 годах. Особое внимание она уделяет функции партийной печати как коллективного организатора борьбы с фашистскими оккупантами. Книга снабжена указателем авторских псевдонимов и подпольных кличек той поры (A. Słonkowska. Prasa PPR, GL—AL, KRN na Kielecczyźnie 1942—1945. Warszawa. MON. 1976. 208 str.).

◆ Специализирующийся по германской проблематике Мариан Подковицкий (Польша) в книге «Если бы не упорство Польши» излагает историю нападения гитлеровской Германии на Польшу в сентябре 1939 г. и освободительную борьбу на польской земле вплоть до краха фашизма. Интересны фоторепродукции, воспроизводящие нигде ранее не освещавшиеся конкретные факты (M. Podkowiński. Gdy by Polska nie była uparta. Warszawa. KiW. 1976. 216 str.).

◆ Болеслав Красевич (Польша) в работе о высшем образовании в Польше 1944—1948 гг. описывает процесс восстановления и развития высшей школы ПНР от начала освобождения польской земли от фашизма по декабрь 1948 года. Во введении говорится о подпольной системе высшего образования в годы гитлеровской оккупации. Подробно прослежены автором политические тенденции в разных кругах общества при создании новых высших учебных заведений и в ходе реформы высшего образования (B. Krasiewicz. Odbudowa szkolnictwa wyższego w Polsce Ludowej w latach 1944—1948. Wrocław. Ossolineum. 1976. 373 str.).

◆ Научно-популярная работа Норберта Коломейчика и Адама Косеского (Польша) «Социалистическое содружество. 30 лет развития» знакомит читателей с экономической и политической историей совместной деятельности стран — членов СЭВ. Авторы начинают повествование от народно-демократических революций и доводят изложение до наших дней (N. Kolomejczyk, A. Koseski. Wspólnota socjalistyczna. 30 lat rozwoju. Warszawa. MON. 1976. 352 str.).

◆ Польский историк Юзеф Вуйцицкий излагает политическую историю Данцига (Гданьска) в 1920—1939 гг. на фоне международной обстановки тех лет и стремлений агрессивных немецких кругов включить Гданьск в состав Германии (J. Wójcicki. Wolne miasto Gdańsk. 1920—1939. Warszawa. MON. 1976. 356 str.).

◆ О научно-исследовательской деятельности и издательском деле в Кракове 1848—1870 гг. говорится в книге Янины Крас (Польша). Автор приводит данные о Ягеллонском университете, Техническом институте, гимназиях, Краковском научном обществе, публичных и частных библиотеках, архивах и музеях. В специальной главе охарактеризованы типографии, книжные магазины, местные журналы и газеты (J. Kras. Życie naukowe i umysłowe Krakowa w latach 1848—1870. Kraków. Wyd-wo Literackie. 1976. 240 str.).

◆ На основе воспоминаний и писем очевидцев событий той эпохи Каролина Бейлин (Польша) рассказывает о Варшаве 1800—1815 гг.: сначала под властью Пруссии, затем как о столице Варшавского герцогства, наконец, как о центре Королевства Польского (K. Beylin. Pietnaście lat Warszawy (1800—1815). Szkice. Warszawa. PIW. 1976. 268 str.).

◆ В сборнике «Революционный демократ Тарас Шевченко, 1814—1861 гг.» помещены статьи ряда советских, немецких (ГДР) и чехословацких специалистов о мировоззрении Шевченко и его влиянии на развитие революционно-демократических и национально-освободительных идей в передовой публицистике и на национальных окраинах России, Австрийской империи XIX в. и в Германии XIX—XX вв. («Der revolutionäre Demokrat Taras Ševčenko 1814—1861». Hrsg. von E. Winter und G. Jarosch. Berlin. Akademie-Verlag. 1976. 189 S.).

◆ Карл Хайнц Бёрнер (ГДР) исследует вопрос о кризисе Прусской монархии между 1858 и 1862 годами. Он затрагивает такие сюжеты, как социально-экономическая и политическая система юнкерства в 1850-е годы, первый этап так называемой «новой эры», воздействие военных конфликтов той поры на позицию немецкой буржуазии и обстоятельства прихода Бисмарка к власти (K.-H. Börner. Die Krise der preussischen Monarchie von 1858 bis 1862. Berlin. Akademie-Verlag. 1976. 246 S.).

◆ Хотя тема книги — британское отображение венгерской действительности, Тибор Франк (Венгрия) посвящает ей лишь меньшую часть своей работы, в которой пишет, как англичане второй половины 1860-х годов представляли себе ход венгер-

ской истории, национальный характер мадьяр, состояние «венгерского» и «немецкого» вопросов в Австрийской империи, соотношение национальных сил в последней и влияние австро-пруссских отношений на развитие венгерской автономии. Значительное место уделено автором характеристике английской политической мысли в принципе. Главное же место в книге занимают подробный анализ источников и обстоятельные историографические примечания (T. Frank. The British Image of Hungary 1865/1870. Budapest. Felelős kiadó. 1976. 367 p.).

◆ Королевские и иные государственные законы и постановления в Венгрии 1301—1457 гг. на латинском языке включены в публикацию, снабженную примечаниями и подготовленную к печати Ференцем Дёри, Льердем Бонис и Верой Бачкаи. В издание вошло 65 декретов. Регистр к ним составил Ференц Чока («Decreta regni Hungariae. 1301—1457». Budapest. Akadémiai kiadó. 1976. 491 p.).

◆ Илие Корфус (Румыния) в книге о сельском хозяйстве Валахии между 1848 и 1864 гг. освещает следующие проблемы: ход революции 1848 г. в деревне, изменения в аграрных отношениях согласно закону Штирбей, формы и методы эксплуатации земли, перемены в крестьянском положении в 50-е годы XIX в. и по реформе 1864 г., борьба крестьян за собственность на землю, сельскохозяйственная продукция и техника (I. Corfuss. L'agriculture en Valachie depuis la révolution de 1848 jusqu'à la réforme de 1864. Bucureşti. EARSR. 1976. 216 p.).

◆ Место и роль фрако-гетов в Римской империи и в Византии с III по VII в. н. э. — тема монографии Иона Руссу (Румыния), исследующего культуру, общество и участие в политической борьбе фракийцев и гетов, населявших территорию будущей Валахии, — во время кризиса III в., в период падения Западной Римской империи и под византийским владычеством, кончая правлением Фоки. Основной тезис автора состоит в том, что провинции Дакция и Мёзия — лишь часть фрако-гетского мира, который охватывал гораздо большую площадь Балкан (I. I. Russu. Elementele traco-getice în imperiul Roman şi în Byzantium. Bucureşti. EARSR. 1976. 182 p.).

◆ Модестино Карбоне, преподаватель Неаполитанского университета, стажировавшийся как исследователь в Ягеллонском университете (Краков), обобщил результаты своей работы в книге об аграрном вопросе в межвоенной Польше. Он рассматривает развитие этого вопроса в хронологической последовательности: от аграрной реформы 1920 г. (во вводных главах дается обзор идентичных мероприятий с конца XVIII в.) через реформу 1925 г. и кризис 30-х годов до борьбы крестьян за ликвидацию феодальных пережитков в землевладении перед второй мировой войной (M. Carbone. La questione agraria in Polonia (1918—1939). Napoli. Giannini Editore. 1976. 295 p.).

◆ Джованни Стари (Восточный институт в Риме) пишет, что все современные

западноевропейские сочинения о русско-китайских отношениях в XVII в. устарели, ибо не учитывают новейших советских публикаций по данному вопросу. Используя эти публикации, а также материалы ЦГАДА и ААН, он представил очерк русско-китайских отношений в XVII в. с анализом свидетельств современников и документов (их итальянский перевод помещен в приложении) и с рассказом о важнейших посольствах и поездках: И. Петлина, Ф. Байкова, И. Милованова, Н. Милеску-Спафария, далее — об Албазинской войне и заключении Нерчинского договора (G. Stary. I primi rapporti tra Russia e Cina. Napoli. Guida Editori. 1976. 412 p.).

◆ Им же написана работа о первых китайских послах в Россию, в которой использованы русские дореволюционные и советские труды по этому вопросу, а также китайские источники. Во вводной главе автор рассматривает русско-китайские контакты с XIII в. по XVII в., затем обстоятельно повествует о деталях поездок в Россию Тулишена, Туши и Дайсина (Теджина) в XVIII в. с приложением их записок в переводе на немецкий (G. Stary. Chinas erste Gesandte in Russland. Wiesbaden. Otto Harrassowitz. 1976. 231 S.).

◆ Дэниел Филд (Канада) поставил целью изучить вопрос о том, как царистские иллюзии у русского крестьянства мешали последнему выйти на революционную арену в первые 20 лет разночинского периода российского революционного движения. Скомпоновав текст из крупных документальных цитат или целых документов той эпохи, отрывков из работ русских дореволюционных и советских историков и собственных комментариев, он рассказывает зарубежному читателю об исторических корнях «наивного монархизма» крестьян, о Бездинском восстании 1861 г. и Чигиринском заговоре 1876 г. (D. Field. Rebels in the Name of the Tsar. Boston. Houghton Mifflin Company. 1976. 220 p.).

◆ «Религия рабов» — так Олли Алхо (Финляндия) назвал свою монографию, в которой описывает мировоззрение и религиозные традиции плантационных рабов в США между 1830 и 1865 годами. Содержание книги: методология исследования религиозных взглядов несвободного населения, происхождение «афро-американской» церкви, негритянские спириты, религиозные мотивы в фольклоре рабов, место религии в освободительном движении рабов (O. Alho. The Religion of the Slaves. Helsinki. Suomalainen Tiedekatemia. 1976. 334 p.).

◆ Джон Маккэй (США) в работе о развитии европейского массового городского транспорта останавливается на истории трамвая и троллейбуса: зарождении средств передвижения в городах, росте производительных сил и технических достижениях второй половины XIX в., мероприятиях городских властей (Англия, Франция, Германия, Австро-Венгрия, Италия, Россия) по

развитию средств передвижения, типах и видах электрических дорог в населенных пунктах, их значении для общественного прогресса (J. P. McCaу. Tramways and Trolleys. Princeton. PUP. 1976. 266 p.).

◆ В 355 г. до н. э. в Афинах получил хождение трактат «О доходах», приписываемый литератору, философу, историку и военному деятелю, ученику Сократа Ксенофону. Исторический комментарий к этому трактату составил швейцарский античник Филипп Готье (Ph. Gauthier. Un commentaire historique des "Poroi" de Xénophon. Genève. Droz. 1976. 289 p.).

◆ Одно из важных звеньев центрального государственного аппарата во Франции — управляющие министерствами. Посвященный его истории colloquium решил опубликовать основные доклады по теме. Они увидели свет в виде сборника статей Ф. де Бекка, Ж. Тюляра, Ж. Видаланка, А. Тюдеска, В. Райта, М. Гийома, Г. Детана, М. Леклера, П. Гираля и А. Тэпо. Статьи касаются деятельности этих управляющих в годы от I до III Республики («Les Directeurs de Ministère». Actes du colloque. Genève. Droz. 1976. 188 p.).

◆ В Женеве состоялись с 1949 г. пять конференций, посвященных в международном масштабе судьбе лиц, занимающихся партизанской деятельностью, подпольной вооруженной борьбой и терроризмом. Эдуард Коссой (Швейцария), специализирующийся в области международного права и политических наук, опираясь на материалы этих конференций, рассматривает проблему в историко-социологическом аспекте (E. Kossou. Living with Guerilla. Genève. Droz. 1976. 405 p.).

◆ Роль Международного Красного Креста во время войн и революций в XX в. и использования Женевских конвенций 1949 г. о защите жертв войны касается в своей книге Жак Фреймон (J. Freymond. Guerres, révolutions, Croix-Rouge. Genève. Droz. 1976. 224 p.).

◆ Швейцарский архивист Пьер Люсири прослеживает по неопубликованным архивным документам деятельность конфедеративного ведомства иностранных дел по сохранению Швейцарией нейтралитета в 1914—1915 гг. (P. Luciri. Le prix de la neutralité. Genève. Droz. 1976. 336 p.).

◆ В начале XVI в. Женева примкнула в качестве «союзной земли» к Швейцарской конфедерации, затем приняла протестантство и в борьбе с герцогами Савойи заключила в 1584 г. «вечный союз» с Берном и Цюрихом. Одним из активных участников политической борьбы тех лет было женевское общество пресвитеров. Его документы публикуются французскими историками церкви О. Лабартом и М. Трипэ. Увидел свет т. 5 этой публикации, охватывающий 1583—1588 гг. («Registres de la Compagnie des pasteurs de Genève». T. V. Genève. Droz. 1976. 400 p.).

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

ВСЕСЛАВЯНСКИЙ КОМИТЕТ

Накануне и в годы второй мировой войны, когда гитлеровская Германия, захватив страны Центральной и Юго-Восточной Европы, хотела поработить или физически уничтожить их население, возродилась на новой основе и получила широкое распространение идея единства славянских народов, вылившаяся в движение славянской солидарности. Исторические традиции, общность судеб народов этого региона как жертв фашистской агрессии, их борьба за национальную независимость, против общего врага — вот факторы, которые послужили основой движения. Во главе движения славянской солидарности тех лет стоял Всеславянский комитет в Москве — международная демократическая общественная организация, основывавшаяся на платформе антифашистского единства¹.

История комитета берет начало со Всеславянского митинга, состоявшегося в Москве 10—11 августа 1941 года. Как вспоминал З. Фирлингер, бывший в то время послом Чехословакии в СССР, инициатива созыва митинга исходила от группы славянских общественных деятелей, проживавших в СССР. Эта инициатива нашла поддержку у Советского правительства и широких кругов международной антифашистски настроенной общественности. Митинг открыл писатель А. Н. Толстой. Он подчеркнул необходимость объединения славянских народов для борьбы с гитлеризмом, говорил, что свободу не приносят на золотом блюде, ее берут с оружием в руках. Затем выступили представители русского, украинского, белорусского, польского, сербского, хорватского, словенского, черногорского, чешского, словацкого, болгарского и других народов, а также немецкие ан-

тифашисты. Все они горячо поддерживали идею единства славян. Собравшиеся приняли обращение с призывом к славянским народам об объединении для скорейшего разгрома фашизма. Движение славянской солидарности провозглашалось открытым для всех патриотически настроенных лиц, независимо от их социальной принадлежности, философских и политических взглядов, религиозных убеждений².

На Всеславянском митинге был поднят также вопрос о создании постоянно действующего органа этого движения — Всеславянского комитета. Его организационное оформление произошло в октябре 1941 г. на учредительном собрании представителей общественности славянских народов³. Председателем комитета был избран А. С. Гундоров⁴, член партии с 1915 г., активный участник Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, начальник Военно-инженерной академии, генерал-лейтенант. Заместителями председателя стали: выдающийся чешский ученый, профессор Карлова университета (в народной Чехословакии — президент Чешской академии наук и искусств, министр социального обеспечения и просвещения) Зденек Неedly; известная писательница (в дальнейшем председатель Союза польских патриотов в СССР), вице-председатель Польского комитета национального освобождения Ванда Василевская; сербский профессор Божидар Масларич; болгарский общественный деятель Александр Стоянов; советский украинский драматург Александр Корнейчук. В состав комитета вошли представители русского, белорусского, словацкого, черногорского и других славянских народов.

Большинство членов комитета вскоре после этого митинга отбыло на фронт или эвакуировалось из Москвы. Регулярная деятельность комитета началась уже в конце марта 1942 г. в связи с подготовкой II Все-

¹ М. В. Куян. Діяльність Всеслов'янського Комітету по згуртуванню антифашистських сил (1941—1945 рр.). «Український історичний журнал», 1970, № 7; Л. Б. Валев, В. В. Мар'яна, Г. М. Славин. Всеславянский комитет и освободительное движение зарубежных славянских народов в период второй мировой войны. «История, культура, этнография и фольклор славянских народов». М. 1973.

² «Правда», 12.VIII.1941.

³ ЦГАОР СССР, ф. 6646, оп. 1, д. 1, л. 1.

⁴ См. подробнее: А. С. Гундоров. Революцией мобилизованный. М. 1968.

славянского митинга⁵. А. С. Гундоров также был на разных участках фронта — руководил одним из секторов обороны Москвы, командовал саперными частями, возглавлял инженерную службу Московского фронта ПВО⁶. Только осенью 1942 г. он вновь включился в работу Всеславянского комитета. До этого комитетом фактически руководил З. Неедлы⁷. В апреле 1942 г. было утверждено положение, определявшее сущность, основные задачи Всеславянского комитета и его организационную структуру.

С самого начала комитет придавал большое значение установлению связей с национально-освободительным движением в славянских странах, с зарубежными прогрессивными славянскими организациями и печатью. Налаживание прямых контактов с народно-освободительным движением в славянских странах, находившихся под фашистским игом, было сопряжено с огромными трудностями. Поэтому комитет имел связи главным образом с прогрессивными организациями славянской эмиграции в США, Канаде, Латинской Америке, Австралии. В их адрес направлялись запросы, письма, телеграммы. Сложность этой работы заключалась в том, что, например, официальные органы польского и югославского эмигрантских правительств отрицательно относились к таким контактам; имелось негласное, но весьма ощутимое противодействие акциям комитета со стороны США, Англии, Аргентины; ряд славянских националистических организаций, находившихся в эмиграции, открыто выступал под флагом борьбы идеологий против единства славянских народов. Так, национальный комитет американского Славянского конгресса длительное время не изъявлял желания установить связи со Всеславянским комитетом. Однако рост международного авторитета последнего заставил Славянский конгресс изменить свою позицию. В апреле 1943 г. он направил в Москву телеграмму, в которой, в частности, говорилось: «Мы гордимся замечательной работой, которую совершил ваш комитет, осуществив единство и сотрудничество среди славян Европы»⁸. Телеграммы с выражением со-

лидарности и поддержки Всеславянского комитета, признания его заслуг в борьбе за антифашистское единство славянских народов поступили также от канадской Всеславянской ассоциации, Всеславянской конференции в Лондоне, объединенного Славянского комитета Австралии, координационного Славянского комитета Уругвая и многих других организаций⁹.

Деятельность Всеславянского комитета была направлена также на укрепление связей с народно-освободительным и партизанским движением в славянских странах, оккупированных гитлеровской Германией, на установление контактов со славянскими комитетами, государственными и общественными организациями и деятелями тех стран, с территории которых с помощью Красной Армии изгонялся агрессор¹⁰. Комитет наладил контакты с освобожденными районами Югославии, с Союзом польских патриотов в СССР и Польским комитетом национального освобождения, Словацким национальным советом¹¹. Им были организованы приемы правительственных делегаций Чехословакии, Югославии, Польши, а также отдельных государственных и общественных деятелей, в том числе К. Готвальда, И. Броз Тито, Б. Берута, Э. Бенеша и других¹². Особенно тесные связи у Всеславянского комитета установились с образовавшимися в 1944—1945 гг. славянскими комитетами Болгарии, Югославии, Чехословакии и Польши, которые присоединились к платформе Всеславянского комитета¹³. Характерно в этом отношении письмо, которое направил 26 сентября 1944 г. во Всеславянский комитет Славянский комитет Болгарии. В нем сообщалось: «Первое собрание нашего Славянского комитета постановило просить Всеславянский комитет в Москве принять наш комитет в свой состав и оформить нас как секцию Вашего комитета... Программа московского Всеславянского комитета будет основной нашей программой»¹⁴. К концу 1945 г. комитет установил и поддерживал регулярные контакты со 130 зарубежными славянскими организациями и периодические —

⁵ ЦГАОР СССР, ф. 6646, оп. 1, д. 1, л. 18; ф. 8581, оп. 1, д. 97, л. 92.

⁶ «Красная звезда», 7.XII.1973.

⁷ А. С. Гундоров. Неутомимый общественный деятель. «Зденек Неедлы—выдающийся общественный деятель и ученый». М. 1964, стр. 146.

⁸ ЦГАОР СССР, ф. 6646, оп. 1, д. 98, л. 34.

⁹ Там же, д. 4, л. 15; д. 7, л. 33; д. 17, л. 32; д. 21, л. 63; д. 51, л. 27; оп. 2, д. 18, лл. 84, 130, 137.

¹⁰ Там же, оп. 1, д. 72, л. 1.

¹¹ Там же, д. 73, л. 5; д. 90, лл. 2, 4, 6, 7, 13, 197; д. 83, л. 24; д. 88, л. 22; д. 23, л. 8.

¹² Там же, д. 98, лл. 10—11.

¹³ Там же, д. 74, л. 8; д. 69, л. 104.

¹⁴ Там же, д. 69, л. 104.

еще с 230¹⁵. Он стал общепризнанным руководителем движения славянской солидарности.

Деятельность Всеславянского комитета пользовалась поддержкой коммунистических партий славянских стран, рассматривавших идею единства своих народов как политическую платформу для объединения различных патриотически настроенных слоев населения в борьбе против фашизма¹⁶, а движение славянской солидарности — как специфическую форму единого антифашистского Народного фронта, как составную часть движения Сопротивления. Наряду с беспартийными общественными деятелями в мероприятиях комитета принимали участие видные представители коммунистических партий славянских стран (Г. Димитров, К. Готвальд, В. Коларов, И. Броз Тито, Г. Гусак и другие)¹⁷. Активно работал в комитете член Политбюро ЦК КПЧ Я. Шверма. Вошедший в состав Всеславянского комитета в октябре 1943 г., он выступал на многих его пленумах, готовил статьи для печати и радио, обращения к славянским народам. Большое значение для раскрытия сущности движения славянской солидарности имели его статьи «Борьба славянства против германских захватчиков» и «Идея славянской солидарности в чешской политике»¹⁸. Значительный вклад в работу Всеславянского комитета внесла известная болгарская общественная деятельница Стелла Благоева (дочь основателя БКП Димитра Благоева)¹⁹. Все это повышало авторитет комитета, усиливало политическую направленность его мероприятий, способствовало широкому вовлечению народных масс Югославии, Чехословакии, Польши, Болгарии в борьбу за национальное и социальное освобождение.

Одной из главнейших и наиболее эффективных форм деятельности Всеславянского комитета было проведение всеславянских митингов. II Всеславянский митинг, состоявшийся в Москве 4 и 5 апреля 1942 г.,

призвал славянские народы к активной борьбе с фашизмом, наметил конкретные ее формы, поставил четкие задачи перед отдельными славянскими народами и категориями населения. Еще более важную роль сыграл III Всеславянский митинг 9 мая 1943 года. На нем присутствовало свыше 2 тыс. человек. Выступавшие на митинге говорили о тяжелом положении славянских народов под фашистским ярмом, о росте партизанского движения в тылу врага, о необходимости дальнейшего расширения масштабов вооруженного сопротивления гитлеровским оккупантам. «Чешский народ всегда высоко чтит славянскую солидарность... Мы клянемся не прекращать борьбу, пока гитлеризм не будет стерт с лица земли, пока не воссияет солнце свободы над нашей родиной», — заявил командир 1-го Чехословацкого отдельного пехотного батальона в СССР Л. Свобода²⁰. Участники митинга обратились к народам славянских стран с призывом сорвать гитлеровские мероприятия по «тотальной мобилизации», развернуть во всех славянских странах всенародную борьбу против фашизма на базе укрепления национального и межславянского единства²¹.

Всеславянские митинги вызвали во всем мире огромный политический резонанс. Так, в адрес III Всеславянского митинга поступило более 250 приветствий от общественных организаций СССР, ЦК КПЮ, исполкома Антифашистского веча народного освобождения Югославии, командующего НОАЮ И. Броз Тито, ЦК Польской рабочей партии, Главного штаба польских партизанских отрядов, Государственного совета Чехословакии, украинских, белорусских и польских партизанских отрядов, прогрессивных организаций славянской эмиграции США, Канады, Латинской Америки, Австралии, Новой Зеландии. «Мы уверены в том, что... деятельность Всеславянского митинга даст нашим народам новые силы в эти самые тяжелые дни борьбы не на жизнь, а на смерть», — телеграфировал ЦК КПЮ²². ЦК Польской рабочей партии в своем приветствии отмечал, что польские патриоты в боевой дружбе со славянскими народами, в первую очередь с народами СССР, видят единственный залог скорой победы над фашизмом и завоевания свободной и независимой Польши²³. Материалы митинга широ-

¹⁵ Там же, д. 74, л. 3.

¹⁶ А. И. Недорезов. Общественно-политическое значение солидарности славянских народов в годы второй мировой войны. «История, культура, этнография и фольклор славянских народов», стр. 39.

¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 6646, оп. 1, д. 1, лл. 11, 44, 54; д. 22, л. 1; д. 23, л. 1; д. 24, л. 13; д. 33, лл. 30, 31, 45 и др.

¹⁸ «Коммунистический Интернационал», 1942, № 5; «Славяне», 1944, № 5.

¹⁹ Р. Т. Аблова. Сотрудничество советского и болгарского народов в борьбе против фашизма. 1941—1945 гг. М. 1973, стр. 127.

²⁰ ЦГАОР СССР, ф. 6646, оп. 1, д. 19, л. 17.

²¹ «Славяне», 1943, № 5, стр. 6.

²² ЦГАОР СССР, ф. 6646, оп. 2, д. 12, л. 18.

²³ Там же, оп. 1, д. 50, лл. 38—39.

ко освещались в газетах СССР, а также в партизанских боевых листках, подпольной печати славянских стран, в прессе Англии, США, Канады, Латинской Америки, Австралии, Турции, Швеции. Они передавались радиостанциями коммунистических партий славянских стран, всеми европейскими секциями Би-Би-Си²⁴.

Всеславянский комитет вел агитационную работу по пропаганде героической борьбы народов СССР, Югославии, Чехословакии, Польши с фашизмом, общности славянских народов, по разоблачению человеконенавистнической и антиславянской идеологии и практики германского фашизма. Формы этой работы были самыми разнообразными. Большое внимание уделялось передаче в зарубежные славянские газеты и на радио материалов и статей, подготовленных членами комитета и секциями. Спрос на них был огромный. В адрес комитета поступали многочисленные письма и телеграммы с просьбами больше и чаще посылать такие материалы²⁵. Например, в письме органа ЦК Компартии Хорватии газеты «*Naprijed*» от 13 апреля 1945 г. говорилось: «Месяц тому назад мы получили от вас первые статьи для нашей газеты. Обе статьи опубликовали... Вы спрашиваете нас, как наши читатели приняли ваши статьи о советских городах. Думаем, что вас не нужно убеждать, как горячо и пламенно наш народ любит своих русских братьев и все остальные народы великого Советского отечества. Нас радует и интересует всякая весть о вашей жизни»²⁶. И таких примеров можно привести множество. Статьи, подготовленные комитетом, печатали чехословацкие, болгарские, польские, югославские, американские, канадские, аргентинские, австралийские газеты и журналы²⁷. Так, в 1945 г. 74 газеты славянских стран и 55 газет и журналов, выпускаемых эмигрантскими славянскими организациями, получали материалы комитета²⁸. Всего в 1942—1946 гг. за границу было направлено в общей сложности 20 050 статей и материалов²⁹. В широких масштабах осуществлялась разнообразная радио-

пропаганда. За период деятельности комитета было передано в эфир 6087 выступлений³⁰.

Много внимания Всеславянский комитет уделял издательской деятельности: печатанию листовок, брошюр, документов Всеславянских митингов и т. д. С июня 1942 г. тиражом 4 тыс. экз. стал выходить журнал «Славяне». Его получали в 17 странах³¹. В числе авторов журнала — видные государственные и общественные деятели СССР (М. И. Калинин, А. Ф. Горкин, М. С. Гречуха, П. К. Пономаренко) и братских славянских стран (В. Коларов, С. Благоева, И. Броз Тито, Я. Шверма, Э. Бенеш, К. Георгиев, Д. Влахов, С. Ендриховский, З. Модзелевский), военачальники (А. И. Еременко, П. С. Рыбалко, Л. Свобода, З. Берлинг), ученые (А. Богомолец, Т. Павлов, Е. Мельницкий, В. Перцев, Н. Коробков, Ю. Леонов), литераторы (Вс. Иванов, И. Эренбург, А. Корнейчук), большинство членов Всеславянского комитета. За короткий период журнал завоевал большую популярность. В адрес комитета поступали многочисленные просьбы от зарубежных славянских журналов и газет о высылке «Славян» в обмен на их издания³².

Большую работу Всеславянский комитет проводил в соединениях, формировавшихся на территории СССР: польских дивизиях имени Т. Костюшко, Г. Домбровского, Р. Траугутта, 1-й и 2-й бригадах Чехословацкого корпуса, Югославской отдельной бригаде. Его делегации регулярно выезжали в армию, присутствовали на торжествах принятия присяги воинами этих соединений и передачи им знамен, на парадах, митингах в связи с отправкой на фронт и т. д. Члены комитета В. Влахович, Б. Масларич, А. Завадский, В. Василевская и другие вели постоянную пропагандистскую работу среди личного состава воинских частей³³. Для укрепления боевой солидарности солдат и офицеров Красной Армии, славянских воинских частей в СССР и партизан большое значение имел митинг славян-воинов 23—24 февраля 1944 года. Комитет организовывал также различные культурно-массовые мероприятия, посвященные знаменательным датам в истории славянских народов. На торжественных заседаниях, вечерах, встречах он популяризировал демократиче-

²⁴ Там же, лл. 37, 44; д. 4, лл. 23—24; ф. 8581, оп. 1, д. 101, лл. 35—37.

²⁵ Там же, ф. 6646, оп. 1, д. 15, лл. 6, 7, 9, 23, 33, 36, 38, 47, 63, 72, 80, 90, 115, 153, 165, 182; д. 45, л. 84; д. 47, лл. 4, 6, 9, 15, 26, 64; д. 48, лл. 4, 12, 16, 35; д. 69, л. 32; д. 72, лл. 12, 15 и др.

²⁶ Там же, д. 90, л. 117.

²⁷ Там же, д. 72, лл. 12—14; д. 73, лл. 61—62; д. 98, л. 123.

²⁸ Там же, д. 72, л. 11.

²⁹ Там же, д. 98, л. 92.

³⁰ Там же, л. 97.

³¹ Там же, д. 4, л. 51.

³² Там же, ф. 8581, оп. 1, д. 101, лл. 28—30.

³³ Там же, ф. 6646, оп. 1, д. 74, л. 2.

ские и революционные традиции этих народов, их вклад в развитие мировой культуры³⁴.

В начале марта 1945 г. состоялся Славянский собор в Софии, приуроченный к празднованию 67-й годовщины освобождения Болгарии от османского ига. Собор был созван по инициативе Славянского комитета Болгарии. В Софию прибыли делегация Всеславянского комитета во главе с А. С. Гундоровым, члены славянских национальных комитетов. В день открытия собора состоялась манифестация трудящихся, приветствовавших зарубежных гостей и выражавших свою приверженность идее славянской солидарности. Собор принял воззвание, в котором подчеркнул монолитность и нерушимость единства и дружбы славянских народов. Представители славянских народов, присутствовавшие на соборе, дали клятву и впредь крепить эту дружбу как залог их силы и непобедимости, гарантию свободы и независимости, продолжать борьбу с фашизмом до его полного уничтожения³⁵. Собор имел большое значение для сплочения единства славянских народов, мобилизации их на разгром фашизма и осуществления демократических преобразований, повышения международного авторитета Болгарии.

В обстановке имевшего место в конце второй мировой войны политического размежевания различных классов и социальных групп, участвовавших в движении Сопротивления, комитет решительно выступил в поддержку демократического крыла этого движения, встал на сторону трудящихся Югославии, Польши, Болгарии и Чехословакии, которые выступали не только за национальное освобождение, но и за коренные социально-политические преобразования. Исключительно важное значение в связи с этим имел VI расширенный пленум комитета, состоявшийся 16—17 октября 1943 года. Пленум заслушал информацию вице-председателя комитета Б. Масларича о работе югославских патриотов; призвал генералов, офицеров и солдат НОАЮ, югославских партизан к дальнейшему усилению борьбы во имя свободы и счастья своей страны; осудил предательскую роль Д. Михайловича, официального представителя эмигрантского правительства, и его четников, которые зачастую действовали заодно

с оккупантами³⁶. Пленум рассмотрел и одобрил деятельность Союза польских патриотов в СССР. Были направлены приветствия офицерам и солдатам 1-го Польского корпуса в СССР и Чехословацкой бригады, принято обращение к болгарскому народу, в котором отмечалось, что для Болгарии существует только один путь предотвращения национальной катастрофы — решительный разрыв с Германией. Пленум знаменовал собой начало нового этапа в деятельности комитета, когда движение славянской солидарности стало более конкретно определять свои задачи в деле не только разгрома фашизма и национального возрождения славянских народов, но и их социального освобождения.

Всеславянский комитет приветствовал образование и деятельность Антифашистского веча народного освобождения Югославии, Народного комитета освобождения Югославии, польского национального совета — Крайовой рады народной, Польского комитета национального освобождения, Временного правительства Польши — «подлинно народного правительства»³⁷. Он одобрил разработанную чехословацкими коммунистами «Кошицкую программу», предусматривавшую развитие Чехословакии как народно-демократического государства³⁸, с чувством глубокого удовлетворения воспринял известие о свержении монархо-фашистской диктатуры в Болгарии в результате победы всенародного вооруженного восстания 9 сентября 1944 года. Все это способствовало формированию среди широких кругов различных стран мира общественного мнения в поддержку революционно-демократических преобразований, осуществлявшихся народами славянских стран, разоблачению предательской по отношению к своим народам роли югославского и польского эмигрантских правительств в Лондоне и монархо-фашистского правительства Болгарии.

Всеславянский комитет продолжал функционировать и после окончания второй мировой войны, поскольку движение славянской солидарности оставалось реальным политическим фактором, важной опорой всеоб-

³⁶ Архив Центрального музея революции СССР, 37830/11, Г-91, 7—11ы.

³⁷ ЦГАОР СССР, ф. 6646, оп. 1, д. 34, лл. 37—38; д. 89, л. 3; ф. 8581, оп. 1, д. 101, л. 42; «Славяне», 1944, № 1, стр. 46; № 5, стр. 28.

³⁸ ЦГАОР СССР, ф. 6646, оп. 1, д. 98, л. 10.

³⁴ Там же, д. 98, лл. 10—12.

³⁵ «Славянски събор в София 3 март 1945 година». Възпоменателен сборник. София. 1945, стр. 73.

шего мира³⁹. Основными направлениями своей деятельности в этот период комитет считал дальнейшее укрепление единства, дружбы и союза славянских народов, мобилизацию их на морально-политический разгром реакционной агентуры в своих странах и упрочение демократических завоеваний, борьбу за мир в Европе и во всем мире⁴⁰. Самым важным мероприятием этого периода стал Славянский конгресс, состоявшийся 8—11 декабря 1945 г. в Белграде и определивший задачи славянского движения на новом этапе. В числе его участников были Г. Гусак, З. Неядлы, С. Благовая, М. Швермова, И. Рибар, Ф. И. Толбухин, С. А. Ковпак, А. С. Гундоров. Делегаты высоко оценили деятельность Все-

славянского комитета в Москве, направленную на сплочение славянских народов, укрепление их дружбы. По предложению С. Благовой была принята резолюция, одобрявшая его пятилетнюю деятельность⁴¹.

В связи с выполнением своих задач и образованием на Славянском конгрессе Общеславянского комитета (с местом пребывания в Белграде) Всеславянский комитет в Москве с марта 1947 г. был преобразован в Славянский комитет СССР с двумя национальными филиалами — в Киеве и Минске. Дружественные отношения славянских народов, окрепшие в ходе совместной борьбы с фашизмом, получили в послевоенный период дальнейшее развитие, обогатились новым социальным содержанием и приобрели более глубокий смысл.

А. В. Кириллов

³⁹ Г. Димитров. Избранные произведения. Т. II. М. 1957, стр. 76—77, 320.

⁴⁰ ЦГАОР СССР, ф. 6646, оп. 1, д. 4, лл. 59—60.

⁴¹ Там же, д. 93, л. 302.

ФОРТ РОСС *

Представители многих национальностей мира внесли свой вклад в создание и развитие США, причем нельзя забывать и о той лепте, которая принадлежит русским. Еще в конце XVIII в. русские промышленники — зверобой и земледельцы начали селиться на Аляске и Алеутских островах, в тех местах, которые стали позже называться Русской Америкой. Несмотря на то, что Аляска в 1867 г. была продана Россией США, культурное наследие русских пионеров сохранилось как в православной религии местного населения — алеутов, эскимосов, индейцев и креолов, так и в обычаях, лексиконе, а также в географических названиях бывшей русской территории. Аляска пестрит русскими названиями: острова, заливы, проливы, горные вершины, озера напоминают и в наше время об именах Г. И. Шелихова, А. А. Баранова, Н. П. Румянцева, Ю. Ф. Лисянского, И. Ф. Крузенштерна, О. Е. Коцебу, Ф. П. Врангеля, С. В. Воеводского, А. Ф. Кашеварова и многих других. Два озера на о-ве Баранова названы даже именами детей первого правителя Русской Аме-

рики А. А. Баранова (в США его называли «лорд Аляски») — Ирины и Антипатра.

Изучая историю русского культурного проникновения на Североамериканский материк и воскрешая в памяти страницы прошлого, нельзя пройти мимо небольшого русского поселения на Калифорнийском побережье, которое при основании называлось «селение и крепость Росс», а позже, как и в наше время, именуется Форт Росс. Мысль об основании крепости в Калифорнии подал Н. П. Резанов, государственный деятель и дипломат, один из директоров основанной в 1799 г. Российско-Американской компании. В составе первой русской кругосветной экспедиции Резанов посетил Аляску и убедился в тех продовольственных затруднениях, которые испытывали там русские поселенцы. В поисках источников расширения продовольственной базы, а также морского зверобойного промысла, из Ново-Архангельска — центра Русской Америки — были отправлены экспедиции в Калифорнию. В этой связи следует назвать имя одного из самых славных деятелей начального периода истории Русской Америки Ивана Александровича Кусова, ближайшего сподвижника Баранова.

Возглавленная Кусовым экспедиция в первый раз прибыла в залив Бodega в Се-

* Проф. Николас Рокитянский, зав. отделом «Русские в Калифорнии» Калифорнийского исторического центра, Де Анза колледж (США), выступил с этой лекцией 2 сентября 1976 г. в Институте истории СССР АН СССР.

верной Калифорнии в декабре 1808 г. и пробыла там до августа следующего года. То была своеобразная подготовка того решительного шага, который предприняли в 1811 г., когда Кусков в очередной раз появился на Калифорнийском побережье, теперь уже с твердым намерением закрепить там и основать своеобразную сельскохозяйственную базу для снабжения населения Русской Америки, в первую очередь хлебом и овощами. Весной 1812 г. Кусков договаривается с представителями индейских племен об уступке места в 18 итальянских милях севернее залива Малый Бодега. Здесь было решено построить укрепление под названием Славянск, или Росс.

Постройка крепости началась в марте 1812 г., а осенью основные работы были уже завершены, и 30 августа (11 сентября по н. ст.) того же года состоялось торжественное освящение крепости. На торжествах присутствовали 25 русских, 80 алеутов и индейцы. За крепкой стеной находились дом правителя, казармы, склады, а вне форта — скотные дворы, всевозможные служебные и хозяйственные строения, мастерские, баня и т. д. Благодаря энергии Кускова и его помощников были налажены производство кирпича, бочек, обработка кож, ткацкое дело. Успешно развивались огородничество и садоводство. Но с выращиванием хлебных злаков дело не всегда ладилось: ближайшие к форту земли оказались малопродуктивными из-за осадков после сильных морских туманов, а освоение новых земель требовало дополнительных усилий и новых рабочих рук. Хорошо росло поголовье домашнего скота и птицы. Не было забыто и судостроение: близ форта устроили верфь, позволившую соорудить три корабля. С их помощью наладили регулярную связь с Аляской, а также совершали плавания в ближайшие места на юг, завязывая торговые сношения с испанскими миссиями. Все это позволяло в достаточной мере удовлетворять продовольственные нужды селения Росс. Но о больших поставках на Аляску думать не приходилось, хотя Кусков и снабжал припасами суда Российско-Американской компании.

Главной целью Кускова было развитие земледелия. Но он не оставлял и морского промысла: люди охотились на морских бобров, шкурки которых являлись главным предметом торговли Российско-Американской компании, ловили рыбу, а также охотились на зверей в окружающих лесах. Будучи человеком любознательным, Кусков собирал сведения о природных условиях

района. Позже в этом направлении многое сделали два русских ученых, имена которых хорошо известны в истории науки: Кирилл Хлебников и Илья Вознесенский. Следует отметить, что, хотя Калифорнию открыли первыми из европейцев испанцы, они проявляли мало интереса к исследованию этой территории. Кусков же вскоре после основания селения и крепости Росс предпринял шаги к изучению прилегающего района, нанося его данные на карту. Была частично обследована река, получившая название Славянка (иначе — Russian River, то есть Русская река). Русские поднялись по р. Сакраменто, обследовав ее долину. Об этом можно судить и на основании того, что на испанской карте (близкого к тому времени периода) мы находим название притока Сакраменто — Рио Охотск (река Охотск), позднее переименованного в Америкен Ривер. Мало кто из проживающих ныне в Калифорнии знает, что до наших дней в лесах у этой реки сохранились развалины двух рубленых изб русского происхождения. Это — остатки базы русских охотников, проникших сюда в поисках речных бобров.

Русских привлекали также склоны хребта Сьерра-Невада. В глубине нынешнего штата Калифорния они обнаружили огнедышащий вулкан, о котором не подозревали испанцы. Двуглавая вершина Каскадного хребта, называемая теперь Шаста, возможно, связана терминологически с русским словом «счастье». У подножия этой величественной горы охотники из партии Кускова зарыли номерную металлическую доску с изображением креста и с надписью «Земля Российского владения». Такие же доски были зарыты по указанию Кускова близ залива Малый Бодега (переименованного в залив Румянцева) и севернее Сан-Франциско, в теперешнем районе Марин Каунти. А первая известная нам русская карта Калифорнийского побережья была составлена в 1817 г., когда Форт Росс управлял Кусков; составитель карты — штурман корабля «Кутузов» И. М. Кислаковский. Говоря о различных направлениях деятельности русских поселенцев на берегах Калифорнии, следует отметить еще одно важное обстоятельство: Форт Росс был своеобразной научной базой изучения окружающих мест. И основатель Росса Кусков, и не раз побывавшие в Калифорнии К. Т. Хлебников и Е. Л. Черных, и особенно И. Г. Вознесенский внесли большой вклад в изучение природных условий Калифорнии, ее растительного и животного мира, местного населения, почв и климата.

Крепость Росс оказалась в поле зрения Испании, США, Великобритании. Несмотря на недоброжелательное, порою даже открыто враждебное отношение со стороны Испании к России в то время, Кускову удалось установить дружественные, добрососедские отношения с ближайшими испанскими миссиями и наладить с ними оживленный торговый обмен. Через своего помощника Сысоя Слободчикова он восстановил торговлю с Гавайскими островами. Когда испанские власти попытались доказать Кускову неправомотность основания Форта Росс, он заявил, что заручился согласием на это со стороны калифорнийских индейцев. Кстати, с индейцами Кусков и его подчиненные постоянно поддерживали дружеские отношения. Индейцы называли своих старшин «хойбо», Кускова же — «капихойбо», то есть «большой начальник». Установлению дружеских отношений с индейцами немало способствовала жена первого правителя Форта Росс Екатерина Прохорова Кускова. Она говорила на языке индейцев и предпринимала попытки к созданию русско-индейского словаря.

Личность самого Кускова всегда привлекала внимание всех, кто интересовался историей Форта Росс. Он был выходцем с Русского Севера, из тех краев, откуда происходили и А. А. Баранов и К. Т. Хлебников. Когда в 1822 г., после 32 лет пребывания в Русской Америке, Кусков решил вернуться на родину, он получил от тогдашнего главного правителя Русской Америки М. И. Муравьева свидетельство, в котором высоко оценивались его заслуги и, в частности, говорилось: «Он умирал враждующие между собой толпы диких и в продолжение многих лет удерживал сих дикарей в союзе с живущими в крепости, и единственно мерами кротости и справедливости». Добравшись до своего родного городка Тотмы в Вологодской губернии, Кусков скончался осенью 1823 года. Имя его никогда не будет забыто в Калифорнии: ведь целых 11 лет он, основатель Форта Росс, являлся его управляющим.

Преемниками Кускова в Форте Росс были К. И. Шмидт, П. И. Шелихов, П. С. Костромитинов, которые, каждый по-своему, внесли свою лепту в жизнь и дела этого самого отдаленного к югу от Аляски пункта русских владений на Североамериканском материке. Вводилась прививка оспы, и не только поселенцам крепости, но и людям из близлежащих испанских миссий; налаживалось производство необходимых изде-

лий в мастерских; успешно разводились фруктовые сады и виноградники. При Костромитинове были созданы огромные хутора — ранчо. Весьма интересной, романтически яркой фигурой среди преемников Кускова был Александр Гаврилович Ротчев, последний правитель Форта Росс, который с болью в сердце подписал документ о продаже его американскому подданному Дж. Суттеру в 1841 году. С молодых лет Ротчев отличился как талантливый поэт и переводчик, деятельный участник московской литературной и театральной жизни. В Русской Америке (сначала на Аляске, а с 1838 по 1841 г. — в Калифорнии) Ротчев работал как служащий Российско-Американской компании. Он приехал туда с женой и малолетними детьми. Елена Павловна Ротчева, урожденная княжна Гагарина, принадлежала к родовой московской семье. Став правителем Форта Росс, Ротчев получил известность как энергичный администратор, сумевший справиться с немалыми трудностями. Об этом человеке и его полной приключений жизни можно говорить очень много. Недаром Ротчев и его жена являются главными героями вышедшего в США на русском языке романа В. П. Петрова «Сага Форта Росс»¹. Но наиболее полно восстановить биографию Ротчева можно только при изучении архивных и других источников, имеющихся в СССР. Вот почему мы, американские энтузиасты по изучению истории Форта Росс, проявляем большой интерес к многолетней работе московского ученого В. И. Безъязычного, собравшего громадный материал, относящийся к Ротчеву и его биографии, в том числе к калифорнийским ее страницам².

Будучи правителем Росса, Ротчев немало сделал для продолжения того исследования

¹ Виктор Петров. Сага Форта Росс. Кн. 1. 2. Вашингтон. 1961, 1963. Этот историк и писатель — автор цикла художественных произведений о Русской Америке (в том числе трилогии: Виктор Петров. Колумбы Российские. Вашингтон. 1971; его же. Камергер двора. Вашингтон. 1973; его же. Завершение цикла. Лос Анжелес. 1975) и исторических работ: В. Петров. Форт Росс. Краткий очерк об историческом памятнике пребывания русских в Калифорнии, 1812—1841. Лос Анжелес. 1974; его же. Русская Америка. Лос Анжелес. 1975.

² В частности: В. И. Безъязычный. Он был человек... (По страницам одной необыкновенной биографии). «Волга», 1970, № 12; вариант этой статьи: V. Bezzyachnyy. Last Russian Commandant Ruled Well at Fort Ross. «The Press Democrat», 30.VII.1967.

окружающих мест, которое было начато еще Кусковым. Именно при Ротчеве бывал в Россе русский этнограф И. Г. Вознесенский, труды которого обстоятельно освещены в советской науке. Ротчев обследовал, в частности, Русскую реку и гору Св. Елены. Это во время его экспедиции в бассейн р. Славянки в мае 1841 г. ее притоки получили русские названия: Ольховка, река Вознесенского, река Черных, река Ротчева.

Говоря об истории Форта Росс, нельзя забыть хорошо известные в США как в оригинале, так и в переводе на английский язык книги научного сотрудника Института этнографии АН СССР С. Г. Федоровой³. Эти книги содержат много нового материала, в том числе таких документов, которые впервые стали достоянием науки в результате авторских разысканий. Данные о Форте Росс, сообщенные С. Г. Федоровой, служат одним из важнейших источников при восстановлении истории крепости. Специалисты из США вообще внимательно следят за трудами советских исследователей, в которых уделяется внимание Калифорнии, особенно Форту Росс, и отмечают, что наряду с хорошо им знакомыми ранее работами С. Б. Окуня и А. В. Ефимова появились за последние годы работы Н. Н. Болховитинова, Р. В. Макаровой, А. И. Алексеева и других советских ученых⁴.

³ С. Г. Федорова. Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века — 1867 г. М. 1971 (англ. пер.: S. G. Fedorova. The Russian Population in Alaska and California. Late 18th Century — 1867. Transl. and Ed. by R. A. Pierce and A. S. Donnelly. Kingston (Ontario). 1973; e j u s d. The Population of Russian America (1799—1867) / The Russian Population of Alaska and California/. Fairbanks. 1973); e e ж е. Этнические процессы в Русской Америке. «Национальные процессы в США». М. 1973 (англ. пер.: S. G. Fedorova. Ethnic Processes in Russian America. Transl. by A. Shal'kop. Anchorage Historical and Fine Arts Museum. Occas. Pap. № 1. Anchorage. 1975); e e ж е. Флаг Российско-Американской компании. «От Аляски до Огненной земли». М. 1967 (англ. пер.: S. G. Fedorova. The Flag of the Russo-American Company. Transl. by P. Woolf. Ed. by W. Colwell. «The Pacific Historian». A Quarterly from the University of the Pacific, Stockton, California. Vol. 14, № 1, Winter 1970).

⁴ С. Б. Окунь. Российско-Американская компания. М.-Л. 1939 (англ. пер.: S. B. O s u n'. The Russian-American Company. Transl. by C. Ginsburg. Cambridge (Mass.). 1951); e g o ж е. Русские поселения в Калифорнии в XIX в. «Ученые записки» Ленинградского университета, серия исторических наук, № 32, 1939; А. В. Ефимов. Из

Думается, уместно вспомнить здесь слова известного советского историка, покойного ныне А. И. Андреева, который еще в 1944 г. писал, что деятельность по изучению Русской Америки может быть успешно завершена лишь совместными усилиями американских и советских историков⁵. Наше время дает возможности для дальнейшего плодотворного сотрудничества в этой сфере.

В бывшей русской крепости уже давно существует музей Форта Росс, который сейчас переживает время особенно усилившегося к нему интереса со стороны не только американцев русского происхождения, но и всех жителей штата Калифорния. В 1970 г. пожар уничтожил часовню на территории музея, но благодаря энергии группы энтузиастов, поддержанных администрацией штата Калифорния, в 1974 г. часовня была полностью восстановлена. Сейчас продолжают работы по дальнейшей реставрации казармы и дома правителя в Форте Росс

истории великих русских географических открытий. М. 1971; e g o ж е. США: пути развития капитализма (доимпериалистическая эпоха). М. 1969; «Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке, XVII—XVIII вв.». Под ред. и с введ. А. В. Ефимова. Сост.: А. В. Ефимов, М. И. Белов, О. М. Медушевская. М. 1964; Н. Н. Болховитинов. Становление русско-американских отношений, 1775—1815. М. 1966 (англ. пер.: N. N. Bolkhovitinov. The Beginnings of Russian-American Relations. 1775—1815. Transl. by E. Zevin. Introd. by L. H. Butterfield. Cambridge (Mass) — L. 1975); e g o ж е. Русско-американские отношения, 1815—1832. М. 1971; e j u s d. On the Present State of American Studies in the Soviet Union. «American Studies. An International Newsletter», vol. XI, Autumn 1972. № 1; Р. В. Макарова. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М. 1968 (англ. пер.: R. V. Makarova. Russians on the Pacific, 1743—1799. Transl. and Ed. by R. A. Pierce and A. S. Donnelly. Kingston (Ontario). 1975); e e ж е. Внешняя политика России на Дальнем Востоке. Вторая половина XVIII в.—60-е годы XIX в. М. 1974; e e ж е. Русская Америка в трудах советских историков (60-х—70-х годов). «Труды» Московского историко-архивного института, т. 30, 1974, вып. 1; А. И. Алексеев. Судьба Русской Америки. Магадан. 1975; e g o ж е. Русские географические исследования на Дальнем Востоке и в Северной Америке (XIX—начало XX в.). М. 1976.

⁵ «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX веках (сборник материалов)». Под ред. и с пред. А. И. Андреева. М.-Л. 1944, стр. 6; см. также: А. И. Андреев. Русские открытия в Тихом океане в XVIII в. (Обзор источников и литературы). «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке». М. 1948.

А. Г. Ротчева. Штат Калифорния ассигновал на это 600 тыс. долларов. Имеется ряд американских изданий, специально посвященных Форту Росс: сборник «Русские в Калифорнии», изданный в 1933 г. на английском языке в Сан-Франциско; памятный альбом, выпущенный в 1937 г.; несколько научных исследований и путеводителей⁶.

⁶ «The Russians in California». «Quarterly of the California Historical Society», vol. XII, 1933, № 3; «Форт Росс—аванпост былой славы России в Америке (к 125-летию юбилею), 1812—1937». Сост. и ред. А. П. Фарафонов. Shanghai. 1937; J. C. McKenzie. Some Points of Interest at Fort Ross State Historical Monument. «MS Fort Ross», 1.III. 1948; A. E. Treganza. Fort Ross. A Study in Historical Archaeology. «MS University of California», 1953; Y. P. Haase. The Russian-American Company in California. Vol. 1—2. «MS University of California», 1955; V. Hogg. Historic Fort Ross a Preliminary Development and Feasibility Study.

Американские ученые намечают продолжать эту работу и в дальнейшем, расширяя научные связи и культурные контакты с советскими учеными. В память о Русской Америке и о Форте Росс как ее части выпущена в 1976 г. медаль в честь основателя поселения и крепости Росс И. А. Кускова.

Н. И. Рокитянский

«The California Department of Parks and Recreation», 1970; W. E. Pritchard. An Archaeological Study of the Chapel at Colony Ross. «MS Fort Ross State Historic Park». Sonoma County. 1972; «Fort Ross the Russian Settlement in California (Indians—Russians—Americans)». Publ. by the Ross Citizen' Advisory Committee. To Commemorate the Re-dedication of Fort, 8.VI.1974; «Fort Ross State Historic Park. Resource Management Plan and General Development Plan» Sacramento. 1976, etc.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Г о л у б Павел Акимович — доктор исторических наук, заведующий сектором истории КПСС периода Октябрьской революции и гражданской войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Специалист по истории КПСС периода трех российских революций и в годы гражданской войны, член авторского коллектива многотомных изданий «История КПСС», «История гражданской войны в СССР», автор монографий «Партия, армия и революция», «Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов», а также статей по указанной проблематике.

Г л я з е р Лев Самсонович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики АН СССР. Работает в области экономических проблем организации научных исследований. Основные труды: монография «Некоторые вопросы методологии планирования общественных фондов потребления», доклад на XIII Международном конгрессе по истории науки «Современный период истории производства научных знаний» и др.

И л л е р и ц к а я Екатерина Владимировна — старший научный сотрудник, ученый секретарь Научного совета по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» АН СССР. Специализируется по аграрному вопросу в России, автор статей по этой проблеме.

А л ф е р о в а Гали Владимировна — кандидат архитектуры, старший научный сотрудник Центрального научно-исследовательского института теории и истории архитектуры, архитектор-археолог. Автор книг «Каргополь и Каргополье», «Памятник русского зодчества в Кадашах» и др.

Н ю р к а е в а Анна Захаровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Пермского университета. Автор статей по истории сербского рабочего движения эпохи предвоенного империализма.

С и в а ч е в Николай Васильевич — доктор исторических наук, профессор Московского университета, председатель научно-координационного совета по проблемам США в МГУ, лауреат Государственной премии СССР. Автор ряда книг и статей по истории США.

Н е м и р о в с к и й Александр Иосифович — доктор исторических наук, профессор Воронежского университета, специалист по истории Древнего Рима и историографии, автор монографий и многочисленных статей по этой тематике.

А в т о к р а т о в а Мария Игоревна — директор Центрального государственного архива древних актов. Автор статей по вопросам архивоведения.

Н и т о б у р г Эдуард Львович — доктор исторических наук, заместитель заведующего сектором Института этнографии АН СССР. Специализируется по истории и этнографии Америки. Автор монографий «Политика американского империализма на Кубе, 1918—1939», «Похищение жемчужины. Полтора века экспансионистской политики США на Кубе», «Черные гетто Америки», глав в коллективных работах и статей.

ЛЕВ ВЛАДИМИРОВИЧ ЧЕРЕПНИН

Советская историческая наука понесла тяжелую утрату — 12 июня на 73-м году жизни скончался выдающийся советский историк, академик Лев Владимирович Черепнин.

Л. В. Черепнин родился 12 апреля (30 марта) 1905 г. в Рязани. Окончив в 1921 г. школу, он проучился один год в Рязанском пединституте, а в 1922—1925 гг. продолжил образование на факультете общественных наук Московского университета. Осенью 1925 г. он сдал экзамены за университетский курс и исследовательский реферат при Институте истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук и был зачислен с 1 января 1926 г. в аспирантуру. В 1942—1946 гг. он был докторантом Института истории АН СССР, с 1946 г. (после защиты докторской диссертации) — его старшим научным сотрудником. С 1951 г. Лев Владимирович возглавил в Институте сектор истории СССР периода феодализма, а с 1969 г. одновременно руководил отделом истории докапиталистических формаций на территории СССР.

Большую научно-организационную работу Л. В. Черепнин вел в Отделении истории АН СССР, особенно после избрания его в 1972 г. действительным членом АН СССР. Он был одним из руководителей трех Научных советов, возглавлял серийное издание памятников исторической науки, принимал активное участие в деятельности Археографической комиссии. Значительный вклад внес Лев Владимирович в координацию научных изысканий, преподавательской деятельности, издательского и архивного дела. Он был деятельным участником научных и научно-методических советов Министерства просвещения СССР, Главного архивного управления при Совете Министров СССР, ряда архивов, библиотек и отраслевых исследовательских институтов, редактором-консультантом Советской исторической энциклопедии и 3-го издания Большой Советской Энциклопедии. В течение многих лет Л. В. Черепнин вел значительную работу как член редколлегии журналов «Вопросы истории», «История СССР», а также «Исторические записки».

С 1942 г. развернулась преподавательская деятельность Л. В. Черепнина в вузах Москвы. В 1942—1949 гг. он был доцентом, а затем профессором в Московском историко-архивном институте, в 1944—1970 гг. преподавал на историческом факультете МГУ, в 1946—1952 гг. — в Московском институте международных отношений, в 1946—1959 гг., а затем с 1970 г. — в Академии общественных наук при ЦК КПСС, а также в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. Обладая большим педагогическим даром, Лев Владимирович воспитал целую плеяду учеников, занимающих ныне ведущее место в советской историографии.

Лев Владимирович был одним из организаторов международного сотрудничества советских ученых. При его участии был осуществлен ряд научных изданий историков стран социализма. Он был членом Международной ассоциации по славянским исследованиям (с 1965 г.), Международной комиссии по истории представительных и парламентских учреждений (с 1958 г., а с 1970 г. вице-президентом этой комиссии). Большой вклад внес Лев Владимирович в деятельность Национального комитета историков Советского Союза, являясь в течение ряда лет членом его бюро. Л. В. Черепнин входил в состав делегаций советских историков на международных конгрессах исторических наук, на многих международных конференциях и симпозиумах, с честью представляя там советскую историческую науку.

Л. В. Черепнин принадлежал к старшему поколению советских историков. Исключительна тематическая и хронологическая широта его научных интересов. Список его печатных трудов включает около 350 наименований. Работам Льва Владимировича присущи прежде всего комплексность, хронологическая и логическая полнота в охвате всех сторон русского исторического процесса эпохи феодализма. В сфере его главных исследовательских интересов лежали основные явления социально-экономической, политической и культурной истории Киевской Руси и России XVII—XVIII столетий, важнейшие теоретические аспекты ленинской концепции русского исторического процесса и многие конкретные явления исторической действительности того времени. В его трудах детально разработаны вопросы развития классовой борьбы народных масс России в XI—XVIII вв., истории общественной мысли, экономики, социально-политической эволюции русского средневекового общества и государства. В своей совокупности работы Л. В. Черепнина дают цельное представление об основных этапах развития феодальной формации в нашей стране. Центральное место среди его исследований по данной тематике занимает цикл работ о становлении и развитии Русского централизованного государства в форме сословно-представительной монархии (монографии «Русские феодаль-

ные архивы XIV—XV вв.». М. 1948—1951; «Образование Русского централизованного государства в XIV—XVI вв.». М. 1960; «Пути развития феодализма. Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика». М. 1972 (в соавторстве); находящаяся в печати книга о земских соборах XVI—XVII вв. и цикл статей).

Л. В. Черепнинным детально изучены взгляды основоположников марксизма-ленинизма на теоретическое и конкретное источниковедение. От его двухтомного труда «Русские феодальные архивы XIV—XV вв.» берет начало советская дипломатика, а в значительной мере и источниковедение русских законодательных памятников. В монографии «Новгородские берестяные грамоты как исторический источник» (М. 1969) Лев Владимирович впервые произвел сопоставление всего наличного фонда грамот на бересте с письменными памятниками XI—XV веков. Его книги по отечественной палеографии во многом определили пути развития этой дисциплины, а лекционные курсы по хронологии и метрологии стали основой для последующих трудов в этой сфере.

Характернейшей чертой научной деятельности Л. В. Черепнина было сочетание исследовательской и археографической работы. Первые осуществленные им публикации источников увидели свет еще в годы учебы его в аспирантуре. Самим Львом Владимировичем или под его руководством выполнены многие серийные издания памятников прошлого. Большой вклад внес он в разработку истории исторической науки. Этой тематике посвящены две его монографии, а также статьи о виднейших историках, как до-революционных, так и советских. Под его редакцией осуществлено издание работ ряда крупнейших отечественных исследователей феодального прошлого России.

С 30-х годов Л. В. Черепнин активно включился в разработку истории народов нашей страны. За участие в создании двухтомной «Истории Молдавской ССР» ему присуждена в 1972 г. Государственная премия этой республики. Лев Владимирович был одним из организаторов и авторов таких обобщающих трудов, как «Очерки истории СССР. Период феодализма», «Всемирная история», «История СССР с древнейших времен до наших дней». Под его руководством подготовлены к выпуску в свет «История Румынии» (т. 1), трехтомная «История крестьян средневековой Европы», начата работа над вторым томом «Истории крестьянства СССР» (дооктябрьская серия).

Советское правительство высоко оценило научную, организационную, педагогическую и общественную деятельность Л. В. Черепнина, отметив его труд орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

Ученый-коммунист, до конца верный делу партии, отдавший все свои силы служению науке, Лев Владимирович оставил неизгладимый след в душе каждого, кому довелось встретиться с ним, как человек огромной эрудиции и высокого морального авторитета. Он был верен, несмотря на все жизненные испытания, своему призванию историка. Его жизненный и творческий путь — благородный пример патриотического служения своему народу, преданности идеалам коммунизма.

SUMMARIES OF ARTICLES

P. A. GOLUB. The Military Preparation of the Great October Revolution (Lenin's Military Programme and Its Practical Realization)

Highlighting the role of Lenin's military programme in the struggle for the victory of the socialist revolution in Russia, the article briefly examines the component parts of the programme and, accordingly, analyzes the main directions of the Bolshevik Party's military activity. The author shows the ways and methods of building up the armed forces of the socialist revolution, indicates their role in the conditions of peaceful and non-peaceful development of the class struggle, and describes Lenin's art of correctly deploying them in the course of the armed uprising organized in October 1917. Much attention is given in the article to the problem of alienating the army from the ruling classes and winning over the most conscious and progressive-minded segment of the soldiers and sailors to the side of the socialist revolution.

L. S. GLIAZER. At the Sources of Comprehensive Planning (the Experience of Applying the Hydraulic Method of Peat Extraction)

The article examines the practical experience gained in the early 1920's in applying the hydraulic method of peat extraction invented by Russian engineers R. E. Klasson and V. D. Kirpichnikov. A careful analysis of this experience enables one to understand more clearly how the problems of scientific and technical progress were tackled in the early years of Soviet power. The author shows that the hydraulic peat extraction programme was practically realized by methods essentially constituting the rudiments of comprehensive planning which became very widespread in the U.S.S.R. in the stage of developed socialism. The article cites a number of facts illustrating the conspicuous part played by V. I. Lenin in devising and applying new methods of planning scientific and technological progress in the conditions of socialist society.

E. V. ILLERITSKAYA. The Bankruptcy of the Bourgeois and Petty-Bourgeois Parties' Agrarian Programmes and Policy in Russia as Reflected in Soviet Historiography

The article analyzes a number of works by Soviet historians highlighting the bankruptcy of the bourgeois and petty-bourgeois parties' agrarian programmes and policy in Russia. The author's attention is focussed on the appraisal given by Soviet historians to the period from February to October 1917, when these parties were in power and when the bourgeois essence of the Constitutional Democrats' agrarian programme and the open betrayal of the peasants' interests by the Menshevik and Socialist-Revolutionary parties became obvious to all. As was graphically demonstrated by the experience of the revolution, only the Bolsheviks' agrarian programme formulated by V. I. Lenin and expressing the vital interests of the mass of the toiling peasantry proved to be a genuinely scientific one.

G. V. ALFEROVA. The Organization of Town-Building in the Russian State in the 16th-17th Centuries

The article graphically shows that the building of new towns and urban communities in the Russian state proceeded very intensively in the 16-17th centuries. Their planning was based on definite town-building standards. The article analyzes a number of docu-

ments reflecting these standards. Taking Sviyazhsk, Elets, Tsarev-Borisov, Novy Narim and several other towns as an example, the author traces the methods of their construction and the policy of the state in planning, financing and supervising the construction of newly-founded towns.

A. Z. NURKAYEVA. The May 1903 Coup in Serbia (Its Causes and Consequences)

The article traces the impact made by the class struggle of the Serbian proletariat on the policy and tactics of the Serbian bourgeoisie which was forced to yield to the pressure of the masses and carry out a coup d'état in 1903. At the turn of the 20th century the reactionary system of power in Serbia became an obstacle to the further development of capitalism. Nevertheless the Serbian bourgeoisie was not in a position to wage a radical and consistent struggle against the system of absolute monarchy owing to its own weakness, but chiefly because of its shackling dependence on foreign capital. The decisive positions in the fight for democracy belonged to the working class. Its revolutionary struggle, of which the powerful March 1903 demonstration became the culminating point, compelled the bourgeoisie to carry out a coup from above. The article also analyzes the consequences of this coup in the sphere of foreign policy.

N. V. SIVACHEV. State-Monopoly Capitalism in the U.S.A. (Genesis and Development of Contemporary Economic, Social and Political Doctrines)

The article analyzes the process of state-monopoly development of the U.S.A. in our days. The author examines the development of state-monopoly capitalism, at first characterizing it as a tendency and then—from 1929 to 1945—as a determining feature of contemporary American capitalism, defines neo-liberalism and neo-conservatism as the principal ideologico-political doctrines of state-monopoly capitalism in the U.S.A. and shows their connection with traditional bourgeois individualism. The article makes a point of stressing that the state-monopoly methods of solving socio-economic problems, which, objectively and subjectively, are aimed at creating a long-term alternative to socialism, are unable to overcome the general crisis of capitalism.

A. I. NEMIROVSKY. Titus Livius' Socio-Political and Philosophico-Religious Views

The work of Titus Livius embodies the most salient features of the ideology prevailing during the reign of Emperor Augustus. He adopted the form of arranging the material in chronological order by the year and, like annalists, began his narration from the appearance of the town. His narrative is filled with information about diverse mysterious signs and miracles borrowed from the writings of high priests, and he makes it appear as if he believes in them. This was a piece of deliberate camouflage corresponding in full measure to the political hypocrisy of the Augustus regime with its pretentious orientation on the ancestors' valour. The fundamental premises from which Titus Livius proceeded determined his departure from the finest specimens of Grecian historiographical practice and became a source of modernizing the past. Titus Livius realized the demands made on an historical work as a genre of oratory, which were formulated by Cicero, and preserved the annalistic tradition that has not come down to us.

CONTENTS

of the journal "Problems of History" No. 7, 1977

Articles: **P. A. Golub**. The Military Preparation of the Great October Revolution; **L. S. Gliazer**. At the Sources of Comprehensive Planning; **E. V. Illeritskaya**. The Bankruptcy of the Bourgeois and Petty-Bourgeois Parties' Agrarian Programmes and Policy in Russia as Reflected in Soviet Historiography; **G. V. Alferova**. The Organization of Town-Building in the Russian State in the 16th-17th Centuries; **A. Z. Nurkayeva**. The May 1903 Coup in Serbia (Its Causes and Consequences); **N. V. Sivachev**. State-Monopoly Capitalism in the U.S.A. (Genesis and Development of Contemporary Economic, Social and Political Doctrines); **A. I. Nemirovsky**. Titus Livius' Socio-Political and Philosophico-Religious Views. Historical Essays; **M. I. Avtokratova**. In the Central State Archive of Ancient Acts; **E. L. Nitoburg**. The Movement Led by Marcusa Garvey. Historical Science in the U.S.S.R. and Abroad. Surveys: **M. S. Zinich**. Contemporary Soviet Literature on the Ties Between Science and Production During the Great Patriotic War; **L. S. Anchutina**. Russo-German Relations on the Eve of the First World War as Reflected in West-German Historiography. **Book Reviews**: **N. K. Petrova**. International Production Contacts of the Soviet Working Class. 1959-1970; **A. Y. Groont**. Moscow in 1917: Revolution and Counter-Revolution; **I. V. Dudinsky**. The Socialist Community: Basic Trends of Development; **Y. A. Sholmov**. The U.S.S.R.-Indonesia, 1945-1954; **G. A. Trofimenko**. The U.S.A.: Politics, War, Ideology; "Lavrov. Years of Emigration." Vols. I-II (Boston); **Humberto Delgado**. Memoirs (Lisbon), etc. Facts, Events, People. Articles in Soviet and foreign historical journals. New books in the U.S.S.R. and abroad.

SOMMAIRE

de la revue « Questions d'histoire », n° 7, 1977

Articles: **P. A. Goloub**. Les préparatifs militaires du Grand Octobre; **L. S. Gliazer**. Aux sources de la planification programme-objectif; **E. V. Illeritskaïa**. L'échec des programmes agraires et de la politique des partis bourgeois et petits-bourgeois en Russie vu par l'historiographie soviétique; **G. V. Alferova**. L'organisation de la construction des villes dans l'Etat russe aux XVe-XVIIe siècles; **A. Z. Niourkaïeva**. Le coup d'Etat de 1903 en Serbie (ses causes et conséquences); **N. V. Sivatchev**. Le capitalisme monopoliste d'Etat aux Etats-Unis (la genèse et l'évolution des doctrines politico-idéologiques et socio-économiques de l'époque contemporaine); **A. I. Némirovski**. Les vues philosophiques, religieuses, politiques et sociales de Titus Livius. Aperçus historiques; **M. I. Avtokratova**. Aux Archives centrales d'Etat des actes anciens; **E. L. Nitobourg**. Le mouvement dirigé par Mareusa Garvey. Science historique en U.R.S.S. et à l'étranger; **Revues**. **M. S. Zinitch**. Les publications soviétiques les plus récentes se penchant sur les liens de la science et de la production au cours de la Grande Guerre nationale; **L. S. Antchoutina**. Les relations russo-germaniques à la veille de la Première Guerre mondiale vues par l'historiographie de la R. F. A. **Comptes rendus des livres**: **N. K. Petrova**. Les relations internationales de production de la classe ouvrière de l'U.R.S.S. 1959-1970; **A. Y. Grount**. Moscou 1917. Révolution et contre-révolution; **I. V. Doudinski**. La communauté socialiste: tendances essentielles du développement; **Y. A. Cholmov**. Union Soviétique—Indonésie. 1945-1954; **G. A. Trofimenko**. Etats-Unis: politique, guerre, idéologie; « Lavrov—années de l'émigration », tt. I—II (Boston); **Humberto Delgado**. Mémoires (Lisboa) et autres. Faits, événements, hommes. Articles dans les revues historiques soviétiques et étrangères. Livres nouveaux en U.R.S.S. et à l'étranger.

SUMARIO

de la revista «Cuestiones de historia» № 7, 1977.

Artículos: **P. A. Golub.** Preparativos militares para la revolución del Gran Octubre; **L. S. Gliazer.** Manantiales de la planeación programada; **E. V. Illeritskaya.** Historiografía soviética de la bancarrota de los programas agrarios y de la política de los partidos burgueses y pequeñoburgueses en Rusia; **G. V. Alferova.** Organización de la construcción de las ciudades en el estado ruso en los siglos XVI—XVII; **A. Z. Niurkaeva.** Golpe del estado de mayo de 1903 en Serbia, sus causas y consecuencias; **N. V. Sivachev.** Capitalismo monopolista estatal de los EE.UU. (Génesis y evolución de las doctrinas económico-sociales y político-ideológicas modernas); **A. J. Nemirovskiy.** Concepciones político-sociales y filosófico-religiosas de Tito Libio. Ensayos históricos: **M. I. Autocrátova.** En el archivo central del estado de los manuscritos antiguos; **E. L. Nitoburg.** Movimiento encabezado por Marcus Garvey. La ciencia histórica en la URSS y en el extranjero. Revistas: **M. S. Zinich.** Novísimas publicaciones soviéticas en materia de los lazos entre la ciencia y la producción en los años de la Gran Guerra Patria; **L. S. Anchútina.** Historiografía de la RFA de las relaciones germano-rusas en vísperas de la Primera guerra mundial. Reseñas de libros: **N. K. Petrova.** Relaciones de producción internacionales de la clase obrera de la URSS. 1959—1970; **A. Y. Grund.** Moscú. Año 1917. Revolución y contrarrevolución; **I. V. Dudinskiy.** Comunidad socialista: tendencias principales del desarrollo; **Y. A. Sholmov.** Unión Soviética—Indonesia. 1945—1954; **G. A. Trofimenko.** EE.UU.: política, guerra, ideología; «Lavrov—años de emigración». Tomos I—II (Boston); **Umberto Delgado.** Memorias (Lisboa), y otros. Hechos, acontecimientos, personalidades. Artículos en las revistas históricas soviéticas y extranjeras. Nuevos libros en la URSS y en el extranjero.

Редакционная коллегия: В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Р. Т. АХРАМОВИЧ, В. И. БОВЫКИН, Л. С. ГАПОНЕНКО, П. А. ГОЛУБ, И. В. ДУДИНСКИЙ, И. И. ЖИГАЛОВ, М. П. КИМ, Ю. С. КУКУШКИН, Н. В. МАТКОВСКИЙ, А. И. НЕДЕРЕЗОВ, Н. Г. НЕФЕДОВ, Ю. А. ПОЛЯКОВ, Б. А. РЫБАКОВ, А. Н. САХАРОВ, И. В. СОЗИН (заместитель главного редактора), А. И. ТИТОВ (заместитель главного редактора), И. А. ФЕДОСОВ, С. С. ХРОМОВ, А. С. ЧЕРНЯЕВ.

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Адрес редакции: 103781, Москва, ГСП, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 209-96-21.

Сдано в набор 1/VI 1977 г.
А 00256. Подписано к печати 6/VII 1977 г. Формат 70×108^{1/16}.
Усл. печ. л. 19,60. Учетно-изд. л. 22,29. Тираж 25 000 экз. Изд. № 1732. Зан. № 653.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125863, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

НОВЫЕ КНИГИ

Военна подготовка и провеждане на Априлското въстание. 1876. (Редколегия Георги Язаров — ръководител и др.). София. Воен. изд-во. 1976. 441 с.

ГАНДЕВ Х. Проблеми на българското възраждане. Трудове върху обществено-икономическото развитие на България от средата на XVII до 70-те години на XIX век... София. Наука и изкуство. 1976. 855 с.

ГЕОРГИЕВ Н. Пътят ни до Хелзинки. София. Изд-во на БЗНС. 1976. 140 с.

ДИМОВ Н. Профинтернът и балканското профсъюзно движение. София. Профиздат. 1976. 228 с.

СТОЯНОВ З. Записки по българските въстания. София. Бълг. писател. 1976. 939 с.

BERTENYI I. Az országbírói intézmény története a XIV. században. Budapest. Akad. kiadó. 1976. 270. old.

NEMES P. A kínai vezetők külpolitikájáról. Budapest. Kossuth. 1976. 248. old.

Pártépítés. A párt- és a tömegszervezeti munka kérdései. (A szerk. bizottság tagjai: Jakab Sándor é. m.). Budapest. Kossuth. 1976. 544. old.

SERFÖZŐ L. Barátok, fegyvertársak. Budapest. Zrínyi. 1976. 158. old.

SZABÓ A. A KMP újjászervezése és első kongresszusa. — Horváth Zoltánné. A KMP második kongresszusa. — Pintér István. A magyar antifasiszta, Hitler-ellenes nemzeti ellenállás történetéhez. Budapest. Kossuth. 1976. 147. old.

BERNHARD K.-H. Der alte Libanon. Leipzig. Koehler und Amelang. 1976. 239 S.

BÜTTNER T. Geschichte Afrikas. Bd. 1. Afrika von den Anfängen bis zur territorialen Aufteilung Afrikas durch die imperialistischen Kolonialmächte. Berlin. Akademie-Verl. 1976. VII, 359 S.

Russisch—deutsche Beziehungen von der Kiever Rus' bis zur Oktoberrevolution. Studien und Aufsätze. Hrsg. von Heinz Lemke und Bruno Widera. Berlin. Akademie-Verl. 1976. 329 S.

SCHLETTE F. Kelten zwischen Alesia und Pergamon. Eine Kulturgeschichte der Kelten. Leipzig u. a. Urania-Verl. 1976. 183 S.

SOLTA J. Abriss der sorbischen Geschichte. Bautzen. Domowina. 1976. 270 S.

ДАВААСАМБУУ П. БНМАУ-ын соёл гэгээрлийн ажлын туухэн тойм. Улаанбаатар. Улсын хэвлэлийн газар. 1975. 190 с.

НАМСРАЙ Ц. Капитализмыг алгассан орнуудад социалист нийгмийн давхарга уусэж хогжсон нь. (БНМАУ-ын туршлага дээр).

Улаанбаатар. Улсын хэвлэлийн газар. 1975. 376 с.

Ameryka Łacińska. Red. nauk. Leon Onichimowski. Warszawa. Krajowa agencja wydawnicza. 1976. 350 s.

BALICKI J. i BOGUĆKA M. Historia Holandii. Wrocław i i. Zakł. nar. im. Osolińskich wyd-wo. 1976. 465 s.

JASZUNSKI G. Paradosy amerykańskie. Warszawa. KiW. 1976. 367 s.

ŁUKASIEWICZ M. Co nowego w starożytności? Warszawa. Iskry. 1976. 292 s.

MAŁOWIST M. Konkwistadorzy portugalscy. Warszawa. PIW. 1976. 320 s.

STRZELCZYK J. Słowianie i Germanie w Niemczech środkowych we wczesnym średniowieczu. Poznań. Uniw. im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. 1976. 302 s.

ZSRR—Polska: przyjaźń, współpraca, pomoc wzajemna. Materiały Konferencji naukowej poświęconej 30-leciu Układu o przyjaźni, pomocy wzajemnej i współpracy powojennej pomiędzy ZSRR i PRL. Pod red. nauk. H. Chojaja i I. Dudinskiego. Warszawa. KiW. 1976. 506 s.

MACREA M. și GLODARIU I. Așezarea dacică de la Arpașu de Sus. București. Ed. Acad. RSR. 1976. 110 p.

RUSSU I. I. Elementele traco-getice în imperiul Roman și în Bizanțianism (veacurile III—VII). Contribuție la istoria și romanizarea tracilor cu două hărți de Ion I. Russu. București. Ed. Acad. RSR. 1976. 182 p.

VULPE R. Studia thracologica. (Homage au II-e congrès international de thracologie. Bucarest, 4—10 sept. 1976). București. Ed. Acad. RSR. 1976. 336 p.

Der schwedische Krieg und Wallensteins Ende. Quellen zur Geschichte der Kriegereignisse der Jahre 1630—1635. Hrsg. von Miroslav Toegel u. a. Praha. Academia. 1977. 488 S.

FILIP J. Celtic Civilization and its Heritage. 2nd rev. ed. Praha. Academia. 1976. 231 p.

ZABRAHOVA L. Trždně sociální struktura ve výstavbě socialismu. Východiska, kritéria a problémy ČSSR. Praha. Svoboda. 1976. 150 s.

ZVARA J. Robotnícka trieda a národ. Bratislava. Pravda. 1976. 271 s.

HRIBOVŠEK M. Prekinurska brigada. Ljubljana. Partizanska knjiga. 1975. 214 s.

HUMO A. Svetozar Marković, filozof i revolucionar. Beograd. 1975. 233 s.

MARKOVIĆ L. Borba u iseljeništvu za novu Jugoslaviju. Beograd. Komunist. 1975. 174 s.

ZATEZALO D. i MAJETIC T. Profesor Ivo Marinković. Monografija o revolucionaru. Karlovac. Historijski arhiv u Karlovcu. 1975. 295 s.

НОВЫЕ КНИГИ

Classical Influences on European Culture. A. D. 1500—1700. Proceedings of an Intern. Conference held at King's College, Cambridge, Apr. 1974. Ed. by R. R. Bolgar. Cambridge a. o. Cambridge Univ. Press. 1976. XVIII, 383 p.

HOWARD M. War in European History. London. a. o. Oxford Univ. Press. 1976. X, 165 p.

JOHNSON P. A History of Christianity. London. Weidenfeld and Nicolson. 1976. VIII, 556 p.

LUCIE-SMITH E. Joan of Arc. London. Lane. 1976. XIV, 323 p.

La caduta di Constantinopoli. Testi a cura di Agostino Pertusi. Vol. 2. L'eco nel mondo. Milano. Mondadori. 1976. 566 p.

Le grande dinastie. Capetingi, Svevi, Plantageneti e. a. Collab. red. di Ada Jorio e Annibale Zana. Milano. Mondadori. 1976. 343 p.

MACK SMITH D. Storia d'Italia dal 1861 al 1969. Bari. Laterza. 1976. 809 p.

FARIAS P. Breve historia constitucional de España. (Seguido de los textos constitucionales desde la Carta de Bayona a la Ley orgánica). Madrid. El libro de bolsillo Doncel. 1976. 442 p.

RODRIGUEZ ALONSO C. Las historias de los godos, vándalos y suevos de Isidoro de Sevilla. Estudio, ed. crítica y traducción. León Centro de estudios e investigación 'San Isidoro. 1975. 358 p.

PARIZEAU G. La société canadienne-française au XIX-e siècle. Essais sur le milieu. Montréal. Fides. 1976. 550 p.

ALS G. Luxembourg Historic, Geographic and Economic Profile. Luxembourg. Inform. and Press Service. 1976. 98 p.

CUSHNER N. P. Landed Estates in the Colonial Philippines. New Haven (Conn.). Yale Univ. Southeast Asia Studies. 1976. VI, 145 p.

MALONEY G. A. A History of Orthodox Theology since 1453. Belmont (Mass.). Nordland. 1976. 388 p.

WAGENKNECHT E. A Pictorial History of New England. Pict. ed.: Anita Duncan. New York. Crown. 1976. X, 342 p.

War. Literature, and Politics in the Late Middle Ages. Ed. by C. T. Allmand. New York. Barnes and Noble Books. 1976. XII, 202 p.

BOROWSKY P. u. a. Einführung in die Geschichtswissenschaft I: Grundprobleme, Arbeitsorganisation, Hilfsmittel. 2. durchges. Aufl. Opladen. Westdeutscher Verl. 1976. 212 S.

BOSL K. und WEIS E. Die Gesellschaft in Deutschland. I. Von der fränkischen Zeit bis 1849. München. Lurz. 1976. 304 S.

KÄHKÖLÄ P. Toinen tasavalta. Helsinki. Otava. 1976. 216 s.

CHERRIER M. et PIGENET M. Combattants de la liberté. La Résistance dans le Cher. Paris. Ed. sociales. 1976. 238 p.

GOUBERT P. Clio parmi les hommes. Recueil d'articles. La Haye—Paris. Mouton. 1976. 310 p.

FREDRIKSSON B. Försvarets finansiering. Svensk krigsekonomi under skanska kriget 1675—79. Uppsala. Acta Univ. upsaliensis. 1976. 159 s.

WINGE S. Die Wirtschaftliche Aufbau-Vereinigung (WAV) 1945—53. Entwicklung und Politik einer «undoktrinären» politischen Partei in der Bundesrepublik in der ersten Nachkriegszeit. Uppsala. Acta Univ. upsaliensis. 1976. 251 p.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вопросы истории» принимает статьи объемом не более 1,5 авторского листа (36 стр. машинописи, через два интервала); воспоминания, исторические очерки и публикации — по предварительному соглашению, обзоры — до 16 стр., рецензии, письма и заметки — 6—8 стр., заметки о статьях, опубликованных в зарубежных журналах — 3 стр. Все материалы представляются в редакцию в 2-х экземплярах. В случае отклонения рукописи автору возвращается один экземпляр, другой остается в архиве редакции.

ИЗДАНИЯ К 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА ОСУЩЕСТВЛЯЮТ ВЫПУСК ВАЖНЕЙШИХ ИЗДАНИЙ К ЮБИЛЕЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

СРЕДИ НОВИНОК:

Партия и Великий Октябрь. (Историографический очерк). Политиздат, 1976. 296 с. Цена 1 р. 32 к.

Во многих трудах советских историков всесторонне исследована роль нашей партии в подготовке и проведении Октябрьской революции. В настоящей книге показано, как шло накопление документального материала по этой теме, как углублялась и расширялась ее проблематика, над какими вопросами работают ученые в настоящее время.

Рассказы о партии. В 3-х т. Изд. 2-е, доп. Политиздат, 1977.

Т. 1. 432 с. Цена 2 р. 38 к.

Т. 2. 511 с. Цена 2 р. 80 к.

Т. 3. 415 с. Цена 2 р. 41 к.

Издание содержит художественно-документальные произведения, отображающие героическую борьбу ленинской партии за высокие идеалы социализма и коммунизма. В основу рассказов положены острые, подчас полные драматизма события. Авторы — известные советские писатели и публицисты.

Революция, изменившая мир. Слово прогрессивных людей мира о Великой Октябрьской социалистической революции. Политиздат, 1977. 333 с. с илл. Цена 86 коп.

Материалы книги отражают отношение к Великому Октябрю прогрессивных писателей, журналистов, ученых, государственных деятелей, деятелей международного рабочего и коммунистического движения.

Совокин А. М. На путях к Октябрю. Проблемы мирной и вооруженной борьбы за власть Советов. «Мысль», 1977. 328 с. Цена 1 р. 52 к.

В монографии анализируются теоретические основы ленинского курса на социалистическую революцию, показана историческая обусловленность вооруженного восстания и его общеполитическая подготовка, освещаются формы и методы борьбы за власть Советов.

Социализм и демократия. «Юридическая литература», 1976. 432 с. Цена 1 р. 96 к.

В книге на большом фактическом материале исследованы закономерности и пути развития социалистической демократии, дан критический анализ буржуазных, реформистских и ревизионистских концепций. Авторы — ученые-юристы ряда социалистических стран.

Издания предназначены научным работникам, преподавателям, пропагандистам, лекторам, слушателям системы партийной учебы, а также широкому кругу читателей.

Приобрести эти книги можно в магазинах, распространяющих общественно-политическую литературу.

Союзкнига.